

Коллектив авторов
Преподобный Сергей Радонежский.
Полное жизнеописание

*Текст предоставлен издательством <http://www.litres.ru>
Преподобный Сергей Радонежский. Полное жизнеописание: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47081-5*

Аннотация

В книгу вошли не переиздававшийся более 100 лет труд Е.Голубинского «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра», работа В.Ключевского «Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства», а также, в дополнение к двум классическим сочинениям, очерк Е.Владимировой «Обретение мощей Сергия Радонежского».

Содержание

От автора	6
Преподобный Сергей Радонежский	9
Жизнеописание преподобного Сергия	10
Значение преподобного Сергия для русского народа и государства	70
О значении преподобного Сергия Радонежского в истории нашего монашества	83
Обретение мощей Сергия Радонежского	94
Акафист преподобному Сергию Радонежскому	97
Кондак 1	97
Икос 1	97
Кондак 2	97
Икос 2	97
Кондак 3	98
Икос 3	98
Кондак 4	98
Икос 4	99
Кондак 5	99
Икос 5	100
Кондак 6	101
Икос 6	101
Кондак 7	101
Икос 7	101
Кондак 8	103
Икос 8	103
Кондак 9	103
Икос 9	103
Кондак 10	104
Икос 10	104
Кондак 11	104
Икос 11	105
Кондак 12	105
Икос 12	105
Кондак 13	106
Древний тропарь Преподобному Сергию	106
Древний кондак Преподобному Сергию	106
Молитвы преподобному Сергию Радонежскому	107
Молитва 1	107
Молитва 2	107
Молитва 3	108
Тропарь 1, глас 4	109
Тропарь 2, глас 8	110
Тропарь на Обретение мощей, глас 4	111
Кондак, глас 8	111
Кондак на Преставление, глас 8	111
Кондак на Обретение мощей, глас 8	111

Величание	111
Путеводитель по лавре	112
Общие сведения о монастыре	113
История зданий	117
История происшествий и деяний	119
Список настоятелей монастыря:	135
Стены монастыря	145
Стена монастырская с башнями	145
Ворота в стене	156
Церкви, палатки при церквях и колокольня	161
Троицкий собор	161
Иконостас Троицкого собора	169
Никоновская церковь	176
Духовская церковь	179
Филаретовская церковь	181
Успенский собор	181
Смоленская церковь	188
Трапезная церковь преподобного Сергия	190
Михеевская церковь	191
Больничная [бывшая] церковь Преподобных Зосимы и Савватия Соловецких	192
Церковь Св. Иоанна Лествичника	193
Церковь мучениц Варвары, Анастасии и Акилины	193
Надворотная церковь Иоанна Предтечи	193
Домовая церковь Казанской Божией Матери	196
Домовая церковь Покрова Божией Матери	196
Церковь всех святых	196
Серапионовская палатка, или Палатка Трех мощей	196
Максимовская палатка	198
Колокольня	199
Кельи и прочие здания	203
Ризница	217
Библиотека и архив	226
Больница монашеско-странноприимная и кладбища	229
Иконописная и свечная мастерская	232
Московская духовная академия и бывшая прежде нее в лавре духовная семинария	235
Окружность монастыря и нынешний посад	239
Восточная сторона монастыря	239
Южная сторона монастыря	240
Западная сторона монастыря	244
Северная сторона монастыря	245
Примечательные окрестности монастыря	249
Радонеж (городок)	249
Хотьков монастырь	251
Крестовская часовня или место у креста	253
Вифанский монастырь	254
Гефсиманский скит с пустыней Параклита	257
История лавры. Осада поляками	262

Царские богомольные походы к Троице	294
Список замечательных лиц духовного чина, погребенных в Троице-Сергиевой лавре	308
Свято-Троице-Сергиева лавра в наше время	310
Адрес лавры, как добраться, режим работы	312
Контакты и реквизиты	313
Вкладка	314

Преподобный Сергей Радонежский. Полное жизнеописание

От автора

Покойный высокопреосвященный Леонтий, митрополит Московский, приготавливаясь праздновать пятисотлетие кончины Преподобного Сергия (которое исполнилось 25 Сентября 1892 г.), изъявил желание, чтобы от Академии была написана на этот случай о Преподобном Сергии и о лавре особая книга. Написать желаемую книгу, само собою разумеется, имело быть поручено мне, как профессору Академии Русской церковной истории. После А. В. Горского и С. К. Смирнова, из которых первый составил Историческое описание лавры¹, а второй – Церковно-исторический месяцеслов ее, я со своей стороны нерасполагал писать что-либо о лавре, так что желание митрополита застало меня врасплох. Ссылаясь на то, что существует и описание лавры, и жизнеописание преп. Сергия, я мог бы уклониться от неожиданной работы. Но покойный владыка при своем первом посещении лавры и Академии произвел на всех академических такое хорошее впечатление, что мне самому не хотелось огорчать его отказом в исполнении его желания, а товарищам моим не хотелось, чтобы я это сделал. Задачей своей при написании книги, очевидно, я должен был поставить то, чтобы дать в ней восполнительный труд к предшествующим трудам о лавре и о преп. Сергии: так я и старался писать ее. Слишком недостаточное время, которое при этом находилось в моем распоряжении (ибо и сам высокопреосвященный Леонтий назначен был в митрополиты Московские только 17 ноября 1891 г.), лишило меня возможности, несмотря на мое усердное старание, исследовать все частности с полной тщательностью. Настоящее второе ее издание, для которого я располагал уже вольным временем, печатается после тщательного пересмотра и исправления первого издания.

¹ «Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры». Первое издание: Москва, 1842.

Образ Преподобного Сергия в Троице-Сергиевой лавре

Постигшее меня несчастье – потеря зрения – лишило меня возможности наблюдать самому за печатанием книги, каковой труд с готовностью принял на себя мой истинный добрый гений по изданию сочинений моих Сергей Алексеевич Белокуров (мой ученик по Академии, студент ее 1882–1886 гг., в настоящее время старший делопроизводитель в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел). С. А. Белокуровым разнесены также в книгу на свои места мои дополнительные заметки, сделанные после 1896 г. в особых тетрадках, и кроме того прибавлены сведения по истории монастыря за новейшее

время, заимствованные главным образом из «Исторического описания Свято-Троицкия Сергиевы Лавры», изданного ею в 1902 г. Все дополнения С. А. Белокурова заключены в прямые [] скобки.

Е. Голубинский
Академик Императорской Академии наук,
заслуженный ординарный профессор
Московской Духовной Академии
Апрель 1909 г.

Преподобный Сергей Радонежский

Дни памяти по юлианскому календарю:

5 июля (обретение мощей)

25 сентября (преставление)

²

² Печатается по книге *Е. Голубинского* «Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра». М., 1909 г., в современной редакции.

Жизнеописание преподобного Сергия

Во главе многочисленного сонма русских подвижников стоят три великих подвижника: преподобные Антоний и Феодосий Печерские и Преподобный Сергей Радонежский. На всем обширном пространстве Русской земли нет человека, который не знал бы об Антонии и Феодосии Печерских и который не знал бы о Сергии Радонежском. Святые Антоний и Феодосий воссияли при начале нашего христианства в Киевских пределах нашего отечества. Святой Сергей, через три века после Антония и Феодосия, воссиял в Московских пределах нашего отечества.

Настоящий очерк жизни Преподобного Сергия составлен на основании его древнего жития, принадлежащего его личному ученику и монаху его монастыря Епифанию, и составлен таким образом, чтобы читателю давалось в нем повествование о преподобном, с одной стороны – краткое, а с другой стороны – полное, без опущений воспроизводящее все частности его жизни как естественного, так и сверхъестественного характера.

Преподобный Сергей, в миру носивший имя Варфоломей, принадлежал к сословию дворянскому и даже к тому высшему классу в сословии, которое называют аристократией: его отец, по имени Кирилл, был служилый человек ростовских удельных князей и между служилыми людьми, представляя собой одного из немногих заслуженнейших, входил в небольшой изборо их, составлявший правительственные думы или советы князей и носивший название боярства. Имя матери Преподобного Сергия было Мария³. Кроме него у его родителей было еще двое детей: старший сын Стефан и младший – Петр.

³ Род преп. Сергия в восходящей линии остается совершенно неизвестным. Что касается его ближайшего рода в нисходящей линии, то в лаврской кормовой книге конца XVI в. записаны после его родителей Кирилла и Марии братья его Стефан и Петр и дети Стефана Климент и Феодор (в миру Иван, скончавшийся архиепископом Ростовским). В одном из синодиков ростовского Богоявленского монастыря после Кирилла и Марии, Стефана и Петра, Климента и архиепископа Феодора еще поминаются неизвестные: Варвара и Симон. О матери Преподобного Сергия говорится, что во время литургии она стояла «се прочими женами в притворе». Это значит, что у нас в древнее и старое время, вслед за греками и одинаково с болгарями и сербами, женщины стояли в церквах за богослужением отдельно от мужчин и именно – сзади их, в задних отделениях церквей.

Милосердие родителей Преподобного Сергея и их молитва

Как сообщает жизнеописатель, еще прежде рождения преподобного было чудесным образом возвещено о нем, что станет он великим угодником Божиим и служителем Святой Троицы. Мать его, будучи беременна им, пришла по обычаю в одно воскресенье в церковь на литургию. Во время литургии, к крайнему изумлению всех присутствовавших в церкви, находившийся в ее чреве младенец три раза начинал кричать громким голосом («верещать», как выражается жизнеописатель), именно – перед чтением Евангелия, перед пением херувимской песни и при возглашении священником: «Святая Святым».

Родился Преподобный Сергей не в самом Ростове, а в имении или усадьбе отца, находившейся где-то не особенно близко от Ростова. Год его рождения достоверным образом неизвестен; но по вероятнейшим предположениям он есть 1314. При крещении, как уже мы сказали, ему наречено было имя Варфоломея (имя апостола Варфоломея, одного из двенадцати).

По сказанию жизнеописателя, младенчество и детство Варфоломея также ознаменованы были чудесными проявлениями на нем благодати Божией. В продолжение сорока дней от рождения до крещения младенец заставил свою мать соблюдать пост, ибо не хотел прикасаться к сосцам ее, если она в скоромные дни принимала мясную пищу. Спустя немного времени после крещения, сам младенец явился великим постником: по средам и пятницам

он не прикасался к сосцам матери и не хотел вкушать молока коровьего, но по целым дням оставался без пищи. При этом не хотел младенец питаться и молоком других женщин, кроме самой матери, так что мать напрасно брала было для него кормилиц более богатых молоком, чем она сама. В объяснение последней необычайности в поведении младенца жизнеописатель говорит: «Се знамение бысть, яко дабы добра корене добрая леторасль нескверным млеком воспитан был».

Крещение Варфоломея

Достигнув семилетнего возраста, Варфоломей отдан был родителями в обучение грамоте (одному из учителей, содержавшему, как это было тогда обычно, училище у себя на дому). Вместе с Варфоломеем учились грамоте и его братья Стефан и Петр. Но тогда как оба брата учились грамоте хорошо и успевали в учении быстро, Варфоломей оказался очень малоспособным к учению, так что браним был родителями, подвергался наказанию от учителя и осмеянию своих товарищей. Было это, говорит жизнеописатель, по смотрению Божию, дабы дитя получило книжный разум не от людей, а от Бога. Варфоломей часто со слезами молился Богу, чтобы Он подал ему разумение грамоты, и молитва его была услышана. Однажды он послан был отцом в поле искать лошадей (нравы древнего времени, как видно, были гораздо проще, чем наши, так что не считалось предосудительным и для боярских детей делать иное из того, что по нашим понятиям исключительно входит в круг деятельности прислуги и работников; впрочем, искание лошадей в поле представляло и развлечение, своего рода прогулку). В поле Варфоломей увидел незнакомого старца, святолепного и ангеловидного, который стоял под дубом и творил прилежную молитву. Он приблизился к старцу и стал ждать окончания им молитвы. Кончив молитву, старец благословил и обло-

бызал его и спросил его, чего он ищет и чего хочет. Варфоломей отвечал, что более всего и пламенно он желал бы получить разум к учению грамоты, и просил старца помолиться о нем Богу. Старец, воздев руки, сотворил прилежную молитву и по окончании молитвы вынул из кармана сосуд и подал тремя перстами частицу от просфоры, повелев вкусить ее и обещая, что вместе с этим дается от Бога разум к учению. После сего старец хотел было отправиться в свой путь, но Варфоломей усердно просил его посетить дом своих родителей, на что он и изъявил согласие. В доме Кирилла, прежде чем сесть за предложенную последним трапезу, старец, взяв с собой Варфоломея, пошел в домовую часовню, чтобы отпеть Часы. Во время пения он заставил Варфоломея говорить псалом, и когда мальчик сказал: «Я не умею, отче», отвечал ему: «От сего дня Господь дарует тебе умение грамоты», после чего дитя начало хорошо и стройно стихословить псалтирь, став с того часа весьма гораздым грамоте. Вкусив трапезы, предложенной родителями Варфоломея, и уверив их, что Господь даровал им в нем благословенное детище, которое ради добродетельного жития будет великим перед Богом и перед людьми человеком, старец вышел от них. Родители Варфоломея пошли провожать его, но он внезапно стал невидим, из чего они и познали, что то был ангел Божий.

Жития святых представляют нам немалочисленные примеры того, как сердца избранных Богом людей воспламеняются благодатной ревностью о спасении с дней самой ранней юности, с тем, чтобы не потухая гореть до глубокой старости. Варфоломей, будущий Преподобный Сергей, принадлежал к числу этих избранных Божиих. Менее чем с двенадцатилетнего возраста он начал стараться жить той жизнью подвижника, которой уже не покидал до самой своей смерти. Не будучи возбраняем благочестивыми родителями, он начал держать строгий пост, так что по средам и пятницам совсем не вкушал пищи (как делали тогда особенно благочестивые взрослые), а в прочие дни питался хлебом и водой; начал усердно посещать храм Божий для молитвы и дома проводить на молитве целые ночи; начал усердно читать святые книги, учащие пути спасения.

Когда Варфоломею было около 15 лет, родители его вынуждены были переселиться из Ростова в другое место.

Детское горе

Зимой 1327–1328 г. получил в Орде великое княжение русское удельный Московский князь Иван Данилович Калита. Новый великий князь, человек с весьма большими государственными способностями, успел до такой степени снискать расположение хана, что тот, спустя год по даровании ему великокняжеского престола, отдал в нарочитое подчинение

соседнее с Москвой княжество Ростовское. Великим князем послан был в Ростов в качестве его наместника один из московских бояр (Василий Кочева). По уполномочению ли Ивана Даниловича или сам по себе, наместник его повел дело так, что скоро весь Ростов наполнился слезами и плачем. В Ростове, конечно, были недовольные подчинением его Москве; это недовольство было представляемо наместником как измена ростовцев великому князю, и он начал выводить из Ростова измену. Справедливо и несправедливо люди были обвиняемы в недоброжелательстве Москве, и затем следовали телесные пытки и истязания и конфискация или совсем грабительское отнятие имения; дело дошло до того, что даже наместник в городе ростовских князей (боярин по имени Аверкий) был подвергнут жестокому и вместе позорному телесному истязанию. Спасаясь от страшного террора, наставшего в Ростове, многие из жителей его решились бежать из города, чтобы искать себе пристанища в других местах. В числе других, решившихся бежать из Ростова, был и отец Варфоломея Кирилл. Кроме тяжкого насилия Московского его заставило выселиться из Ростова еще и то, что под старость он испытал жестокою превратностью судьбы: из человека богатого и знатного, благодаря несчастным обстоятельствам времени, сделался бедняком. Местом для своего нового жительства отец Варфоломея избрал соответствовавший его собственному более чем скромному положению малый городок Радонеж, находившийся в области Московской. Городок отдан был великим князем в удел его младшему сыну Андрею, а для привлечения в него новых жителей даны были переселенцам многие льготы и обещана большая ослаба (в подачах и повинностях). В смиренный Радонеж и переселился столь же смиренный Кирилл с некоторыми другими из ростовцев и поселился в нем близ его церкви во имя Рождества Христова.

Достигнув двадцатилетнего возраста, Варфоломей, уже давно решивший посвятить себя Богу в иночестве и уже давно по жизни своей бывший строжайшим иноком, начал просить родителей своих о дозволении постричься в монахи. Родители ничего не имели против его намерения, ибо и сами были усердными читателями монашества, но они просили его подождать с пострижением, пока он не проведет их на тот свет, ибо, – говорили они ему, – братья твои Стефан и Петр оженились и пекутся о себе, а мы в нашей старости и скудости и при нашей хворости имеем попечителя единственно в тебе. Варфоломей повиновался родителям и, посвящая себя попечениям о них, самого себя приготавливал к исключительным монашеским подвигам.

Скоро больные родители Варфоломея переселились из сей жизни в вечную жизнь, причем оба они предварительно приняли монашество в находившемся (как и доселе находящемся) близ Радонежа Хотьковом монастыре, который в то время одновременно был и мужским, и женским.

Прощание Варфоломея с умершими родителями

Похоронив родителей, Варфоломей получил свободу распоряжаться собой. И он, предоставив скудное наследство, оставшееся после родителей, младшему брату Петру, поспешил воспользоваться свободой. Однако для принятия монашества он не пошел в Хотьков монастырь, в котором постриглись его родители и в котором несколько прежде родителей постригся овдовевший старший его брат Стефан, а также не пошел и в какой бы то ни было другой монастырь. Он хотел монашествовать вне монастыря. Это не значило, чтобы он желал избрать для себя вид монашества наиболее легкий и наиболее несовершенный: наоборот, он искал вида монашества наиболее трудного и наиболее совершенного. Строжайшее монашество есть удаление от мира в обоих смыслах – и переносном, или духовном, и буквальном, или собственном: в смысле духовном оно есть отречение от всякой привязанности ко всему мирскому, в смысле собственном оно есть удаление в пустыню от жилищ человеческих. У нас в России люди монашествовали до тех пор по мере своих сил в смысле духовном, но у нас не было до тех пор монашества в смысле собственном, как пустынножития. И вот, богоизбранный юноша Варфоломей, отвращая взор свой от примера современных ему монахов греческих и обращая его к примеру древних египетских учредителей монашества – Антония, Пахомия и Макариев, решил монашествовать в том собственном смысле, чтобы подвизаться в удаленной от жилищ человеческих пустыне.

Приняв решение не идти для монашествования в какой-либо монастырь, а удалиться в пустыню, Варфоломей пошел к своему брату Стефану в Хотьков монастырь и пригласил его быть своим товарищем в пустынножитии. Стефан, увлекшись представлением о прелестях пустынной жизни и не размыслив хорошо обо всей ее трудности, изъявил свое согласие. Братья вышли из Хотькова монастыря, чтобы в окружавшем его лесу искать себе места для пустынного жития и, много ходив по нему, решились, наконец, остановиться там, где стоит теперь лавра и именно – где в лавре стоит Троицкий собор. Среди леса протекала маленькая речка, и древесную чащу на берегу речки, при вытекавшем из-под берега источнике или ключе (вода которого служила для употребления вместо недостаточно годной к употреблению воды самой речки) и избрали братья для своего пустынножития. Место принадлежало самому князю Радонежскому Андрею Ивановичу, у которого братья и испросили, конечно, дозволение на то, чтобы сесть на нем. Называлось место с его окрестностью Маковцем,

Маковской горой, отчего и Преподобному Сергию в древнейших известиях усваивается иногда прозвание Маковского, Маковийского, а о монастыре его иногда говорится, что он находится в Маковце, в Маковской горе.

Сев на месте и первоначально устроившись в сделанном на скорую руку шалаше, братья помолились Богу и начали сечь лес, чтобы поставить себе келию и малую церквичку. Дело было, вероятно, так, что они призвали настоящего плотника и что при руководстве и учительстве его и произвели свои постройки. Когда церквичка была поставлена, братья отправились в Москву к митрополиту Феогносту просить священников для ее освящения, каковая просьба их и была удовлетворена митрополитом. Церквичка освящена была во имя Святой Троицы.

После освящения церквички братья начали пустынножительство. Но Стефан очень недолго мог выносить этот новый род монашества, избранный его младшим братом. Пустыня была настоящая и суровая: кругом на большое расстояние во все стороны – дремучий лес; в лесу – ни единого жилища человеческого и ни единой человеческой стези, так что нельзя было видеть лица и нельзя было слышать голоса человеческого, а можно было видеть и слышать только зверей и птиц. Стефан не мог долго терпеть такого уединения и, оставив Варфоломея в его пустыне одного, ушел от него в Москву, в Богоявленский монастырь.

Оставшись один, Варфоломей прежде всего позаботился о том, чтобы стать настоящим монахом, т. е. чтобы получить монашеское пострижение. В древнее время у нас допускалось и было довольно обычно, чтобы священниками у приходских церквей служили иеромонахи; если эти иеромонахи были вместе и духовниками для окрестного населения (в древнее время право духовничества давалось не всем священникам, а только достойнейшим и способнейшим среди них), то они назывались игуменами, игуменами-старцами; игуменам этим нарочито предоставлялось право постригать в монахи желающих монашествовать (именно желающих монашествовать не в монастырях, где были настоящие игумены для пострижения, а при мирских церквях, в мирских домах и, вообще, в миру, что тогда было допускаемо). Одного из таких игуменов-старцев, по имени Митрофан, и нашел Варфоломей в каком-то из приходов, окружавших его пустыню, и привел его к себе, чтобы старец постриг его в монахи. Митрофан постриг его, нарекиши ему имя в честь святого того дня, в который совершено было пострижение, – мученика Сергия, память которого празднуется церковью 7 октября. В день пострижения Митрофан совершил литургию в церквичке Варфоломея-Сергия и сподобил его причастия Святых Таин. Жизнеописатель говорит, что присутствовавшие в церкви некоторые люди, вероятно, родственники и радонежские знакомые Варфоломея, пришедшие к нему на его пострижение, свидетельствовали, что в минуту его причащения, как нового монаха, церковь и окрестность церкви наполнились благоухания. В продолжение семи дней по пострижении Преподобный Сергей неизменно пребывал в своей церкви на молитве и питался единственно просфорой, которую дал ему игумен после литургии. Митрофан несколько времени пробыл с ним, чтобы преподать ему наставления относительно монашеской жизни, и затем удалился от него, оставив его, как выражается жизнеописатель, «единого в пустыни безмолствовать и единствовать».

Преподобный Сергей принял монашество в возрасте 23 лет; следовательно, если он родился в 1314 г., это было в 1337 г.

Братья Варфоломей и Стефан горячо молятся Богу перед началом устройства новой обители

В последующее время, в XV, XVI и XVII столетиях монашеское подвижничество посредством совершенно уединенного пустынножития не составляло у нас очень большой редкости: но оно началось у нас именно от Преподобного Сергия.

В пустыне, в совершенном уединении, Преподобный Сергий прожил неизвестное точным образом жизнеописателю время: от двух до четырех лет. Два-четыре года сами по себе – очень непродолжительное время; но два-четыре года жизни в пустыне, в совершенном одиночестве, это – совсем другое дело. Должны были устрашать Преподобного Сергия мечты

его собственного воображения, подавлять которое не в человеческой власти; должны были устрашать его разнообразные привидения и явления демонские, которых, по сказанию жизнеописателя, было великое множество, а вместе с этим на совершенном яву – вой и рев вокруг кельи хищных зверей – волков и медведей. А за каждой ночью, полной всяких страхов, следовал день, в продолжение которого нужно было бороться, если не с страхами, то с унынием тягостного и гнетущего душу одиночества. Но мужественно обрекавший себя на все то, чем грозила одинокая жизнь в пустыне, Преподобный Сергей должен был получить и величайшую пользу от этой двухгодичной или четырехгодичной пустынно-уединенной жизни. Не развлекаемый никем и ничем, он должен был проводить время в непрестанном богомыслии, которое представляло надежное ограждение и от всяких страхов, и таким образом твердо укоренить в себе то святое настроение, к которому он горячо стремился.

Время пустынно-уединенной жизни Преподобного Сергея проходило в молитве внешней церковной, состоявшей в отправлении всего круга служб дневных, за исключением литургии, – в молитве внутренней или умной домашней, в непрестанном богомыслии, в чтении слова Божия и в телесном труде. Нет сомнения, что очень невелика была библиотека четиих книг Преподобного Сергея; но если он имел только Псалтирь и Евангелие, если он, читая и перечитывая их, знал их наизусть и столько же твердо напечатлевал их на своем сердце, сколько хорошо знал, то он не имел причин завидовать обладателям и целых больших библиотек четиих книг. Что касается телесного труда, то он должен был вырубать лес около своей церкви и кельи, чтобы образовать около них большую или меньшую полянку, на которой бы мог быть заведен им огород, если не целое пахотное поле.

Преподобный Сергей часто отдавал медведю последний кусок хлеба, сам оставаясь без пищи

Поселившись среди зверей, Преподобный Сергей приобрел их расположение, а с некоторыми из них вступал даже, так сказать, в содружество. Мимо кельи его бегали стаи волков, но ему вреда не причиняли; проходили иногда и медведи и также не беспокоили его. Между медведями нашелся один, который часто начал посещать преподобного: видя, что зверь приходит не со злым умыслом, а в надежде получить подачку, Сергей начал делиться с ним своей скудной трапезой, причем пополам делился с ним и в том случае, когда самому едва хватало. Ежедневные посещения медведя продолжались более года.

Пищу Преподобного Сергия во время его уединенного пустынножития составляли хлеб и вода. Воду он брал из источника или ключа, близ которого стояла его келья; откуда брал он хлеб, жизнеописатель ничего об этом не говорит: по всей вероятности, время от времени приносил или присылал ему хлеб младший брат его Петр, который оставался жить в Радонеже.

Не мог долго оставаться безвестным в своей пустыне Преподобный Сергей. Слава о нем прошла между окрестными монахами, и последние начали посещать его, чтобы видеть необычного у нас пустынного подвижника. Скоро нашлись между монахами и такие, которые возгорелись желанием подвизаться вместе с преподобным в его пустыне и начали обращаться в нему с просьбой, чтобы он дозволил им селиться подле себя. Как мы сказали, Преподобный Сергей удалился в пустыню не с той мыслью, чтобы подвизаться в одиночестве, а с той, чтобы в большем или меньшем товариществе подвизаться вне мира. Поэтому он не только не мог иметь ничего против того, чтобы принимать к себе изъявлявших желание жить вместе с ним, но и должен был весьма этому радоваться. Указывая изъявлявшим желание жить с ним на трудность пустынного жития, преподобный с готовностью и с радостью начал принимать к себе тех, которых не страшила эта трудность. И вот, таким образом и зачался Сергиев монастырь, – последующая и нынешняя знаменитая Троицкая Сергиева лавра.

Все наши тогдашние монастыря представляли из себя монастыри так называемые особножитные. В монастыре был общий над всеми игуменский надзор и была общая для всех церковь, но затем – что касается жилища, одежды и пищи, то каждый монах был совершенно самостоятельным и совершенно сам себе хозяином: каждый имел свою собственную келью, им самим поставленную или приобретенную посредством покупки, каждый сам одевал себя и каждый сам питал себя не только в том смысле, что сам приобретал материал для пищи, но и в том смысле, что сам приготавливал себе пищу. Как было во всех других монастырях, так шла жизнь и в монастыре Сергиевом. Начав принимать изъявлявших желание жить с ним, он предлагал им ставить себе кельи, причем иным из строившихся, вероятно, оказывалась общая братская помощь, и причем сам он, обладая большим или меньшим знанием плотницкого ремесла, нет сомнения, был усердным помощником всех строившихся.

В непродолжительном времени собралось к Сергию всех братий двенадцать человек. Не имея в среде своей священников, братия ежедневно пели в своей церкви полунощницу, заутреню, часы и вечерню с мефимоном или навечерницей, а для служения литургии призывали к себе белого священника или иеромонаха (игумена-старца). Когда поставлены были кельи для всех братий, Преподобный Сергей, превращая составившуюся монашескую слободку в настоящий монастырь, обнес кельи тыном, который, как строение общее, конечно, было делом рук всей братии. Жизнеописатель говорит, что кельи обнесены были тыном «не зело пространнейшим». Но это нужно понимать не так, чтобы первоначальный монастырь был очень тесен, а лишь так, что он был не столько пространен, как позднейший. Тот же жизнеописатель дает знать, что в монастыре были огороды, т. е. как со всей вероятностью должно понимать его, при каждой кельи или у каждого брата был собственный огород, а для этого требовалось не очень малое пространство. Первоначальный монастырь Преподобного Сергия или послужившую родоначальницей лавры его пустыньку должно представлять себе в таком виде: в глухом бору, на берегу речки, полурасчищенная поляна, на которой большой лес вырублен, но кое-где, в виде редкой рощи, стоят еще деревья, и на которой везде лежат колоды от срубленных деревьев и везде торчат пни; на поляне маленькая деревянная церковь и кругом церкви под деревьями и между деревьев тринадцать маленьких деревянных келий; вся поляна или же значительная часть ее обнесена тыном и внутри тына за кельями разделаны огороды.

Пребывающие в братию

В настоящем монастыре надлежало быть игумену над братией. Конечно, никого другого не могла пожелать братия в свои игумены, как самого Преподобного Сергия. Но когда возбужден был вопрос об игумене, ему не было еще и тридцати лет: при своих слишком молодых годах он страшился принять игуменство. На некоторое время он уклонился от игуменства тем, что мог дать братии готового игумена. Помянутый выше игумен – старец Митрофан, постригший Преподобного Сергия в монахи, пришел к нему жить, когда собралась к нему братия; этот Митрофан и стал первым настоятелем Сергиева монастыря, став одновременно и его священником. Но Митрофан, прожив в монастыре около года, скон-

чался. Тогда братия решительно приступила к преподобному с просьбой и требованием, чтобы он принял на себя игуменство, и после более или менее долгого колебания, условленного тем же сознанием своей молодости, он наконец, уступая решительнейшим настояниям братии, принял на себя игуменство вместе с восприятием сана священства. Он поставлен был в игумены в 1344 г., в возрасте 30 лет. Еще более молодых лет был поставлен в игумены преподобный Феодосий Печерский, и очень можно думать, что пример Феодосия, который в последующее время Сергей несомненным образом постоянно имел перед своими глазами, и вдохнул в него решимость принять игуменство, несмотря на молодые годы.

В продолжение некоторого времени число братии в монастыре оставалось одним и тем же: 12 человек и игумен. Не выносившие пустынного жития и уходившие, а равно и умиравшие, возмещались вновь приходящими так, что число неизменно оставалось тринадцать. Но пришел к Преподобному Сергию из Смоленска архимандрит, по имени Симон, и разрушил это священное число Спасителя с 12 апостолами, ибо с его приходом началось умножение братии в монастыре. Слава о Преподобном Сергии и его пустыне достигла Смоленска. Архимандрит Симон, бывший старейшим архимандритом в области Смоленской и человеком весьма в ней почитаемым, разжегся желанием пустынного жития и, оставив славу и честь, пошел к Преподобному Сергию, чтобы стать одним из его учеников. Человек очень богатый, Симон вручил свое богатство Сергию на устройство монастыря, к чему этот последний тотчас же и приступил. Прежде всего он поставил в монастыре новую, гораздо большую или совсем большую и настоящую церковь (так же деревянную, как и первая), а затем перестроил и самый монастырь, увеличив его площадь и поставив кельи правильным четырехугольником вокруг церкви (из дальнейшей истории монастыря видно, что четырехугольник келий, будучи не особенно больше по размерам, облегал церковь довольно близко и что между кельями и стенами монастыря оставалось большое пространство, на котором, как нужно думать, находились огороды братии и всякие хозяйственные постройки).

Великое изобилие и богатство ожидало монастырь Преподобного Сергия, и это изобилие и богатство увидел еще он сам. Но начал он во скудости. Получив небольшое наследство после родителей, он все отдал его своему младшему брату Петру, так что пошел в пустыню, не имея у себя ничего. Пока он жил в пустыне один, он нуждался только в хлебе, который, как мы сказали, вероятно, доставлял ему младший брат. Но когда составился в его пустыне монастырь, нужно стало церковное вино для служения обеден, нужны стали восковые свечи для служения всяких церковных служб. Иногда не доставало одного и других, так что служение обеден приходилось откладывать, а петь заутрени приходилось вместо свеч с лучиной березовой или сосновой. По свидетельству преподобного Иосифа Волоколамского, в монастыре Сергиевом в первое его время писали книги, нужно подразумевать – богослужебные, не на пергамене или бумаге, а на бересте.

При всей возможной ограниченности потребностей доводилось иногда испытывать нужду и самому преподобному. Один раз, когда уже он был игуменом монастыря, у всей братии случился крайний недостаток съестного, а у него самого совсем не стало ни хлеба, ни соли. Три дня он переносил голод, но на четвертый день, будучи не в состоянии больше терпеть его, взял топор и пошел к одному старцу, по имени Даниил, о котором знал, что тот имеет несколько лишнего хлеба и вместе с тем нуждается в плотницкой работе. «Я слышал, старче, – сказал он Даниилу, – что ты желаешь пристроить сени к своей келье; чтобы не быть праздным, я пришел к тебе поставить сени». – «Действительно, я желаю пристроить сени в келье, – отвечал Даниил, – давно приготовлен у меня для этого и лес, и только жду из села плотника; а что касается до тебя, – прибавил он Сергию, – то боюсь, что ты слишком дорого возьмешь с меня за работу». Сергей отвечал, что, напротив, он желает взять очень дешево, а именно – лишь те гнилые хлебы, которые он имеет и которыми ему, Сергию, пришла охота полакомиться, и прибавил, что он сделает ему сени лучше всякого плотника.

Даниил вынес Сергию решето гнилых хлебов, т. е. наломанных кусков хлеба, и сказал: «Вот, если это хочешь получить за работу, то с удовольствием дам, а больше не могу ничего дать». Сергей отвечал, что этого с излишком достаточно, и сказав Даниилу, чтобы взял пока хлебы, ибо он, Сергей, не хочет получать платы за дело, прежде чем не сделает его, принялся за работу. Целый день он работал, и к вечеру были готовы сени. Тогда взял он от Даниила заработанные хлебы и пошел утолять ими голод.

В первое время существования монастыря случалось по несколько дней терпеть голод и всей его братии. Братия питались, главным образом, подавными от христороубцев; но у Сергия было заповедано, чтобы не ходить братии для сбора милостыни по селам и деревням, а принимать лишь ту милостыню, которая будет принесена в монастырь самими христороубцами. Иногда оскудевало приношение милостыни и братия терпели голод по два дня и более. Когда поднимался между братией ропот на игумена, что он не дозволяет ходить в села и деревни для сбора милостыни, Сергей вразумлял и увещевал малодушных уповать на милость Божию. Это твердое упование преподобного на милость Божию и не посрамляло его. В минуты голода, когда братия бывали близки в отчаянию, Господь возбуждал христороубцев, которые в изобилии присылали в монастырь хлебов и всего съестного. Жизнеописатель рассказывает один частный, относящийся сюда, случай. Раз братия оставались без пищи в продолжение двух дней. Нашелся в братстве один, который всех вооружил против Сергия указанием на то, что последний не дозволяет им исходить в мир для собирания милостыни. Все пришли к преподобному и говорили ему, что, будучи не в состоянии долее терпеть голод, завтра намереваются уйти из монастыря, чтобы не возвращаться в него более. Преподобный простер к роптавшей братии увещательное слово, и еще не кончил он своего слова, как вратарь монастырский прибежал и известил собрание, что неизвестным христороубцем прислано множество брашен (а за первым присылом последовали второй и третий присылы столь же изобильные, как и первый).

Преподобный Сергей носит воду для братии

Преподобный Сергей имел своим намерением подвизаться в совершенно удаленной от жилищ человеческих пустыне. Но в окрестности его монастыря желали селиться миряне; он не мог этому воспрепятствовать; и таким образом, хотя монастырь его и остался вне мирских человеческих жилищ, как этому надлежало быть, но оказался окруженным ими на более или менее близком расстоянии. Спустя лет 10 от его основания начали селиться со всех сторон его крестьяне-земледельцы, вырубая лес и ставя свои починки и деревни. Заселение местности шло так быстро, что в весьма непродолжительное время она изменилась до неузнаваемо-

сти: где недавно был один сплошной дремучий лес, виднелись села и деревни, окруженные обширными полями и отделяемые одно от других лишь перелесками. И дорога из Москвы в северные города, шедшая дотолы вдали от монастыря, была приближена к самому монастырю, так что он очутился, так сказать, на полознице одной из наиболее проезжих дорог. Не сохранный монастырем первоначальная его пустыннось послужила образцом для последующих ревнителей подвижничества к устройению пустынных монастырей. А сохранный монастырем отделенность от мирских человеческих жилищ стала потом непременно условием для поставления всякого, сколько-нибудь достойного своего имени, монастыря.

С заселением окрестностей монастыря Преподобного Сергия настало в монастыре, по свидетельству жизнеописателя Сергиева, вместо первоначальной скудости великое во всем изобилие, ибо новые соседние жители с величайшим усердием начали снабжать его всем необходимым: «и начаша, – говорит о них Епифаний, – посещати и учащати в монастырь, приносяще многообразная и многоразличная потребования, имже несть числа».

Старший брат Преподобного Сергия – Стефан, оставивший его в пустыне, потом возвратился к нему в монастырь. Стефан удалился от Сергия в Москву и здесь купил себе келью и поселился в Богоявленском монастыре. Между монахами монастыря он застал святого Алексия, последующего митрополита, с которым и подвизался некоторое время, был подобно ему одним из церковных певцов. Своей строгой жизнью он скоро приобрел себе расположение великого князя Симеона Ивановича, который приказал посвятить его в иеромонахи и сделал игуменом монастыря и который в то же время со всеми своими старейшими боярами избрал его в свои духовные отцы. Что заставило Стефана отказаться от столь почетной жизни в Москве, от игуменства монастыря и от духовничества великому князю, положительно не знаем, но с вероятностью думаем, что желание более строгой монашеской жизни, нежели какую он мог вести в Москве. Стефан привел с собой своего младшего сына Иоанна, бывшего двенадцатилетним мальчиком, с тем, чтобы и он стал монахом Сергиева монастыря. Постриженный Сергием с именем Феодора, этот последний прославился потом как основатель Московского Симонова монастыря и скончался в сане епископа Ростовского с приобретенным от него самого титулом архиепископа. Весьма вероятно, что Стефан принес Сергию денег для благоустройства и для благоуукрашения монастыря; но в то же время его прибытие в монастырь было для младшего брата причиной великой скорби, о чем скажем ниже.

Преподобный Сергей ввел у нас пустынножитие в двояком смысле – в смысле одинокого или одиночного подвизания в пустыне и в смысле строения в пустыне целых монастырей; относительно второго он сделал у нас обязательным, чтобы монастыри ставили, если не в настоящих пустынях, то по крайней мере вне мирских человеческих жилищ и в большем или меньшем от них отдалении. Но он имеет еще и иную и весьма важную заслугу относительно нашего монашества – заслугу, за которую он справедливо называется отцом нашего северного, или Московского монашества времен монгольских и послемонгольских, как преподобные Антоний и Феодосий Печерские называются отцами нашего южного, или Киевского монашества времен домонгольских. Он был вводителем в монастырях северной, Московской Руси общинножития или общежития.

Рукоположение Преподобного Сергия во иереи

Истинное монашество должно быть самым строгим общинножитием, так чтобы у монахов не было совершенно ничего собственного вплоть до иголки и до нитки, а все было общим; чтобы кельи их не имели никаких запоров и чтобы в кельях не было никаких сундуков и шкатулов. Так это и было в древнее время, пока монашество процветало, но потом общинножитие было вытеснено из монастырей особножитием, о котором сказали мы выше. По-видимому, ничего не может быть лучше того, как быть на всем готовом и чтобы ни о чем не заботиться. Это действительно так, но только под тем условием, если человек подавит в себе чувства своекорыстия и корыстолюбия и внедрит в себя чувство беззаветного братолюбия; а постоянное торжество своекорыстия над братолюбием и составляет главную причину, по которой человеческая история очень печальна. Монастыри сначала явились, как восстановление той апостольских времен христианской общины, когда у всего собрания верующих было одно сердце и одна душа, когда никто ничего из имени своего не называл своим и когда все у них было общее (Деян 4:32); но потом в монастырях братолюбие стало побеждаться самолюбием, вследствие чего, отчасти с присоединением и некоторых причин побочных, решительное большинство их стало из общинножитных особножитными, так что решительно преобладающим и господствующим видом жизни монашеской стало особножитие. Но как среди монахов греческих Бог воздвигал ревнителей истинной монашеской жизни, которые брали на себя труд ее восстановления, так это было и среди мона-

хов русских. Приняв христианство от геков, мы заимствовали от них вместе с христианством и монашество, но именно в форме обособития. Спустя около 50 лет после крещения Руси, Бог воздвиг между нашими монахами преподобных Антония и Феодосия Печерских, которые ввели у нас общежитие. Когда введенное у нас Антонием и Феодосием общежитие снова совершенно исчезло из наших монастырей, Бог воздвиг Преподобного Сергея Радонежского, чтобы он был у нас его восстановителем.

Жизнеописатель Преподобного Сергея представляет дело о введении им в своем монастыре общежития таким образом, что в один день совершенно неожиданно пришли к Сергию посланные от Константинопольского патриарха Филофея и эти посланные принесли ему в поминов или в дар от патриарха крест, параманд и схиму, а вместе принесли ему и писание, в котором патриарх после выражения своей радости об его добродетельном житии увещевал его восполнить едину недостаточествующую ему главизну – ввести в своем монастыре общее житие, и что Преподобный Сергей после совета с святым митрополитом Алексием и исполнил волю патриарха – ввел в монастыре общежитие.

Необходимо представлять дело несколько иначе, именно – думать, что Преподобный Сергей ввел в своем монастыре общежитие не потому, чтобы это присоветовал ему патриарх, а потому что он сам хотел этого и что хотел этого вместе с ним святой митрополит Алексий, и что они – Сергей и Алексий – лишь прибегли к авторитету патриарха, дабы придать своему начинанию большую твердость. Патриарх не мог сам собой прислать Сергию грамоты, ибо вовсе не мог знать о нем (а думать, будто до патриарха могла дойти слава Сергия уже в то время, к которому должно быть относимо введение им в монастыре общежития, совершенно невозможно). Необходимо предполагать, что патриарх написал Преподобному Сергию грамоту по просьбе святого Алексия, обращенной к нему этим последним во время бытности в Константинополе для посвящения в митрополиты (бытности двухгодичной в 1353–1355 гг.). А для Сергия и Алексия, как мы сказали, нужна была грамота патриарха, чтобы при помощи ее могли они придать своему начинанию большую твердость. Представляя собой людей исключительных и мужей богоизбранных, они одушевились ревностью восстановить в наших монастырях истинный монашеский образ жизни – общинножития. Но то, о чем ревновали они, нисколько не могло быть приятно для большинства наших монахов и вовсе не могло быть встречено ими с готовностью и с радостью. И вот, чтобы подействовать на это большинство, Алексий и Сергей и решились прибегнуть к авторитету патриарха, который бы своим голосом верховного пастыря Русской церкви подтвердил и одобрил их благое предприятие. Необходимо думать, что посланные патриарха, принесшие Сергию его грамоту, были те его посланные, которые сопровождали святого Алексия в Россию, после того как он был поставлен патриархом в митрополиты. А святой Алексий возвратился из Константинополя, с поставления в митрополиты, осенью 1355 г.

Если бы Преподобный Сергей предпринял вводить в своем монастыре общежитие, не имея грамоты патриарха, то, несомненно, он встретил бы сильный ропот против себя и даже прямые протесты. Ввиду грамоты патриарха, не только одобрявшей предприятие, но даже как бы нарочито требовавшей его, открытый ропот и протесты были невозможны; однако не все монахи Сергиева монастыря согласились на то, чтобы жить по-новому; нашлись между ними такие, не знаем – многие ли, которые решительно не хотели общежития и тайно ушли из монастыря. Год, к которому относят введение Преподобным Сергием общежития в его монастыре (1354), был 11 годом от его поставления в игумены.

Введение в монастыре общежития требовало постройки в нем новых зданий (трапезы, поварни, пекарни и пр.) и учреждения между монахами разных хозяйственных и вообще общественных должностей (келаря, казначея, трапезников, поваров и пр.), еkkлeсиарха или заведующего церковью и отправлением богослужения с его помощниками, больничных послушатаев или служебников, которые бы ходили за немощными, и т. д. Все это Преподоб-

ный Сергей тотчас же и сделал. Ко времени введения общежития монастырь находился уже в таком положении, что со стороны денежных средств не могло встретиться препятствий к устройению жизни в нем по новому образцу.

С введением в монастыре общежития со всей строгостью устроилась в нем и монашеская жизнь. Жизнеописатель Преподобного Сергия, к сожалению, не сообщает нам в этом отношении подробностей. Знаем некоторые, впрочем весьма немногие, сторонние указания относительно сего, отчасти прямые, отчасти косвенные. В Симоновском монастыре племянника Сергиева Феодора, конечно, заведены были порядки, взятые с примера Сергиева монастыря; а о Симоновском монастыре преподобный Иосиф Волоколамский говорит: «Обычай быше того монастыря (в первое время) таков: в кельях не ядяху, ниже пияху, ниже вне монастыря исхождаху без благословения настоятелева, ниже отрочата в монастыри живяху, ниже на дворцах (монастырских службах и заведениях, находившихся за стенами монастыря), но вся бываху у них по свидетельству божественных писаний и общежительных преданий». Царь Иван Васильевич Грозный в своем известном учительном-обличительном послании в Кириллов Белозерский монастырь, отзываясь с общей великой похвалой о бывшем прежде него у Троицы крепком житии, в частности говорит, что довольно долгое время после смерти Преподобного Сергия соблюдаем был его учениками оставленный им завет не выходить за ворота монастыря.

Построение сени для Данила

Одушевляясь древним примером преподобного Феодосия Печерского, Преподобный Сергей Радонежский ввел в своем монастыре общежитие. Примеру того же Феодосия старался он следовать и во всей своей игуменской деятельности до введения и после введения в монастыре общежития, так что речи его жизнеописателя об этой его деятельности представляют собой почти буквальное воспроизведение речей преподобного Нестора о таковой

же деятельности преподобного Феодосия. Желавших монашествовать в его монастыре Сергей не тотчас постригал в монахи, но сначала одевал в долгую одежду из черного сукна и в ней заставлял ходить довольно долгое время, пока желающий монашествовать у него не навикал всему его монастырскому чину; после сего он постригал в малый монашеский образ облачением в мантию и клобук и, наконец, совершенных чернецов сподоблял приятия святой схимы. Для наблюдения за жизнью монахов Преподобный Сергей обходил по вечерам кельи и смотрел в окна, кто чем занимается. Если видел, что брат упражняется в рукоделии или творит молитву, или читает святую книгу, – воздавал за него благодарение Богу. Если же видел в какой келье шедшихся двух или трех монахов, проводящих время в праздных беседах, то ударял в двери кельи или стучал в окно, давая тем знать собеседникам, что он видел их неподобающее занятие. На другой день он призывал к себе виновных и своими кроткими обличениями, причем со всякой пощадой относился лично к самим обличаемым, он старался доводить их до сознания предосудительности их поведения и до раскаяния в нем.

Из сейчас сказанного видно, что братия Сергиева монастыря занимались в своих кельях молитвой, рукоделиями и чтением святых книг, т. е. отеческих творений. Так это должно быть и по древним законоположениям о занятиях монахов. Но чтение книг возможно под тем условием, чтобы они были в монастыре. Следовательно, если Преподобный Сергей одобрял чтение книг его монахами, то этим дается предполагать, что он заботился о приобретении и об изготовлении книг или о составлении монастырской библиотеки. И мы имеем положительные указания, что это действительно было так. Князь Серпуховский Владимир Андреевич, сын Андрея Ивановича, о котором упоминали мы выше, двоюродный брат великого князя Дмитрия Ивановича Донского и его знаменитый сподвижник в Куликовской битве, которому принадлежал и Радонеж с его волостью, пожелал взять у Преподобного Сергия для основания монастыря в своем Серпухове ученика его Афанасия. Преподобный не нашел возможным отказать в просьбе своему князю, но отпустил от себя Афанасия с великим сожалением, и это потому, что он был книжный доброписец. «Бе Афанасие, – говорит жизнеописатель, – в добродетелех муж чуден и в божественных писаниих зело разумен и добросписания много(а) руки его и доныне свидетельствуют, и сего ради (бе) любим зело старцу» (т. е. Преподобному Сергию).

Устав общежитный требует, чтобы все монахи монастыря, не исключая и игумена, совершенно одинаково участвовали во всех монастырских работах. Преподобный Сергей работал не только наравне со всеми, но и более всех, причем в работах, требовавших физической силы, так как был от природы человек очень сильный, работал по крайней мере за двоих и причем не стыдился никакой работы – ни поварства и плотничества, ни кроения и шитья одежды и обуви на братию. Нарочитую его работу составляло изготовление того, что требуется для богослужения: печение просфор с самым изготовлением муки для них (посредством толчения зерна и молотыбы его ручной мельницей), катание свечей, варение кутьи и приготовление так называемых канонов, или канунов (кутья и канон, или канун, приносились в церковь, во первых, для поминовения усопших – на ежедневные послевечеренные заупокойные литии, на панихиды, совершавшиеся после вечерни в понедельник, среду и пяток, и на все заказные панихиды; во-вторых, как это было в древнее время, в честь Господа, Богородицы и святых – во все господские, богородичные и нарочитых святых праздники).

Устав общежитный требует, чтобы все монахи монастыря, не исключая и игумена, носили одинаковую по качеству одежду. Преподобный Сергей носил не только одинаковую со всеми одежду, но и худшую всех. Один раз в числе других кусков сукна для одежды приобретен был кусок совершенно негодный, в котором окраска наполовину слиняла, так что сукно было какое-то пегое («белесоватое»). Ни один монах не хотел себе одежды из такого сукна. Тогда взял его себе преподобный и сшил себе из него рясу (нынешний подрясник), которую и носил до тех пор, пока она не свалилась с плеч. Всегдашняя или будничная

одежда преподобного, обычной материей для которой служило простое домашнее сукно, называемое сермягой, до того была скромна и бедна, или, как выражается жизнеописатель, «худостна», что недалеко была от того, чтобы называться рубищем.

По поводу этой худости одежды преподобного жизнеописатель его рассказывает один случай. Когда слава о добродетельной жизни его широко распространилась по России и когда многие начали приходить к нему, чтобы видеть его и насладиться его душеспасительной беседой, пожелал видеть его один крестьянин из дальних от монастыря мест. Выбрав свободное время, он отправился в монастырь. Случилось так, что в минуту его прихода в монастырь Преподобный Сергей копал гряды в монастырском огороде. На просьбу его к монахам показать ему знаменитого их игумена, ему отвечали, что игумен копает землю в огороде и что пусть он немного подождет. Сгорая нетерпением видеть Сергия, крестьянин побежал к огородному забору и приткнулся к скважине. В скважину он увидел, что копает гряду какой-то монах в изодранном и уплатанном рубище. «Где же, – спрашивает он монахов, – игумен?» Ему отвечают, что он смотрит на игумена. Крестьянин, думая, что монахи потешаются над ним, весьма обиделся. Потом он действительно уверился, что в изодранном и уплатанном рубище был знаменитый Сергей, слава о котором прошла по всей Руси и которого, судя по другим, незнаменитым игуменам, он представлял себе совсем иначе: «окруженным отроками предстоящими и слугами скорорищущими и множеством служащих или честь воздающих». Спустя некоторое время, крестьянин принял монашество в монастыре Сергиевом.

Мы не один раз говорили выше, что монастырь Преподобного Сергия после первоначальной, не особенно долгое время продолжавшейся скудости, начал изобиловать всем потребным. Изобилие явилось в монастыре благодаря усердию к преподобному – с одной стороны, окрестных жителей монастыря, о чем прямо говорит Епифаний, а с другой стороны, и главное, о чем прямо Епифаний не говорит, но что необходимо предполагать, – благодаря усердию к преподобному его многочисленных почитателей среди московских бояр и среди московского купечества. Из последующих вотчин Троицкого монастыря нет ни одной, о которой было бы положительно известно, что она дана в монастырь при самом Преподобном Сергии. Могут возразить, что есть вотчины, относительно которых неизвестно, когда они поступили в монастырь. Но если бы сам Преподобный Сергей начал принимать вотчины, то при великом множестве его почитателей между боярами, ему было бы надавали вотчин более или менее значительное количество, и невероятно допустить, чтобы из многих вотчин не сохранилось прямого известия хотя об одной, что она поступила в монастырь при самом Преподобном Сергии. Принимая, что сам Преподобный Сергей не имел вотчин, нужно будет понимать это не так, чтобы он вообще был против вотчинного владения монастырей, а так, что он лишь хотел, чтобы при нем самом не было в его монастыре вотчин. Начал приобретать вотчины в монастырь его непосредственный преемник и личный ученик преподобный Никон, и нельзя думать, чтобы он поступил вопреки воле и завещанию своего учителя. Не о вотчине, а об одном промысле известно нам, что он приложен в монастырь при самом Преподобном Сергии; это – половина варницы и половина соляного колодезя у Соли Галицкой, что есть нынешний город Солигалич Костромской губернии, данные в монастырь одним Галичским боярином незадолго до смерти Преподобного Сергия, именно – когда он, передав игуменство Никону, приготавливался к смерти. Но принимая за вероятнейшее, что при самом Преподобном Сергии монастырь не имел еще недвижимых имений или вотчин, со всей вероятностью должно думать, что монастырь имел при нем собственное хлебопашество, именно, что Преподобным Сергием заведены были кругом монастыря пахотные поля, которые и обрабатывались отчасти самими монахами, отчасти наемными крестьянами, отчасти же крестьянами, которые хотели поработать на монастырь Бога ради (как примеры этого последнего мы видим в дальнейшее время).

Преподобный Сергей печет просфоры

Жизнеописатель Преподобного Сергия был человек лично и хорошо его знавший: он был монах его собственного монастыря, пришедший в монастырь хотя и не при самом начале последнего, но во всяком случае за много лет до кончины Сергия. Следовательно, речи жизнеописателя, когда он говорит нам о личном характере и личных нравственных качествах Преподобного Сергия, мы имеем все основания принимать не за такие речи, в которых произвольным образом рисовался бы нам фантастический портрет, но за такие речи, в которых более или менее верно изображается нам действительный Преподобный Сергий. А много-

кратно в продолжение повествования предпринимая изображать личный характер и личные качества преподобного и постоянно изображая их одними и теми же чертами, жизнеописатель еще более уверяет нас в том, что изображает нам не мечты своего воображения, но именно подлинного Сергия, каким он на самом деле был. Не имеем мы нужды в сведениях, что такое и каков был Сергей в отношении, так сказать, к самому себе, т. е. в своей собственной, для самого себя, жизни, – мы и без всякого стороннего свидетельства знаем, что он был высоко святой, строго подвижнической жизни; но мы желаем знать, что такое был Сергей в отношении к другим людям или в отношении к своим ближним. Итак, по изображению жизнеописателя, в отношении к другим людям Преподобный Сергей был исполнен смирения безмерного, был тих и кроток так, что ему совсем чужды были гнев и ярость, суровость и лютость, был незлобив и прост без всякой примеси хитрости и так называемого «себе на уме» (была в нем «простота без пестроты», как выражается жизнеописатель), исполнен был любви нелицемерной и нелицеприятной во всем людям. «Преподобный игумен, – читаем у жизнеописателя, – отец наш Сергие святой, старец чудный, добродетельми всякими украшен (бе), тихий, кроткий нрав имея, и смиренный и добронравый, приветливый и благоуветливый, утешительный, сладкогласный и благоподатливый, милостивый и добросердый, смиренномудрый и целомудренный, благоговейный и нище-любивый, страннлюбный и миролюбный.; стяжа паче всех смирение безмерное любовь нелицемерную равно во всем человеком, и всех вкупе равно любляше и равно чтяше, не избирая, ни судя, ни зря на лица человеком и ни на когоже возносяся, ни осужая, ни клеветца, ни гневом, ни яростию, ни жестостию, ни лютостию, ниже злобы держа на кого». Из блаженств евангельских, как изображает нам Преподобного Сергия его жизнеописатель, несомненно прилагались к нему: блаженны нищие духом, блаженны кроткие, блаженны чистые сердцем.

Но вполне прилагалось к Преподобному Сергию и еще евангельское блаженство: блаженны милостивые. Насколько известна нам история монастырей северной или Московской Руси, лучшие из них отличались усердной благотворительностью в смысле питания нищих, бедных проходящих странников и бедных окрестных жителей, и с несомненностью должно быть сказано, что благотворительность эта ведет свое начало от него – Преподобного Сергия. Благотворительность эта могла иметь место только в монастырях общежитных, но не особножитных (по весьма понятной причине). А так как монастыри общежитные начались в северной Руси только с Сергия, то и благотворительность могла начаться только с него. Что она не только могла начаться, но и на самом деле началась с него, в этом удостоверяет нас жизнеописатель. Он говорит, что страннлюбие и нищелюбие были отличительными добродетелями преподобного, что у него было узаконено и заповедано: никого из неимущих, приходящих в обитель, не отпускать с пустыми руками; нищих и странных довольно упокоивать. В позднейшее время, в XV–XVI в., мы находим при монастыре богадельню для убогих нищих, бывших не в состоянии собирать милостыни, и с весьма немалой вероятностью должно усвоить построение богадельни самому Преподобному Сергию. Когда дорога из Москвы в северные города была приближена к самому монастырю, начали останавливаться в нем все проезжавшие чиновники и все проходившие войска, и, по словам жизнеописателя, все принимаемы были в нем с великим гостеприимством. Имея в виду то, что монастырь Преподобного Сергия и в позднейшее время старался соблюдать заповедь своего основателя о нищелюбии и страннлюбии, как она передается у жизнеописателя, и что это нарочито было требуемо от монастыря согласно заповеди Преподобного Сергия, записанной в его житии, мы передадим подлинные слова Елифания. «Елика во обители приносимая умножахуся, – пишет он, – толма паче страннлюбная возрастаху, и никто же бо от неимущих во обитель приходя тщама руками отхожаше; николи же блаженный оставляше благотворения и служащим во обители заповеда: нищих и странных довольно упокоевати и подавати требующим, глаголя: аще сию мою заповедь сохраните без роптания, мзду от Бога

приимете и по отхождении моем от жития сего обитель моя сия зело распространится и во многи лета неразрушима постоит благодатию Христовою; и тако бе рука его простерта к требующим, яко река многоводна и тиха струями; и аще кому приключашеся в зимная времена она, мразу зеленому належащу или паки снегу с зелным ветром дыхающу, иже немогущей вне келия изыти (т. е. если кому-нибудь захавшему в монастырь невозможно было отправиться в дальнейший путь по причине сильного мороза или непогоды), елико время пребывающим ту (в монастыре) таковые ради нужа, вся потребная от обители приимаху; страннии же и нищии и от них в болезни сущии на многи дни препочиваху в доволном уповоении и пищи, ее же кто требоваху, неоскудно по заповеди святаго старца, и до ныне сим тако бывающим; понеже пути от мног стран належащу, и того ради князем и воеводам и воинству бесчисленому, вси приимаху подавающую доволную честную потребу, яко от источника неисчерпаемых, и в путь грядуще потребную пищу и питие доволно приимаху, и сия служащей во обители святаго с радостию всем подающе изобильно».

Жизнеописатель и другие современники называют Преподобного Сергия старцем чудным и говорят, что он тихими и кроткими словесы и речми и благоуветливыми глаголы, благодатью, данной ему от Святого Духа, мог действовать на самые загрубелые и ожесточенные сердца: словами этими невольно вызывается в представлении образ старца, олицетворяющего собой всепобеждающую любовь. Один из современников, делая запись о тяжелой болезни, постигшей Преподобного Сергия в 1375 г., называет его преподобным игуменом, святым Сергием: «Того же лета болезнь бысть тяжка преподобному игумену, Сергию святому», в каковых словах ясно слышится то великое уважение, которое было питаемо к Преподобному Сергию еще при его жизни. Таким образом, «чудный старец, святой Сергей», вот как выражались о преподобном и вот как представляли его себе современники!

Приток богатства в житницы св. Сергия

Читается в наших рукописях послание неназываемого по имени патриарха Константинопольского к неназываемому по имени русскому игумену. Под игуменом должно разуметь Преподобного Сергия, потому что ясно к нему и только к нему идут те признаки, которыми характеризуется игумен в послании. Что касается патриарха и времени написания им послания, то со всей вероятностью нужно думать, что это был Каллист I, написавший послание в 1362–1363 г. В послании, не особенно большом, после общего увещания относительно доброй монашеской жизни, содержится частнейшее увещание о всецелом повиновении и покорении братии монастыря отцу и наставнику своему игумену. Думаем мы, что послание написано патриархом по нарочитой просьбе из России, – самого ли Сергия к послу патриаршему, который приходил в Россию в конце 1361 г. и был Сергию лично знаком, или же по просьбе митрополита Алексия, а всего вероятнее – по просьбе Сергия, подкрепленной ходатайством Алексия. Относительно причины, которая заставила Сергия и Алексия желать

патриаршего послания, нам представляется вероятным думать, что причиной этого были довольно долго продолжавшиеся в монастыре неудовольствия и роптания на введенное в нем Сергием общежитие.

Мы замечали выше, что приход к Преподобному Сергию его старшего брата Стефана был для него причиной великой скорби. Стефан, как сказали мы, пришел к Сергию, по всей вероятности из желания более строгой жизни, нежели какую он мог вести в Москве; но при этом желании и при отказе им от игуменства в Богоявленском монастыре он не оставил однако страсти властвовать. Он был старший брат Сергия; он положил с ним основание монастырю, хотя потом и бежал от него; он, вероятно, принес Сергию из Москвы денег на благоустройство и на благоукрашение монастыря: по всему этому он хотел, чтобы почитаем был игуменом монастыря не столько Сергей, сколько он, Стефан. Эти притязания Стефана находили почему-то одобрение и в некоторых из братий монастыря: может быть, недовольных между ними общежитием он обнадеживал, что последнее будет им более или менее ослаблено. Как бы то ни было, но притязания ставили в очень неловкое положение Сергия, и он, дождавшись случая, решился на своеобразный выход из затруднения. В одну из суббот в церкви монастыря шла вечерня: Сергей служил и находился в алтаре, а Стефан стоял на левом клиросе. Вдруг последний увидал в руках канонарха книгу, которую тот взял с благословения не его, а Сергия. С раздражением спросил он канонарха: «Кто дал тебе эту книгу», и, получив от него ответ: «Игумен дал мне ее», закричал: «Кто здесь игумен? Не я ли первый сел на этом месте?». И, должно быть, позволил себе затем осыпать Сергия более или менее сильной бранью, ибо жизнеописатель не находит удобным передавать дальнейших его речей и ограничивается замечанием, что после приведенных слов он «и ина некая изрек, ихже не лепо бе». Весь крик Стефана Сергей слышал в алтаре, как, конечно, слышали его и братия в церкви, и ничего не сказал. По окончании вечерни, дождавшись, когда все разошлись из церкви, преподобный вышел из нее и, не заходя в свою келью, тайно удалился из монастыря: он направился (пешком, как совершал все свои путешествия, и недалекие и дальние) к своему другу – преподобному Стефану Махрищскому, монастырь которого находился в 30–35 верстах на восток от его собственного монастыря (в нынешнем Александровском уезде, Владимирской губернии, в 10–12 верстах на юг от г. Александрова). Сообщив Стефану о своем намерении построить себе новый монастырь, он просил своего друга дать ему монаха, который бы хорошо знал окрестную местность и который бы помог ему выбрать место для монастыря. Обойдя окрестность, он выбрал место для монастыря на берегу реки Киржачи (впадающей в Клязьму), верстах в 10–12 на юг от Стефанова монастыря и верстах в 45–50 на юго-восток от его собственного Троицкого монастыря.

Троицкая братия, конечно, хватились исчезнувшего игумена. Догадываясь, что Сергей ушел к Стефану, отправили в Махрищский монастырь посла, от которого и узнали, что Сергей был в монастыре и ушел из него и что он выбрал уже место для построения себе нового монастыря. Тотчас же некоторое количество братии Троицкого монастыря решило пойти к преподобному, чтобы жить с ним. Вместе с пришедшими он поставил несколько келий; а затем отправил к митрополиту Алексию с просьбой о дозволении построить церковь, причем, вероятно, дело представлено было митрополиту не так, чтобы он – Сергей – бежал из Троицкого монастыря, давая место гневу, а как-нибудь более благовидно. Получив дозволение, преподобный тотчас же приступил к строению церкви, а равно к устройению и всего монастыря. Усердно вспомоществуемый окрестными жителями, а равным образом и своими почитателями из князей и бояр, он скоро построил церковь (во имя Благовещения Богородицы) и скоро устроил и весь монастырь, учредив в нем, как это само собой подразумевалось, то же общежитие, что и в Троицком монастыре.

Троицкий монастырь, после Сергиева удаления из него, остался без действительного игумена с фактическим или наличным игуменством в нем Стефановым. Не знаем, старался

ли Стефан о том, чтобы стать и действительным игуменом; но братия монастыря, т. е. как должно подразумевать, – большинство их, решительно и усердно желали, чтобы возвратился к ним Преподобный Сергей. Вероятно, после напрасных обращений с просьбами об этом к нему самому, братия послали к митрополиту Алексию просить, чтобы митрополит своей властью заставил его возвратиться в монастырь. Святой Алексей отправил к Преподобному Сергию посольство из двух архимандритов с увещанием исполнить просьбу братии, причем обещал вывести из монастыря всех, творивших ему досаду. Сергей не дерзнул преслушаться увещаний митрополита и возвратился в Троицкий монастырь, оставив в Киржачском монастыре, который поставлен был им в зависимость от Троицкого монастыря, строителем ученика своего Романа (Киржачский Благовещенский монастырь упразднен при учреждении штатов в 1764 г.; оставшиеся после него церкви обращены в приходские церкви города Киржача, который образовался из подмонастырных слобод).

Как великий праведник, Преподобный Сергей удостоился от Бога дара чудотворений еще при своей жизни. Вот те из этих чудотворений, рассказы о которых читаем у жизнеописателя.

Избирая в пустыне место для обитания себе, Преподобный Сергей выбрал его на берегу маленькой речки. Но так как вода в речке была негодна для употребления, то он выбрал такое место на ней, где из-под берега вытекал источник или ключ чистой воды. Спустя то или другое время после основания монастыря, источник закрылся (иссяк), вследствие чего монахи оказались вынужденными приносить себе воду издалека (должно подразумевать – из другого, найденного ими, источника или ключа). Это возбуждало ропот в братии, которая говорила, что преподобный нерассудно поставил монастырь на безводном месте. Преподобный извинял себя перед братией тем, что он не помышлял устраивать большого монастыря, как это было угодно Богу, и в то же время увещевал их молиться Богу о воде, напоминая им, что если Господь из камня извел воду непокорливым людям еврейским, то тем более не презрит их, работающих Ему день и ночь. Уповая на молитвы братии, он дерзновенно обратился к чудодейственной помощи Божией. Взяв с собой одного брата, он сошел с ним в дебрь или низину под монастырем и, найдя в одном рву немного дождевой воды, сотворил над ней усердную молитву; по окончании молитвы внезапно явился обильный источник воды. Из этого обильного источника монахи и начали с того времени пользоваться водой для всяких потребностей. Долго он назывался Сергиевым, но потом преподобный, узнав, что так называют его, с негодованием запретил так называть, говоря, что не он – Сергей – дал воду, но Бог даровал ее.

У одного христороубца, жившего близ монастыря и имевшего великую веру к Преподобному Сергию, тяжело заболел единственный сын, бывший малым отроком (ребенком). Христороубец, надеясь на молитвы преподобного, понес больного к нему. Но едва он вошел в келью к нему, – в то самое время, как передавал ему свою просьбу, сын его испустил дух. Убитый горем отец, с сетованиями на преподобного, что он посрамил его упования на него, пошел, чтобы принести для ребенка гроб. Но пока он ходил, преподобный помолился над умершим, и по его молитве дитя ожило. Возвратившемуся с гробом отцу он возвестил, что ребенок вовсе не умирал, а от сильного холода, – дело, как видно, было зимой, – заоченел, и что теперь он отошел, пришел в себя и здоров. Хорошо зная, что оставил сына умершим, отец вовсе не поверил этому и твердо стоял на том, что умерший ожил молитвами преподобного. Тогда последний запретил ему разглашать о чуде под опасением лишиться сына.

Изведение источника

Один вельможа, живший вдали от монастыря Преподобного Сергия, на Волге, подвергся болезни жесточайшего беснования, так что должны были укрощать его при помощи цепей целые десятки людей. Родственники больного, слышав о чудесах, бывающих по молитвам преподобного, решили везти его к Сергию в монастырь. Когда приближались с больным к монастырю, последний пришел в страшное неистовство и до того кричал: «Не хочу туда, не хочу туда», что опасались, как бы от крика не сделалось с ним удара. Преподобный Сергий был извещен об этом, приказал ударить в било и, когда братия собралась в церковь, начал петь молебен о болящем. Во время пения молебна больной мало-помалу успокоился, так что ввели его в монастырь. По окончании молебна преподобный вышел к нему из церкви с крестом, и когда знаменовал его крестом, он отскочил в сторону, бросился в лужу воды, которая была по близости, и с той минуты стал здоровым. Когда потом его спрашивали, зачем он бросился в лужу, он отвечал: «Когда преподобный знаменовал меня крестом, я видел великий пламень, исходящий от него, который всего меня окружил и в котором боялся я сгореть, а поэтому и бросился в воду».

Один человек, живший близ монастыря Преподобного Сергия, впал в тяжкую болезнь, так что в продолжение двадцати дней не ел и не спал. Скорбевшие о больном братья его возымели благой помысл, что если через Преподобного Сергия Бог творит столько чудес, то, может быть, умиосердится и о них, – и они принесли больного к преподобному, прося его помолиться о нем. Преподобный сотворил молитву над больным и покропил его святой водой, и ему тотчас же стало легче. Вслед за сим он впал в продолжительный и глубокий сон, после которого и совсем почувствовал себя здоровым.

Преподобный Сергей сжалился над несчастным отцом, сотворил молитву над умершим сыном, и дитя ожило

Близ монастыря преподобного жил богатый человек, имевший нрав лихоимца. Он заставил одного бедного соседа своего уступить ему борова (вепря), который был выкор-млен тем про себя, и потом, заколов борова, не хотел платить за него денег. Обиженный бед-няк пошел жаловаться на него Преподобному Сергию, утешителю скорбящих, заступнику нищих, помощнику убогих. Преподобный призвал к себе обидчика и обратился к нему с отеческим увещанием. «Сын мой, – говорил он ему, – если мы веруем, что есть Бог, Судия праведным и грешным, отец сиротам и вдовицам, готовый на отмщение (за всякий грех), так что страшно впасть в руге Его, – то как не трепещем мы грабить и насильствовать и без числа творить злое? Не довольствуясь дарованным нам от Его благодати, непрестанно

желать чужого и презирать Его долготерпение? Не видим ли мы нашими глазами, что делающие таковое обнищают, а дома их пустеют, что память многих сильных исчезает, между тем как на том свете ждет их мучение бесконечное?» От этого и многого другого, сказанного преподобным, обличаемый пришел в такое умиление, что не только обещался заплатить за взятую у бедного соседа свинью, но исправить и всю свою жизнь. Но возвратился он домой, умиление его прошло, и он забыл не только о своем обещании исправить всю жизнь, а и заплатить бедному соседу. Но вот входит он в свою клеть и видит висящую в ней свиную тушу всю кишашую червями, хотя время было зимнее. Напал на него страх и трепет за преслушание слов святого старца; тотчас отдал он долг, а к Преподобному Сергию не смел показываться и на глаза. Что же касается до выброшенного свиного мяса, то, по словам жизнеописателя, не хотели прикасаться к нему даже звери и птицы на обличение лихоимцам.

Странноприимство пустынника

Однажды пришел в Москву греческий епископ из Константинополя. Слушая многие рассказы о Преподобном Сергии, он не хотел верить им и говорил про себя: «Как может в этих, т. е. в Русских, странах явиться такой светильник, тем более в нынешнее последнее время?» Он решился пойти в монастырь к преподобному, чтобы самому видеть его. Но когда приближался он к монастырю, на него напал страх; а когда вошел он в монастырь и увидел преподобного, на него напала слепота. Тогда и неволей исповедай он преподобному свое неверие и уверяя себя просил у него прозрения. Преподобный прикоснулся к его зеницам, с глаз его спала как бы чешуя, и к нему опять возвратилось зрение. После чего он всем начал проповедовать, что преподобный истинно есть небесный человек и земной ангел.

Вместе с даром чудотворения Преподобный Сергей наделен был от Бога даром провидения или прозорливости.

Князь Владимир Андреевич, в уделе и на земле которого находился Троицкий монастырь, имел великую веру и любовь к преподобному, по каковой причине нередко посещал его и снабжал его необходимым. Один раз князь послал в монастырь с одним из своих слуг различных брашен и питий, «в потешение, – как говорит жизнеописатель, – старцу с братьями». Дорогой слуга соблазнился и попробовал как брашен, так и питий. Когда приехал он в монастырь, преподобный по своей прозорливости узнал о его согрешении и, не принимая от него посланного князем, укорял его за то, что он, прельщенный врагом рода человеческого, вкусил от брашен и пил от питий, которых не надлежало есть и пить прежде благословения. После искреннего раскаяния слуги в своем согрешении преподобный простил его.

Один раз близкий друг Преподобного Сергия епископ Пермский Стефан ехал из своей епархии в Москву. Торопясь скорее достигнуть столицы, он решил не заезжать к преподобному, с тем, чтобы быть у него на возвратном пути, и ехал не той новой дорогой, которая шла подле монастыря, а той старой и кратчайшей дорогой, которая шла в некотором отдалении от него. Но все-таки Стефан не хотел проехать мимо преподобного, не послав ему хотя бы заочного приветствия. Когда он был на дороге против Сергиева монастыря, то остановился, сотворил «достойно есть» и обычную молитву и поклонился в сторону монастыря со словами: «Мир тебе, духовный брате». Святой Стефан послал свое заочное приветствие Преподобному Сергию, когда тот находился в трапезе, за обедом. Увидев Стефана духовными очами, Сергей, в свою очередь, встал за столом, немного постоял, сотворил молитву и поклонился в его сторону со словами: «Радуйся и ты, пастуше Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобою». Братия видели необычайное вставание преподобного за столом и поклонение; все удивились этому, а некоторые поняли, что это было не даром, а ради какого-либо видения. По окончании трапезы братия начали спрашивать преподобного о причине его вставания и поклонения; он отвечал: «В тот час проехал дорогой к Москве епископ Стефан и, быв против нашего монастыря, поклонился Святой Троице и нас смиренных благословил», причем указал и место на дороге, на котором останавливался Стефан. Некоторые из братии, желая удостовериться в словах преподобного, погнались в след за Стефаном и от спутников епископа узнали, что действительно было так, как говорил Сергей. На месте, с которого благословлял Стефан Сергия, в память об этом поставлен был крест, над которым потом сооружена была часовня (место и часовня известны под именем места и часовни «У креста»), а в самом Троицком монастыре это событие до сих пор вспоминается таким образом, что во время обедов перед последним блюдом ударяют в колокольчик, братия встают и чередной иеромонах возглашает: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас».

Жизнеописатель Преподобного Сергия передает о двух видениях, которые были избранным ученикам его и в которых открываемо было последним то, до какой степени он – Сергей – являл собой (составлял) благодатного и святого человека Божия.

Один раз преподобный служил литургию с братом своим Стефаном и племянником Феодором. Стоявший в церкви Исаакий-молчальник, один из совершеннейших и строжайших по жизни учеников преподобного, смотрит и видит не троих служащих, а четверых; четвертый был муж весьма чудный, несказанно светлый видом и в ризах необычно блистающих. Исаакий обратился с недоумением к стоявшему близ него другому ученику преподобного, по имени Макарий. Этот также удостоен был видения и высказал догадку, что четвертый служащий, вероятно, есть священник князя Владимира Андреевича, который был тогда в монастыре. Обратились с вопросом к одному лицу из свиты князя и получили ответ, что с ним не было никакого священника. Тогда Исаакий и Макарий поняли, что они видели ангела Божия, сослужившего Преподобному Сергию. По окончании службы, дождавшись времени, когда могли говорить с преподобным наедине, они приступили к нему с вопросом о четвертом, служившем с ним, и получили от него признание, под условием хранения тайны до его смерти, что действительно то был ангел Божий, который сослужит ему постоянно, каждую литургию.

В другой раз сподобился чудного видения третий ученик Преподобного Сергия, равный по строгости жизни Исаакию, еkkлесиарх, или уставщик, Симон. Во время совершения преподобным литургии он «видит огонь ходящий по жертвеннику, осеняющий алтарь и кружащийся вокруг святые трапезы; а когда святой хотел причаститься, тогда божественный огонь свился как некоторая плащаница и вошел в святой потир, и так преподобный причастился». Видение привело Симона в ужас и трепет. Выйдя по окончании службы из жертвенника, преподобный понял по его лицу, что с ним случилось нечто необычайное. На свой

вопрос к нему об этом получил от него ответ, что «видел благодать Святого Духа, действующую с тобою», Преподобный запретил ему говорить кому-либо о сем при его жизни.

Причащение небесным огнем

Начав с уединенного подвижничества в пустыне, чего у нас дотоле не было видано, продолжив тем, чтобы ввести в своем монастыре общежитие, что составляло ни более ни менее, как преобразование нашего монашества, проводя жизнь возможно совершеннейшим аскетом и возможно достоблаженным святым старцем, Преподобный Сергей явился на духовном небе нашей церкви совсем необычайно светлой звездой и потому привлек к себе

удивленные взоры всех. Величайшая слава его не ограничилась пределами одного Московского княжества, но распространилась по всей Русской земле, так что в нем видели не местного только Московского подвижника, а подвижника Всероссийского. «Слава же и слышание, – говорит его жизнеописатель, – пронеслась о нем повсюду, вси именяху его яко единого от пророк». Что это действительно было так, в том убеждают нас наши летописи: в виде единственного исключения по отношению к святым почти во всех их читается запись о кончине Преподобного Сергия, а в некоторых из них предлагаются и нарочитые о нем сказания (и сделана беспримерная по отношению к кому бы то ни было запись о постигшей его в 1375 г. тяжелой болезни).

Святой митрополит Алексей желал было видеть Преподобного Сергия своим преемником на кафедре Русской митрополии.

У великого князя Дмитрия Ивановича Донского был избран в преемники святому Алексею архимандрит его придворного Спасского монастыря (что ныне дворцовый собор Спаса на Бору) Михаил, по прозванию Митяй, которого он любил столько же, сколько царь Алексей Михайлович любил Никона, и который, представляя собой человека необыкновенного, был исполнен стольких же достоинств, как и последний, если даже не больших, не имея притом крупных недостатков последнего. Но он, по тем или другим причинам, не совсем нравился святому Алексею, и тот предпочитал ему Сергия. Митрополит призвал Сергия из его монастыря в Москву. Когда преподобный явился к нему, он начал свою беседу с ним тем, что приказал принести митрополичий параманд с золотым крестом и сказал, что хочет одарить его этим парамандом. Не понимая значения дара и отказываясь от него, преподобный с смиренным поклоном сказал: «Прости меня, Владыка, – от юности моей не был златоносцем, тем более хочу пребывать в нищете в лета старости». Тогда святой Алексей уже прямо сказал Сергию, что дает ему параманд как некоторое обручение святительству и что желает оставить его по себе своим преемником. Для смиренного Преподобного Сергия, которому и в помысл никогда не приходило архиерейство, предложение святого Алексея было крайне неожиданным и он приведен был им в величайшее смущение. Придя в себя, он отвечал на него сколько смиренным, столько же и решительным отказом. А когда святой Алексей хотел было настаивать, он отвечал, что принужден будет бежать куда-либо в пустыню. Святой Алексей прекратил настояния и отпустил преподобного с миром в его монастырь.

С архимандритом Михаилом, которому святой Алексей дал потом свое благословение на митрополию, у Преподобного Сергия вышло было недоразумение без вины кого-либо из них. У Михаила хотел восхитить митрополичий престол епископ Суздальский Дионисий, намеревавшийся с этой целью предупредить его путешествием в Константинополь. Великий князь велел держать епископа в заключении, пока не отправится в Константинополь и не будет поставлен в митрополиты Михаил. Но Дионисий перехитрил великого князя. Он начал проситься у него на свободу, уверяя, что не поедет в Константинополь, а поручителем по себе давал находившегося с ним в приятных отношениях Преподобного Сергия. Преподобный Сергий в простоте своей действительно поручился за Дионисия, после чего великий князь, полагаясь на его поручительство, выпустил епископа на свободу. Но Дионисий не успел добраться до своего Суздаля, как переправился из него в свой Нижний Новгород, а из этого последнего, выдавая своего поручителя, спешно побежал Волгой в Константинополь. Михаил думал, что Преподобный Сергий был в заговоре с Дионисием, почему и воспылил против него за его мнимо бесчестный поступок сильным гневом и грозил разорить его монастырь. Если бы не постигла Михаила скорая смерть, то, нет сомнения, недоразумение разъяснилось бы и он примирился бы с Преподобным Сергием, хотя и был значительно иного духа, чем последний.

Смиренно признавая себя недостойным служить церкви в качестве епископа, а тем более митрополита, Преподобный Сергей не отказывался служить отечеству, насколько это было возможно для него, как для инока.

Само собой понятно, что преподобный мог быть призван на служение отечеству только после того, как прославился и приобрел нравственный авторитет в качестве подвижника. Прославленным подвижником он стал к княжению Дмитрия Ивановича Донского, в годы правления которого (1362–1389) действительно мы и видим его оказывающим свои услуги отечеству. Но кроме того, чтобы в отдельных случаях обращаться к помощи его нравственного авторитета и к содействию его молитв, великий князь Дмитрий Иванович вообще хотел иметь его усердным молитвенником о своем доме, для какой цели вступил с ним в родство духовного соотчества или кумовства, приглашая его крестить своих сыновей (Преподобный Сергей крестил у Дмитрия Ивановича двух сыновей: Юрия в 1374 г. и Петра в 1385 г.; крестил он также одного сына и у Владимира Андреевича – Иоанна в 1381 г.). С своей стороны Преподобный Сергей для нарочитых молитв о великом князе поставил в своем монастыре, на святых его воротах, церковь в честь ангела государева – великомученика Солунского Димитрия.

Что касается отдельных случаев, когда преподобный привлекаем был на служение отечеству, то их известно два.

Предложение Преподобному Сергию митрополити и его отречение

В 1365 г. поссорились между собой князья Суздальские Дмитрий и Борис Константиновичи из-за того, что младший брат захватил Нижний Новгород, оставшийся после третьего умершего брата, и не хотел уступать его старшему брату. Дмитрий обратился с жалобой на Бориса к великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу и к митрополиту Алексию, который в малолетство великого князя (родившегося в 1350 г.) был правителем государства. Великий князь и митрополит хотели заставить младшего брата удовлетворить требование старшего брата без вмешательства оружия и для этой цели отправили в Нижний Новгород к Борису Преподобного Сергия, причем митрополит поручил Сергию, в случае упорства Бориса, затворить в Нижнем все церкви или наложить на город церковное отлучение. Однако надежда великого князя и митрополита обойтись без вмешательства оружия оказалась напрасной: Борис не внял увещаниям Сергия и даже не хотел покориться и после

того, как тот, согласно поручению митрополита, затворил в Нижнем церкви (он покорился, когда вслед за тем было выслано против него Московское войско).

Против великого князя Дмитрия Ивановича упорно враждовал Рязанский князь Олег Иванович, оставшийся единственным из русских удельных князей, которого великий князь не привел под свою руку. То поражаемый Дмитрием Ивановичем, то сам нанося ему поражения, Олег Иванович в 1385 г. своей победой над Московским войском поставил великого князя в такое положение, что тот нашел за благое искать с ним примирения. Посылали к рязанскому князю несколько послов с предложением мира, и все напрасно; наконец, великий князь решил послать к нему самого, как выражается летописец, Преподобного игумена Сергия Радонежского. Путешествие Сергиево к Олегу было совершенно благоуспешно. Летописец говорит о нем: «Преподобный игумен Сергей, старец чудный, тихими и кроткими словесы и речьми и благоуветливыми глаголы, благодатию, данною ему от Святаго Духа, беседовал с ним (князем Олегом) о пользе душевной и о мире и о любви; князь же великий Олег преложи свирепство свое на кротость и утишись и укротись и умились вельми душею, устыдебось толь свята мужа, и взял с великим князем Дмитрием Ивановичем вечный мир и любовь в род и род».

Имя Преподобного Сергия неразрывно связано с знаменитой, решившей судьбу России, Куликовской, или Донской, победой Дмитрия Ивановича над Мамаем. Ожидая страшного нашествия хана, великий князь всего более возлагал упование на милость Божию, причем Преподобный Сергей был его усерднейшим споспешником. Еще за год до нашествия государь основал руками преподобного монастырь, чтобы собрать в него нарочитых молитвенников о победе над врагом (Стромьинский или Дубенский, во имя Успения Божией Матери, находившийся в 50 верстах на северо-восток от Москвы, при селении Стромьини, на речке Дубенке, впадающей в реку Шерну, приток реки Клязьмы, в настоящее время несуществующий). Отправляясь на битву с ханом, Дмитрий Иванович в сопровождении князей, бояр и воевод приезжал к Преподобному Сергию в его монастырь, чтобы помолиться вместе с ним о победе и получить от него напутственное благословение. Великий князь приезжал к преподобному наспех, за день или в самый день своего выхода из Москвы против неприятеля (он был у Сергия 18 августа, а 20 августа он выступил уже не из Москвы, а из Коломны), так что хотел отбыть из монастыря тотчас по окончании преподобным молебствования, тем более, что во время пения преподобным молебна к нему (государю) пригоняли вестники с докладами о движении неприятеля и с предупреждением торопиться. Но преподобный, обнадеживая великого князя помощью Господа Бога и Пречистой Богородицы, умолил его есть хлеба в монастырской трапезе. По окончании трапезования он благословил великого князя крестом и окропил святой водой и снова обнадежил помощью, милостью и славой от Господа Бога, Пречистой Богородицы и всех святых. Великий князь начал просить у преподобного двух его монахов – Пересвета и Ослябу, которые, принадлежав в миру к сословию воинскому, были ведомые всем ратники великие и богатыри крепкие и люди весьма смысленные к воинскому делу и наряду. Преподобный повелел монахам тотчас же готовиться в путь, а они с своей стороны от всей души изъявили готовность сотворить послушание. Вместо шлемов тленных он возложил на их головы шлемы нетленные – святую схиму, с нашитыми на ней крестами, и заповедал им крепко побороть по Христе на врагов его. После сего он еще благословил крестом и окропил святой водой великого князя, всех князей и бояр и воевод его и еще сказал ему: «Господь Бог будет тебе помощником и заступником, Он победит супостатов твоих и прославит тебя». Страшно было войско, приведенное Мамаем для битвы: оно простиралось до огромного числа четырехсот тысяч человек. Когда русские увидели несметные полчища татарские, то многие из них объята были невольным страхом. Но Преподобный Сергей прислал на поле битвы своего борзоходца с своей благословенной грамотой, в которой писал великому князю: «Без всякого сомнения, государь, иди против

них, и, не предаваясь страху, твердо надейся, что поможет тебе Господь». Во время битвы, при начале которой славно пожертвовал жизнью один из двух Сергиевых иноков-воинов, именно – Пересвет (выступивший на единоборство с татарским богатырем и павший вместе с ним), преподобный с своей братией усердно молился Богу о даровании одоления на поганых нашему воинству и, видев ход битвы духовными очами, возвестил братии при ее конце, что Господь даровал преславную победу великому князю.

Благословение Дмитрия Донского Преподобным Сергием

По возвращении в Москву с битвы Дмитрий Иванович не замедлил предпринять поездку к Преподобному Сергию, чтобы благодарить его за данный им совет противостоять Мамаю и за его молитвы и чтобы совершить с ним поминовение убиенных на брани воинов. Епифаний говорит об этом посещении Дмитрием Ивановичем Преподобного Сергия: «и не замедлено (по возвращении в Москву) прииде (великий князь) к старцу святому Сергию, благодать (благодарность) воздая ему о добром совещании и всесильного Бога славяше и о молитвах благодаряше старца и братию, в веселии сердца бывшая вся исповедаше, како возвеличи Господь милость свою на нем, и милостыню многу в монастырь вдасть». О поминовении убиенных воинов пением заупокойной литургии и панихиды говорят сказания о Мамаевом побоище. Создав руками Преподобного Сергия монастырь при испрошении победы на врага, великий князь создал теперь, в благодарение Богу за дарованную великую победу, руками того же преподобного другой монастырь (Дубенский Шавыкинский, или Дубенский, что на острове, также во имя Успения Божией Матери, находившийся в 40 верстах на северо-запад от Троицкого монастыря, на реке Дубенке, впадающей в Дубну в настоящее время также несуществующий).

Присутствовал Преподобный Сергей и при кончине великого князя Дмитрия Ивановича, 19 мая 1389 г. Духовное завещание, написанное государем на смертном одре, было написано им «перед своими отци, перед игуменом перед Сергием, перед игуменом перед Савастьяном», и вместе с тремя архиереями, отпевавшими его тело, называется в его житиях и «Сергей игумен, преподобный старец».

После Куликовской битвы на ханском престоле в Орде произошла перемена – Мамай одолел Тохтамыш. Этот последний сделал нашествие на Русь в 1382 г. От полчищ его, которым великий князь не нашел возможным противостоять, Преподобный Сергей должен был удалиться из монастыря с своей братией в тверские пределы: «и от Тохтамышева нахождения – сказано о нем в летописном сокращении его жития – бежа во Тверь».

Монастырь Преподобного Сергия стал великим монастырем и знаменитой лаврой, более богатой монахами, чем какой-либо другой из всех монастырей севернорусских, еще при жизни самого преподобного. Но ему открыто было в видении, что монастырь и никогда не оскудеет монахами. Один раз, глубоким вечером, преподобный стоял в своей келье и молился о братиях монастыря, да Господь поспешит им, как выражается жизнеописатель, «во обхождениях дневных и преспениях»; вдруг слышит он зовущий его голос: «Сергий!» Удивляясь необычному в ночи зову, он сотворил молитву и открыл оконце кельи, чтобы видеть, кто зовет. И вот – видит он чудное видение: на монастыре перед ним необыкновенный свет, который был ярче даже дневного света; а голос в другой раз возглашает: «Сергий! Ты молишься о своих чадах, и Господь принял твою молитву, смотри, какое множество иноков сошло во имя Святой и Живоначальной Троицы в твою паству и под твое руководство». Преподобный Сергей посмотрел, и видит множество птиц «зело красных», которые не только наполняли весь монастырь, но летали и кругом его. Голос сказал: «Как видишь ты этих птиц, так умножится стадо учеников твоих, и по тебе не оскудеют они, если восхотят последовать стопам твоим». Желая иметь сообщника и свидетеля чудному видению, преподобный позвал еkkлесиарха Симона, келья которого была недалеко от его кельи. Удивляясь безвременному званию старца, Симон тотчас же явился на зов, но уже не сподобился быть зрителем всего видения, а только некоторой его части. Преподобный Сергей рассказал ему все, что видел и что слышал, и они вместе провели ночь, радуясь, как говорит жизнеописатель, и трепеща душой от неизреченного видения.

Преподобный Сергей достиг лет маститой старости и приблизилось время его переселения от сей жизни. Но прежде чем переселиться к иной жизни, он удостоился посещения Божией Матери, Которая собственными устами подтвердила ему о его монастыре то, что говорил ему в видении птиц неведомый небесный голос.

Чудесное видение Преподобным Сергием птиц небесных

Один раз, повествует жизнеописатель, блаженный отец молился в обычном своем правиле перед образом Матери Господа нашего Иисуса Христа и, часто взирая на икону, говорил: «Пречистая Мати Христа моего, ходатайце и заступнице, крепкая помощнице роду человеческому! Буди нам недостойным ходатайца, присно молящихся к Сыну Своему и Богу нашему, яко да призрит на святое место сие, еже возложено есть в похвалу и честь святому имени (Его) во веки; Тебе бо, Мати сладкого ми Христа, ходатайцу предлагаем и молитвенницу, яко много дерзновение к Нему стяжавшу, раби Твои, и яко всем спасеное упокоение и пристанище». Так молился преподобный и пропел канон Пречистой, т. е. акафист, и совер-

шил правило, после чего сел отдохнуть. Вдруг он говорит своему ученику (келейнику), по имени Михей: «Чадо, трезвися и бодрствуй, потому что сейчас имеет быть нам чудное и ужасное посещение». И когда еще он говорил это, услышан был голос: «Пречистая грядет». Преподобный, услышав голос, поспешно вышел в сени кельи. И вдруг озарил его великий свет, большой солнечного, и видит он Пречистую с двумя апостолами Петром и Иоанном, в несказанной светлости блистающих. И он распростерся ниц, не будучи в состоянии переносить нестерпимого света. Пречистая прикоснулась к нему руками Своими и сказала: «Не ужасайся, избранник Мой, Я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя об учениках твоих, о которых ты молился, и об обители твоей; не скорби более, ибо отныне она всем будет изобиловать, и не только до тех пор, пока ты жив, но и по твоем к Господу отшествии неотступна буду от твоей обители, подавая неоскудно потребное и снабдевая ее и покрывая». Сказав это, Пречистая стала невидима, святой же был как бы в исступлении ума, будучи одержим страхом и трепетом. Придя в себя, он нашел ученика своего лежащим от страха, как мертвого, и поднял его; ученик начал метаться в ноги старцу, говоря: «Скажи мне, отче, Господа ради, что значило это чудное видение, ибо дух мой едва не вышел из моего тела от блистающего видения». Но святой радовался душой, так что и лицо его цвело от радости, и ничего не мог отвечать, кроме лишь одного: «Потерпи, чадо, потому что и во мне трепещет дух мой от чудного видения». И так они стояли в безмолвном удивлении друг против друга. Потом преподобный сказал ученику своему: «Чадо, призови ко мне Исаака и Симона». И когда они пришли, преподобный рассказал им по порядку, как видел Пречистую с апостолами и какие изрекла Она ему чудные обещания. Услышав это, Исаак и Симон исполнились несказанной радости. После этого они, все четверо вместе, отпели молебен Богоматери, а святой всю ночь пробыл без сна, внимая умом о неизреченном видении.

Если верно записано о годе кончины преподобного Михея, то посещение Божией Матерью Преподобного Сергия имело место не менее, как за семь лет до его преставления, потому что кончина Михея полагается записями 6 мая 1385 г.

Преподобному Сергию было открыто о его преставлении за шесть месяцев вперед. Призвав братию монастыря, он вручил игуменство ученику своему Никону, а сам предался совершенному безмолвию. В начале сентября месяца 1392 г. он впал в предсмертную болезнь, а 25 сентября, простерши к братии конечное поучение об иноческом доброжитии, он предал дух свой Богу после 78 лет жизни и после 65 лет монашества. Он приказал было положить свое тело не в церкви, а вне ее, на общем монастырском кладбище, вместе со всеми другими; но братию весьма опечалило такое его приказание; она обратилась за советом к митрополиту Киприану, и тот, по рассуждению о том, где приличнее погребсти преподобного, приказал положить его в церкви на правой стороне. Так как по сейчас указанной причине погребение преподобного Сергия должно было несколько замедлиться, то успело собраться на него множество народа из Москвы и из всех окрестностей монастыря.

В самом Троицком монастыре Преподобный Сергей начал быть местно почитаем как святой более или менее в непродолжительном времени после его кончины, ибо он прославился даром чудотворений, которые должны были свидетельствовать о его святости, еще при своей жизни, а не позднее, как с 1449–1450 гг. находим его уже и в лике общерусских святых (тогда еще весьма немногочисленном). В 1463 г. Новгородским архиепископом Ионой, после также причисленным к лику святых, была поставлена в Новгороде, на владычном дворе, первая известная церковь во имя Преподобного Сергия.

Телесные останки Преподобного Сергия находились в земле в продолжение 30 лет и были изнесены из нее по особому откровению. Близ монастыря преподобного жил один благочестивый человек, который имел великую веру к нему и который часто приходил молиться к его гробу. В одну ночь, когда после домашней молитвы он сведен был в тонкий сон, явился ему Преподобный Сергей и сказал: «Возвести игумену монастыря моего,

что напрасно столько времени оставляет он меня покрытым землей, в которой вода утисняет (заливает) мое тело». Благочестивый муж, от видения исполнившись страха и радости, поспешил сообщить о нем игумену, которым оставался тот же ученик преподобного Никон. Выслушав рассказ мужа, Никон возвестил о нем всему братству монастыря: все возрадовались и положили изнести тело преподобного из земли. Далеко пронеслась весть о намерении монастыря открыть мощи преподобного, и на торжество их открытия собрались многие священные лица и многие князья, между которыми первенствовал крестный сын преподобного и усердный попечитель его монастыря князь Звенигородско-Галицкий Юрий Дмитриевич (сын Донского и брат тогдашнего великого князя Василия Дмитриевича). «И тако, – говорит повествование об открытии мощей, – священный собор, открывше чудотворный гроб, вкупе благоухания и аромат духовных исполнишася и видеша чудное зрение и умиления достойно, яко не токмо честное святого тело цело и светло соблюдеся, но и одежда его, в ней же погребен бысть, цела баше всяко и тлению никакоже сопричастна, и вода от обою страну ковчега (гроба) стояше видима, телесе же святого и риз его никакоже прикасаема». Торжество открытия мощей имело место 5 июля 1422 г.

Явление Божией Матери Преподобному Сергию

Мы говорили выше, что Преподобный Сергей Радонежский справедливо почитается отцом истинного монашества в северной, или Московской, Руси времен монгольских, как преподобные Антоний и Феодосий Печерские были отцами такого же монашества в южной, или Киевской, Руси времени домонгольского. Настоящий монастырь должен находиться если не в совершенной пустыне, то вне мирских человеческих жилищ и в большем или меньшем от них отдалении; в настоящем монастыре жизнь монахов должна быть не особножитной, а строго общежитной. Этот тип или образец монастырей, как монастырей настоящих, и утвердил Преподобный Сергей в Московской Руси на более или менее про-

должительное время. После своих двух монастырей, Троицкого и Киржачского, он основал еще несколько чужих монастырей, во исполнение даванных ему поручений и адресованных к нему просьб: и все монастыри поставил если не в большом, то, по крайней мере, в некотором удалении от человеческих жилищ, и во всех них, – что составляло неперемнное условие строения им монастыря, – ввел общежитие. Одновременно с ним и с его одобрения и благословения или уже после его смерти построили значительное количество монастырей, одинаковых с его монастырями, его ученики и собеседники. И довольно долгое время после него истинными монастырями считались в Московской Руси только монастыри его образца (типа), так что последующие основатели монастырей, желавшие, чтобы их монастыри были и считались настоящими монастырями, устроили их по этому его образцу (хотя в каждом из монастырей, со включением и самого Троицкого, настоящее или совсем строгое общежитие, вводившееся первоначально, при основании каждого, и держалось потом не особенно долго).

После двух монастырей своих собственных, из которых один был добровольный, а другой, так сказать, вынужденный, Преподобный Сергей построил еще несколько монастырей по поручению великого князя Дмитрия Ивановича Донского, по поручению князя Серпуховского Владимира Андреевича и по поручению святого митрополита Алексия.

Мы уже упоминали о двух монастырях Дубенских, построенных Преподобным Сергием по поручению великого князя Дмитрия Ивановича перед Куликовской битвой и после нее. Кроме этих двух монастырей им основаны были по поручению великого князя еще два монастыря – Московский Симонов и Коломенский Голутвин. Московский Симонов монастырь, поставленный им на берегу Москвы-реки на расстоянии от тогдашнего города верстах в 5–6 (первоначально в честь Рождества Богородицы, в настоящее время – это приходская церковь в подмонастырной слободе, называемой Старым Симоновым, а потом, по перенесении монастыря на новое, нынешнее место, – в честь Успения Богородицы) был основан им около 1370 г.; в строители и игумены монастыря он дал великому князю, по настойчиво выраженному последним желанию, племянника своего Феодора, которого великий князь избрал в свои духовные отцы, который был в 1384–1385 гг. в Константинополе послом великого князя по делам церковным и получил от патриарха своему монастырю право ставропигии, а себе сан архимандрита, который в 1387 г. был поставлен в епископы Ростовские и который с титулом архиепископа, данным ему от патриарха или митрополита и оставшимся после него и его преемника, скончался 28 ноября 1394 г.). Коломенский Голутвин монастырь, поставленный в 4–5 верстах от города Коломны, при впадении Москвы-реки в Оку (в честь Богоявления Господня) основан был около 1385 г.; в строители и настоятели его Преподобный Сергей назначил ученика своего Григория (в настоящее время Голутвин монастырь, основанный Преподобным Сергием, называется Старолутвинным монастырем. В конце 1799 г. была закрыта епархия Коломенская и в оставшийся праздным архиерейский дом переведены были монахи Голутвина монастыря, с тем чтобы по причине ветхости его зданий закрыть его, а монастырь, образованный из архиерейского дома наименовать в память его Новолутвинным. Но потом прежний монастырь был восстановлен и в отличие от нового монастыря, который не закрыт был с его восстановлением, и получил название Старолутвина монастыря).

Молитвы Преподобного Сергия в час битвы Куликовской

По поручению Серпуховского, а вместе и своего Радонежского, князя Владимира Андреевича Преподобный Сергей основал Серпуховский Высоцкий монастырь (в честь зачатия святой Анны, когда зачата была святая Богородица, – Богородицкий Зачатьевский). Заложен был монастырь в 2 верстах от города Серпухова, на очень высоком берегу реки Нары (отчего и название), в 1374 г., исполняя настоятельное желание князя, преподобный, хотя и с сожалением, дал в его строители и игумены одного из любимейших своих учеников, по имени Афанасий. У жизнеописателя Преподобного Сергия читаем: «И молит боголюбивый князь (преподобного), да дасть ему единого от ученик своих, именем Афанасия; святой же, аще и нужно (тяжко) ему бысть дарование, но любовию преклонися на прошение, бе бо Афанасие в добродетелех муж чуден и в божественных писаниих зело разумен и добросписания много руки его и до ныне свидетельствуют, и сего ради любим зело старцу». В 1382 г., оставив игуменство в Высоцком монастыре, Афанасий ушел в Константинополь, в монастырях которого и подвизался, по выражению его ученика, «яко един от убогих», а отчасти занимался и книжным делом.

Святому митрополиту Алексию Преподобный Сергей не построил, а помог построить Московский Андроников, или Андрониев, монастырь. Святой Алексей, возвращаясь в 1355 г. из Константинополя, с поставления в митрополиты, застигнут был бурей на Черном море. Моля Бога об избавлении от опасности, он дал обет поставить монастырь в честь святого или праздника того дня, в который благополучно пристанет к берегу. Он пристал к берегу 16 августа, почему и решил построить монастырь в честь нерукотворенного образа Спасителя, которому празднуется в этот день. Быв в Константинополе в другой раз в 1356 г., он приобрел для будущего монастыря чудную икону нерукотворенного Спаса, украшенную золотом. Монастырь, место для которого было избрано в расстоянии от тогдашнего города Москвы около 3–4 верст, на берегу реки Яузы, был основан, по всей вероятности, более или менее вскоре после возвращения Алексея из второй поездки в Константинополь, что было в конце 1356 – начале 1357 г. Решив строить монастырь, митрополит отправился к Преподобному Сергию, с которым находился, говоря словами жизнеописателя, в духовном союзе премной любви, в его лавру и испросил у него в строители монастыря ученика его

Андроника (от которого монастырь и получил название. Скончался преподобный Андроник 13 июня 1375 г.).

Два монастыря были построены по благословию Преподобного Сергея, которое он дал сторонним для него здателям, причем должно подразумевать, что он мог изъявить готовность благословить здание монастырей только общежитных. Около 1365 г. Преподобный Сергей ходил в Ростов для поклонения святыне своего родного города. Во время его пребывания в Ростове к нему пришли два пустынника, по имени Феодор и Павел, и просили его, чтобы он своей молитвой положил начало монастырю, который они предполагают создать. Это есть существующий до настоящего времени Борисо-Глебский Устьинский монастырь, находящийся в 18 верстах к северо-западу от Ростова, на берегу реки Устье. Возвращаясь в том же 1365 г. из Нижнего Новгорода, Преподобный Сергей положил своей молитвой, испрошенной у него неизвестными строителями, начало монастырю в Гороховецком уезде (нынешней Владимирской губернии), на реке Клязьме. Это Георгиевская пустынь, давно прекратившая свое существование, находившаяся в Гороховецком уезде на реке Клязьме (в настоящее время село, называемое Георгиевской Слободкой, в 16 верстах от Гороховца вверх по Клязьме, с деревянной церковью, которую относили ко временам Преподобного Сергея, во всяком случае очень старая, ибо уже в 1782 г. была капитально отремонтирована).

Преподобный Сергей шьет себе рясу из гнилого сукна

Ученики и собеседники Преподобного Сергия, которые при его жизни или после его смерти построили общежитные и не только удаленные от мирских жилищ, но по большей части и прямо пустынные монастыри (перечисляем в порядке не хронологическом, который ненадежен, а топографическом), суть следующие: преподобный Мефодий Песношский, преподобный Савва Сторожевский, преподобный Сильвестр Обнорский, преподобный Павел Обнорский или Комельский, преподобный Сергей Нуромский или Обнорский, преподобный Авраамий Галичский или Чухломский, преподобный Иаков Железоборовский, преподобный Никита Серпуховско-Боровский, преподобный Стефан Махрицкий, преподобный Димитрий Прилуцкий, святитель Дионисий Суздальский, преподобный Евфимий Суздальский, преподобный Кирилл Белозерский, преподобный Ферапонт Белозерско-Можайский и святитель Стефан Пермский. Восемь первые из поименованных суть ученики, а семь последние – собеседники Преподобного Сергия.

Преподобный Мефодий, о котором неизвестно ничего, кроме года его смерти, вышел от Преподобного Сергия для основания собственного монастыря, как нужно думать, задолго до его кончины, ибо, построив собственный монастырь, умер в одном с ним году, если только запись о годе достоверна (4 июня). Монастырь, построенный им во имя чудотворца Николая и существующий до настоящего времени, находится в Московской губернии, в 65 верстах на северо-запад от Троицкой лавры и в 25 верстах на тот же северо-запад от своего уездного города Дмитрова, при впадении речки Песноши в реку Яхрому.

Преподобный Савва, неизвестный по происхождению, пришел к Преподобному Сергию задолго до 1381 г., ибо в этом году, перед поставлением в игумены Дубенского Шавыкинского монастыря, он был в его монастыре духовником всего братства. Спустя не особенно много времени после смерти Преподобного Сергия, когда оставленный им после себя игуменом монастыря Никон отказался от игуменства для безмолвного пребывания, братия монастыря умолили Савву перейти из Дубенского монастыря на игуменство к ним – к Троице, каковое игуменство он и держал в продолжение шести лет, пока опять не сменил его на нем преподобный Никон. После сего около 1400 г. князь Звенигородский Юрий Дмитриевич, которому он был духовным отцом, умолил его, чтобы он построил монастырь близ Звенигорода на месте, называвшемся Сторожами. Во исполнение желания князя и на его средства Савва и построил Сторожевский монастырь, в честь Рождества Божией Матери (находящийся на берегу реки Москвы, при впадении в нее речки Разварни, в полутора-двух верстах от Звенигорода). Скончался преподобный Савва 3 декабря 1407 г.

Преподобный Сильвестр, о котором так же мало сохранилось сведений, как и о Мефодии Песношском, основал монастырь в северо-восточном углу нынешней Ярославской губернии, на реке Обноре, впадающей в реку Кострому (в честь Воскресения Христова, или Воскресенский, упраздненный при учреждении штатов в 1764 г.; в настоящее время село Воскресенское на Обноре, находящееся в 20 верстах от своего уездного города Любима). Скончался преподобный Сильвестр, по позднейшим записям, 25 апреля 1379 г.

Преподобный Павел, весьма суровый подвижник, пользовавшийся, по уверению его жития, большим уважением митрополита Фотия, родился в Москве от благородных и благочестивых родителей в 1317 г., так что был моложе Преподобного Сергия на три года, постригся в монашество на 22 году в одном монастыре на Волге. Придя к Сергию, сначала время довольно подвизался в самом монастыре, а потом в продолжение 15 лет вне монастыря, в отходной или уединенной келье. Получив от Сергия благословение пойти в пустыню, обошел многие пустыни и, наконец, пришел в Комельский лес на речку Грязовицу, в Грязовецком уезде нынешней Вологодской губернии, и здесь прожил в дупле липы три года. Отсюда перешел в том же Комельском лесу на речку Нурму, впадающую в реку Обнору, где в 1383 г. и основал существующий до настоящего времени Троицкий Обнор-

ский, или Комельский, монастырь (получивший название не от реки Обноры, а от волости Обнорской, находящейся в 15 верстах от своего уездного города Грязовца). Скончался преподобный Павел, сделав братии монастыря крепкое предсмертное завещание не разорять устава общежития, 112 лет от роду, 10 января 1429 г.

Преподобный Сергей, неизвестный по происхождению, без действительного основания принимаемый некоторыми за Грека, пришел к Преподобному Сергию Радонежскому с Афона и, как кажется, уже постриженным монахом. Пробыв у Сергия время довольно, он испросил у него дозволения отойти в пустыню и нашел себе место для пустынного жития в том же Комельском лесу и на той же речке Нурме, что и преподобный Павел, в весьма недалеком расстоянии от монастыря которого (верстах в 3–4) и основал свой монастырь во имя всемилостивого Спаса, в воспоминание происхождения Честного и Животворящего Креста Господня (Спасский, называемый в известиях и Спасо-Преображенским, вероятно, от позднейшей церкви Преображения, упраздненной в 1764 г.). Скончался Преподобный Сергей 7 октября 1412 г.

Преподобный Авраамий, неизвестный по происхождению, пришел к Преподобному Сергию в юных летах и подвизался при нем, между прочим особым подвигом молчания, то или другое продолжительное время, ибо в его монастыре удостоен был сана священства. Испросив у Преподобного Сергия благословения пойти в пустыню, удалился в пределы Галичские (нынешней Костромской губернии) и здесь основал один за другим четыре монастыря. Первый монастырь – на берегу Галичского озера, напротив города Галича, в честь Успения Божией Матери (упраздненный в 1775 г., в настоящее время село Успенское или Новый монастырь). Второй монастырь – верстах в 60 на северо-восток от первого, над небольшим озером, в честь положения честного пояса Пречистой Богородицы (Ризположенский), называвшийся Великой пустыней (упраздненный в 1764 г., в настоящее время село Озерки). Третий монастырь – верстах в 15 на запад от второго, на реке Виге, в честь собора Божией Матери, называвшийся Верхней пустыней (упраздненный в конце XVII – начале XVIII в.). Четвертый монастырь – на берегу Чухломского озера, напротив города Чухломы, в честь Покрова Божией Матери, называемый по своему местоположению на высоком холму или городке, Авраамиевым Городецким. По житию, преподобный Авраамий скончался 20 июля 1375 г., но должно думать, что на самом деле значительно позднее.

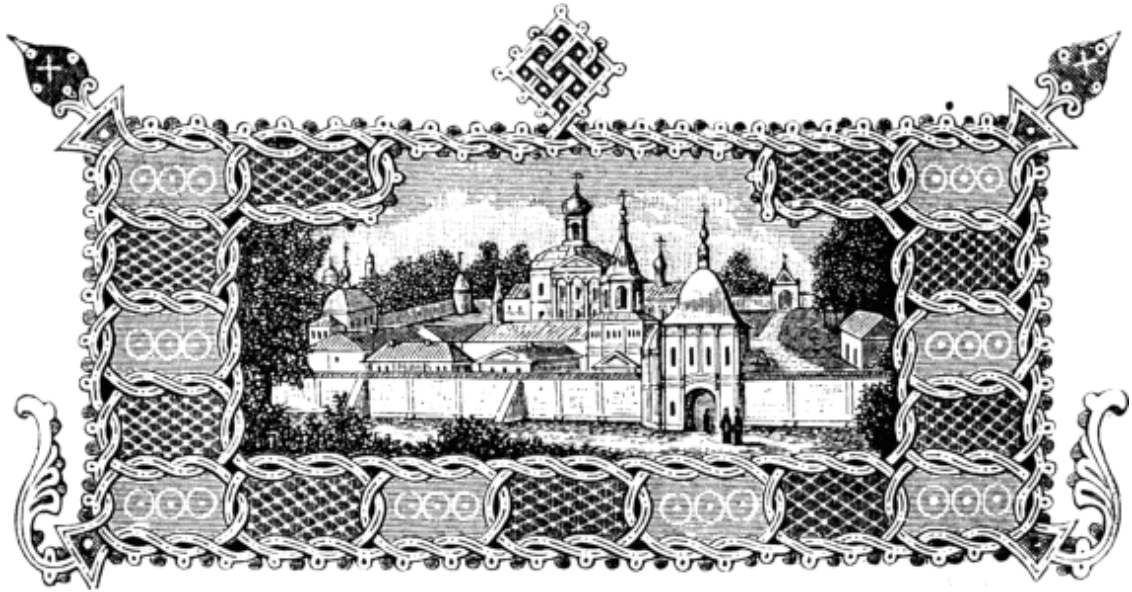

Раскрытый служебник, писанный при Преподобном Сергии рукой преподобного Никона в 1381 г. на пергаменте

Преподобный Иаков, по происхождению из рода Галичских дворян Аносовых, вероятно, один из позднейших учеников Преподобного Сергия, неизвестно, сколь долго живший в его монастыре, возвратился на родину, чтобы подвизаться пустынножитием в одном из окружающих Галич лесов, в самый год смерти Преподобного Сергия, т. е. в 1392 г. Поселившись в лесу, который от находившихся в нем минеральных железистых ключей или же залежей железной руды назывался Железным борком, в местности, отстоящей на 30 верст к юго-западу от города Галича, на берегу реки Темзы, сначала он подвизался в одиночестве, а потом устроил пустынный монастырь в честь Иоанна Предтечи, который от местности назван был Железоборовским и который существует до настоящего времени (находясь в 15 верстах на юго-восток от своего уездного города Буя). Скончался преподобный Иаков 11 апреля 1442 г.

Преподобный Никита не был основателем собственного монастыря, а был игуменом в монастыре уже готовом; но необходимо предполагать о нем, что он, как ученик Преподобного Сергия, согласился быть игуменом в монастыре только под тем условием, чтобы в последнем введено было общежитие. Вероятно, был выпрошен у Преподобного Сергия Серпуховским князем Владимиром Андреевичем, Никита, как передается о нем в житии преподобного Пафнутия Боровского, был некоторое время игуменом в Серпуховском Зачатьевском монастыре (теперь не существующем и неизвестно когда уничтоженном), а потом, придя в старость и лишившись зрения, жил на покое в Боровском Покровском, что на Высоком, монастыре (здесь отдан был игуменом в его руководство новопостриженный преподобный Пафнутий).

Преподобный Стефан Махрицкий был уроженцем южной, или Киевской, Руси и постриженником Киево-Печерского монастыря. Неизвестно чем заставленный удалиться из Киева, он прибыл в Москву около 1355 г. Принятый с честью великим князем Московским Иваном Ивановичем (1353–1359, как происходивший, вероятно, из знатного рода), испросил у государя землю для монастыря, который и поставил в нынешнем Александровском уезде Владимирской губернии, при впадении речки Махры в реку Молокшу, в расстоянии 35 верст к востоку от Троицкого монастыря Преподобного Сергия (в 12 верстах к югу от города Александра), с церковью также в честь Святой Троицы. Это – Махрицкий монастырь (состоящий под ведением Троицкой лавры). Был принужден удалиться из монастыря враждой одной семьи мирских соседей (опасавшихся, что земля, которой владеют они, может быть отнята у них и отдана ему, как человеку, близкому к великому князю), он направился в пределы Вологодские и здесь после 1371 г. основал другой монастырь близ реки Сухоны, при потоке Юрьевом, в 60 верстах к северо-востоку от Вологды, в волости Авнежской, так же как и первый монастырь, в честь Святой Троицы. Это – Авнежский Троицкий монастырь, упраздненный в 1764 г. По приглашению великого князя Дмитрия Ивановича Донского, возвратившись из Авнежского монастыря в Махрицкий (причем первый поручил заведыванию своих учеников Григория и Кассиана), преподобный Стефан скончался 14 июля 1406 г.

Вид Махрицкого монастыря

Преподобный Димитрий родился в городе Переяславле, в богатом купеческом семействе. Принял монашеское пострижение и удостоен сана священства в Переяславском Горицком монастыре. Выйдя из Горицкого монастыря, основал в Переяславле собственный монастырь в честь чудотворца Николая (существующий до настоящего времени Николаевский на Бологе). Быв собеседником Преподобного Сергия, преподобный Димитрий пользовался, подобно ему, уважением великого князя Дмитрия Ивановича, который приглашал его вместе с Сергием в воспитанники своих детей. Избегая славы человеческой, он устремился в пустыни северные, в пределы Вологодские, и здесь сначала избрал себе место обитания на реке Леже, впадающей в реку Сухону верстах в 20 ниже города Вологды, недалеко от селения Авнеги (по которому волость называлась Авнежской). Принужденный удалиться с избранного места жителями упомянутого селения, опасавшимися отнятия им у них земли, переселился к самому городу Вологде и в 1371 г. основал монастырь в 5 верстах от нее, на берегу реки Вологды, при луке или изгибе последней, от чего монастырь и получил название Прилуцкого (в честь праздника Спасителя и Божией Матери, совершаемого 1 августа, – Спасский, Спасо-Прилуцкий). Быв первым водворителем общежития в пределах Вологодских, преподобный Димитрий скончался за семь с половиной месяцев до Преподобного Сергия, 11 февраля того же 1392 г.

Святитель Дионисий, биографических сведений о котором никаких нет, основал близ Нижнего Новгорода существующий до настоящего времени Печерский Вознесенский монастырь. Начало его знакомства с Преподобным Сергием должно быть относимо к 1365 г., когда Сергей, по поручению великого князя и митрополита, приходил в Нижний Новгород мирить Суздальских князей Дмитрия и Бориса Константиновичей, а монастырь основан им (Дионисием), по всей вероятности, ранее 1365 г. Таким образом, относительно введения им в своем монастыре общежития нужно думать, что первоначально он устроил его особножитным, каковыми были все тогдашние наши монастыри, но что потом, после вступления в знакомство с Преподобным Сергием, который представлял собой как бы олицетворение и как бы олицетворенную проповедь общежития, превратил его в общежитный. Поставленный святым митрополитом Алексием в 1374 г. в епископы Суздальские, Дионисий пытался после смерти Алексия восхитить стол митрополичий у архимандрита Михаила (Митяя); избранный потом в кандидаты на митрополию и самим великим князем, он на возвратном пути в Москву из Константинополя захвачен был в Киеве, по домогательствам митрополита Кипри-

ана, тамошним князем Владимиром Ольгердовичем, в заключении у которого и скончался 15 октября 1385 г.

Преподобный Евфимий, уроженец Нижегородский, постриженник Дионисиев в его Печерском монастыре, построил в Суздале, по желанию и на средства князя Бориса Константиновича, существующий до настоящего времени Спасо-Преображенский монастырь (известный под именем Спасо-Евфимиева). Преподобный Евфимий стал собеседником Преподобного Сергия после того, как основал свой монастырь, в котором учредил общежитие. До прежде непосредственного знакомства с Сергием он сделался учеником его в отношении к общежитию через посредство учителя своего Дионисия. Скончался преподобный Евфимий 1 апреля 1404 г.

Преподобный Сергей мелет в жерновах

Преподобный Кирилл, знаменитейший подвижник северной, Московской, Руси после самого Преподобного Сергия, родился в 1337 г., т. е. в год монашеского пострижения последнего, в одном московском дворянском семействе и получил при крещении имя Косьмы. Лишившись родителей в юношеские лета, он взят был на попечение родственником умерших, одним из знатнейших бояр великого князя Дмитрия Ивановича Донского, Тимофеем Васильевичем Вельяминовым, у которого снискал такое расположение и доверие к себе, что, когда достиг зрелого возраста, боярин сделал его своим домоправителем, или дворецким.

При посредстве преподобного Стефана Махрицкого Косьма успел достигнуть того, чтобы боярин, очень долго бывший против его пострижения в монашество, изъявил наконец свое согласие на это в 1380 г., когда ему было от роду 43 года. Постригшись в монашество в Симоновом монастыре, у племянника Сергиева Феодора, Кирилл предался такому суровому подвижничеству, что Преподобный Сергей почтил его своим исключительным уважением: приходя в Симонов монастырь для посещения племянника, он прежде всего, не заходя к игумену, проходил к Кириллу в составлявшую место его послушания и его подвигов хлебню, чтобы вести с ним духовную беседу. После возведения Феодора в 1387 г. в епископы Ростовские Кирилл поставлен был вместо него архимандритом монастыря. Но, тяготясь положением архимандрита, которое обязывало его принимать всех приходящих к нему и которое лишало его возможности уединенно безмолвствовать, он скоро отказался от возложенной на него должности и заключился в келье (на Старом Симонове) для любезного ему безмолвия. Однако в Москве безмолвие оказалось для него невозможным: слава его привлекала к нему из всех мест множество людей, которые искали его бесед ради душевной пользы. Тогда преподобный Кирилл решил удалиться в пустыню. От другого монаха Симонова монастыря, по имени Ферапонт, посланного в Белозерье за монастырским делом, он узнал, что в этом Белозерье есть места, удобные для безмолвования, и, согласившись с тем же Ферапонтом, он решился удалиться туда. В Белозерье, не доходя 35 верст до города Белозерска, при трех озерах и построил Кирилл в 1397 г. свой знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь (во имя Успения Божией Матери), в котором ввел строгое общежитие и строжайший монастырский устав и в котором скончался на 90 году жизни 9 июня 1427 г. (в настоящее время монастырь находится при городе Кириллове, уездном Новгородской губернии, отстоящем в 601 версте к северо-востоку от Новгорода, образовавшемся из подмонастырной слободы). Около монастыря Кириллова скоро возникло много малых монастырей и пустынь, которые, имея его своим центром, составляли так называемое монашеское Заволжье (ибо Кириллов монастырь приходился от Москвы за Волгой).

Вид Симонова монастыря

Спутник преподобного Кирилла в Белозерской пустыни преподобный Ферапонт (уроженец города Волоколамска, из дворянского рода Поскочиных) также причисляется некоторыми к собеседникам Преподобного Сергея. Он основал два монастыря по образцу Сергиеву, т. е. общежитных. Первый монастырь, основанный одновременно с Кирилловым (в честь Рождества Богородицы) и находившийся в 15 верстах от него, назывался по имени основателя Ферапонтовым и закрыт в 1798 г. (в настоящее время Ферапонтова слобода). Второй монастырь есть Можайский Лужецкий, основанный преподобным Ферапонтом в 1408 г.

близ города Можайска, по желанию Можайского, а вместе и Белозерского, князя Андрея Дмитриевича, сына Донского (также в честь Рождества Богородицы), существующий до настоящего времени (находящийся в одной версте от Можайска, на берегу реки Москвы). Скончался преподобный Ферапонт 27 мая 1426 г.

Святитель Стефан Пермский родился в Великом Устюге от одного из клириков тамошней соборной церкви; принял монашество и монашествовал в Ростовском монастыре Григория Богослова; в 1378 или 1373 г. отправился на проповедь христианства к жившему близ его родины языческому народу Зырянам, большинство которого и обратил в христианство в продолжение четырех– или пятилетней проповеди до 1382 г.; в конце 1382 начале 1383 г., поставленный в епископы Пермские, скончался в Москве 26 апреля 1396 г. Преподобный Стефан построил в своей новой епархии и у новокрещенного им народа четыре монастыря, не знаем, общежитные ли, или все ли общежитные, в течение XVIII в. все закрытые: Благовещенский и Архангельский, находившиеся в его кафедральном городе Усть-Выми (при впадении реки Выми в реку Сысолу, в настоящее время село Яренского уезда), служивший местом его обитания или его кафедральный и в котором также помещалось училище для приготовления священно– и церковнослужителей, и потом – Ульяновскую Спасскую пустыню, находившуюся на реке Вычегде, в 165 верстах от Усть-Сысольска, в прямом направлении от него на восток, и Стефановскую пустыню, находившуюся на речке Вотчинке или Ожинке, впадающей справа в Сысолу, в 60 верстах на юг от Усть-Сысольска.

Итак, Преподобный Сергей и его ученики и собеседники основали до 30 монастырей того нового типа или вида, который мы указывали выше и который по имени его вводителя, Преподобного Сергия, можно назвать Сергиевым или Сергиевским, именно – монастырей, поставленных если не в настоящих пустынях, то вне мирских жилищ и в большем или меньшем от них отдалении, а в отношении к образу жизни монахов – общинножитных или общежитных.

Монастырями этими водворено было монашество Сергиева вида, каким оно (монашество) и должно быть, в целой восточной половине тогдашней северной Руси, которую составляли нынешние губернии: Московская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Ярославская и Тверская. В западную целую половину тогдашней северной Руси, состоявшей из области Новгородской с областью Псковской, не простирались ученики и собеседники Преподобного Сергия, чтобы ставить в ней нашего вида монастыри (Белозерье, принадлежащее в настоящее время к губернии Новгородской, принадлежало в древнее время к области не Новгородской, а Ростовской). Но и сюда скоро было перенесено монашество Сергиево из восточной половины Руси. В 1382 г. был в Пскове Суздальский архиепископ Дионисий, приехавший для того, чтобы устроить здесь (равно как и в Новгороде) дела церковные (утишить смуту, произведенную стригольниками), что было поручено ему патриархом Константинопольским, от которого он только что перед тем возвратился. В бытность свою во Пскове Дионисий ввел общежитие в главном тогдашнем монастыре области Псковской – Снеогорском (находящемся в 5 верстах от Пскова; в настоящее время – архиерейский дом). Из Снеогорского монастыря вышел преподобный Евфросин Псковский, который основал знаменитый в области Трехсвятительский (позднее Спасский, Спасо-Елиزارов) монастырь и который не только ввел в своем монастыре общежитие, но и написал для него нарочитый устав; а ученики преподобного Евфросина были насадителями пустынно-общинножития вообще в области Псковской. Из Кирилло-Белозерского монастыря вышел преподобный Савватий Соловецкий, один из началоположников монашеского обитания на Соловецком острове (скончался 27 сентября 1435 г.); а из Соловецкого монастыря распространялось пустынно-общинножитие по всему Поморью, составляющему нынешнюю губернию Архангельскую, из которого, в свою очередь, распространялось по всему Прионежью и вообще по всей нынешней губернии Олонецкой. Не знаем, кем именно водворено было общежитие

в самой области Новгородской (собственно, восстановлено было после древних Антония Римлянина и Варлаама Хутынского), но в середине XV в., мы находим его и в этой последней области.

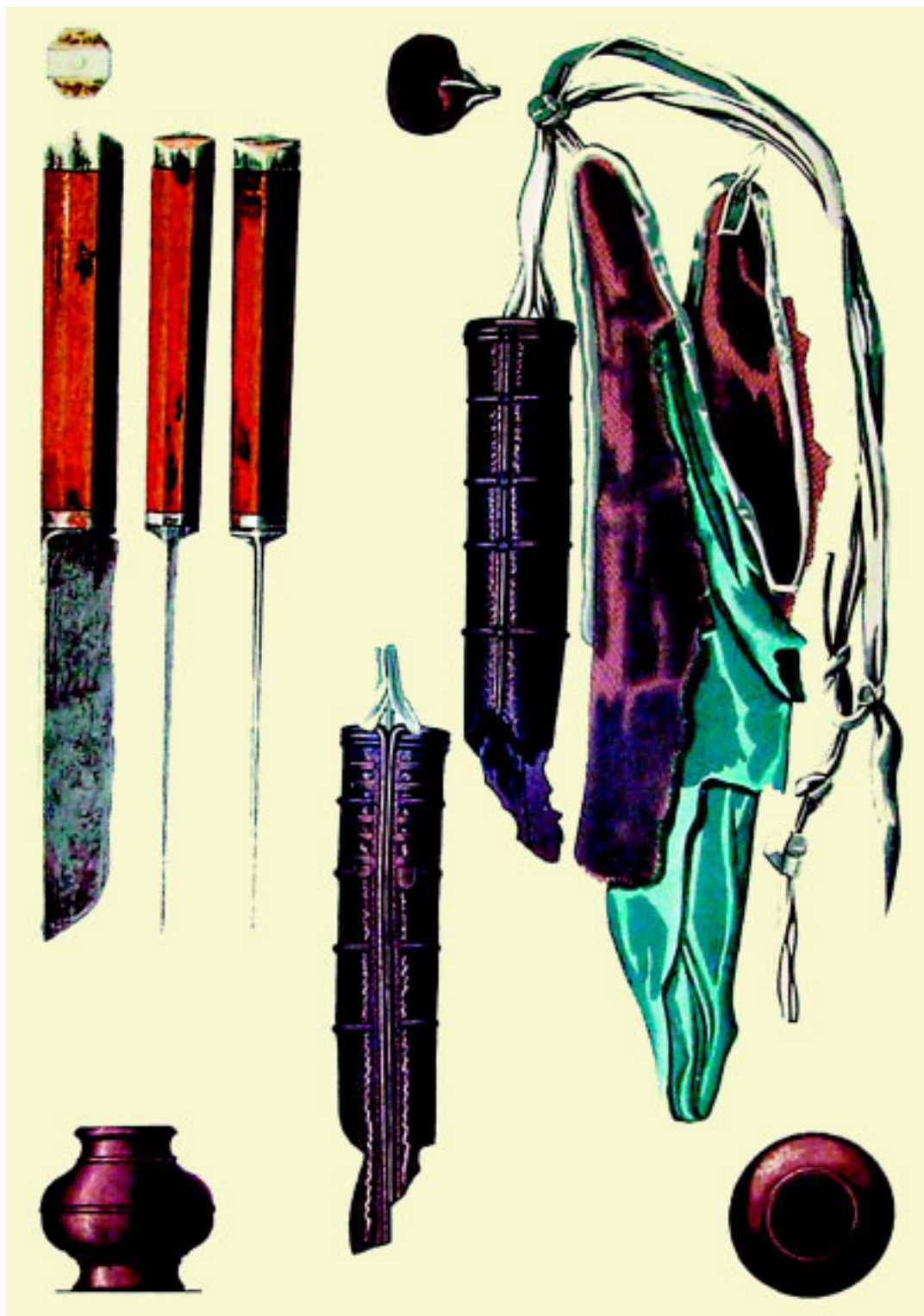
Прежде чем строить в пустыне монастырь и в монастыре вводить общежитие, Преподобный Сергей подвизался некоторое время уединенным пустынножитием. Этим показал он образец и пример особого подвига – уединенного пустынножития, которое после него было у нас очень распространено. Едва не все известные последующие основатели монастырей, прежде чем строить монастыри, более или менее подолгу подвизались нашим подвигом, причем дело было или так, что человек прямо из мира шел в пустыню, или что он уходил в нее из монастыря, в котором принял пострижение. В XV и XVI вв. все леса северной, Московской, Руси были более или менее населены уединенными пустынниками. Таким образом, чтобы иметь себе полное представление о Преподобном Сергии, не должно забывать, что и эти пустынники, бывавшие таковыми временно или остававшиеся ими навсегда, составляли сонм его чад и подражателей, – что они повели свое начало также от него.

Окончим наши речи о Преподобном Сергии перечислением тех известных нам учеников его, которые не исходили из его монастыря, чтобы основывать собственные монастыри, но оставались монахами первого до конца жизни.

Учеников этих известно нам не особенно много. При сем они разделяются на двое: об одних мы имеем некоторые, изображающие их, отзывы, а других знаем только по именам.

Первые суть: Симон, архимандрит Смоленский, Исаакий молчальник, Симон ектесиах (уставщик), Илия келарь, Епифаний Премудрый, Игнатий и преподобный Никон, преемник Преподобного Сергия на игуменстве.

О приходе к Преподобному Сергию архимандрита Симона мы сказали выше. Жизнеописатель преподобного отзываясь о нем: «Симон же много лет поживе (в монастыре Сергиевом) в покорении и в послушании, паче же в странничестве и во смирении, и всеми добродетельми исполнен, и в старости добре преставися к Богу».

Нож, ножны и кошелек Преподобного Сергия, находившиеся в Троице-Сергиевой лавре

Об Исаакии жизнеописатель Преподобного Сергия говорит, что он был «муж zelo добродетельный» и что он подвизался великим воздержанием, удручая тело свое постом, бдением и молчанием. Преподобный Сергий весьма желал, было, оставить его после себя настоятелем Киржачского монастыря; но он решительно отказался от этого, а вместо того испросил у преподобного благословение принять на себя подвиг совершенного молчания, которое потом и соблюдал до конца своей жизни. Когда преподобный благословлял Исаакия на желаемый им подвиг, то, по словам жизнеописателя, он (Исаакий) видел как бы некото-

рый пламень великий, исшедший от руки преподобного и всего его окруживший. Он сподобился видеть сослужащим Преподобному Сергию ангела Божия и ему вместе с еkkлесиархом Симоном рассказывал преподобный о посещении Божией Матери. В описи монастыря, составленной в 1641 г., упоминаются две рукописи его письма, чем дается знать, что его послушанием или одним из его послушаний в монастыре было писание книг. Он скончался зимой 1387 или 1388 г.

О Симоне еkkлесиархе жизнеописатель Преподобного Сергия говорит, что он был «во мнозех добродетели совершен», что «и сам святой старец, т. е. Преподобный Сергей, свидетельствоваше (его) имуща свершено житие». Он сподобился видеть божественный огонь во время причащения преподобного на литургии. Он сподобился быть зрителем некоторой части видения «птиц красных». Ему вместе с Исаакием рассказывал преподобный о посещении Божией Матери.

О келаре Илие в одной из летописей записано под 1384 г.: «преставися на пентикостной неделе (т. е. неделе святой Пятидесятницы) старец Илья, келарь Троицкого монастыря, добрый и послушливый».

Епифаний, за свое исключительное красноречие, с которым написал два жития – своего учителя Преподобного Сергия и святого Стефана Пермского, древними называемый мудрейшим и премудрейшим, а у новых носящий титул премудрого, был, как нужно думать, не только человек исключительный в умственном отношении, но отличавшийся и особенно строгой монашеской жизнью, ибо под старость был в монастыре духовником братии. Придя к преподобному после более и менее продолжительных странствований по Востоку, в возрасте приблизительно тридцатилетнем и живя в монастыре при нем самом около 16–17 лет, скончался около 1420–1422 г.

Игнатий. Этот инок от братства Сергиева, как имевший свидетельство добродетельного жития, вскоре после кончины преподобного удостоился видения, в котором возвещалось братству обители, что он – преподобный – неотступно пребывает с ними: во время одного всеобщего бдения инок видел Сергия стоящим на своем месте и поющим с братьями.

Изображение преподобного Епифания

Преподобный Никон был родом из города Юрьева Владимирской области, нынешней Владимирской губернии. Еще в юных летах возмев желание монашествовать, он пошел к Преподобному Сергию; но Сергей послал его в Серпухов, на Высокое, к ученику своему Афанасию, которым он и был пострижен в монашество. Достигнув в монастыре Афанасия совершенного возраста и будучи сподоблен священства, он возвратился к Преподобному Сергию (может быть, после того как Афанасий ушел из монастыря в Константинополь). Своим нравом и своей жизнью он приобрел такую любовь преподобного, что тот взял его к

себе в келью и решил оставить его своим преемником на игуменстве в монастыре. Будучи предвозвещен о своей кончине за шесть месяцев до нее, Сергей тотчас же возложил на него игуменство, чтобы самому провести остаток дней жизни в безмолвии. Вскоре после смерти Преподобного Сергия он отказался от игуменства, чтобы удалиться для упражнения подвигом безмолвия и в продолжение шести лет был заменяем на игуменстве, которое потом опять воспринял, Саввой Дубенским (впоследствии Звенигородским). Перед нашествием на Москву хана Едигея, которое имело место в конце 1408 г., Преподобный Сергей, явившись ему в видении вместе с святыми митрополитами Петром и Алексием, предизвестил его о сожжении монастыря и вместе утешил обещанием, что после того монастырь еще более распространится. Чтобы спасти братию от меча татарского, он уводил ее куда-то в безопасное от татар место, а когда монастырь действительно был выжжен татарами, он возобновил его в более просторном виде. В 1422 г. он открыл мощи Преподобного Сергия, а вслед за тем построил над мощами преподобного вместо деревянной церкви прекрасную каменную. О великой славе его между современниками свидетельствует его жизнеописатель Пахомий Сербин, который говорил в житии, что «повсюду бе Никоново имя слышати, яко священство некое обносимо и всякими усты человеческими хвалимо». Пахомия подтверждают летописи, в которых под 1428 г. записано, что «преставись игумен Никон, чудный старец». Скончался он 17 ноября 1428 или 1429 г.

Трое из его начальных сожителей в пустыне, когда он начал принимать к себе последних:

Василий, прозванием Сухой, пришедший к преподобному одним из первых с верху Дубны, т. е. из какого-то недалекого от лавры селения с северной ее стороны, потому что верховья реки Дубны недалеко на север от лавры (стан Переяславского уезда по Переяславской дороге от Троицы назывался Верхнедубенским).

Иаков, которого звали Якутой, служивший для общины пустынножителей «посольником», т. е. посыльным, в мир, в случае каких-либо очень важных дел.

Онисим диакон, бывший ростовский вельможа, мирянином переселившийся из Ростова на Радонеж вместе с родителями Преподобного Сергия, отец другого диакона – Елисея.

Затем еще шестеро: преподобный Михей, келейник Преподобного Сергия, присутствовавший при посещении преподобного Божией Матерью, скончавшийся 6 мая 1385 г.

Макарий, удостоившийся вместе с Исаакием сослужащего Преподобному Сергию ангела.

Преподобный Сергей поручает своих иноков-воинов Пересвета и Ослабю князю Дмитрию Иоанновичу

Иоанникий и Елисей. Эти двое, не будучи упоминаемы в житии Преподобного Сергия, изображены вместе с другими его учениками на одной иконе, находящейся в лаврской ризнице. Второй из них, вероятно, есть упомянутый сын диакона Онисима, а о сем последнем, Елисее, жизнеописатель преподобного дает знать упоминанием о нем, что он был человек чем-то знаменитый или известный.

Вареоломей и Наум. Также неупоминаемые в житии Преподобного Сергия, называются самим преподобным в одном видении, бывшем во время осады лавры поляками.

Об иноках-воинах Пересвете и Ослябе мы сказали выше.

Значение преподобного Сергия для русского народа и государства

4

Когда вместе с разнообразной, набожно крестящейся народной волной вступаешь в ворота Сергиевой лавры, иногда думаешь: почему в этой обители нет и не было особого наблюдателя, подобного древнерусскому летописцу, который спокойным неизменным взглядом наблюдал и ровной бесстрастной рукой записывал, «еже содеяся в Русской земле», и делал это одинаково из года в год, из века в век, как будто это был один и тот же человек, не умиравший целые столетия? Такой бессменный и не умирающий наблюдатель рассказал бы, какие люди приходили в течение 500 лет поклониться гробу Преподобного Сергия и с какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во все концы Русской земли. Между прочим он объяснил бы нам, как это случилось, что состав общества, непрерывной волной притекавшего ко гробу преподобного, в течение пяти веков оставался неизменным. Еще при жизни преподобного, как рассказывает его жизнеописатель-современник, многое множество приходило к нему из различных стран и городов, и в числе приходивших были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, «на селе живущие». И в наши дни люди всех классов русского общества притекают к гробу преподобного со своими думами, мольбами и упованиями, государственные деятели приходят в трудные переломы народной жизни, простые люди в печальные или радостные минуты своего частного существования. И этот приток не изменился в течение веков, несмотря на неоднократные и глубокие перемены в строе и настроении русского общества: старые понятия иссякали, новые пробивались или наплывали, а чувства и верования, которые влекли сюда людей со всех концов Русской земли, бьют до сих пор тем же свежим ключом, как били в XIV в. Если бы возможно было воспроизвести писание все, что соединилось с памятью преподобного, что в эти 500 лет было молчаливо передумано и перечувствовано перед его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокого содержания историей нашей всенародной политической и нравственной жизни.

Впрочем, если Преподобный Сергей доселе остается для приходящих к нему тем же, чем был для них при своей жизни то и теперь на их лицах можно прочесть то же, что прочесть бы монастырский наблюдатель на лицах своих современников 400 или 500 лет назад. Достаточно взглянуть на первые встречные лица из многого множества в эти дни здесь теснящегося, чтобы понять, во имя чего поднялись со своих мест эти десятки тысяч, а сотни других мысленно следовали за ними. Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в капле чистой воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил Преподобный Сергей и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени? И редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос, что он есть для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему; каждый ответит твердо и вразумительно.

Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически известное жизненное дело, но имена, которые уже утратили хронологическое

⁴ Доклад В. О. Ключевского, произнесенный в 1892 г., в год 500-летия со дня смерти Сергия Радонежского (1392 г.).

значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало все временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом. Такие люди становятся для грядущих поколений не просто великими покойниками, а вечными их спутниками, даже путеводителями, и целые века благоговейно твердят их дорогие имена не столько для того, чтобы благодарно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного. Таково имя Преподобного Сергия; это не только назидательная, отрадная страница нашей истории, но и светлая черта нашего нравственного народного содержания.

Какой подвиг так освятил это имя? Надобно припомнить время, когда подвизался преподобный. Он родился, когда вымиралы последние старики, увидевшие свет около времени татарского разгрома Русской земли и когда уже трудно было найти людей, которые бы этот разгром помнили. Но во всех русских нервах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала непокойного ребенка лихим татаринном; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать, сами не зная куда. Внешняя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиться в народную робость, в черту национального характера, и в истории человечества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повествующая о том, как нападение азиатского монгола повело к падению великого европейского народа.

Могла ли однако прибавиться такая страница? Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу.

А. Космаков. Куликовская битва

Русские люди, сражавшиеся и уцелевшие в бою на Сити, сошли в могилу со своими сверстниками, безнадежно оглядываясь вокруг, не займется ли где заря освобождения. За ними последовали их дети, тревожно наблюдавшие, как многочисленные русские князья холопствовали перед татарами и дрались друг с другом. Но подросли внуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислушиваться к необычным делам в Русской земле. В то время, как все русские окраины страдали от внешних врагов, маленькое срединное Московское княжество оставалось безопасным, и со всех краев Русской земли потянулись туда бояре и простые люди. В то же время московские князьки, братья Юрий и этот самый Иван Калита, без оглядки и раздумья, пуская против врагов все доступные средства, ставя в игру все, что могли поставить, вступили в борьбу со старшими и сильнейшими князьями за первенство, за старшее Владимирское княжение, и при содействии самой Орды отбили его у соперников. Тогда же устроилось так, что и русский митрополит, живший во Владимире, стал жить в Москве, придав этому городку значение церковной столицы Русской земли. И как только случилось все это, все почувствовали, что татарские опустошения прекратились и наступила давно не испытанная тишина в Русской земле. По смерти Калиты Русь долго вспоминала его княжение, когда ей впервые в сто лет рабства удалось вздохнуть свободно, и любила украшать память этого князя благодарной легендой.

Так к середине XIV в. подросло поколение, выросшее под впечатлением этой тишины, начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине. Недаром представителю этого поколения, сыну великого князя Ивана Калиты, Симеону, современники дали прозвание Гордого. Это поколение и почувствовало ободрение, что скоро забрезжит свет. В это именно время, в начале сороковых годов XIV в., свершились три знаменательных события: из московского Богоявленского монастыря вызван был на церковно-административное поприще скрывавшийся там скромный 40-летний инок Алексей, тогда же один 20-летний искатель пустыни, будущий Преподобный Сергей, в дремучем лесу – вот на этом самом месте – поставил маленькую деревянную келью с такой же церковью, а в Устюге у бедного соборного причетника родился сын, будущий просветитель Пермской земли св. Стефан. Ни одного из этих имен нельзя произнести, не вспомнив двух остальных.

Эта присноблаженная троица ярким созвездием блещет в нашем XIV в., делая его зарей политического и нравственного возрождения Русской земли. Тесная дружба и взаимное уважение соединяли их друг с другом. Митрополит Алексей навещал Сергия в его обители и советовался с ним, желал иметь его своим преемником. Припомним душевный рассказ в житии Преподобного Сергия о проезде св. Стефана Пермского мимо Сергиева монастыря, когда оба друга на расстоянии 10 с лишком верст обменялись братскими поклонами.

Все три св. мужа, подвизаясь каждый на своем поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело – укрепление Русского государства, над созданием которого по-своему трудились московские князья XIV в. Это дело было исполнением завета, данного русской церковной иерархией величайшим святителем Древней Руси митрополитом Петром. Еще в мрачное время татарского ига, когда ниоткуда не проступал луч надежды, он, по преданию, пророчески благословил бедный тогда городок Москву, как будущую церковную и государственную столицу Русской земли. Духовными силами трех наших св. мужей XIV в., воспринявших этот завет святителя, Русская земля и пришла поработать над предвозвещенной судьбой этого города. Ни один из них не был коренным москвичом. Но в их лице сошлись для общего дела три основные части Русской земли: Алексей, сын черниговского боярина-переселенца, представлял старый киевский юг, Стефан – новый финско-русский север, а Сергей, сын ростовского боярина-переселенца, – великорусскую середину. Они приложили к делу могущественные духовные силы. Это были образованнейшие русские люди своего века; о них древние жизнеописатели замечают, что один «всю грамоту добре умея», другой «всяко писание Ветхаго и Новаго завета пройде», третий даже «книги греческия извыче добре». Потому ведь и удалось московским князьям так успешно собрать в своих руках материальные, политические силы русского народа, что им дружно содействовали добровольно соединившиеся духовные его силы.

Но в общем деле каждый из трех деятелей делал свою особую часть. Они не составляли общего плана действий, не распределяли между собой призваний и подвигов и не могли этого сделать, потому что были люди разных поколений. Они хотели работать над самими собой, делать дело собственного душевного спасения. Деятельность каждого текла своим особым руслом, но текла в одну сторону с двумя другими, направляемая таинственными историческими силами, в видимой работе которых верующий ум прозревает миродержавную десницу Провидения. Личный долг каждого своим путем вел всех троих к одной общей цели. Происходя из родовитого боярства, искони привыкшего делить с князьями труды обороны и управления страны, митрополит Алексей шел боевым политическим путем, был преемственно главным советником трех великих князей московских, руководил их боярской думой, ездил в орду ублажать ханов, отмаливая их от злых замыслов против Руси, воинствовал с недругами Москвы всеми средствами своего сана, карал церковным отлучением русских князей, непослушных московскому государю, поддерживая его первенство, с неослабной энергией отстаивая значение Москвы, как единственного церковного средоточия всей политически разбитой Русской земли. Уроженец города Устюга, в краю которого новгородская и ростовская колонизация, сливаясь и вовлекая в свой поток туземную чудь, создавала из нее новую Русь, св. Стефан пошел с христианской проповедью в Пермскую землю продолжать это дело обрусения и просвещения заволжских инородцев. Так церковная иерархия благословила своим почином две народные цели, достижение которых послужило основанием самостоятельного политического существования нашего народа: это – сосредоточение династически раздробленной государственной власти в московском княжеском доме и приобщение восточноевропейских и азиатских инородцев к Русской церкви и народности посредством христианской проповеди.

Моление Преподобного Сергия и Варлаама

Но чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и ввести инородцев в ограду христианской церкви, для этого самому русскому обществу должно было встать в уровень столь высоких задач, приподнять и укрепить свои нравственные силы, принижённые вековым порабощением и унынием. Этому третьему делу, нравственному воспитанию народа, и посвятил свою жизнь Преподобный Сергей. То была внутренняя миссия, долженствовавшая служить подготовкой и обеспечением успехов миссии внешней, начатой пермским просветителем; Преподобный Сергей и вышел на свое дело значительно раньше св. Стефана. Разумеется, он мог применять к делу средства нравственной дисциплины, ему доступные и понятные тому веку, а в числе таких средств самым сильным был живой при-

мер, наглядное осуществление нравственного правила. Он начал с самого себя и продолжительным уединением, исполненным трудов и лишений среди дремучего леса, приготовился быть руководителем других пустынножителей. Жизнеописатель, сам живший в братстве, воспитанном Сергием, живыми чертами описывает, как оно воспитывалось, с какой постепенностью и любовью к человеку, с каким терпением и знанием души человеческой. Мы все читали и перечитывали эти страницы древнего жития, повествующие о том, как Сергей, начав править собиравшейся к нему братией, был для нее поваром, пекарем, мельником, дровоколом, портным, плотником, каким угодно трудником служил ей, как раб купленный, по выражению жития, ни на один час не складывал рук для отдыха, как потом, став настоятелем обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, он принимал искавших у него пострижения, не спускал глаз с каждого новика, возводя его со степени на степень иноческого искусства, указывал дело всякому по силам, ночью дозором ходил мимо келий, легким стуком в дверь или окно напоминал празднословившим, что у монаха есть лучшие способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснеть, «тихой и кроткой речью» вызывал в них раскаяние без досады. Читая эти рассказы, видишь перед собой практическую школу благонравия, в которой сверх религиозно-иноческого воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Наставник вел ежедневную дробную терпеливую работу над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособлявая их к целям всего братства. По последующей самостоятельной деятельности учеников Преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством лица не обезличивались, личные свойства не стирались, каждый оставался сам собой и, становясь на свое место, входил в состав сложного и стройного целого, как в мозаической иконе различные по величине и цвету камешки укладываются под рукой мастера в гармоническое выразительное изображение. Наблюдение и любовь к людям дали умение тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее чувства, – то умение, перед которым не устоял самый упрямый русский человек XIV в. князь Олег Иванович Рязанский, когда по просьбе великого князя Московского Дмитрия Ивановича, как рассказывает летописец, «старец чудный» отговорил «суровейшего» рязанца от войны с Москвой, умилив его тихими и кроткими речами и благоуветливыми глаголами.

Так воспиталось дружное братство, производившее, по современным свидетельствам, глубокое назидательное впечатление на мирян. Мир приходил к монастырю с пытливым взглядом, каким он привык смотреть на монашество, и если его не встречали здесь словами «прииди и виждь», то потому, что такой зазыв был противен Сергиевой дисциплине. Мир смотрел на чин жизни в монастыре Преподобного Сергия, и то, что он видел, быт и обстановка пустынного братства поучали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие. В монастыре все было бедно и скудно, или, как выразился разочарованно один мужичок, пришедший в обитель Преподобного Сергия повидать прославленного величественного игумена, «все худостно, все нищетно, все сиротинско»; в самой ограде монастыря первобытный лес шумел над кельями и осенью обсыпал их кровли палыми листьями и иглами; вокруг церкви торчали свежие пни и валялись неубранные стволы срубленных деревьев; в деревянной церковке за недостатком свеч пахло лучиной; в обиходе братии столько же недостатков, сколько заплат на сермяжной ряске игумена; чего ни хватись, всего нет, по выражению жизнеописателя; случалось, вся братия по целым дням сидела чуть не без куска хлеба. Но все дружны между собой и приветливы к пришельцам, во всем следы порядка и размышления, каждый делает свое дело, каждый работает с молитвой и все молятся после работы; во всех чуялся скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу

труда, мысли и молитвы. Мир видел все это и уходил ободренный и освеженный, подобно тому, как мутная волна, прибывая к прибрежной скале, отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте, и бежит далее светлой и прозрачной струей. Надобно припомнить людей XIV в., их быт и обстановку, запас их умственных и нравственных средств, чтобы понять впечатление этого зрелища на набожных наблюдателей. Нам, страдающим избытком нравственных возбуждений и недостатком нравственной восприимчивости, трудно уже воспроизвести слагавшееся из этих наблюдений настроение нравственной сосредоточенности и общественного братства, какое разносили по своим углам из этой пустыни побывавшие в ней люди XIV в. Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически. На это указал сам Христос, сказав: «Царство Божие подобно закваске». Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV в. От вековых бедствий этот человек так оскудел нравственно, что не мог не замечать в своей жизни недостатка этих первых основ христианского общежития, но еще не настолько очерствел от этой скудости, чтобы не чувствовать потребности в них.

Наедине с Богом

Пробуждение этой потребности и было началом нравственного, а потом и политического возрождения русского народа. Пятьдесят лет делал свое тихое дело Преподобный Сергей в Радонежской пустыне; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими. Никто тогда не считал гостей пустытника и тех, кого они делали причастниками приносимой ими благодатной росы, никто не думал считать этого, как человек, пробуждающийся с ощущением здоровья, не думает о своем пульсе. Но к концу жизни Сергия едва ли вырывался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох,

который бы не облегчался молитвенным призывом имени св. старца. Этими каплями нравственного влияния и выращены были два факта, которые легли среди других основ нашего государственного и общественного здания и которые оба связаны с именем Преподобного Сергия. Один из этих факторов – великое событие, совершившееся при жизни Сергия, а другой – целый сложный и продолжительный исторический процесс, только начавшийся при его жизни.

Событие состояло в том, что народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной похоронив их под своими многотысячными костями. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды? Глаз исторического знания уже не в состоянии разглядеть хода этой подготовки великих борцов 1380 г.; знаем только, что преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, сказав: «Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь», – и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего на глазах Преподобного Сергия и вместе с князем Димитрием Донским бывшего на Куликовом поле.

Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое Преподобный Сергей вдохнул в русское общество, еще живее и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сергия начался замечательный перелом: заметно оживилось стремление к иночеству. В бедственный первый век ига это стремление было очень слабо: в сто лет 1240–1340 гг. возникло всего каких-нибудь десятка три новых монастырей. Зато в следующее столетие 1340–1440 гг., когда Русь начала отдыхать от внешних бедствий и приходить в себя, из куликовского поколения и его ближайших потомков вышли основатели до 150 новых монастырей. Таким образом, древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния своего мирского общества: стремление покидать мир усиливалось не оттого, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных. Впрочем, исторические факты здесь говорят не более того, что подсказывает сама идея православного иночества. Эта связь русского монастыря с миром обнаружилась и в другом признаке перелома, в перемене самого направления монастырской жизни со времен Преподобного Сергия. До половины XIV в. почти все монастыри на Руси возникали в городах или под их стенами; с этого времени решительный численный перевес получают монастыри, возникшие вдали от городов, в лесной глухой пустыне, ждавшей топора и сохи. Так к основной цели монашества, в борьбе с недостатками духовной природы человека, присоединилась новая борьба с неудобствами внешней природы; лучше сказать, эта вторая цель стала новым средством для достижения первой.

Преподобный Сергей со своей обителью и своими учениками был образцом и начинателем в этом оживлении монастырской жизни, «начальником и учителем всем монастырем, иже в Руси», как называет его летописец. Колонии Сергиевской обители, монастыри, основанные учениками преподобного или учениками его учеников, считались десятками, составляли почти четвертую часть всего числа новых монастырей во втором веке татарского ига, и почти все эти колонии были пустынные монастыри, подобно своей митрополии. Но, убегая от соблазнов мира, основатели этих монастырей служили его насущным нуждам. До середины XIV в. масса русского населения, сбита врагами в междуречье Оки и верхней Волги, робко жалась здесь по немногим расчищенным среди леса и болот полосам удобной земли. Татары и Литва запирали выход из этого треугольника на запад, юг и юго-восток. Оставался открытым путь на север и северо-восток за Волгу; но то был глухой непроходи-

мый край, кое-где занятый дикарями финнами; русскому крестьянину с семьей и бедными пожитками страшно было пуститься в эти бездорожные дебри. «Много было тогда некрещеных людей за Волгой», т. е. мало крещеных, говорит старая летопись одного заволжского монастыря о временах до Сергия. Монах-пустынный и пошел туда смелым разведчиком. Огромное большинство новых монастырей с середины XIV в. до конца XV в. возникло среди лесов костромского, ярославского и вологодского Заволжья: этот волжско-двинский водораздел стал северной Фиваидой православного Востока. Старинные памятники истории Русской церкви рассказывают, сколько силы духа проявлено было русским монашеством в этом мирном завоевании финского языческого Заволжья для христианской церкви и русской народности. Многочисленные лесные монастыри становились здесь опорными пунктами крестьянской колонизации: монастырь служил для переселенца-хлебопашца и хозяйственным руководителем, и ссудной кассой, и приходской церковью, и, наконец, приютом под старость. Вокруг монастырей оседало бродячее население, как корнями деревьев сцепляется зыбучая песчаная почва. Ради спасения души монах бежал из мира в заволжский лес, а мирянин цеплялся за него и с его помощью заводил в этом лесу новый русский мир. Так создавалась верхневолжская Великороссия дружными усилиями монаха и крестьянина, воспитанных духом, какой вдохнул в русское общество Преподобный Сергей.

Напутствуемые благословением старца, шли борцы, одни на юг за Оку, на татар, другие на север за Волгу, на борьбу с лесом и болотом.

Сергий Радонежский с житием

Время давно свяло эти дела с народной памяти, как оно же глубоко заметало вековой пылью кости куликовских бойцов. Но память святого пустынножителя доселе царит в народном сознании, как гроб с его нетлеющими останками невредимо стоит на поверхности земли. Чем дорога народу эта память, что она говорит ему, его уму и сердцу? Современным, засохшим в абстракциях и схемах языком трудно изобразить живые, глубоко сокрытые движения верующей народной души. В эту душу глубоко запало какое-то сильное и светлое впечатление, произведенное когда-то одним человеком и произведенное неуловимыми, бес-

шумными нравственными средствами, про которые не знаешь, что и рассказать, как не находишь слов для передачи иного светлого и ободряющего, хотя молчаливого взгляда. Виновник впечатления давно ушел, исчезла и обстановка его деятельности, оставив скудные остатки в монастырской ризнице да источник, изведенный его молитвой, а впечатление все живет, переливаясь свежей струей из поколения в поколение, и ни народные бедствия, ни нравственные переломы в обществе доселе не могли сгладить его. Первое смутное ощущение нравственного мужества, первый проблеск духовного пробуждения – вот в чем состояло это впечатление. Примером своей жизни, высотой своего духа Преподобный Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна.

Лучина светит чтению и пению

Так думали тогда все на Руси и это мнение разделял православный Восток, подобно тому цареградскому епископу, который, по рассказу Сергиева жизнеописателя, приехав в Москву и слыша всюду толки о великом русском подвижнике, с удивлением восклицал: «Како может в сих странах таков светильник явиться?» Преподобный Сергей своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и сени смертной, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV в. признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня – такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник – вера. Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными наличные обиходные средства народной жизни. Впечатление людей XIV в. становилось верованием поколений, за ними следовавших. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они возводили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современники. Так духовное влияние Преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исто-

рического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа. Это имя сохраняло силу непосредственного личного впечатления, какое производил преподобный на современников; эта сила длилась и тогда, когда стало тускнеть историческое воспоминание, заменяясь церковной памятью, которая превращала это впечатление в привычное, поднимающее дух настроение. Так теплота ощущается долго после того как погаснет ее источник. Этим настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок. При имени Преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило – самые драгоценные вклады Преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятьми деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятьми срастается нравственное чувство народа; они – его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них – оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота лавры Преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его.

О значении преподобного Сергия Радонежского в истории нашего монашества

Для того, чтобы подробно излагать святую и чудную жизнь Преподобного Сергия, потребовалось бы слишком много времени; при том же эта святая и чудная жизнь его всем более или менее известна. Выбирая частнейшее из того, что может быть говорено о Преподобном Сергии, мы в первой беседе о нем скажем о его значении в истории нашего русского монашества. Значение это чрезвычайно велико, а между тем оно странным каким-то образом совсем, или почти что совсем, не примечается, так что речи о нем весьма желательны для установления правильного и надлежащего взгляда на Преподобного Сергия и для воздаяния ему всей той славы, которая ему подобает. Имя Преподобного Сергия обыкновенно произносится вместе с именами преподобных Антония и Феодосия Печерских. Этим хотят заявить признание – и совершенно справедливое, – что Преподобный Сергей был такой же великий подвижник, как и преподобные Антоний и Феодосий. Но кроме того, что Сергей был таким же великим подвижником, как Антоний и Феодосий, он имеет еще в истории нашего монашества совершенно такое же значение, какое имеет второй из двоих последних, т. е. Феодосий. Преподобный Феодосий был у нас вводителем строгого монашества после принятия нами христианства от греков и после заимствования нами от них вместе с христианством монашества не совершенно строгого. Преподобный Сергей был восстановителем у нас строгого монашества, после того как оно, будучи введено у нас преподобным Феодосием, потом с течением времени снова уступило место монашеству не совершенно строгому.

Истинное, строгое, монашество есть, во-первых, полное отречение человека от мира, следовательно – полное отречение от всякого стяжания, от всякой собственности. Каноническое правило предписывает: «монахи не должны иметь ничего собственного», а «сочетающиеся монашеской жизни, т. е. воспринимающие на себя монашество, почитаются умершими для мира: как умершие ничего не имеют, так правило требует, чтобы и монашествующие ничего не приобретали». Во-вторых, правила канонические учат, что общины монашеские должны воспроизводить собой ту первоначальную общину всех христиан, о которой в книге Деяний апостольских повествуется, что у всего множества уверовавших было одно сердце и одна душа, а это возможно только под тем условием, чтобы, как и было это в первоначальной общине всех христиан, никто ничего не называл своим, но все у всех было общее: иначе – неизбежны между людьми распри и ссоры, как говорят святые Василий Великий и Иоанн Златоуст, и невозможно между людьми единодушие, как говорит преподобный Феодор Студит. Таким образом, истинное монашество должно быть строгим общежитием, при котором бы ни у одного из монахов не было совершенно ничего собственного, но все у них было общее, – общежитием, о котором преподобный Феодор Студит заповедует своему преемнику на игуменстве в монастыре: «Да хранишь всячески, чтобы у братства все было общее и нераздельное и ничего ни у кого не было лично-собственного (даже) до иголки». Считаем нужным сделать некоторое, так сказать, примечание к нашим словам: когда мы говорим, что истинное монашество должно быть строгим общежитием, то вовсе не хотим этим сказать, чтобы оно состояло в одном общежитии, а хотим сказать, что его не может быть без общежития (а при этом, конечно, разумеем монастыри, а не одиноких пустынников) и что именно таковое внешнее устройство жизни монашеской необходимо обуславливается и непременно требуется тем, чем монашество должно быть с внутренней своей стороны.

Пострижение Варфоломея в монашество

Строгим общежитием и было монашество в первое время его существования. Святой Иоанн Златоуст пишет о современных ему монастырях: «Там не говорят: это мое, это твое; отсюда изгнаны слова сии, служащие причиною бесчисленного множества распрей». Но потом к монашеству истинному явилось монашество не совсем истинное, с тем, чтобы вступить с ним в борьбу, чтобы никогда не уступать ему над собой полной победы и чтобы по временам одерживать над ним почти совершенную победу. Монашество есть исключительный и нарочитый путь, ведущий в Царство Небесное; достигнуть Царства Небесного желают все верующие люди; а поэтому желающих идти в монахи было очень много. Но

истинное монашество весьма трудно. При совершенном отсутствии частной собственности жизнь в общинах истинных монахов была устроена не так, чтобы она представляла одинаковую для всех прохладу, а так, чтобы представляла одинаковую для всех «всякую скорбь и тесноту», – одинаковую для всех скудость в пище, одинаковую для всех худость в одежде, одинаковый для всех тяжелый труд, одинаковую для всех продолжительность церковных молитв и бдений. И люди, желавшие идти верным путем, ведущим в Царство Небесное, а в то же время находившие путь этот слишком трудным для себя, решились, так сказать, угладить его: они составили себе убеждение, что монашество все же останется верным путем спасения, если в большей или меньшей степени и облегчить его для себя, как после составилось убеждение, будто может спасти человека даже и одно возложение им на себя монашеской одежды. Облегченное, не совсем строгое монашество они и ввели. Дело было так, что человек богатый постригался в монахи и поступал в монастырь, но не вступал в общину монахов, с тем, чтобы, отказавшись от всякой собственности, подчиниться всем требованиям общежития относительно одежды и пищи, трудов и общественной молитвы, а ставил себе в монастыре свою особую келью и в своей особой келье, оставаясь полным хозяином всего, что имел прежде, питал и одевал себя как хотел, совсем не участвовал в общих монастырских трудах и участвовал в общественных монастырских молитвах по своему произволению. К этим людям, которые желали достигнуть Царства Небесного путем монашества углаженным, присоединились люди, которые хотели постригаться в монахи не для самого монашества, а лишь за тем, чтобы, как говорят правила канонические, величаться одеждой монашеской и чтобы от чтимого одеяния воспринимать славу благочестия; понятно, что люди эти, принимавшие на себя монашество не для него самого, были за монашество как можно более облегченное. К сейчас указанным двум классам людей богатых присоединились люди бедные, которые начали идти в монахи за тем, чтобы при помощи монашеской одежды приобретать себе содержание, т. е. в качестве монахов выпрашивать себе содержание у христороубцев: понятно, что и эти люди были тоже за монашество как можно более облегченное. Сначала были ставимы особножитные кельи в монастырях общежитных, а потом стали особножитными целые монастыри. Каждый монах в этих монастырях, живя в своей собственной келье и имея свое особое от других хозяйство, представлял собой такого же особокелейника, каковые суть мирские келейники и мирские келейницы, живущие где-нибудь целыми слободками. У каждого монаха особножитного монастыря была своя собственная келья, или им самим поставленная или купленная, как готовая; если купленная, то или у наследников прежнего владельца или у самого монастыря, смотря по тому, наследникам или монастырю отказал келью прежний владелец. Все доходы, которые получал монастырь, разделялись между братией в известной пропорции поручно или полично, и затем каждый сам питал и сам одевал себя в своей келье и вообще был полным особым хозяином. В монастыре были иеромонахи (или же и мирские священники), которым шла за совершение служб особая плата или которые служили из найма, а вся остальная братия участвовала в общественных молитвах, сколько хотела, причем всякое уклонение от этих молитв могло быть извиняемо нуждами хозяйственными.

Если не ошибаемся, у нас в России в настоящее время нет особножитных монастырей (до недавнего времени были особножитные женские монастыри, но теперь, кажется, и их уже нет). Но эти особножитные монастыри до сих пор есть в Греции, до сих пор есть на Афоне, – из 20 Афонских монастырей 12 суть в настоящее время общежитные и 8 особножитные (греческое их название – идиоритмы, а живущими на Афоне русскими им усвоится название монастырей штатных). Монастыри эти представляют истинно печальное зрелище. Не говоря уже о том, что монах-собственник представляет такую же несообразность, как живой мертвец, или иначе сказать – что он есть мертвец притворный и обманной, – в монастырях этих нет совершенно ничего похожего на то, чтобы, по примеру церкви первохри-

стианской, у всей братии каждого монастыря было одно сердце и одна душа. Напротив, бедные в них монахи сненаются завистью к богатым монахам и раболепно пресмыкаются перед последними; а монахи богатые с презрением относятся к бедным и трактуют их как холопов, так что вместо братства с единой душой и единым сердцем царствуют в них барская спесь и холопская приниженность. Что касается до подвигов монашеских, то в монастырях этих, говоря словами одного русского, довольно долго жившего на Афоне, «дело спасения предоставлено на волю спасающегося, и потому каждый живет, как ему совесть позволит; имеет деньги, — ест и пьет что хочет (ест даже и мясное), одевается по желанию и никто не имеет права вмешиваться в его дела». Монахи общежитных афонских монастырей говорят об особножитных или штатных монастырях своей Святой горы не иначе, как с покачиванием головы, пожиманием плеч и глубокими вздохами. Что и у нас, в России, жизнь монахов особножитных монастырей была не лучше, чем была и есть она в Греции, об этом дает нам знать одно, сохранившееся до настоящего времени, поучение XVI–XVII в., посвященное видам или формам монашеской жизни. Поучение не описывает в подробности особножития, — о чем в интересе истории нельзя не пожалеть, — но оно надписывается: «Поучение о общем житии иноческого сущего (т. е. настоящего, истинного) чина спасительного пребывания Святых Отцев и о самочинном, о сваробоицком и худом житии иноческом, сиречь о особном и своевольном житиишки, и о скитском о пустынном добром житии», и потом в нем (поучении) говорится, что монахи, не хотящие и слышать об общем богопреданном житии, вместо него, «держат сваробоицкое житие, а во всем жительстве своем о всякой вещи сварятся и молвят в пустошь и любят держать преокаянное своеволие и оправдание и своеобычие и леность». Называя особножитие сваробоицким житием, автор поучения дает знать, что отличительную черту быта особножитных монахов составляли свары или ссоры из-за приобретения и из-за дележа доходов, из-за отбивания друг у друга благотворителей и благодетелей и т. д., следовательно, что в особножитных монастырях шла прискорбнейшая борьба за средства существования.

Жертва неведомых благотворителей

Монахи, желавшие спастись облегченным способом особножития, явились очень рано, ибо Четвертый Вселенский собор говорит уже о людях, которые надевали на себя монашеское платье не для самого монашества, а для удовлетворения целей своего честолюбия, между тем как должно признать, что люди, желавшие монашествовать облегченным способом явились ранее людей, которые хотели пользоваться монашеством для достижения целей побочных. В первой половине VI в. император Юстиниан между другими своими предписа-

ниями относительно монашеской жизни сделал было и то предписание, чтобы ни под каким видом не было у монахов собственных жилищ в монастырях, или чтобы не было в монастырях так называемых келий. В последующее время, несмотря на это предписание императора Юстиниана, не только осталось особножитие в монастырях общежитных, но и большая часть монастырей превратилась из монастырей смешанных общежитно-особножитных в монастыри сполна особножитные, так что общежитие, которое есть истинный образ монашеской жизни, стало у греков только редким исключением, а особножитие, которое придумано и введено любителями облегченного монашества, стало решительно господствующим. Когда именно монашество дошло до такого состояния, сказать не можем; но хотя известное нам положительное свидетельство о сем относится только ко второй половине XII в., однако должно быть принимаемо более, чем за вероятное, что так стало еще до принятия нами христианства от греков, т. е. до конца X в.

Как бы то ни было, но, заимствовав от греков христианство, вместе с христианством мы заимствовали от них монашество исключительно в форме особножития, а общежитие было введено у нас спустя около 75 лет после принятия нами христианства преподобным Феодосием Печерским. Жизнеописатели преподобного Феодосия – неизвестный по имени летописец и преподобный Нестор не говорят прямо, чтобы он, вводя в своем монастыре Студийский устав, вводил этот общежитный устав на место бывшего дотоле в монастыре особножитного. Но это, во-первых, «необходимо предполагать, во-вторых – относительно этого мы имеем положительные косвенные указания. Если бы первоначальный устав Печерского монастыря был общежитный, то он и был бы именно Студийский, так что Феодосию не было бы нужды вводить в монастыре в другой раз тот же устав: дело в том, что в Греции, в патриархате Константинопольском, из которого было наше монашество, в тех весьма немногих монастырях, в которых был устав общежитный, он был именно устав Студийский. За сим, преподобный Нестор, рассказывая о преподобном Феодосии, как он после поставления в игумены монастыря хотел быть слугой порученной ему братии, между прочим говорит, что, тогда как братия во время ночи предавались сну, блаженный брал разделенное (на братию) жито и смолов (на ручных жерновах) часть каждого брата, ставил (каждую часть) на своем месте, т. е. у дверей кельи каждого брата. Но если в Печерском монастыре до введения в нем устава Студийского каждому брату выдавался на руки его пай жита, с тем, чтобы каждый сам приготавливал себе муку и из муки хлеб, то из сего ясно, что в Печерском монастыре до введения устава Студийского было особножитие, ибо эта поручная раздача каждому монаху его пая зерна, с тем, чтобы каждый сам молот его и сам пек себе из него хлеб, и есть именно особножитие, или представляет собой часть порядков особножитных. Из того, что в Печерском монастыре сначала было особножитие, а потом преподобным Феодосием введено было общежитие, по-видимому, не следует прямо, чтобы до Феодосия было особножитие и во всех наших монастырях и чтобы общежитие было впервые введено у нас только Феодосием. Но на самом деле следует это и прямо, а равно имеем относительно этого и косвенные указания и свидетельства. Основателем Печерского монастыря был преподобный Антоний; преподобный Антоний, несомненно, был человек, который предпочитал истинное монашество полуистинному, или монашество строгое монашеству облегченному; но если бы он видел перед собой в Киеве не одни монастыри особножитные, но и общежитные, то он и ввел бы в своем монастыре не особножитие, а общежитие. Преподобный Нестор говорит, что когда преподобный Феодосий пришел из своего Курска в Киев с целью постричься в одном из монастырей последнего, то ни в одном монастыре не был принят по причине своей бедности. Этот признак идет именно к монастырям особножитным, о которых мы имеем свидетельства, что в них принимаемы были желающие постригаться в монахи не иначе, как с взносом денег или так называемого вклада, между тем как общежитный Студийский устав прямо запрещает брать деньги с желающих постригаться в монахи. Наконец, если бы до

преподобного Феодосия были у нас монастыри общежитные, то он не имел бы нужды выписывать устава общежитного из Константинополя, а мог бы взять его в одном из монастырей Киевских; но на самом деле он именно выписал его из Константинополя.

Снимок с древней иконы Преподобного Сергия, писанной одним из учеников его и находящейся в церкви архиерейского дома в Новгороде

Итак, первоначально, вместе с принятием христианства мы заимствовали от греков монашество в не совсем собственном, в не совсем подлинном и истинном его виде общности; а совсем в собственном, совсем в подлинном и истинном виде общежития оно

введено было у нас спустя около 75 лет после принятия нами христианства – преподобным Феодосием Печерским. Но общежитие, будучи введено преподобным Феодосием, не имело у нас той судьбы, чтобы совершенно вытеснить собою особножитие и потом навсегда остаться единственной формой нашей монашеской жизни. Если бы это было так, то наше монашество явилось бы по своей высоте беспримерным во всей христианской православной церкви. Но этого так не было. Введенное преподобным Феодосием в его Печерском монастыре общежитие было заимствовано из последнего лучшими монастырями прежде бывшими и начало заимствоваться и лучшими монастырями вновь устроившимися и таким образом стало формой монашеской жизни в лучших наших монастырях (при оставшемся формой жизни в худших монастырях особножитии). Но стало формой жизни в лучших монастырях не навсегда, а не особенно надолго. Введенное преподобным Феодосием строгое общежитие, спустя не слишком продолжительное время после него, уступило место в монастырях, со включением и самого Печерского, общежитию нестрогому, при котором кое-что было общее, но при котором предоставлялось и дозволялось каждому монаху иметь и свою частную собственность. Общежитие нестрогое как будто держалось в монастырях довольно долго (в Печерском монастыре оно держалось до самого нашествия монголов). Но потом и оно уступило место полному особножитию, так что монастыри наши опять стали тем, чем они были от начала нашего христианства до преподобного Феодосия, т. е. единственно и исключительно особножитными.

Но как спустя три четверти века после принятия нами христианства Бог воздвиг преподобного Феодосия Печерского, чтобы он был у нас вводителем строгого монашества, так спустя три без четверти века после преподобного Феодосия Бог воздвиг Преподобного Сергия Радонежского, чтобы он был у нас восстановителем строгого монашества. Впрочем, если преподобный Феодосий был вводителем строгого монашества во всей Руси, то Преподобный Сергий был его восстановителем в одной половине Руси. Во времена преподобного Феодосия вся Русь составляла одно целое; во времена Преподобного Сергия она разделялась на две половины: северо-восточную Московскую и юго-западную – в отношении топографическом – Киевскую, в отношении политическом – Литовскую. Преподобный Сергий был восстановителем строгого монашества в Руси Московской.

Люди, впервые вводящие в какой-либо области жизни что-либо лучшее на место худшего или же восстанавливающие это лучшее после того, как оно существовало и исчезло, называются преобразователями (в светском языке вместо русского слова «преобразователь» употребляется иностранное слово «реформатор»). И как преподобный Феодосий был преобразователем нашего монашества, так после него был преобразователем монашества и Преподобный Сергий (некоторые питают у нас слепую ненависть в слову преобразователь; пусть они знают, что их слепая ненависть должна распространяться и на таких людей, как преподобный Феодосий и Преподобный Сергий). Все хорошее – от Бога, тем более нарочитым образом от Бога все исключительно хорошее: а такова именно истинно преобразовательная деятельность, состоящая в том, чтобы в какой-либо области жизни худшее заменять лучшим. Обыкновенных людей, людскую толпу не поражает зло, существующее в какой-либо области жизни, – она смотрит на него как на нечто нормальное или естественное; но посылает Бог своего избранного мужа, которого наделяет исключительным нравственным зрением для усмотрения зла, исключительной нравственной чувствительностью для того, чтобы быть поражену им, и исключительной волей для решимости устранить его, – и избранный Богом муж, нарочитый Божий посланник становится (если позволяют обстоятельства) или проповедником преобразования или самым преобразователем в той или другой области жизни.

Внутренний вид лавры. Литография XIX в.

Преподобный Сергей был избранный муж Божий, предназначенный к тому, чтобы восстановить строгое монашество в северной, Московской Руси.

Он почувствовал влечение к монашеской жизни в ранней юности и предавшись чтению святых книг, между которыми, как должно думать, главным образом читал жития подвижников и патерики, он еще юношей и прежде пострижения в монашество дошел до познания, чем должно быть истинное и строжайшее монашество; а дойдя до познания или одновременно с тем, как дошел до познания, он принял и решение стать истинным и строжайшим монахом. Получив возможность, после того как похоронил своих родителей, привести в исполнение свое намерение постричься в монашество, Преподобный Сергей, бывший в это время 22-летним юношей, не пошел в какой-нибудь монастырь, а удалился в пустыню. Все наши тогдашние монастыри были в городах и селениях, но жилищем строжайшего монаха должна быть удаленная от мирских человеческих жилищ пустыня, и вот, желая быть таким строжайшим монахом, Преподобный Сергей и сделал это необычное дело, чтобы вместо монастыря пойти для монашествования в пустыню. Когда в пустыне у Преподобного Сергея составилась из людей, желавших соподвизаться с ним, монастырь, он, восстанавливая у нас строгое монашество, ввел в монастыре общежитие.

Относительно этого восстановления Преподобного Сергием строгого монашества в Московской Руси задается тот же вопрос, что и относительно первого водворения на Руси строгого монашества преподобным Феодосием Печерским, то есть: правда ли что до Преподобного Сергея не было в монастырях Московской Руси общежития и что он первый ввел его? Что это действительно так, прежде всего должно быть принято на основании того же заключения, которое мы указывали выше, говоря о преподобном Феодосии Печерском. Несомненно, что Преподобный Сергей был ревнитель истинного монашества и что если бы ему пришлось выбирать между монашеством истинным и не совсем истинным, то он избрал бы первое. Но если это так, то в случае существования до него в монастырях Московской Руси вместе с особножитием и общежития, он (Сергий) ввел бы в своем монастыре при его основании не первое, а последнее, – не особножитие, а общежитие, между тем как он первоначально ввел в своем монастыре особножитие. Затем, читается в наших рукописях

послание неназванного по имени патриарха Константинопольского к неназванному по имени игумену русскому, в котором патриарх похвалит игумена за то, что он устроил в своем монастыре иноческое житие, какого нет в монастырях русских: игумен, несомненно, есть Преподобный Сергей, а под иноческим житием, которого не было в монастырях русских, должно быть разумеемо введенное Преподобным Сергием в его монастыре общежитие. Далее, мы имеем и свидетельства более прямые: нам сообщается, кто первый после Преподобного Сергия ввел в монастырях московских общежитие, которого прежде в них не было. Наконец, и автор похвального слова Преподобному Сергию, который есть один и тот же с автором его жития – ученик его Епифаний Премудрый, называет его «начальным общежителем», т. е. первым вводителем общежития в монастырях московских.

Преподобный Сергей, как это необходимо думать, дошел до того знания и до того убеждения, что истинное монашество есть общежитие, еще прежде чем приступил к строению своего монастыря, одновременно с тем, как дошел до знания и убеждения, что строжайшее монашество есть пустынножитие. Если он не поступил так, чтобы прямо устроить свой монастырь общежитным, а сначала устроил его особножитным и ввел в нем общежитие только спустя некоторое время, – то он поступил так по требованию благоразумия. Он ввести в своем монастыре общежитие с той, одобрявшей и благословлявшей его намерение грамотой патриарха Константинопольского в руках, которую он получил потом. Но когда он основывал свой монастырь, он был 25–26-летним юношей, который успел прослыть как пустынный между окрестными монахами, но который еще имел слишком мало авторитета или значения, чтобы обращаться к высшей церковной власти за требуемым одобрением. Через некоторое время после основания монастыря он прославился как великий подвижник; слава подвижника снискала ему тесную дружбу св. митрополита Алексея; св. Алексей доставил или исходатайствовал ему грамоту патриарха Константинопольского, которой одобрялось и благословлялось его намерение ввести в его монастыре общежитие, – тогда-то он и приступил к приведению своего намерения в исполнение. Вводить в монастыре общежитие – значило отваживаться на такое нововведение, к которому должно было отнестись с решительным несочувствием и с положительной враждой огромное большинство монахов, ибо людям, привыкшим к монашеству весьма облегченному, вовсе не могла понравиться «эта затея» ввести монашество строгое, причем жизнь монашеская из жизни прохладной и вольной для одних и жизни если не прохладной, то вольной для других, превращалась бы для всех в жизнь, исполненную скорби и тесноты и подчиненную суровой дисциплине. В особенности, должны были бы восстать на Преподобного Сергия с его нововведением игумены или настоятели монастырей. Игумены особножитных монастырей были своего рода хорошими помещиками: они получали половину всех монастырских доходов и жили в свое удовольствие, тогда как в монастырях общежитных им грозило полное равенство во всем с братией монастырей, за исключением преспеяния перед братией в труде и добродетели. И несомненно, что против Преподобного Сергия с его нововведением поднялась бы и раздалась бы ожесточенная брань. В старое время для обозвания нововводителей, дерзавших посягать на существовавшие злоупотребления, было у нас страшное слов – еретик. Против какого бы очевидного и вопиющего злоупотребления ни поднимались протесты, у защитников злоупотреблений было готово жестокое слово на протестующих, представлявших собой нововводителей: «Заводите вы ханжи ереси новые, беса имате в себе вы ханжи». Преподобный Сергей не хотел, чтобы против него была поднимается брань, не потому, чтобы он боялся ее: он принадлежал к числу тех людей, которые готовы и рады переносить всякую несправедливую брань, а потому, как должно думать, чтобы не производить смущения в церкви Божией. По сей причине он и желал получить своему намерению, прежде чем приводить его в дело, благословение и формальное одобрение тогдашнего верховного начальника Русской церкви – патриарха Константинопольского. Его друг св. Алексей, был таким же ревнителем

истинного монашества, как и он сам, вполне сочувствовал его намерению ввести в своем монастыре общежитие, а поэтому и исходатайствовал ему от Константинопольского патриарха грамоту, которой одобрялось и благословлялось его намерение ввести в своем монастыре общежитие.

Преподобный Сергей сделал по отношению к общежитию только то, что ввел его в своем собственном монастыре. Он не представлял из себя власти, которая бы могла предписать, чтобы общежитие было введено и в других монастырях, а что касается до действительной власти в лице св. митрополита Алексея, то хотя она вполне сочувствовала ему, но в то же время не находила возможным или удобным обращаться для водворения в наших монастырях общежития к своим указам и к мерам принуждения. Однако, сделав для общежития немного возможное, Преподобный Сергей стал его восстановителем в наших монастырях: добро взяло верх над злом своей собственной силой. Преподобный Сергей, введший в своем монастыре общежитие, и его монастырь, в котором введено было им общежитие, скоро прославившиеся великой славой на всю Россию, через свой пример стали немолчными проповедниками того, что истинной формой монашеской жизни должно быть общежитие; внимая этой проповеди примера Преподобного Сергея и его монастыря, последующие лучшие основатели монастырей, из которых многие были личными учениками или собеседниками преподобного Сергея, начали основывать не иные монастыри, как общежитные; следуя примеру лучших монастырей новых, начали принимать общежитие и лучшие монастыри прежние. А таким образом, благодаря Преподобному Сергию, общежитие и было восстановлено в Московской Руси, как благодаря преподобному Феодосию Печерскому оно было первоначально водворено во всей Руси.

Итак, вот какие надлежащие представления должно иметь о Преподобном Сергии Радонежском! Он есть великий подвижник в сонме наших русских подвижников; но, кроме этого частного, так сказать, достоинства или кроме этой частной высоты, он имеет еще необыкновенно важное общее значение в истории нашего русского монашества: после преподобного Феодосия Печерского, который был у нас вводителем истинной монашеской жизни в форме общежития, он был у нас восстановителем этой истинной монашеской жизни. Значение преподобного Феодосия Печерского в истории нашего монашества признается всеми по должному, да признается же по должному и значение Преподобного Сергия Радонежского!

Видите, Господь не оставляет рабов своих

Но если Преподобный Сергей был восстановителем у нас истинной монашеской жизни, то мы не почтили бы памяти его достойным образом, если бы в заключение речей о нем не обратились от прошедшего в настоящему и не закончили этих речей добрыми пожеланиями современному нашему монашеству.

Патриаршие посланцы

Преподобный Феодосий Печерский ввел у нас истинное монашество в виде общения, и оно, просуществовав у нас не особенно продолжительное время, совершенно исчезло, чтобы снова уступить свое место монашеству не совсем истинному в виде обожития. Преподобный Сергей Радонежский восстановил у нас истинное монашество, но и после него не было так, чтобы монашество это осталось у нас навсегда. И после него, как после Феодосия, оно падало, а если после падений снова поднималось, то уже не достигало высоты, на которой было поставлено им. Несправедливы были бы мы к современному нашему монашеству, если бы сказали, что оно находится на той степени упадка, до которой монашество доходило или на которую оно ниспадало у нас в иные прежние времена; но мы были бы льстецами и лжецами, если бы и сказали, что оно находится на совершенно должной ему высоте и что по отношению в нем не остается желать ничего большего. Не вдаваясь в подробные речи о недостатках современного нашего монашества, для чего здесь теперь и не место и не время, но побуждаемые воспоминаниями о великом человеке и великом угоднике Божиим, который некогда восстановил у нас истинное монашество, усердно пожелаем современному нашему монашеству подняться на ту высоту, на которую оно было возведено Преподобным Сергием.

Обретение мощей Сергия Радонежского

5

Сергий Радонежский (в миру Варфоломей) – монах Русской церкви, основатель Троицкого монастыря под Москвой (ныне Троице-Сергиева лавра), преобразователь монашества в Северной Руси.

Сергий Радонежский почитается Русской православной церковью в лике святых как преподобный и считается величайшим подвижником земли Русской.

Церковь отмечает память Сергия в день кончины 25 сентября (8 октября), а также 5 (18) июля, в день обретения мощей и 7 (20) июля.

Достигнув глубокой старости, Сергий, за полгода прозрев свою кончину, призвал к себе братию и благословил на игуменство опытного в духовной жизни и послушании ученика, преподобного Никона. Накануне кончины Преподобный Сергий в последний раз призвал братию и обратился со словами завещания.

25 сентября 1392 г. Сергий скончался, а через 30 лет, 18 июля 1422 г. были обретены нетленными его мощи, о чем свидетельствовал Пахомий Логофет. Обстоятельства обретения святых мощей Преподобного Сергия Радонежского были необычны, знаменательны и преисполнены глубокого смысла, как и само его житие. В 1408 году на Москву двинулись полчища татарского хана Едигея. Ими была опустошена обитель Преподобного Сергия. Но братия, захватив с собой иконы, книги и все, что связано с памятью Преподобного, успела скрыться в лесу, т. к. накануне набега игумен – преподобный Никон – был им предупрежден в сонном видении. После ухода татар иноки вернулись в разоренный монастырь и на месте деревянного Троицкого храма было решено построить белокаменный собор. И тогда Преподобный Сергий явился одному из иноков и сказал: «Зачем оставлять меня столько времени во гробе, землей покровенного, в воде, утесняющей тело мое». Когда начали рыть рвы для фундамента, они обрели мощи преподобного, которые были нетленны, хотя гроб почти плавал в воде. После освящения белокаменного собора в 1426 г. мощи Преподобного Сергия были торжественно перенесены в него. Над ним была поставлена ныне всемирно известная икона «Святая Троица» кисти Андрея Рублева, которую он написал «в память и похвалу отцу своему Преподобному Сергию».

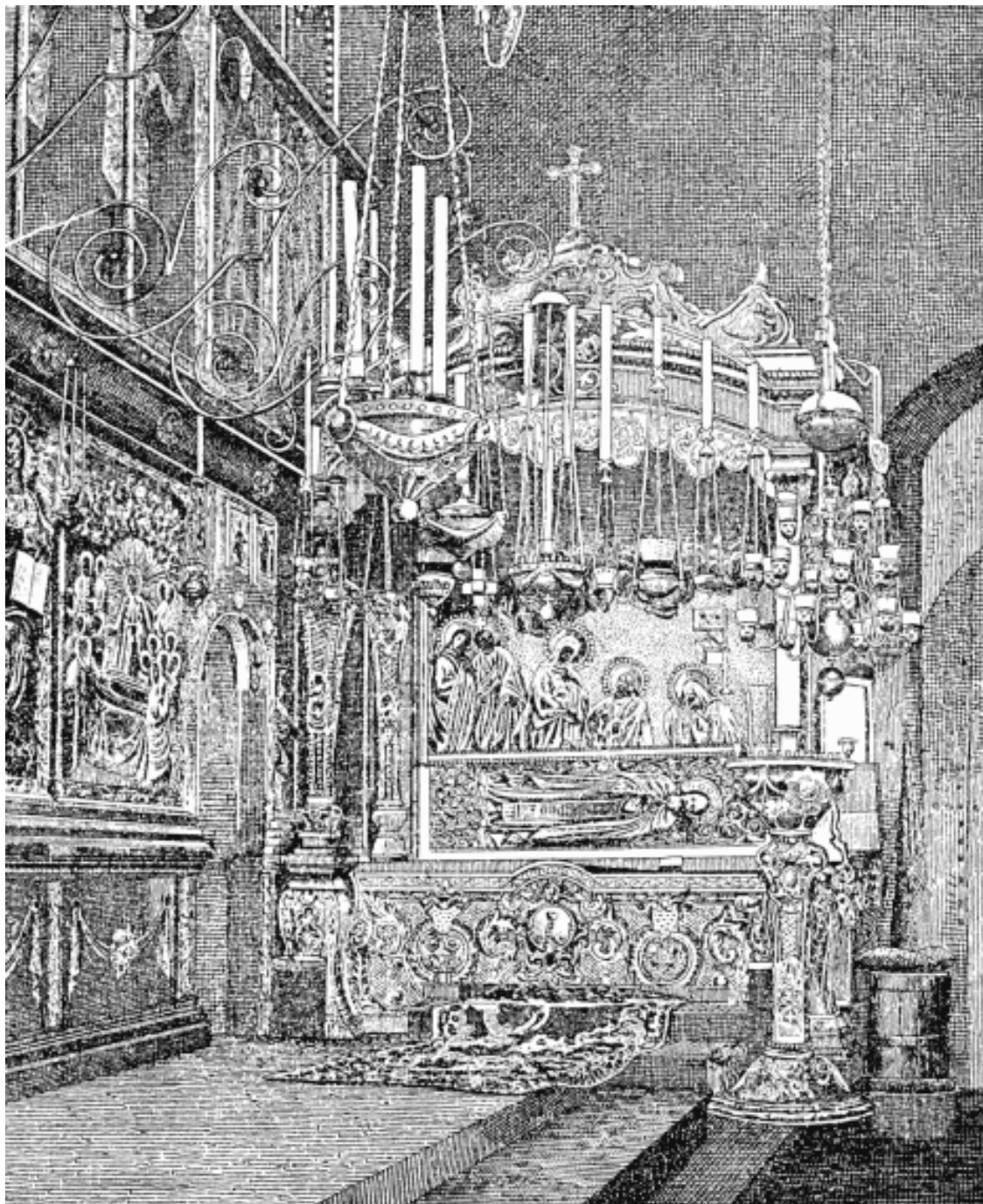
В 1919 г., во время кампании по вскрытию мощей, мощи Сергия Радонежского подвергались вскрытию в присутствии специальной комиссии с участием представителей церкви. Останки Сергия были найдены в виде костей, волос и фрагментов грубого монашеского одеяния, в котором он был похоронен. В 1920–1946 гг. мощи находились в музее, помещавшемся в здании лавры. 20 апреля 1946 г. мощи Сергия были возвращены церкви.

Павел Васильевич Флоренский, известный ученый и внук отца Павла Флоренского, рассказал семейное предание о том, как в Лазареву субботу 1919 г. отцу Павлу Флоренскому стало известно о готовящемся властями вскрытии мощей Преподобного Сергия, которое должно было состояться перед Пасхой. Дальнейшая сохранность мощей оказалась под большой угрозой.

По словам П. В. Флоренского, вскоре в Троице-Сергиевой лавре состоялось тайное совещание, в котором приняли участие отец Павел Флоренский, наместник лавры отец Кропид, Ю. А. Олсуфьев, член Комиссии по охране памятников истории и старины Троице-Сергиевой лавры; и, вероятно, члены Комиссии граф В. А. Комаровский, а также С. П. Мансуров и М. В. Шик, которые впоследствии стали священниками.

⁵ Из книги Е. Владимировой «Великие сокровища мировых религий». М., Эксмо, 2010.

Участники совещания тайно проникли в Троицкий собор, где, прочитав молитву у раки с мощами Преподобного, отделили с помощью копия главу святого, которую заменили головой погребенного в лавре князя Трубецкого. Главу Преподобного Сергея Радонежского временно поместили в ризнице. Вскоре граф Олсуфьев переместил главу в дубовый ковчег и перенес к себе домой (Сергиев Посад, улица Валовая). В 1928 г., Олсуфьев, опасаясь ареста, закопал ковчег у себя в саду.

Рака, в которой покоятся св. мощи Преподобного Сергея в Троице-Сергиевой лавре

В 1933 г. после ареста отца Павла Флоренского, граф Ю. А. Олсуфьев бежал в Нижний Новгород, где посвятил в эту историю Павла Александровича Голубцова (будущего владыку Сергия – епископа Новгородского и Старорусского). П. А. Голубцову удалось переместить ковчег с главой Преподобного Сергея из сада графа Олсуфьева в окрестности Николо-Угрешского монастыря под Москвой, где ковчег находился до окончания Великой Отече-

ственной войны. Вернувшись с фронта, П. А. Голубцов передал ковчег Екатерине Павловне Васильчиковой (приемной дочери графа Олсуфьева), которая и стала последней хранительницей святыни.

В 1946 г., когда была вновь открыта Троице-Сергиева лавра, а мощи Преподобного Сергия были возвращены монастырю, Е. П. Васильчикова тайно возвратила главу Сергия патриарху Алексию I, который благословил вернуть ее на место, в раку.

По семейному преданию Флоренских, отец Павел сделал записи на греческом языке о своем участии во всей этой истории. Однако никаких письменных свидетельств в его архивах найдено не было.

Почитание Сергия Радонежского возникло раньше, чем появились формальные правила канонизации святых (до Макарьевских соборов русская церковь не знала обязательной соборной канонизации). Поэтому нет документальных известий о том, когда и как началось его почитание как православного святого и кем оно было установлено. Возможно, что Сергей «сделался общерусским святым сам собою, по причине своей великой славы».

Акафист преподобному Сергию Радонежскому

Кондак 1

Возбранный от Царя сил Господа Иисуса, данный России Воеводо и чудотворче предивный, преподобне отче Сергие! Прославляюще мы прославльшаго тя славы Господа, благодарственное пение воспеваети ти, ибо молитвами твоими от нашествия иноплеменник и скорбных обстояний нас присно избавляеши, яко имея дерзновение ко Господу, от всяких нас бед свободи, да зовем ти:

Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Икос 1

Ангелов Творец, предуведевый по самовластному чистаго сердца твоего изволению, всеусердствующее Его воли исполнение, еще во чреве матерни трикратным возглашением показа ты миру истиннаго служителя быти Святыя Троицы и научи всех вопити тебе сице:

Радуйся, прежде век, яко имаши верный раб Христов быти, предусмотренный;

радуйся, во оноже время во блаженное и Небесное жилище предуставленный.

Радуйся, от чрева матерня на службу Небеснаго Царя, яко воин, хотящий верен Ему быти, призванный;

радуйся, яко благодатию Божию оправданный.

Радуйся, не точию России, но и всей вселенней прославленный; радуйся, трикратным твоим во чреве возглашением родителей и всех слышащих удививый.

Радуйся, по рождении своем постное иноческое житие показавый;

радуйся, от сосца матерня воздержание чудное явивый.

Радуйся, яко в среду и пяток млека никакоже вкусивый;

радуйся, родителей благих добрый и избранный плод.

Радуйся, радости скорбящим и милости с верою у тебе просящим подателю;

радуйся, печалей злых во всяких приключениях отгонителю.

Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 2

Видящи вся Россия и иныя страны данною тебе, преподобне отче Сергие, благодатию Божию с верою к святым твоим мощем приходящим и скорое вспоможение, и присное преславное чудес творение, удивляются. И мы вси, веселящися, яко имеем такового Милостиваго помощника, Прославльшаго тя прославляюще и тя, благаго раба и вернаго слугу Господня, восхваляюще, вопием Ему: Аллилуиа.

Икос 2

Разум, еще сущу ти во чреве матерни, Святую Троицу прославити Иисус Христос даровавый, и веру крепкую, надежду несумненную, любовь истинную к Нему имети утвердивый, сподоби ты во имя Святыя Троицы преславный храм и обитель чудную устроить, и во оную множество иноков собрати. Сего ради вернии научишася воспевати тебе тако:

Радуйся, честное Пресвятыя Троицы носило и похваление;

радуйся, добре стадо, тобою собранное, во спасение наставляяй.

Радуйся, честный образе агнцем и пастырем;
радуйся, правило веры и образе кротости духовныя.
Радуйся, святыням чистое и непорочное жилище;
радуйся, еще при жизни сподобивыйся видети Пресвятую Богородицу со двема апостолама.

Радуйся, удостоивыйся во время совершения литургии сослужения ангельскаго;
радуйся, во святую литургию в благодати Божией весь аки во огни стоящий.
Радуйся, оным Божественным огнем, в потир вшедым, причастивыйся;
радуйся, достоин бывый ангельскаго собеседования.
Радуйся, преисполненный всякия благостыни;
радуйся, чистоты душевныя и телесныя усердный хранителю.
Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 3

Силою, данною ти свыше, будущая яко настоящая созерцаю, возвещал еси и великому князю Димитрию о победе многочисленных прегордых агарян, хотящих Россию огнем и мечом опустошити, прореки еси, и от своего иноческаго лика двух монахов на противных в помощь дал еси, и молитвою твоею святою к Богу вопия, на агаряны победу сотворил еси. За еже тя прославляюще, и о таковой же твоей на сопротивных православному воинству помощи просяще, Богу вопием: Аллилуиа.

Икос 3

Имуще помышление родителие твои и людие о трикратном твоем во чреве матернем в церкви глашении и удивльшеся, разумеша нечто преславное и чудное быти: и по сих уведевше твое радостное рождение, радовахуся и радостная тебе приношаху, глаголюще:

Радуйся, отроча добродушевное и благонадежное;
радуйся, детище, всякия благодати Божия исполненное.
Радуйся, пречудное в младенчестве постничество нам являй;
радуйся, оным многих приводяй во удивление и увеселяй.
Радуйся, яко с тобою всегда бе благодать Господня;
радуйся, от юности твоея всем сердцем и мыслию Бога возлюбивый.
Радуйся, кротость, смирение и бдение имевый;
радуйся, вся мира сего красная, яко скоро исчезающая, презревый.
Радуйся, вся плотския похоти Бога ради умертвивый;
радуйся, многообразныя козни лукаваго силою Божию победивый.
Радуйся, многия люди от греховнаго пути ко Господу обративый и спасый;
радуйся, яко тобою сладостей духовных исполняемся.
Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 4

Бури жития мира сего, присно внутренними и внешними злостраданияи волнующагося, преподобне отче Сергие, избавився, пришел еси во пристанище немятежное небесное, на места злачна и прохладна, идеже потоцы сладости неисповедимыя, пища славы Божия нетленная, пения и гласы празднующих. Тамо почиваеши и веселишися, со всеми ангельскими силами поя Богу: Аллилуиа.

Икос 4

Слышаша, преподобне отче Сергие, ближнии и дальнии ангелоподобное твое житие, и благодати чудес струю выну текущую, яко молитвою твоею прокаженнии очищаются, слепии прозирают, хромии ходят и разнообразных недугов с верою притекающих здравие улучают, сих избавльшесе вопияху к тебе таковая:

Радуйся, мироварнице, на вся недуги врачевание подавающая;
радуйся, безмездно паче естества врачу скоромилостивый.
Радуйся, милости превеликия и скорбным сострадания сокровище;
радуйся, всеусерднаго о людех промышления приятелище.
Радуйся, душу свою за человеки положити готовый;
радуйся, увеселение и отрада к тебе прибегающим.
Радуйся, мертвеца преславно молитвою твоею ожививый;
радуйся, оскудение монастырское в пищи исполнивый.
Радуйся, в сусе месте поток водный теши у Бога испросивый;
радуйся, яко таяжде вода, молитвою твоею исцеляющи недуги, чудодействует.
Радуйся, чудес пучино, Богом излианная;
радуйся, желаемых благ пришедшим к тебе подателю.
Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 5

Боготечная пресветлая звезда явился еси, преподобне отче Сергие, небо церковное украшая и всех блудящих по морю страстнаго жития сего данною тебе от Солнца Правды Христа Иисуса, истиннаго Бога, благодатию озаряя, мрак печалей и мглу всяких недугов и скорбей прогоняя, наставляяши всех к тебе с верою притекающих на путь спасенный, к вечному Небесному Отечеству ведущий, поющих Богу: Аллилуиа.

Схема Преподобного Сергия, хранящаяся у его св. мощей

Икос 5

Видев преподобный Сергей, яко в мире сем всяческая суета и тлению причастна, потщася вседушно Превечному Богу благоугодити, и воистинну не вотще потрудися: премени бо тленная на нетленная, наипаче же предстояния сподобися у страшнаго Престола Владычня в славе вечней. Темже вопием ему:

Радуйся, яко идеже Христос в телеси, таможе и ты пребываеши;
радуйся, тамо, яко в зеркале, в Бозе вся Ему любезная созерцаеши.

Радуйся, яко созерцая в Нем молящихся ти о помощи, молитвою твоею им полезная ходатайствуеши;

радуйся, скорый помощниче призывающим тя во бранех православным.

Радуйся, молитвою твоею Российстей стране победы на противныя подавая;

радуйся, скорбящим скоропредстательный утешителю.

Радуйся, немощей телесных и душевных немздоприемный исцелителю;

радуйся, многая чудеса благодатию Духа Святаго содевая.

Радуйся, хромым хождение и слепым прозрение подавая;

радуйся, грозд винный, питающий нас и веселящий.

Радуйся, розго Христа лозы истинныя, мног плод в пособие православным творящая;

радуйся, благий рабе и верный, и добрый делателю винограда Христова.

Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 6

Проповедует держава Российская, богомудре Сергие, труды твоя и болезни, бдение же и сухоядение, ради душевнаго твоего спасения подъятыя, егоже ради прослави тя Господь славою Своею Божественною. Темже, яко рай насажденный, в Церкви явился еси, имущи древо жизни Самаго Господа, от Негоже вкусившии вся скоро гибнущая в мире сем презирают и радостно в прекрасный виноград вышний входят, идеже ты, предстоя Ему, вопиеши: Аллилуиа.

Икос 6

Возсия Церкви и стране нашей Российской просвещение совершенных твоих добродетелей, преподобне отче Сергие, о нихже благодаряще Отца Небеснаго, давшего тебе толикую благодать величия Своего к тебе, яко к теплому о нас молитвеннику, радостная воспеваем тако:

Радуйся, ангельское житие нам являяй;
радуйся, страсти греховныя уставляяй.
Радуйся, образе истиннаго смирения;
радуйся, зеркало совершеннаго терпения.
Радуйся, наставниче великий спасению;
радуйся, приводяй грешных ко исправлению.
Радуйся, известный исполнителю заповедей Христовых;
радуйся, душ немощных исцеление.
Радуйся, милостыню творити научаяй;
радуйся, ризы и брашна немощным подавати повелеваяй.
Радуйся, пустынниче, мирскую честь и богатство возненавидевый;
радуйся, постниче, от юности Богу послуживый.
Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 7

Хотя избран дом Духу Святому себе сотворити, потщался еси тесным и прискорбным путем, ведущим в жизнь вечную, взял на рамо свое Крест Христов, шествовати, еже благодатию Божию от юности твоя непорочно в творениях заповедей Господних совершив, достигл еси уготованнаго тебе в небесном всевеселом пребывании воздаяния, и тамо благодарственно поеши Богу: Аллилуиа.

Икос 7

Новую благодать показа всех Творец и Владыка тебе, богомудре Сергие: аще бо и умерл еси на земли плотию, но душою в вышнем селении всегда жив сый, многая и преславная чудеса в мире живущим людям действуеши, и теплым твоим ходатайством пособствуеши, вопиющим к тебе таковая:

Радуйся, девственниче душою и телом;
радуйся, иноком наставниче предивный.
Радуйся, душ наших радование;
радуйся, быстрое нищим услышание.
Радуйся, скорбящим приятное попечение;

радуйся, чистоты усердный хранителю.
Радуйся, ненадежным надеяние;
радуйся, всея России увеселение.
Радуйся, древо чудоточное рая Иисусова;
радуйся, крине райскаго прозябения.
Радуйся, миро Христова благоухания;
радуйся, яко тобою приносится радование.
Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Покров на мощи Сергия Радонежского

Кондак 8

Страшное и преславное чудо является притекающим к тебе, богомудре Сергие: ибо данную тебе Божиею благодатию с верою просящих немедленно от всяких многообразных телесных и душевных скорбей исцеляеши, от бед избавляеши, от напастей охраняеши, и всем всяко благополезное прошение исполняеши, и вопиеша Богу: Аллилуиа.

Икос 8

Весь еси, преподобне отче Сергие, в вышних, но и нижних не оставляеши: присно со Христом Царем Вечным царствуеши и нас, грешных и недостойных, пред Ним воспоминаеши, моляся о спасении нашем. Темже от усердия нашего вопием к тебе сице:

Радуйся, оставльший имение и возлюбивый нищету Христову;
радуйся, достигий к неистошиму богатству.
Радуйся, Духу Святому подклонивыйся со всяким смирением;
радуйся, воине Христов непобедимый явльшийся.
Радуйся, крилома богомыслия сети вражия сокрушивый;
радуйся, смирением возвышаемый, в вечныя кровы возлетевый.
Радуйся, просвещенный внутрь благодатию;
радуйся, истребивый страстей мглу душевредную.
Радуйся, в подвизех дневных и ночных течение совершивый;
радуйся, в невечернем дни Царствия Божия присно почиваяй.
Радуйся, тамо снедения пищи разумныя сподобльшийся;
радуйся, яко того блаженства от Бога вечно удостоивыйся.
Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 9

Всякое естество ангельское удивися великому свыше тебе дарованию, яко на земли невещественное житие показал еси, и во плоти, аки безплотен, явился еси. Сего ради многих чудес творения от Господа прием, чистою и боголюбезною душою твоею Того благостию к Небесным причтен еси силам, в Небесех ныне поеши всесильному Богу: Аллилуиа.

Икос 9

Ветия многовещанная недоумеют достойно славити тя, достойный всякия славы, славне преподобне отче Сергие, ибо паче естественная многая преславная чудодействия, еще жив сушь, показал еси, но и по смерти тая благодатию Божиею творити не престаеши. Мы же, любовию понуждаеми, дерзаем пети тебе сице:

Радуйся, земный Ангеле и небесный человеце;
радуйся, во плоти живой духовно, на земли небесно.
Радуйся, в человечестве пребываяй ангельски, в мире премирно;
радуйся, душевныма твоима очима выну Господа созерцавый.
Радуйся, пред лицом Божиим, яко раб пред Господем, ходивый;
радуйся, пред Оним, яко сын пред Отцем, яко ученик пред Учителем, шествовавый.
Радуйся, яко воин пред Воеводою готов сый вся повеленная Им творити;
радуйся, добрый стада своего иночествующих наставниче и правителю.

Радуйся, шествовавший от силы в силу, дондеже явися тебе Бог богов в Сионе;
радуйся, Единого Господа возлюбивый и к Нему очеса своя выну имевый.
Радуйся, во вся дни живота своего Его искавший и в Нем намерение полагававший;
радуйся, ничесого на Небеси и на земли, разве Христа Иисуса, видети желавый.
Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 10

Спасти хотя душу твою, в юности возраста своего отрелся еси воли своя и во знамение отсечения ея постригл еси власы главы своя и был еси монах, покоривый себе воли Божией и начальником, от Него поставленным, ихже веления тако слушал еси, яко Самого Господа, никогда же прекословя, но слову веления исполнением дела отвечаая. Всяческая же приключения благодарно, яко верный раб, от Господа принимал еси, Емуже на Небесех предстоя, ныне вопиеш: Аллилуиа.

Икос 10

Стена еси всем человеком, к заступлению твоему прибегающим, преподобне богомудре Сергие. Темже и нам к тебе приходящим и милостиваго твоего во всяких нуждах заступления у Царя Небеснаго просящим, буди стена крепкая и ограждение непреборимое, от всяких нас бед и напастей застения и огражда, за еже мы вопием тебе таковая:

Радуйся, воине Царя Небеснаго, не обязавыйся куплями житейскими, да Ему угоден будеши;

радуйся, не восхотевый двема господинома, Богу и миру, работати, но Единому Богу точию.

Радуйся, от юности на тело свое, на мир сей и диавола вооруживыйся;
радуйся, постом, поклоны, стоянием на молитве, бдением умертвивый плоть свою.

Радуйся, умертвивый оную прежде, нежели она жива страстем бяше;

радуйся, мертву содеявый гортань противу приимания сластей.

Радуйся, мертв сотворивый язык противу глаголения скверных, клеветных и ложных;

радуйся, мертвы устройвый ушеса противу слышания душевредных.

Радуйся, мертвы содеявый руже противу грабления и всяких зол творения;

радуйся, мертво сотворивый чрево противу объядения и пьянства.

Радуйся, мертва соделавый трудами чресла своя противу нечистоты;

радуйся, мертвы сотворивый нозе противу течения в путь грешников и на совет нечестивых.

Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 11

Пение благодарственное благодетелю Христу Иисусу, тя, преподобне отче, прославляюще, вси православнии взывают, яко даровал ти многих чудес силу творения: слепыя просвещати, прокаженныя очищати, больныя врачевати, бесныя от демонскаго дручения свободжати, толико сильне, якоже и не у приведенных к тебе бывшим бесным, еще на пути демони от них отбегаху и ктому не возвращахуся, боящися в тебе силы Божия, юже выну в Небесех прославляя, вопиеш Богу: Аллилуиа.

Икос 11

Светозарное светило в православной Российской державе и во всей вселенной благодатию немерцающего Солнца, Христа Иисуса, просвещающего возсиявшее, зрим тя, богомудре отче: с невещественными бо в вышних предстоя Престолу Троицы Пресвятыя, радости превеликия исполнен еси и Божественными лучами Трисолнечнаго Света осияваемь, облистаеши верныя, вопиющия к тебе таковая:

Радуйся, возшедый на гору превысоку добродетелей Божественных;

радуйся, яко от тоя удобь возшел еси на гору небесную.

Радуйся, яко от обители земныя во обитель небесную водворился еси;

радуйся, яко восходя тамо душою, нам мощи твоя святыя оставил еси.

Радуйся, яко мощи твоя исцелевают всякия скорби и болезни;

радуйся, яко мощей твоих демони трепещут.

Радуйся, яко твоя мощи комуждо в приключьшихся печалех бывают увеселение;

радуйся, душою востекий в Сион Горний к Царю Небесному.

Радуйся, яко тамо предстоя, о всех нас к Нему тепле ходатайствуеши;

радуйся, яко благоутробие Его о всех чтущих память твою умилоствляеши.

Радуйся, стране нашей на противных победу молитвою твоею содеваеши; радуйся, яко всем верным всякое прошение во их пользу исполняеши.

Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 12

Благодать, данную ти от Бога, сведуще, тебе, приснаго нашего милостиваго отца, прилежно просим: пролей ныне теплую твою молитву о нас, грешных, ко Господу, яко да презрев вся наша согрешения, дарует победы на враги, яко царю Константину на Максентиа, яко Давиду на Голиафа; державу Российскую да укрепит, Церковь Свою Святую от распрей и расколов незыблему да сохранит, обилие всяких плодов земли да дарует и вся православныя христианы да спасет и помилует, чесого от Него твоими молитвами уллучити ожидающе, вопием Ему: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще дивнаго во святых Своих Царя Небеснаго, прославльшаго тя, вернаго Своего раба, преподобнаго отца Сергия, милостивое твое, скорое нам во всяких нуждах и печалех поможение прославляем, ибо в тебе в Троице прославляемый Бог наш преславным многим чудодействием дивно прославися, о чесом удивляющесе вопием к тебе сице:

Радуйся, великославный Российский наш Заступниче, отче Сергие;

радуйся, совершенный в добродетелех человеце.

Радуйся, дивный подражателю совершенства Отца нашего Небеснаго;

радуйся, преблагий и добрый наставниче иноков.

Радуйся, образе пустынножителей и устройтелю общаго жития;

радуйся, всех православных скорый помощниче и Заступниче.

Радуйся, Царя Небеснаго и Бога известный умилоствителю;

радуйся, многожды заступлением твоим прошения предваряяй.

Радуйся, покрове, Богом зданный, имже покрываются мнози;

радуйся, ленивых подвигнувый твоими христоподражательными нравами.

Радуйся, доброзрачное света евангельскаго всесветлое сияние;

радуйся, Трисолнечнаго Святыя Троицы света выну просвещающее озарение.
Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 13

О чудотворче преславный и заступниче всем нам во всяких бедах и скорбех скорый и пречудный, богомудре отче Сергие! Нынешнее наше приими приношение и богоприятным твоим ходатайством умоли Господа сил силу свыше православному нашему воинству на сопротивныя подати и нам всем, Того благодатию очистившимся, от геенны избавитися и грядущая в Небесех благая улучити, вопиющим Ему: Аллилуиа.

(Этот кондак читается трижды, затем икос 1 и кондак 1)

Древний тропарь Преподобному Сергию (Из Следованной Псалтири XV в., писанной в Ростове)

В чистоте жития, источник слез твоих, исповедания и трудовныя поты съвокупил еси, и купель духовную источил еси, священный Сергие Преподобне, омываеши соугубстве, творящим любовию память твою, скверны обоямо душевныя и телесныя; сих ради чада твоя сущи въпием ти: моли, Отче, Святую Троицу о душах наших.

Древний кондак Преподобному Сергию (Из рукописных святцев XV в.)

Яко безплотным равножитель, всех Преподобных превозшел еси постничьскими труды и бдении молитвенными, мудре Сергие; тем восприял еси от Бога исцеляти недугы и прогнати бесы; того ради въпием ти: радуйся, Отче Преподобне Сергие.

Молитвы преподобному Сергию Радонежскому

Молитва 1

О священная главо, преподобне и богоносне отче наш Сергие, молитвою твоею, и верою и любовию, яже к Богу, и чистотою сердца, еще на земли во обитель Пресвятыя Троицы душу твою устроивый, и ангельскаго общения и Пресвятыя Богородицы посещения сподобивыйся, и дар чудодейственныя благодати приемый, по отшествии же твоем от земных, наипаче к Богу приближивыйся и небесныя силы приобщивыйся, но и от нас духом любви твоея неотступивый, и честныя твоя мощи, яко сосуд благодати полный и преизливающийся, нам оставивый! Велие имея дерзновение ко всемирному Владыце, моли спасти рабы Его, сущей в тебе благодати Его верующия и к тебе с любовию притекающия. Помози нам, да благоуправляемо будет Отечество наше в мире и благостоянии, и да покорятся под ноги его все сопротивнии. Испроси нам от великодаровитаго Бога нашего всякий дар, всем и коемуждо благопотребен: веры непорочны соблюдение, градов наших утверждение, мира умирение, от глада и пагубы избавление, от нашествия иноплемных сохранение, скорбящим утешение, недугующим исцеление, падшим возставление, заблуждающим на путь истины и спасения возвращение, подвигающимся укрепление, благоделающим в делах благих преспеяние и благословение, младенцем воспитание, юным наставление, неверующим вразумление, сиротам и вдовицам заступление, отходящим от сего временнаго жития к вечному благое уготовление и напутствие, отшедшим блаженное упокоение, и вся ны споспешствующими твоими молитвами сподоби, в день Страшнаго суда шуия части избавитися, десныя же страны общники быти и блаженный оный глас Владыки Христа услышати: приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира.

Молитва 2

О священная главо, преподобне отче, преблаженне авво Сергие Великий! Не забуди убогих своих до конца, но поминай нас во святых своих и благоприятных молитвах к Богу. Помяни стадо свое, еже сам упасл еси: и не забуди посещати чад своих. Моли за ны, отче священный, за дети своя духовныя, яко имея дерзновение к Небесному Царю: не премолчи за ны ко Господу, и не презри нас, верою и любовию чтущих тя. Поминай нас недостойных у Престола Вседержителя, и не престай моляся о нас ко Христу Богу: ибо дана тебе бысть благодать за ны молитися. Не мним бо тя суща мертв: аще бо и телом преставился еси от нас, но и по смерти жив сый пребываеши, не отступай от нас духом, сохраняя нас от стрел вражиих, и всякия прелести бесовския, и козней диавольских, пастырю наш добрый. Аще бо и мощей твоих рака пред очима нашими видима есть всегда, но святая твоя душа со ангельскими воинствы, со безплотными лики, с небесными силами, у Престола Вседержителя предстоящи, достойно веселится. Ведуще бо ты воистинну и по смерти жива суща, тебе припадаем, и тебе молимся, еже молитися о нас всемирному Богу, о пользе душ наших, и испросити время на покаяние, и о невозбранном преитии от земли на небо, мытарств же горьких, бесов воздушных князей, и вечныя муки избавитися, и Небесному Царствию наследники быти со всеми праведными, от века угодившими Господу нашему Иисусу Христу: Емуже подобает всякая слава, честь и поклонение, со Безначальным Его Отцем, и с Пресвятым и Благим, и Животворящим Его Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Молитва 3

О Небеснаго гражданине Иерусалима, преподобне отче Сергие! Воззри на нас милостиво, и к земли приверженных возведи к высоте небесней. Ты Горе на Небеси, мы на земли низу, удалены от тебе, не толико местом, елико грехми своими и беззаконии: но к тебе, яко нам сродному, прибегаем и взываем, настави нас ходити путем твоим, вразуми и руководствуй. Свойственно есть тебе, отче наш, благоутробие и человеколюбие: на земли живущу не о своем токмо спасении бысть тебе попечение, но и о всех к тебе притекающих. Наставления твоя быша тростию книжника скорописца, на сердце каждого глаголы жизни начертывающаго. Не телесныя бо токмо врачевал еси болезни, но паче душевных врач изящный явился еси: и вся твоя святая жизнь бысть зеркалом всякия добродетели. Аще толик был еси, святче Божий, на земли: колик ныне еси на Небеси! Ты днесь предстоиши Престолу Света Неприступнаго, и в Нем, яко в зеркале, зриши вся наша нужды и прошения: ты водворяеши вкупе со ангелы, о едином грешнице кающемся радующимся. И человеколюбие Божие есть неистоимо, и твое к Нему дерзновение много: не престани о нас вопия ко Господу. Испроси предстательством своим у Всемиловаго Бога нашего мир Церкви Его, под знаменем Креста воинствующей: согласие в вере и единомудрие, суемудрия же и расколов истребление, утверждение во благих делех: больным исцеление, печальным утешение, обиженным заступление, бедствующим помощь. Не посрами нас, к тебе с верою притекающих. Аще бо и недостойни есмы толикаго отца и ходатая: но ты быв подражатель человеколюбия Божия, сотвори нас достойны чрез обращение от злых дел к благому житию. Вся богопросвещенная Россия, твоими чудесы исполненная и милостями облагодетельствованная, исповедует тя быти своего покровителя и заступника. Яви древния милости твоя, и ихже отцем спомоществовал еси, не отрини и нас чад их, стопами их к тебе шествующих. Веруем, яко духом нам соприсутствуеши. Идеже бо есть Господь, якоже слово Его учит нас, тамо и слуга Его будет. Ты верный еси раб Господень: и Богу везде сущу, ты в Нем еси, и Он в тебе есть, паче же и телом с нами еси. Се нетленные и живоносныя твоя мощи, яко сокровище безценное, вручи нам чудес Бог. Предстоя им, яко тебе живу сущу, припадаем и молимся: приими моления наша, и вознеси их на Жертвенник благоутробия Божия, да приимем тобою благодать и благовременну в нуждах наших помощь. Укрепи наше малодушие, и утверди нас в вере, да несомненно уповаем получитьи вся благая от благосердия Владыки молитвами твоими. Паству же твою духовную, тобою собранную, не престани управляти жезлом духовныя мудрости: подвизающимся помози, разслабленных возстави, споспеши иго Христово нести во благодушии и терпении: и всех нас управи в мире и покаянии скончати живот наш, и преселитися со упованием в блаженные недра Авраамова, идеже ты радостно по трудох и подвизах ныне почиваеши, прославляя со всеми святыми Бога, в Троице славимаго, Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

В. Васнецов. Сергей Радонежский

Тропарь 1, глас 4

Иже добродетелей подвижник, яко истинный воин Христа Бога, на страсти вельми подвизался еси в жизни временней, в пениих, бдениих же и пощениих образ быв твоим учеником: темже и вселися в тя Пресвятыи Дух, Егоже действием светло украшен еси. Но яко имея дерзновение ко Святей Троице, поминай стадо, еже собрал еси мудре, и не забуди якоже обещался еси, посещай чад твоих, Сергие преподобне, отче наш.

Преподобный Сергей на пути в Махру

Тропарь 2, глас 8

От юности восприял еси Христа в души твоей, преподобне, и паче всего возжелал еси мирскаго мятежа уклонитися: мужески в пустыню вселился еси, и чада послушания в ней, плоды смирения возрастил еси. Тем быв Троице вселение, чудесы твоими всех просветил

еси, приходящих к тебе с верою, и исцеления всем подавал обильно, отче наш Сергие, моли Христа Бога, да спасет души наша.

Тропарь на Обретение мощей, глас 4

Днесь пресветло красуется царствующий град Москва, яко светолучными зарями, молниями чудес твоих осияемь, всю вселенную созывает похвалити тя, богомудре Сергие: пречестная же и славная обитель твоя, юже во Имя Святыя Троицы многими труды твоими создал еси, отче, имущи в себе стада ученик твоих, веселия и радости исполняется. Мы же, празднующе преславное обретение честных мощей твоих, в земли сокровенных, яко цвет благоуханен и кадило благовонно, любезно я лобызающе, различная исцеления приемлем и твоими молитвами грехов прощения сподобляемся, отче преподобне Сергие, моли Святую Троицу спасти души наша.

Кондак, глас 8

Христовою любовию уязвився, преподобне, и Тому невозвратным желанием последовав, всякое наслаждение плотское возненавидел еси, и яко солнце Отечеству твоему возсиял еси; тем и Христос даром чудес обогати тя. Поминай нас чтущих пресветлую память твою, да зовем ти: радуйся, Сергие Богомудре.

Кондак на Преставление, глас 8

Взирающе на предлежащий честный твой гроб, в немже скрыся, яко многоценное сокровище, святое трудолюбное твое тело чистоты, мы, чада твоя суще жалостная, в удивлении един со едином вещающе, вопием: отче наш.

Кондак на Обретение мощей, глас 8

Днесь яко солнце пресветло, возсиявше от земли честныя мощи твоя нетленны обретошася. Яко благоуханный цвет, множеством чудес сияюще, и всем верным источающе различная исцеления, и веселяще избранное твое стадо, еже мудре собрав и добре паствил еси, о нихже и ныне Троице предстоиши моляся, сего ради вси вопием ти: радуйся, Сергие богомудре.

Величание

Ублажаем тя, преподобне отче Сергие, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче ангелов.

Путеводитель по лавре

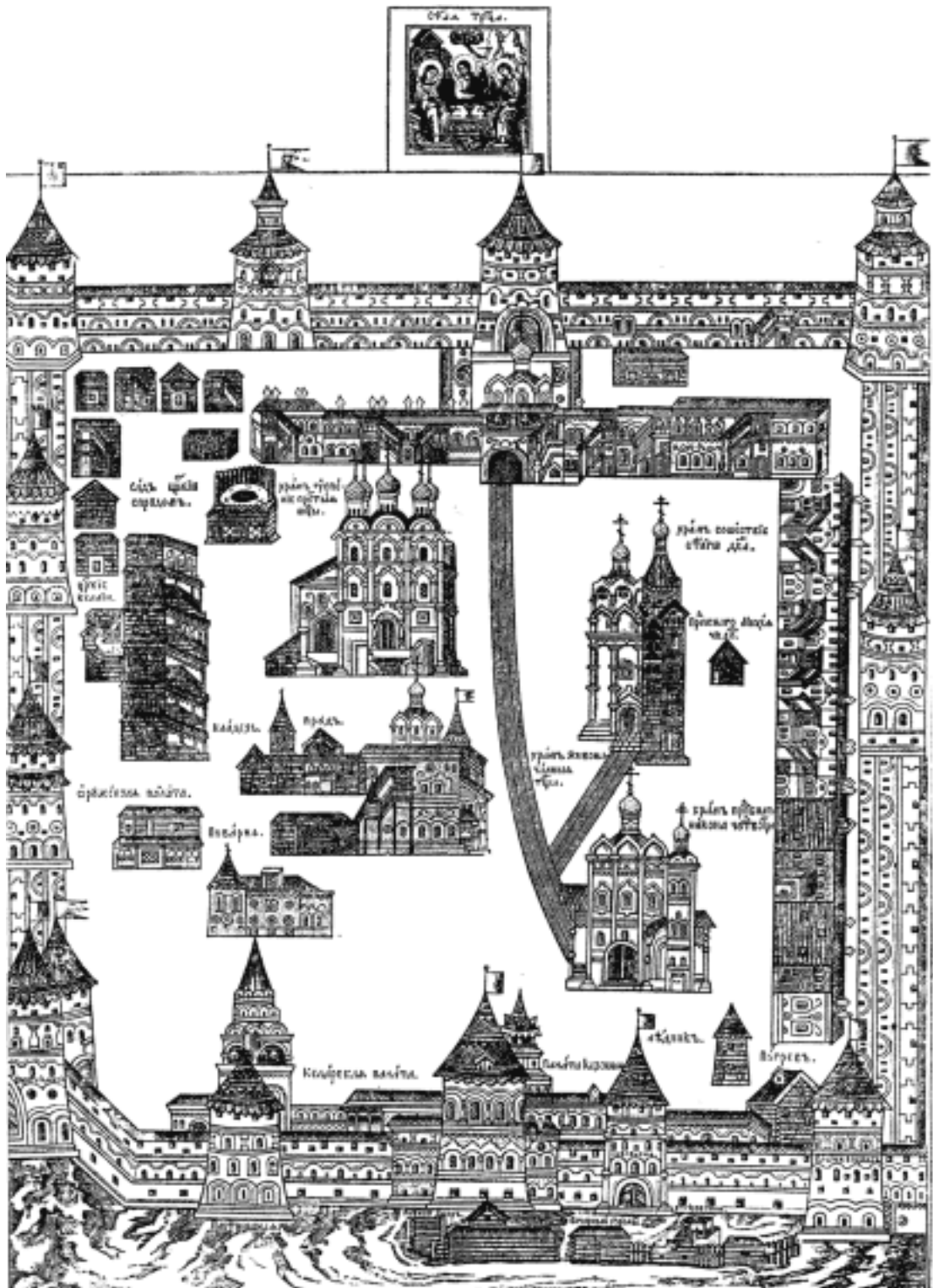
6

⁶ Печатается по книге *Е. Голубинского* «Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра». М., 1909 г., в современной редакции.

Общие сведения о монастыре

Троицкая Сергиева лавра создана в честь Святой Троицы преподобным Сергием Радонежским.

Преподобный Сергей, носивший в мире имя Варфоломей, родился в 1314 г. в Ростовской области, от одного знатного боярина ростовского удельного княжения, по имени Кирилл (с супругой, по имени Мария). Когда было ему около 15 лет, отец его вынужден был обстоятельствами переселиться из Ростова в Московскую область, в городок Радонеж, отчего и случилось, что, будучи по рождению ростовцем, он воссиял как подвижник Московский. В весьма ранней юности приняв намерение посвятить себя Богу в иночестве, Варфоломей привел намерение в исполнение после смерти своих родителей, на 22 или на 23 году. Решив для монашеского подвижничества пойти не в какой-нибудь монастырь, а в лесную пустыню, он пригласил в товарищи себе своего старшего брата Стефана, который, женившись и вскоре после женитьбы овдовев, постригся в монахи в Хотьковом монастыре еще при жизни родителей. В дремучем лесу, который простирался от Радонежа и от Хотькова монастыря на север, к Переяславлю, братья избрали для своего поселения то место, на котором стоит лавра, а именно место в ней, на котором сейчас стоит Троицкий собор. Если справедливо, что украшение всякой местности составляет вода, то никак нельзя сказать, чтобы братья избрали для своего поселения место красивое: правда, они избрали его на берегу речки (в древнее время называвшейся Консерой, теперь называющейся Кончурой), но речки до того ничтожной и мелкой, что ее мутная вода даже не годилась для употребления и была заменяема водой из источников или ключей, которыми изобилует место. Впрочем, Преподобный Сергей мог рассуждать, что отсутствие красоты природы скорее содействует, чем препятствует спасению; а впоследствии естественный недостаток воды восполнен был искусственно, через устройство вокруг монастыря многих прудов. От волости городка Радонежа или Радонежской, в которой Преподобный Сергей устроил свой монастырь, он и получил прозвание Радонежского.

Общий вид Троице-Сергиева монастыря

Поставив на избранном месте келью для обитания и церквичку, или малую церковь во имя Святой Троицы, для молитвы, братья начали пустынножить. Однако Стефан очень недолго мог выносить это пустынножитьство и ушел от Варфоломея в Москву, оставив его в пустыне одного. Оставшись один, Варфоломей, прежде всего, озаботился принять монашеское пострижение, которое и совершил над ним (переменив ему имя Варфоломей на имя Сергей) приходивший к нему по его зову в пустыню некий игумен-старец, по имени Митрофан. В минуту пострижения ему было 23 года. «Един единствуя», или оди-

ноко Преподобный Сергей прожил в пустыне неизвестное точным образом время от двух до четырех лет. К концу двухлетия или четырехлетия начала распространяться слава о нем между окрестными монахами; между последними, один за другим, стали находиться люди, возгоравшиеся желанием подвизаться под его руководством, и с поселения около него этих желавших быть ему сопустынниками и зачался его монастырь, – последующая знаменитая Троицкая лавра. В непродолжительное время к преподобному собралось братии двенадцать человек, и когда одна за другой были поставлены двенадцать келий, – каждым приходившим своя особая келья, преподобный обнес их тыном. В монастыре надлежало быть игумену: сначала игуменство возложено было на старца Митрофана, который постриг Сергия в монахи и который пришел к нему жить, когда у него составился монастырек; а потом, когда после весьма недолгого времени Митрофан скончался, игуменство воспринял на себя сам преподобный, – это было в 1344 г., спустя семь лет после его пострижения в монахи, когда ему было 30 лет.

В монастыре оставалась та церквушка, или малая церковь, которую Сергей со Стефаном устроили для себя, и кельи его первоначально поставлены были на расчищенной из-под леса поляне кое-как. Не принеся из мира в пустыню золота и серебра, преподобный не имел возможности помышлять о благолепном храме и о благолепии монастыря; но скоро ему дана была эта возможность. В непродолжительном времени слава его распространилась довольно далеко; пожелал жить и подвизаться у него в пустыне один смоленский архимандрит, по имени Симон. Симон имел большие деньги, которые и принес с собой и вручил Преподобному Сергию на благоустройство монастыря. На деньги Симона преподобный поставил в монастыре хорошую церковь (подразумевается – деревянную), а кельи его привел в порядок, именно – расположил их кругом церкви в виде четырехугольника. Этот четырехугольник келий, как видно из дальнейшего, был очень невелик или не просторен, так что довольно тесно облегал церковь; но что касается до самой площади монастыря, которая при этой перестройке его, вероятно, определена была окончательно, то имеем основание думать, что она была очень значительна. На большом пространстве между кельями и тыном монастыря со сторон восточной и северной (а со сторон южной и западной пространство было, как и в настоящее время, невелико) находились монастырские огороды и монастырские хозяйственные заведения – коровий и конный дворы, а может быть – и самое гумно.

По мере возрастания славы Преподобного Сергия как подвижника возрастало и усердие к нему и его обители людей благочестивых. Величайшее усердие в нем людей благочестивых, соответствовавшее его великой славе как подвижника, дало ему полную возможность благоустроить свой монастырь так, чтобы он уже и при нем самом стал пресловутой лаврой. А что касается церкви монастыря, то жизнеописатель преподобного говорит, что он украсил ее «всякою подобною (подобающей) красотою». Все здания в монастыре, со включением и церкви, или, как сейчас скажем, со включением и церковью, были при Преподобном Сергии деревянные. Но совершенно несправедливо было бы полагать, что при зданиях деревянных монастырь Преподобного Сергия не мог быть по своему внешнему виду благолепным, т. е. хотим сказать мы, совершенно неосновательно было бы представлять себе деревянные здания времен Преподобного Сергия не иначе, как зданиями убогими. В древнее время у нас не процветало зодчество (строительство) каменное, так что и самая обыкновенная каменная церковь уже принималась у нас за церковь великолепную; но что касается до зодчества деревянного, то оно было у нас в древнее время нисколько не ниже, а отчасти даже и выше, чем в настоящее время, так что у нас умели строить тогда и великолепные деревянные церкви и великолепные деревянные хоромы (может показаться невероятным, а между тем известно положительным образом, что бывали в старое время «зело чудные» деревянные церкви 37 сажень длиной и стольких же сажень вышиной, и не называемые чудными, –

30 сажен вышиной до креста, и при том бывали в монастырях, не имевших никакой особой знаменитости).

Симон Азарьин (бывший монахом, казначеем и келарем Троицкого монастыря в первой половине XVII в.) в житии архимандрита Дионисия сообщает известие, что до осады лавры поляками была в ней деревянная церковь чудотворца Димитрия Солунского, стоявшая на святых воротах ее вместе с каменной церковью Преподобного Сергия (в настоящее время – Иоанна Предтечи). Чудотворец Димитрий Солунский был ангел великого князя Дмитрия Ивановича Донского (1362–1389), и дело необходимо понимать так, что церковь первоначально была построена самим Преподобным Сергием в честь ангела государя, с которым он находился в тесном союзе духовной любви. Но если Преподобным Сергием была поставлена на воротах монастырской ограды церковь, то необходимо представлять себе ограду эту не как тын, а как настоящую стену (подразумевается – срубленную из дерева, каковыми были тогда почти и все наши городские крепости или, как они назывались, – «города»). А из сего следует, что тын, которым обнесен был монастырь первоначально, заменил сиеной еще сам Преподобный Сергей.

Святые ворота в Троице-Сергиевой лавре

В 1382 г., в августе месяце, хан Сарайский Тохтамыш, низложивший Мамай, сделал грозное нашествие на Москву. От полчищ татарских Преподобный Сергей удалялся с своей братией в Тверь (в которую удалялся и митрополит Киприан из Москвы). Но монастырь его, подвергавшийся опасности быть разграбленным и выжженным, ибо Тохтамышем были разсланы отдельные отряды войска во все окрестности Москвы, остался невредимым.

После 78 лет жизни, после 55 лет монашества и после 48 лет игуменства Преподобный Сергей скончался 25 сентября 1392 г., поставив в свои преемники за шесть месяцев до своей кончины ученика своего Никона.

Преподобный Никон, вскоре после смерти Преподобного Сергия оставивший игуменство, чтобы предаваться подвигу безмолвия, и снова воспринявший его через шесть лет,

в продолжение которых был заменяем по должности настоятеля монастыря другим учеником Преподобного Сергия преподобным Саввой Дубенско-Звенигородским оставался потом игуменом до конца 1438 или 1439 г. (скончался 17 ноября того или другого из этих годов).

В нашествие на Москву Едигеево, имевшее место в конце 1408 г., когда не только опустошено было татарами все великое княжение, но и соседние области, преподобный Никон был в видении предуведомлен Преподобным Сергием об угрожающей опасности и заблаговременно уводил братию монастыря куда-то в безопасное место, но самый монастырь был совершенно выжжен, так что нужно было построить его заново. Это преподобный Никон и сделал. Так как усердие благочестивых людей к монастырю Преподобного Сергия не только не уменьшилось после его преставления, но и увеличилось, ибо теперь он стал более близким к Богу и более сильным молитвенником за людей, чем при жизни; так как сам преподобный Никон пользовался великой славой подвижника («повсюду бе, – говорит его жизнеописатель, – Никоново имя слышати, яко священие некое обносимо») и так как Никон, несомненно, был прекрасный хозяин, положивший прочное начало тому богатству монастыря, которое мы видим впоследствии, и умевший находить средства, когда они были нужны, – то вновь построенный им монастырь не только не уступал в благоустройстве сожженному монастырю самого преподобного, но и превосходил его. Как видно из записи на одной рукописи лаврской библиотеки, церковь восстановленного монастыря была освящена 25 сентября 1411 г.

В 1422 г., вследствие бывшего видения, открыты были нетленные мощи Преподобного Сергия (который был погребен в самой церкви монастыря, у южной ее стены близ алтарной преграды или по правую сторону входа в южное предалтарие). После этого преподобный Никон воздвиг над мощами Преподобного Сергия вместо деревянной церкви каменную, по своему времени прекрасную. Это – до настоящего времени существующий Троицкий собор, в котором до настоящего времени почивают мощи Преподобного Сергия.

Дальнейшая история монастыря может быть разделена на два отдела: история его зданий; история имевших место в нем замечательных происшествий и совершенных его монахами, собственно, настоятелями, замечательных деяний.

История зданий

Между зданиями мы укажем: в отношении к церквам – постепенное их умножение, а в отношении к прочим зданиям – замену деревянного строения каменным.

После каменной церкви Святой Троицы, построенной преподобным Никоном над мощами Преподобного Сергия, все последующие церкви монастыря были каменные (собственно – кирпичные, тогда как церковь Святой Троицы именно каменная, из каменных тесанных кубов). Порядок постепенного их строения есть следующий.

Преподобный Никон, приступив к строению над мощами Преподобного Сергия каменной церкви, перенес бывшую над ними деревянную церковь на другое место, сажень на 15 к востоку от прежнего места (где теперь Духовская церковь). В 1476 г. деревянная церковь, посвященная так же Святой Троице, как и на прежнем месте, заменена была каменной, так что в монастыре стало две каменные церкви во имя Святой Троицы.

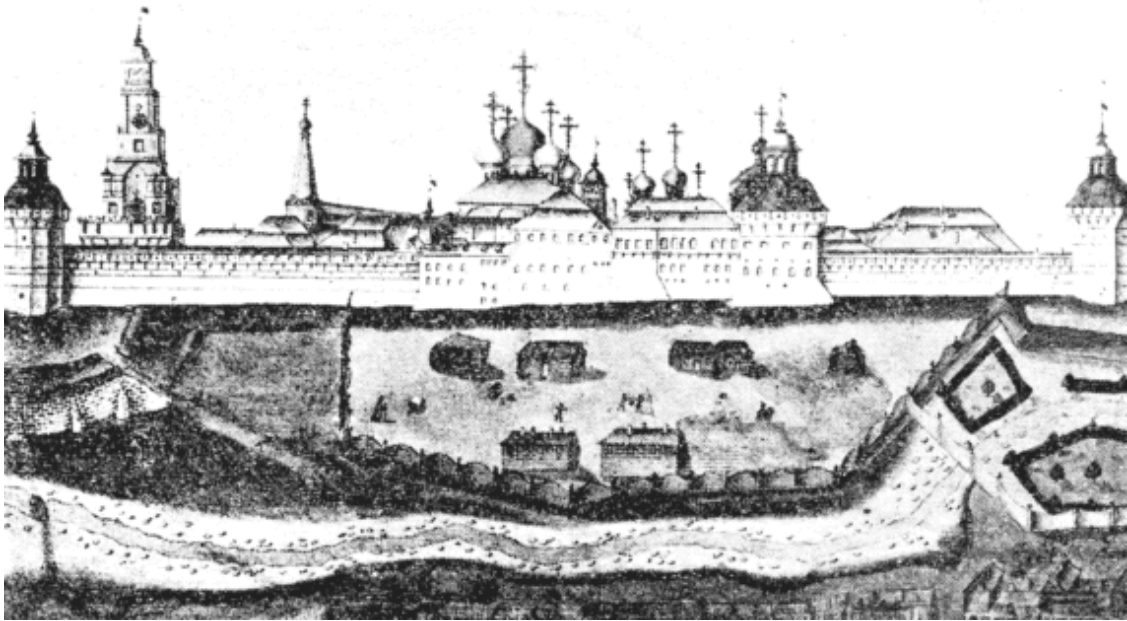
В 1512 г. поставлены были в монастырской стене каменные святые ворота и на них церковь во имя Преподобного Сергия (с сохранением при ней, как сказали мы выше, и деревянной церкви святого Димитрия Солунского).

В 1548 г. была поставлена каменная церковь над гробом преподобного Никона, который причислен был к лику святых (канонизован) на соборе предшествующего 1547 г.

В 1553 г. на месте второй Троицкой церкви, складенной в 1476 г. и, вероятно, пришедшей в ветхость (а, может быть, и совсем упавшей), складена была новая церковь, по-прежнему посвященная Святой Троице.

В последние годы правления Ивана Васильевича Грозного († 18 марта 1584 г.), неизвестно, когда именно, начат строением Успенский собор, оконченный в 1585 г. и освященный 15 августа того же года.

В 1621 г. была поставлена у трапезы, находившейся на месте нынешней колокольни (была прикладена к ней) церковь преподобного Михаила Малеина.

Вид монастыря на старинном рисунке

В 1623 г. вместо прежней церкви преподобного Никона складена новая, более обширная.

В 1635 г. складена больничная церковь Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия.

В продолжение 1687–1692 гг. была построена новая трапеза с церковью при ней Преподобного Сергия, после чего прежняя трапеза и прежняя церковь, пришедшие в ветхость, были разобраны.

Между 1692 и 1693 гг. была перестроена надворотная церковь, причем посвящена была уже не Преподобному Сергию (имени которого была посвящена новая трапезная церковь), а Иоанну Предтече.

В 1734 г. была построена церковь над гробом преподобного Михея, бывшего келейником Преподобного Сергия и удостоившегося присутствовать при посещении Сергия Божией Матерью.

В 1753 г. построена церковь Смоленской Божией Матери.

Не отдельно построены, а устроены в существовавших зданиях: в 1758 г. в архимандричьих кельях в честь Казанской Божией Матери, в 1853 г. в корпусе странноприимной больницы (Варваринском) в честь святых великомучениц Варвары и Анастасии и в 1875 г. в наместничьих кельях в честь Покрова Божией Матери.

К церквам принадлежит колокольня. После одной или нескольких деревянных колоколен известная нам с начала XVII в. (с осады лавры поляками) колокольня монастыря уже каменная, предшествующая нынешней, находилась у западной стены второй церкви Святой Троицы или нынешней Духовской. Когда она была построена, остается неизвестным, но, по всей вероятности, одновременно с церковью, т. е. в 1553 г.

Нынешняя колокольня начата строением в 1741 г. и окончена в 1756 г., а потом надстроена после 1767 г.

Нынешние стены монастыря строены в продолжение 10 лет – с 1540 по 1550 г.

Что касается до келий монастыря, то одновременно с тем, как превращать их из деревянных в каменные, произведена была в отношении к ним та перемена, что восточная линия их, стоявшая слишком близко к церквам, отодвинута была к монастырской стене. В Кратком летописце монастыря читаем под 1556 г.: «Того же лета у Живоначальной Троицы монастырь раздвигали и кельи (должно разуметь именно восточную линию келей, потому что линия северная, которую также можно было бы отодвинуть к стене, была уничтожена или при этом, или несколько ранее этого) разносили к конюшням; а от старого места отнесли кельи до нового места 40 сажен, где нынеча стоят».

Западная линия келий начала превращаться из деревянной в каменную с 1552 г., в котором были поставлены в этой линии каменные больница и келарская. Южная и восточная линии келей выстроены были каменные в 1640 г. К 1641 г., в котором по приказанию государя составлена была подробная опись монастыря, сохранившаяся до настоящего времени, все кельи в нем были каменные (хотя при этом еще уцелел некоторый остаток и келий деревянных).

Внешний вид нынешних келий, нисколько не говорящий о XVII в., и на самом деле – не от этого века, а от гораздо позднейшего времени, о чем ниже, в особой главе о кельях.

Каменная трапеза была поставлена неизвестно когда, до 1621 г.

Каменный царский дворец на место деревянного был построен в конце царствования Петра Великого, между 1718–1721 гг.

(В 1892 г. по линии ограды Пафнутиевого сада устроен странноприимный дом. В 1893–1895 гг. устроены с западной стороны лавры в Пафнутьевом саду: корпус «больницы – богадельни» с церковью пр. Иоанна Лествичника вверху и свв. великомучениц Варвары, Анастасии и Акилины внизу и длинный «переходный» корпус, перекинутый через речку Кончуру и соединяющий здание больницы – богадельни с лаврой).

История происшествий и деяний

В 1442 г. Троицкий игумен Зиновий примирил в своем монастыре великого князя Василия Васильевича с его двоюродным братом Дмитрием Юрьевичем Шемякой, заставив их поцеловать друг к другу крест у гроба Преподобного Сергия.

В 1446 г. (13 февраля) великий князь Василий Васильевич был захвачен в Троицком монастыре по поручению Шемяки Можайским князем Иваном Андреевичем, после чего был Шемякой ослеплен.

Между 1445 и 1446 гг. Троицкий монастырь, власти которого имели неудовольствие на местного Радонежского князя, каковым был Боровский князь Василий Ярославич, взят был великим князем у последнего в свое непосредственное владение.

В 1479 г. (4 апреля) крещен был в монастыре у Троицы сын великого князя Ивана Васильевича Василий, будущий его преемник, чудесно дарованный родителям Преподобным Сергием.

В 1510 г. великий князь Василий Иванович, возвратившись в Москву после взятия Пскова, что было 20 января того же года, 16 июня приходил к Троице, «да поставил свещу негасимую у Сергиева гроба».

Выше мы сказали о поставлении у Троицы в 1512 г. каменных ворот и на воротах церкви Преподобного Сергия. Это поставление ворот и над ними церкви должно быть также относимо к числу событий в истории монастыря. Здание заложено было совсем в необычное для каменных работ время, 3 октября, и, вероятно, дело должно быть понимаемо так, что

ворота с церковью на них Преподобного Сергия были обетным делом со стороны великого князя Василия Ивановича, которому предстояла война с литовцами и который отправился в поход на эту войну 19 декабря (и который в следующем году присутствовал при освящении надворотной церкви).

В 1530 г. (4 сентября) крещен был в Троицком монастыре сын великого князя Василия Ивановича Иван, будущий царь Иван Васильевич Грозный.

В 1551 г., по ходатайству игумена Артемия, переведен был к Троице из Тверского Отрочого монастыря преподобный Максим Грек, который и скончался здесь в 1556 г.

Благословение Преподобным Сергием Дмитрия Донского

В 1552 г. царь Иван Васильевич держал свой обратный путь в Москву из-под взятой Казани на Троицкий монастырь, в котором, после усердной благодарственной молитвы Святой Троице и Преподобному Сергию, «игумену и братье великие слова с челобитьем говорил за их труды и подвиги, (что) их молитвами (он) государь благая получил».

В 1564 г., в ночь с чудотворцовой памяти, т. е. с 25 сентября на 26, случился в монастыре большой пожар, причем до такой степени погорели всякие запасы на обиход монастырский, что не досталось братьям ни на один день запаса снедного.

В 1586 г. (8 июля) посетил монастырь Антиохийский патриарх Иоаким (первый из греческих патриархов приезжавший в Россию).

В 1583 г. посетил монастырь (пробыв в нем с 5 по 10 февраля) Константинопольский патриарх Иеремия.

В 1594 г. царем Федором Ивановичем было вызвано в Троицкий монастырь несколько старцев Соловецкого монастыря для улучшения, как нужно думать, в Троицком монастыре порядков жизни и ведения хозяйства.

В 1606 г. Троицкий монастырь принимал в своих стенах мощи царевича Дмитрия, когда они переносимы были из Углича в Москву (в которую перенесены были 3 июня).

В том же 1606 г. перенесены были в монастырь из Москвы и погребены в паперти Успенского собора тела Бориса Феодоровича Годунова, его супруги Марии Григорьевны и его сына Феодора.

С 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 г. монастырь выдерживал знаменитую осаду от поляков.

После освобождения от осады монастырь в лице архимандрита Дионисия и, отчасти, келаря Авраамия Палицына принимал деятельное и доблестное участие в освобождении от поляков отечества и оказывал свою усердную помощь разоренным и избитым поляками жителям Москвы и ее окрестностей.

В 1612 г. князь Дмитрий Михайлович Пожарский и Кузьма Минин, шедшие на освобождение Москвы от поляков, пробыли с своим ополчением в Троицком монастыре пять дней (с 14 по 18 августа).

В 1613 г., в конце апреля месяца, Михаил Феодорович, идя из Костромы в Москву для занятия царского престола, пробыл в монастыре около недели.

В продолжение 1616–1618 гг. архимандрит Дионисий по поручению государя занимался с товарищами исправлением требника и других богослужебных книг, за что, по устроенной против него интриге, вместо благодарности подвергся страданиям.

В ноябре 1618 г. монастырь подвергался опасности новой осады от королевича Владислава, а 1 декабря того же года был заключен мир между Россией и Польшей в принадлежавшем монастырю и находящемся от него в трех верстах селе (тогда еще бывшем деревней) Деулине.

В 1613 г. (в июле – августе месяце) посетил монастырь Иерусалимский патриарх Феофан.

На монастырской стене во время осады

В 1641 г., вследствие доноса некоторых монахов монастыря или его слуг (о которых несколько ниже) на монастырские власти, государь приказал произвести обстоятельный досмотр монастыря и его имущества назначенной им комиссии из окольного, дворянина и двух дьяков, каковой досмотр, был начат 1 сентября и продолжался около трех лет. Составленная комиссией подробная опись монастыря и его имущества, представляющая собой листовую рукопись в 882 листа, до сих пор хранится в лаврской ризнице.

В 1643 г. (по весне) посетил монастырь Иерусалимский патриарх Паисий.

В 1652 г. (4 июля) Троицкий монастырь принимал в своих стенах мощи св. митрополита Филиппа, везенные Никоном из Соловков в Москву.

В 1653 г. (в июне месяце) посетил монастырь Константинопольский патриарх Афанасий Пателарий (по месту кончины – Афанасий Лубенский).

В 1655 г. посетили монастырь Антиохийский патриарх Макарий (после Троицына дня) и Сербский патриарх Гавриил (вместе с Макарием или вслед за ним).

В 1668 г. (во второй половине апреля месяца) посетили монастырь Александрийский патриарх Паисий и (вторично) Антиохийский патриарх Макарий.

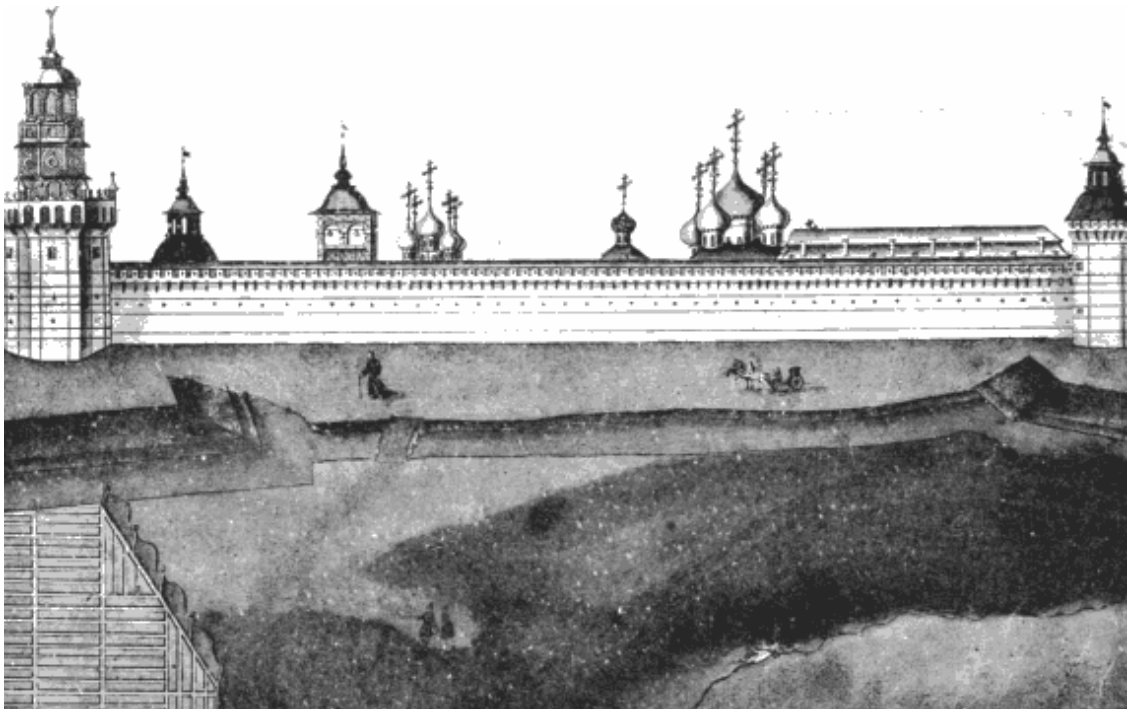
В 1689 г., ночью с 7 на 8 августа, царь Петр Алексеевич усакал к Троице из села Преображенского от злоумышления на его жизнь царевны Софьи и стрельцов и оставался в лавре до 6 октября, пока не были казнены виновные и Софья не была заключена в монастырь.

1 октября 1742 г. была открыта в лавре семинария (учрежденная вследствие указа императрицы Анны Иоанновны от 21 сентября 1738 г.).

В 1746 г., 17 мая, случился в лавре очень большой пожар, в котором погибла весьма значительная часть монастырского архива.

В 1812 г., во время занятия Москвы французами (со 2 сентября по 11 октября), лавра подвергалась опасности быть разграбленной от неприятелей, но заступлением Преподобного Сергия избежала этой опасности. Отряду войска, стоявшему в Дмитрове, который находится от монастыря в 40 верстах, был отдан приказ идти на лавру. Но приказ состоялся перед выступлением Наполеона из Москвы (который вышел с гвардией 6 октября), и отряд вместо того, чтобы идти на лавру, поспешил (2 октября) в столицу на соединение с главной армией.

В 1814 г. была переведена из Москвы в лавру академия, которая и была открыта в ней 1 октября того же года, заменив собой бывшую в ней семинарию.

Вид на лавру с северной стороны. Из Альбома 1745 г.

Преподобный Сергей, прославившийся при жизни, как великий, небывалый дотоле на Москве, подвижник и как преобразователь нашего монашества, по смерти своей стал славнейшим святым Московской земли и нарочитым молитвенником и покровителем (патроном) государства и государей. Равно и монастырь Преподобного Сергия, став первым монастырем Московской Руси еще при его жизни, навсегда остался таковым и после его смерти, и не только остался таковым, но и выдвинулся из ряда прочих монастырей, как монастырь совсем особенный и единственный и как представлявший из себя знаменитость совершенно исключительную. Как о монастыре Московии исключительном и особенном, говорят о нем многие иностранцы, начиная с барона Герберштейна (бывшего в России два раза – в 1517 г. и вторично в 1526 г.).

Но еще при жизни Преподобного Сергия став первым монастырем русским в общем или общественном мнении людей (народа), Троицкий монастырь довольно долгое время не был таковым в смысле официальном (в смысле формального признания со стороны правительства). До 1561 г. его настоятели оставались игуменами, пока вследствие просьбы келаря и братии монастыря к царю Ивану Васильевичу прославить царскую обитель, которая есть его царской главы слава и венец, и царствию его красота и слава от востока и до запада, государь сделал игумена Троицкого монастыря архимандритом, почтил его первенством и старейшинством между всеми архимандритами (до тех пор первенство принадлежало архимандриту Владимирского Рождественского монастыря) и предоставил ему значительные преимущества, или отличия, в богослужении. Последние преимущества со времени Грозного были постепенно умножаемы и вся история их есть следующая. Первому архимандриту предоставлено было употреблять в богослужении митру, палицу и рипиды; облачаться перед литургией на середине церкви; по входе в алтарь с Евангелием, во время пения: «Святый Боже», осенять предстоящих благословением; принимать Святые Дары в царских вратах; приобщать Святых Таин старейшего священника и разоблачаться также среди церкви. Патриарх Иоасаф II, поставленный 10 февраля 1667 г. из архимандритов Троицких, благо-

словил своего преемника носить мантию со скрижалями и в деснице носить патерицу или жезл деревянный с позолоченными шипками (яблоками). Патриарх Иоаким в 1675 г. предоставил архимандритам лавры осенять дикирием и трикирием. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Рязанский Стефан Яворский усвоил им в 1701 г. по подобию архимандритов Киево-Печерских ношение на мантии изображений преподобных Сергия и Никона, крест среброкованный на рясе и на фелони и среброкованную патерицу. Указом Синода от 1731 г., состоявшимся по повелению императрицы Анны Иоанновны, предписано Троицкому архимандриту «в священнослужении все то употреблять и поступать, как определено Киево-Печерскому архимандриту».

Троицкий Сергиев монастырь вместе с немногими другими монастырями называется не монастырем, а лаврой, что составляет почетное наименование.

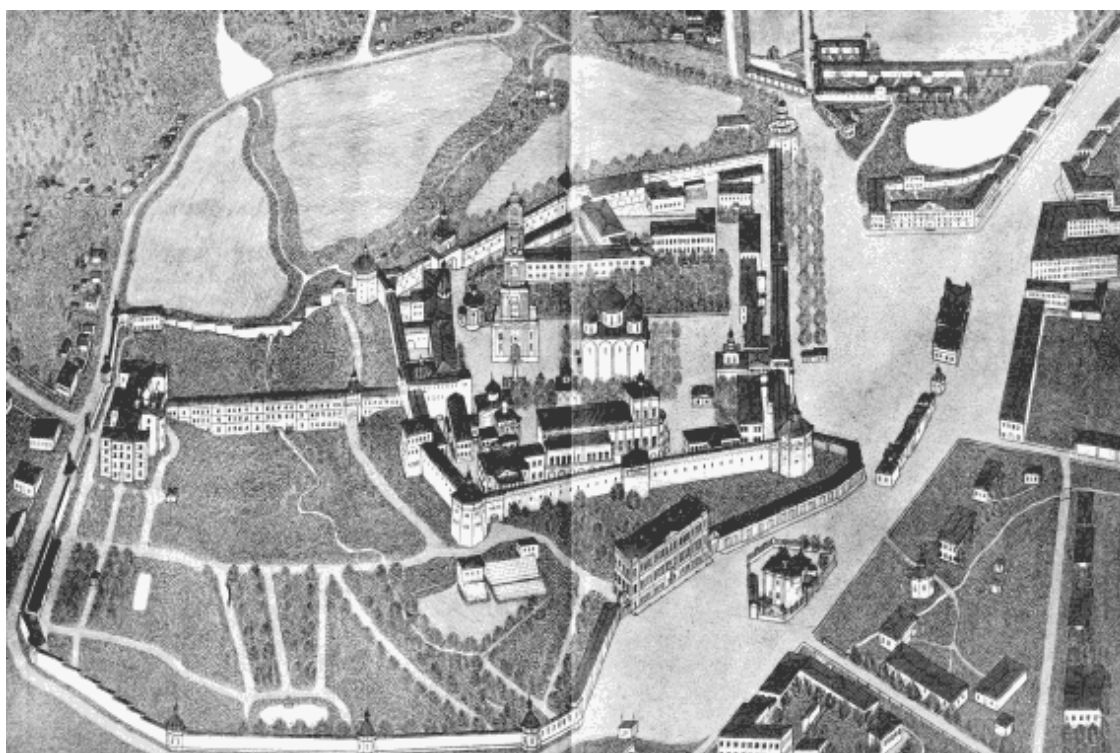
Слово лавра есть греческое и значит улицу, слободу, квартал, приход (а потом имеет и еще несколько частных значений). Первоначально у греков назывались лаврами такие монастыри, в которых каждый монах жил в своей особой келье, отделенной от других келий некоторым пространством, и жил как бы затворником и отшельником (анахоретом, каково было собственное название таких монахов и что по-русски значит «отшельник»), в совершенном разобщении с другими братьями монастыря, с которыми сходилась только в субботы и в воскресения для слушания богослужения и для приобщения тела и крови Христовых; состояв из того или другого количества отдельных келий, монастыри эти представляли из себя как бы слободы или слободки, а отсюда и название их лаврами. Но потом стали называть у греков лаврами, как и в настоящее время называют, всякие большие и многолюдные монастыри. У нас, в России, название лавра с древнего времени употреблялось в смысле монастыря большого, знатного, богатого и значило то же, что именитый, преименитый (словущий, пресловущий) монастырь (а по злоупотреблению – о монастырях особножитных, которые, имея сходство с лаврами по внешнему устройству, не имели ничего общего с ними по существу). В старое время были величаемы у нас лаврами и сами себя так величали очень многие монастыри, а в виде комплимента или любезности можно было употребить это название и о всяком мало-мальски порядочном монастыре. В сейчас указанном смысле Троицкий монастырь называем и величаем был лаврой с самого древнего времени, именно так называет и величает его уже жизнеописатель Преподобного Сергия монах Епифаний, составивший его житие в непродолжительном времени после его кончины. Но в позднейшее время названию «лавра» было усвоено официальное значение, и оно предоставлено было, как особое отличие, только некоторым, весьма немногим монастырям (в настоящее время таких монастырей всего четыре: Киево-Печерская лавра, Троицкая Сергиева лавра, Александро-Невская лавра и Почаевская лавра). Когда было усвоено названию «лавра» официальное значение, сказать не можем; но думаем, что с конца XVII в., с царской и патриаршей грамот Киево-Печерскому монастырю от апреля и мая 1688 г., которыми монастырь делается патриаршей ставропигией и в которых он официально называется лаврой. Троицкому Сергиеву монастырю официальным образом усвоено название лавры указом Елизаветы Петровны от 8 июня 1744 г.

Едва ли кто не слышал, что в старое время Троицкий Сергиев монастырь был необыкновенно богат. И действительно, он был столько же необыкновенно и исключительно богат, сколько необыкновенной и исключительной пользовался славой.

Богатство монастырей в старое время составляли вотчины, населенные крестьянами, собственное хлебопашество с содержанием коровьих стад и конских табунов, рыбные ловли и соляные варницы. Сам Преподобный Сергей, как с вероятностью надлежит думать, еще не имел населенных крестьянами вотчин, а имел только вокруг монастыря свои пахотные поля или свое под монастырем хлебопашество. Но со времени его преемника преподобного Никона монастырь усердно начал приобретать вотчины посредством покупки и начал

усердно обогащаться ими посредством вкладов. Мы не знаем, которым способом монастырь более приобретал вотчин, но в сущности тут один способ, ибо и так называемые «свои монастырские» деньги были вкладные деньги. Русские люди, имея великую веру в молитвы за них Преподобного Сергия, были исполнены великого усердия к его монастырю, – и кто жертвовал вотчинами, кто деньгами, а монастырь, который желал приобретения вотчин, спешил и деньги обращать в те же вотчины посредством покупки последних. Не можем мы представить истории постепенного приобретения монастырем вотчин, но то несомненно, что в продолжение всего времени, пока монастыри сохраняли право вотчиновладения, их умножение шло непрерывно, без каких-либо остановок. Все излишние деньги шли на приобретение вотчин, и так как излишек денег отчасти вкладных, отчасти с вотчин уже приобретенных, был велик, то и случилось, что через получение вкладов и через покупку было приобретено монастырем громадное количество вотчин. К 1764 г., в котором отобраны были у монастырей вотчины, Троицкий монастырь вместе с приписанными к нему, или приписными, монастырями имел крестьян 106 500 душ. По отношению к другим монастырям это было совершенное исключение: самый богатый крестьянами монастырь после Троицкого – Александроневский – имел их 25 тысяч; затем, из старых монастырей два имели более 20 тысяч и семь более 10 тысяч душ. Конечно, и малые указанные цифры очень порядочные, но между 100 и 20 тысячами промежуток очень большой.

О собственном хлебопашестве монастыря мы не имеем достаточных сведений; но то несомненно, что оно было очень значительно и что после самого государя едва ли был другой хозяин, который равнялся бы в сем отношении с монастырем. В 1641 г., как это видно из описи, в одних только полях, находившихся под самым монастырем, было высеяно ржи 345 четвертей. Сел или ферм с запашками было у монастыря в разных местах более 10.

Вид Троице-Сергиевой лавры в 1909 г.

Но монастыри в отношении к способам приобретения богатства были не только вотчинниками, а соединяли в себе все виды людей приобретающих богатство, вместе с промышленниками и купцами; и что касается Троицкого монастыря, то как в первом, так и во втором отношении он выдавался из ряда других монастырей. Начиная со времени самого

Преподобного Сергия ему пожертвовано было и им приобретено было много соляных варниц и, начиная со времени преподобного Никона, ему надавано было много рыбных ловель. Излишки соли, получавшейся с варниц, и излишки рыбы, получавшейся на ловлях, подобно тому как и излишки хлеба, монастырь продавал, причем пользовался привилегией свободы от всяких пошлин. Вместе с этим ему предоставлено было право беспошлинной торговли и значительным количеством купленных соли и рыбы. Производя торговлю, подобно другим монастырям, Троицкий монастырь вел ее в таких обширных размерах, что посылал свои суда даже за море, т. е. из Архангельска в Норвегию.

Чтобы читатель имел некоторое представление о богатстве и хозяйстве или о богатом хозяйстве Троицкого монастыря, сообщим ему, что найдено было в монастыре царской комиссией, которой поручено было произвести его опись в 1641 г. Денег в казне обнаружено 13 861 руб., что на наши теперешние деньги будет более 220 000 рублей, и кроме того весьма большая сумма была в раздаче по долгам (преимущественно своим крестьянам, но отчасти и всяким сторонним людям). Хлеба в монастырских житницах, находившихся в монастыре, было 19 044 четверти и кроме того весьма значительное количество в раздаче по долгам и в сельских монастырских житницах. Рыбных запасов в погребах и на сушилах было: астраханской рыбы – 4040 калуг (слово, в настоящее время не употребительное в рыбной торговле и означающее какой-то особый вид осетра или белуги), 1675 осетров, 1500 полурыбников белужьих и осетрьих, 190 косяков белужьих, 86 теш белужьих; беломорской рыбы: 1865 семог осенней ловли, 3326 семог весенней ловли, и потом еще: 1935 щук вялых, 1245 лещей вялых, причем нам остается неизвестным, какую часть годовых запасов представляло все сейчас перечисленное. На погребах и ледниках разного рода пив и разного рода медов – 51 бочка, причем опять остается неизвестным, какой частью годовых запасов это было. Медусырцу для приготовления медов – питий было 3358 пудов. На конюшенном дворе ездовых лошадей – 431 голова (иноходцев, жеребцов, санников, коней, меринов, жеребчиков). На коровьем дворе под монастырем было рогатого скота 53 головы и на коровьих дворах по селам более 500 голов. На воловом (рабочем) дворе под монастырем – рабочих лошадей 285 голов и по селам, где были запашни, или по фермам, 284 головы.

Известно, что государи наши, после того, как сосредоточены были в монастырях большие богатства, начали обращаться к позаимствованию у них денег для нужд государственных и своих личных, с тем, чтобы отдавать им долги, как выражается Коллинс (англичанин, живший некоторое время в России при Алексее Михайловиче) *ad caiendas Graecas*, т. е. никогда. Самый богатый монастырь, каким был Троицкий, конечно, должен был стать и самым крупным заимодавцем государей. По свидетельству Палицына, первым из государей взял денег у Троицкого монастыря Борис Федорович Годунов. «Борис Федорович Годунов, – пишет Палицын, – и той (как предшествующие государи) велию веру стяжа в дому Пресвятыя Троицы; и не вем, что бысть ему (однако, не знаю, от чего, что случилось с ним), той первие взя из казны чудотворца Сергия займы на ратных людей 15 400 рублей». После Годунова самозванец (подразумевается – первый, ибо его только признавал Троицкий монастырь) взял у монастыря 30 000 рублей. Василий Иванович Шуйский взял 20 255 рублей. При вступлении на царский престол Михаила Федоровича казна государственная была совершенно пуста, а между тем деньги были крайне необходимы для ратных людей. Но на этот раз Троицкий монастырь не мог оказать государству помощи, ибо от осадного сидения и от разорения вотчин войсками самозванца и поляками и у него самого вовсе не было денег (на этот раз Троицкий монастырь заменили именитые люди Строгановы). Ко второй половине правления Михаила Федоровича (1613–1645) Троицкий монастырь совершенно оправился, а поэтому весьма вероятно предполагать, что война с Польшей 1632–1634 гг. не обошлась без денежной помощи со стороны монастыря, хотя положительных сведений об этом мы и не имеем. Царь Алексей Михайлович, по свидетельству Коллинса, в случае нужды в день-

гах на военные надобности брал их у монастырей, а под монастырями, конечно, должно разуметь первым Троицкий монастырь. Прямо о Троицком монастыре говорит известный Павел Алеппский, спутник Антиохийского патриарха Макария, что в польскую войну он пожертвовал государю, кроме запасов натурой, очень значительную сумму денег. Что касается последующего времени, то в царствование Федора Алексеевича, в 1680 г., взята была 1000 рублей, а в продолжение царствования Петра Великого взято было до 350 000, или до 400 000 рублей. За остальное время до 1764 г., когда отобраны были у монастырей вотчины, не имеем сведений; но со всей вероятностью должно предполагать, что заимствования продолжались или что, по крайней мере, не обходилось без них.

Лишившись в 1764 г. своих огромных вотчин, лавра со своим кормителем Преподобным Сергием не оскудела и после, и в Отечественную войну 1812 г. она пожертвовала на военные нужды 70 000 рублей ассигнациями, 2500 рублей серебром и более 5 пудов серебра в слитках и в посуде. А менее крупные пожертвования она делала и в другие войны Новейшего времени.

Со времени Преподобного Сергия и до 1561 г. управление Троицкого монастыря состояло из игумена, келаря и казначея, а с 1561 г., когда игумен был возведен в сан архимандрита, стало состоять из архимандрита, келаря и казначея. В 1733 г. дан был архимандриту монастыря наместник, а в предшествующем 1738 г. предписано было императрицей Анной Иоанновной ввести в монастыре, по примеру Киево-Печерской лавры, управление соборное, через придачу архимандриту с наместником, келарем и казначеем известного количества соборных монахов. В 1744 г. архимандрит лавры Арсений Могилянский был произведен в архиепископы Переяславские и одновременно оставлен архимандритом лавры, каковым и оставался до отказа своего от кафедры архиепископской – до 1752 г. В 1764 г. была уничтожена должность келаря и заменена должностью эконома. В 1777 г. архимандрит лавры Платон Левшин, быв посвящен в архиепископы Тверские, оставлен был подобно Арсению архимандритом лавры. Переведенный в 1775 г. в архиепископы Московские, он сохранил звание архимандрита лавры, и с тех пор и до настоящего времени архимандритами лавры состоят митрополиты Московские.

Келейная икона Богоматери, принадлежащая Преподобному Сергию и хранящаяся при его св. мощах

Игумен или архимандрит монастыря был главным начальником последнего во всех отношениях, но собственным и нарочитым делом его было надзирать над духовной жизнью братии монастыря и руководить их в этой жизни (так это по уставам монашеским).

Келарь заведовал вне монастыря: принадлежавшими монастырю вотчинами (был и судьей монастырских крестьян), запашками, заводами (конскими и скотскими) и промыслами; а в самом монастыре заведовал, во-первых, столом братии и всех тех, кто получал стол из монастыря (служебники, работники, состоявшие при монастыре стрельцы); во-вторых, приемом и угощением приезжавших в монастырь знатных и вообще почетных богомольцев. В старое время у нас было принято, чтобы приезжавшие в монастыри почетные богомольцы были угощаемы (честимы) в монастырях, для каковой цели существовали в них особые гостиные палаты. Обязанность угощать лежала на келарях, так как в их заведывании находились служившие для угощения съестные припасы и питья. Казначей (название татарское от «хазна», которое у нас переделано было в «казна» и которое значит сокровище, имение, деньги, усвоенное в период монгольский тому монастырскому чиновнику, который прежде имел греческое название эконома и который в период домонгольский был выше келаря, первым по игумене) заведовал приходом и расходом денег, всеми монастырскими зданиями, одеянием братии монастыря, всей так называемой монастырской рухлядью и отчасти припасами для стола, причем разграничение области заведывания с келарем не совсем для нас ясно. Должность келаря была уничтожена вместе с отобранием у монастырей вотчин, как чиновника, который заведовал главным образом этими вотчинами. Сменивший его эконом (имя которого, как мы сказали, было домонгольским греческим именем казначея) не занял его – келаря – места, но стал под казначеем, так что первым по наместнике архимандрита стал этот последний.

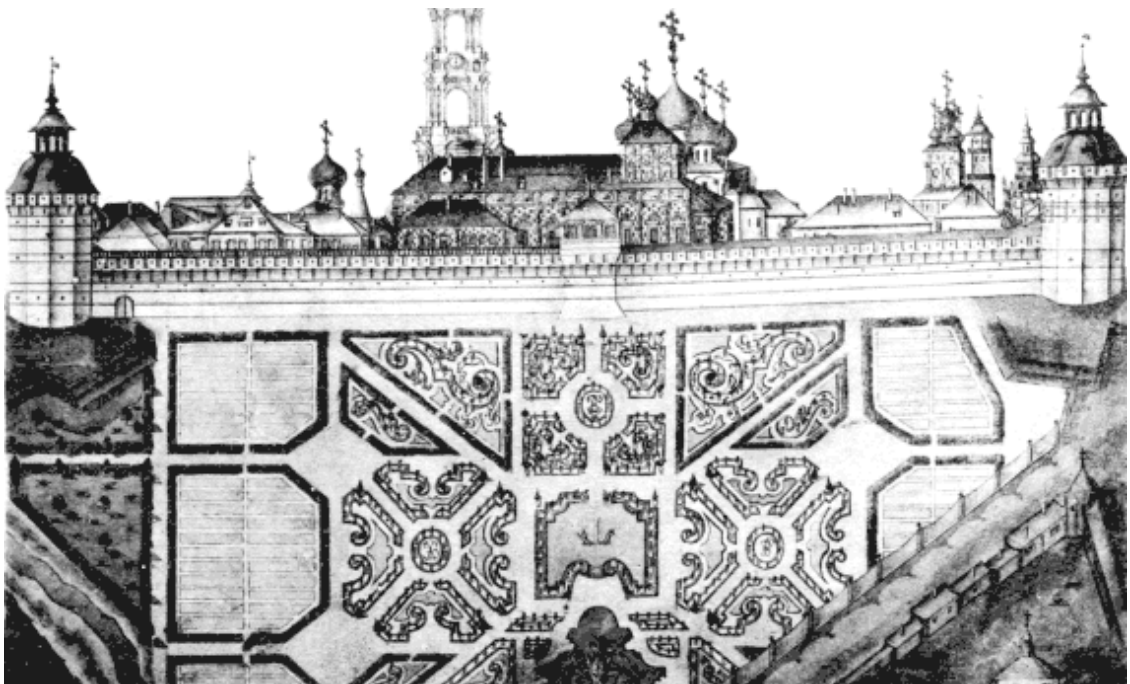
Вместе с поименованными чинами в собственном смысле были еще чиновники в несобственном смысле, или как бы заведующие частями; таковы были церковные чиновники: уставщик (по-гречески еkkлeсиарх, – начальник церкви) и головщик (по-гречески доместик), и потом ризничий и книгохранитель, или библиотекарь.

Собственные монастырские чины имели у себя подручников, которых в особенности много было у келаря, ибо все частные чиновники по заведыванию обширным хозяйством монастыря были его подручниками или находились в его заведывании.

Второстепенные чины Троицкого монастыря, так же как и других монастырей, состояли не из одних только монахов, но и из людей светских: этими светскими чиновниками были так называемые монастырские слуги. Слуги не были работниками или чернорабочими, как можно было бы подумать по имени, а именно чиновниками (работники же или чернорабочие назывались служебниками); они соответствовали дворянам и детям боярским государей и были совершенно то же, что дворяне и дети боярские у архиереев. Слуги эти явились у монастырей, с одной стороны, для всякого приказничества по торговле, промыслам (рыболовство, солеварение), землеустройству (распахивание и заселение крестьянами пустошей) и земледелию (заведение ферм с хлебопашеством и ведение хлебопашества на фермах), хождению по судам и пр., где неудобно было ведать дела одним монахам без мирских подручников, а с другой стороны – для отбывания при их посредстве с монастырских вотчин военной службы государству, к чему они (монастыри) обязаны были наравне и в одинаковой мере со всеми мирскими вотчинниками и помещиками. Но слуг нужно было содержать, и вот, ввиду их содержания или кормления, монастыри и сделали их своими чиновниками в собственном или теснейшем смысле слова, именно – начали посылать их в приказы на вотчины, т. е. употреблять их как вотчинных надзирателей, управителей. А нарочитое предписание Стоглавого собора, чтобы чернецов в посельские не посылать, а посылать по селам и в посельские слуг добрых – должно было сделать для слуг вотчинное приказничество как бы прямой и нарочитой их службой. Само собой понятно, что чем более было у монастыря вотчин, тем более было у него и слуг; а Троицкий монастырь обладал исключительно большим количеством вотчин. Кроме приказничества и отбывания военной службы государству слуги еще нужны были в монастырях для письмоводства, и так как в Троицком монастыре

по причине чрезвычайной обширности его хозяйства письмоводство было огромное, то и слуг для письменной части, в качестве заведующих ею и в качестве на самом деле ведущих ее, требовалось очень большое количество (в 1752 г. их было 96 человек). Слуги разделялись в монастырях на три класса, именно – конных слуг, подразделявшихся на три статьи: большую, среднюю и меньшую, которые имели боевых коней и все конное снаряжение, чтобы нести военную службу государеву, и были, таким образом, слугами добрыми или справными, посылались в вотчины на приказы или в их приказчики, управители (в 1752 г. слуг, сидевших на вотчинных приказах, не считая управлявших вотчинами приписных монастырей, было до 65) и в самом монастыре занимали места «приказных», заведовавших его канцеляриями и конторами (в 1752 г., по числу канцелярий и контор, их было 8) и «канцеляристов», т. е. по старому словоупотреблению – повытчиков или столоначальников, заведовавших в канцеляриях и конторах повытьями или столами (в 1752 г. их было 18); подъячих или писцов, канцелярских чиновников (в 1752 г. их было 61), и пеших служек, которые употреблялись для выполнения разных поручений и для разных посылок или были, так сказать, на побегушках. Для хождения в Москве по приказам или по судам и потом в Петербурге по коллегиям у Троицкого монастыря, как и у других больших монастырей, жил в Москве, а потом в Петербурге, выбиравшийся из слуг постоянный стряпчий.

По своему происхождению монастырские слуги были отчасти из монастырских крепостных служебников, т. е. выбиравшиеся монастырями из лучших служебников и производившиеся в слуги, отчасти же из людей свободных и благородных, – из государевых служилых людей, которые вместо службы государю почему-либо желали поступать на службу в монастыри. Само собой понятно, что чем богаче был монастырь, тем более и между благородными людьми могло находиться охотников поступать на службу к нему; а Троицкий монастырь был самый богатый из всех монастырей (в слугах Троицкого монастыря бывали даже и князья; а один из бывших слуг Троицкого монастыря – Аполлон Иванович Наумов – занимал должность оберпрокурора Св. Синода с 1786 г. по 1791 г.).

Вид на лавру с южной стороны

Троицкий Сергиев монастырь представлял собой между нашими монастырями нечто совсем исключительное в смысле знатности и знаменитости. А поэтому и «власти» Троицкого монастыря – архимандрит, келарь и казначей – представляли собой в среде черных (т. е.

монастырских) властей нечто исключительно высокое и исключительно сановное и аристократическое. «Троицкая власть» – это было нечто необыкновенно громкое. Но в особенности велик и знаменит был келарь Троицкого монастыря, который был господином над таким количеством крестьян, какого не имел решительно ни один мирской вотчинник, за исключением самого государя; который имел в своем распоряжении огромный штат чиновников и даже некоторое войско (монастырских стрельцов и пушкарей) и к которому, одновременно с тем как приезжать для молитвы Преподобному Сергию, съезжалась гостить вся знатная Россия. Келарь Троицкий так и назывался великим келарем (а в насмешку называем был королем).

Мы сказали выше, что в 1738 г. было предписано императрицей Анной Иоанновной ввести в Троицком монастыре по подобию Киево-Печерской лавры управление соборное. В принципе у нас всегда признавалась обязательность соборного управления монастырей, почему в монастырях были и соборные старцы; но эти соборные старцы не представляли из себя необходимой административной коллегии, без которой бы не могло быть совершаемо дело управления, а представляли из себя людей, с которыми настоятелям монастырей вменялось в обязанность советоваться. При такой постановке дела соборность управления монастырей, признававшаяся у нас в теории, более или менее отсутствовала на практике, как дает об этом знать царь Иван Васильевич в своих представлениях собору 1551 г. Что касается, в частности, Троицкого монастыря, то в древнейшее время как будто существовала в нем большая или меньшая соборность управления. В меновой вотчинной грамоте, написанной при игумене Вассиане Рыло (1455–1466), говорится, что игумен с келарем променяли свою вотчину на вотчину одного князя, «поговоря с попы и дьяконы и крилошаны и со всеми старцы монастыря». Митрополит Филипп, ходатайствуя в 1472 г. перед игуменом монастыря Спиридоном за одного, допустившего какие-то большие проступки монаха монастыря, пишет игумену, чтобы он простил виновного «и с своею братьею, с старцы». В записях на двух монастырских рукописях, написанных в 1524 г., говорится, что они написаны «по благословиению и замышлению Троицкого Сергиева монастыря игумена Порфирия и (на одной рукописи) соборных старцев (на другой рукописи: «честного собора его великих старцов»); в записи на рукописи, написанной в 1528 г., говорится, что она написана повелением игумена Александра «и честного собора его великих старцов». Но что в середине XVII в. не было в Троицком монастыре соборного управления, это дает знать опись 1641–1643 гг. О монастырском присутственном месте в ней говорится: «палаты соборные, а в них сидят архиморит Ондrejaн, да келарь старец Аврамей и казначей старец Симон для росправы всяких монастырских дел» и вместе с архимандритом, келарем и казначеем вовсе не называются соборные старцы. Что не было соборного управления в лавре перед Анной Иоанновной, это ясно дает знать она в своем указе о введении этого управления. Ввиду крайних злоупотреблений со стороны монастырских властей, отзыв о которых мы привели выше, императрица предписывает учредить в лавре такое соборное управление, которое бы представляло из себя настоящую и, возможно прочную коллегию, устроенную так, чтобы она не только была необходимым присутственным местом, но имела действительную силу обуздывать произвол архимандрита, келаря и казначея.

Предписание императрицы Анны Иоанновны 1738 г. (от 21 сентября) о введении в Троицком монастыре соборного управления есть следующее: «Что касается в Троицком Сергиеве монастыре до правления монастырского и вотчин и прочаго, в том (т. е. в нем – монастыре) чтоб архимандрит один, ниже келарь, ни казначей особливою власти отнюдь не имели, а быть правлению в том монастыре отчасти подобному тому, как в Киево-Печерской св. лавре, то есть: определить соборных монахов, выбрав оных самому Синоду, как того Троицкого Сергиева монастыря, так и из других монастырей, разумных людей добродетельного жития и достойных управления, до двенадцати персон (кроме архимандрита), в том числе

чтоб наместник, келарь и казначей были, которые имеют все оные соборные двенадцати монахов обще с архимандритом для правления дел заседать и всякие дела порядочно рассуждать и решить на письме, а не на словах, и обще всем протоколы и приговоры, а не одному архимандриту, подписывать; и понеже вышепомянутые соборные монахи яко члены правления в обители, суть для того в рассуждении монастырских и прочих дел свободные голоса иметь должны; и архимандрит сам собою не имеет власти соборных монахов переменять, ниже наказывать, но должен писать в Синод на убылые места представлять, выбирая общим избранием кандидатов на одно место двух или трех, предавая на рассуждение Синода, кого из тех оный изберет и определит».

В заключение речей об управлении Троицкого монастыря кратко скажем о приписных к нему монастырях, т. е. монастырях, которые, будучи приписаны к нему или отданы в его заведывание, находились в его распоряжении административном и хозяйственном и которые были управляемы присылавшимися из него строителями. Два приписных монастыря были у Троицкого монастыря еще при самом Преподобном Сергии: это – Киржачский Благовещенский монастырь, основанный им самим, и Гороховецкая Георгиевская пустыня, основанная по его благословию. После Преподобный Сергия как относительно всего другого, так и относительно приписных монастырей Троицкий монастырь стал представлять собой исключение. К 1561 г., когда игумен монастыря возведен был в сан архимандрита, постепенно умножавшееся число приписных к нему монастырей, перечисляемых в настольной грамоте архимандриту, было 12. После 1561 г. к 1641 г., когда произведена была перепись монастыря, содержащая в себе краткие речи и о всех приписных монастырях, этих последних, отчасти тех же, что прежде, отчасти новых, заменивших прежние закрывшиеся, было 15. Перед отобранием у монастырей вотчин в 1764 г. приписных монастырей, так же против 1641 г. отчасти старых, отчасти новых, было 13. При отобрании у монастырей вотчин приписным к лавре монастырем оставлен, каковым остается и до сих пор, один Махрицкий монастырь.

Хоругвь, изображающая Преподобного Сергия, благословляющего Дмитрия Донского на ратный подвиг

Несомненно, что Троицкий монастырь, став самым большим монастырем северной Руси со времени самого Преподобного Сергия, постоянно и оставался потом таковым во все последующее время. Однако мнение иных Русских людей, будто в старое время бывали в Троицком монастыре тысячи монахов, совершенно неосновательно: тысяч монахов, как это было в монастырях египетских при начале монашества в церкви, никогда не бывало у нас ни в одном монастыре. Правда, если не обманывают нас наши сведения, был небольшой промежуток времени, когда монахов в Троицком монастыре было особенно много, но и тут

дело ограничивалось в действительности не вступно половиной тысячи, а в предположении не вступно семью стами. За время самого Преподобного Сергия, за весь XV в. и за большую часть XVI в. мы не имеем положительных сведений о числе монахов в монастыре и имеем только неопределенное известие за 1437–1440 гг., что их было в нем, подразумевая – в сравнении с другими русскими монастырями, великое множество. Приблизительным образом мы можем определить только крайнее большее их число. Возможность сделать такое определение дают нам приблизительные сведения о пространстве или вместимости келий монастыря за указанное время. До 1556 г. вместимость келий была такова, что наибольшее число монахов, которое могло поместиться в них, должно быть полагаемо в 150 человек, так что нельзя предполагать, чтобы до сего времени было и когда-нибудь бывало монахов в монастыре более этих 150 человек. В 1556 г. протяжение келий было значительно увеличено, вместе с чем могло увеличиться и количество монахов. От 1595 г. мы имеем известие, что в этом же году было монахов в монастыре с небольшим 200 человек. От 1641–1643 гг. мы имеем известие, что монахов в монастыре было тогда 236 человек. Вероятно, что в продолжение всего XVII в. число монахов было или несколько большее или несколько меньшее сейчас указанного, т. е. колебалось между двумястами с четвертью и двумястами с половиной, а затем, что составляет помянутый нами промежуток времени, когда, в случае если не обманывают нас наши сведения, было особенно много монахов в монастыре, имеем мы известие, что в 1715 г. монахов в монастыре было 487 человек и что под определением Монастырского приказа, который существовал с 1701 по 1725 гг., их предполагалось или назначалось быть в монастыре 674 человека. Это неожиданное удвоение и более чем удвоение числа монахов в монастыре, повторяя все ту же оговорку – если не обманывают нас наши сведения, должно будет объяснять тем, что с 1701 г., когда был учрежден Монастырский приказ, затруднено было поступление монахов в другие монастыри и что желавшие постригаться в монахи должны были устремиться в Троицкий монастырь, который в виде исключения не подчинен был ведению Монастырского приказа и не подлежал его стеснительным мероприятиям. Относительно 1746 г. мы имеем известие, что число монахов в монастыре необыкновенно убывло против первой четверти XVIII в., а именно – что вместо 500 их стало с небольшим, а может быть даже и без чего-нибудь одна сотня. В 1743 г., по приказанию императрицы Елизаветы Петровны, была составлена лаврой для Св. Синода ведомость, о которой упоминали мы выше.

Хоругвь храма Христа Спасителя, изображающая явление Богородицы Преподобному Сергию

По этой ведомости, в 1746 г. было в монастыре монахов вместе с белыми диаконами и белыми псаломщиками, с отставными вместо монахов солдатами и с лишенными монашества трудниками 152 человека. Такое необыкновенное уменьшение числа монахов, если верны наши сведения об их необыкновенном увеличении, должно объяснять тем, что в 1734 г. издан был указ, чтобы никого не постригать в монахи, кроме вдовых священнослужителей и отставных солдат, и что хотя указ и отменен был в 1740 г., но у властей Троицкого монастыря, подобно как у властей всех других монастырей, оставался страх ответ-

ственности за неправильные пострижения, заставлявший их совершать этих пострижений как можно менее, что согласно было и с их собственными выгодами, ибо чем менее было монахов, тем большая доля из доходов доставалась каждому наличному монаху, а по преимуществу властям монастыря. По штатам 1764 г. положено было быть в монастыре 100 человекам, именно: архимандриту, наместнику, казначею, эконому, духовнику, ризничему, уставщику, иеромонахам 30 (из коих быть и ризничему), иеродиаконам 20, монахам служебным 20, больничным 20, пономарям 42.

В 1892 г. монахов в Троицком монастыре, считая без неуказных послушников, было 252 человека (67 иеромонахов, 38 иеродиакон, 80 монахов и 57 послушников), а считая с неуказными послушниками – 402 человека.

Список настоятелей монастыря:

Игумены:

1. *Митрофан*.

2. *Преподобный Сергей*, принял игуменство в 1344 г. и после 48-летнего устройства монастыря в сане игумена скончался 25 сентября 1392 г.

3. *Никон*, преподобный, и

4. *Савва*, преподобный, I.

Преподобный Сергей за шесть месяцев до своей кончины избрал в свои преемники преподобного Никона; который вскоре после кончины Преподобного Сергия удалился с игуменства, чтобы подвизаться безмолвием. В продолжение шести лет он заменяем был на игуменстве преподобным Саввой Дубенско-Звенигородским, а спустя шесть лет опять воспринял его и скончался на нем 17 ноября 1428 или 1429 г.

5. *Савва II*, с 1428 или 1429 г. по 1432 г.

6. *Зиновий*, с 1432 по 1445 гг. О примирении им великого князя Василия Васильевича с князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой мы сказали выше, на с. 142. Весьма вероятно, что по его приглашению прибыл в Россию, и именно в Троицкий монастырь, с Афона Пахомий Серб, который прославился у нас как составитель житий святых и был человек книжный и пользовавшийся большим уважением.

7. *Геннадий Саматов*, в 1445 г., считаемый сомнительным.

8. *Досифей I*, в продолжение 1445–1448 гг. При нем в 1446 г. был захвачен в Троицком монастыре великий князь Василий Васильевич Дмитрием Шемякой, лишен был великим князем игуменства по подозрению, что находился в сообщничестве с Шемякой.

9. *Мартиниан преподобный*, ученик преподобного Кирилла Белозерского, игумен Ферапонтова монастыря, вызванный из последнего великим князем Василием Васильевичем в игумены Троицкие в 1447 г., опять удалившийся в Ферапонтов монастырь в 1455 г., скончавшийся 12 января 1483 г., канонизованный на соборе 1549 г.

10. *Вассиан Рыло*, ученик преподобного Пафнутия Боровского, поставленный в 1455 г., в 1466 г. переведенный в архимандриты Московского придворного Спасского монастыря, в 1467 г. назначенный в архиепископы Ростовские; духовник великого князя Ивана Васильевича, смелый его обличитель в нашествие Ахматова и автор знаменитого послания к нему на Угру.

11. *Спиридон*, из монахов Чудовских, с 1467 по 1474 гг. называемый от Иосифа Волоколамского, который знал его лично, великим старцем.

12. *Аврамий*, с 1474 по 1478 гг.

13. *Паусий* (Пасей, Пасея) *Ярославов*, постриженник Каменского монастыря на Кубенском озере (как принимают), монах Кирилло-Белозерского монастыря и один из первых представителей так называемого заволжского образа мыслей, учитель преподобного Нила

Сорского, один из знаменитых старцев своего времени, весьма уважаемый великим князем Иваном Васильевичем, который желал было видеть его митрополитом Русским, на соборе 1503 г. поднимавший вместе с преподобным Нилом вопрос об отобрании у монастырей вотчин; неохотно принявший игуменство Троицкое в 1473 г. и отказавшийся от него в 1482 г., о чем в Софийской летописи записано: «принуди его князь великий у Троицы в Сергееве монастыре игуменом быти, и не може чернцов превратити на Божий путь, – на молитву и на пост и на воздержание, и хотеша его убити, бяху бо тамо бояре и князи постригшеися, не хотяху повинутися, и остави игуменство».

14. *Иоаким*, в 1482–1483 гг.

15. *Макарий*, с 1483 по 1488 гг.

16. *Афанасий I*, Сук, с 1488 по 1490 гг.

17. *Симон Чиж*, с 1490 по 1495 гг., потом митрополит всероссийский.

18. *Серапион I*, преподобный, переведенный из игуменов Дубенского Шавыкинского монастыря, с 1495 по 1506 гг., потом архиепископ Новгородский; из-за ссоры с Иосифом Волоколамским, причем оскорблен был им великий князь Василий Иванович, в 1503 г. низведенный с кафедры и подвергнутый отлучению, скончавшийся у Троицы 16 марта 1516 г. (местный святой Троицкой лавры).

19. *Досифей II*, в 1506–1507 гг.

20. *Памва I*, Мошнин, с 1508 по 1515 гг.

21. *Иаков Кашин*, из монахов Троицких, ученик Серапионов, с 1515 по 1520 гг.

22. *Порфирий I*, из пустынников Белозерских, устроивший близ Кириллова Белозерского монастыря собственную пустыню, которая носила название Порфириевой пустыни, поставленный если не в 1520 г., то в самом начале 1521 г., за смелое обличение великого князя Василия Ивановича в одном непохвальном деянии удаленный с места в 1524 г.

23. *Арсений Сахарусов* (Сахарусов), преподобный, из постриженников Троицких и подвижников Вологодских, с 1525 по 1527 гг., удалившийся с игуменства для безмолвия опять в пустыни Вологодские, основавший там два монастыря и скончавшийся 24 августа 1550 г. (в святцах: Арсений Комельский, по месту кончины его в основанном им Ризположенском монастыре, который, находясь в Комельском лесу, называется по его имени и по лесу Арсениевым Комельским).

24. *Александр*, в 1528–1529 гг.

25. *Иоасаф I*, Скрипицын, с 1529 по 1539 гг., потом митрополит всероссийский, сведенный с кафедры митрополичьей в 1542 г. и скончавшийся у Троицы (после заточения в Кирилло-Белозерском монастыре) неизвестно когда, до 1561 г. (принимают, что 27 июля 1555 г.).

26. *Порфирий II*, с 1539 по 1541 гг.

27. *Алексей*, с 1541 по 1543 гг., потом архиепископ Ростовский, скончавшийся на повое в Троицком монастыре.

28. *Порфирий III*, в 1543 г., правивший всего пять недель.

29. *Никандр*, с 1543 по 1545 гг., потом (после удаления с игуменства на покой?) архиепископ Ростовский.

30. *Иона Щелепин*, из келарей монастыря, с 1545 по 1549 гг.

31. *Серапион II*, Курцов, из келарей монастыря, с 1549 по 1551 гг., потом архиепископ Новгородский.

32. *Артемий*, постриженник преп. Корнилия Комельского, ученик Порфирия, бывшего игумена Троицкого, и подвижник его пустыни, один из самых видных представителей Белозерского или заволжского образа мыслей; поставленный в игумены в середине мая 1551 г. и отказавшийся от игуменства через шесть с половиной месяцев, так как нашел его бесполезным для своей души; в конце 1553 – начале 1554 г. подвергнутый соборному суду и отча-

сти за действительное некоторое вольномыслие, главным же образом, как уверяет Курбский, по проискам его врагов – так называемых «любостяжателей», лишенный священного сана, отлученный от церкви и заточенный в Соловки; бежавший из Соловков в Литву и прославившийся там борьбой за православие против еретиков; один из замечательнейших людей своего времени; по его ходатайству преподобный Максим Грек переведен был к Троице из Тверского Отрочего монастыря.

33. *Гурий Лужецкий*, из архимандритов Можайского Лужецкого монастыря, с 1552 по 1554 гг., потом епископ Рязанский.

34. *Иларион*, Кирилловец, т. е. из Кириллова Белозерского монастыря, в 1554–1555 гг., в продолжение восьми с половиной месяцев.

35. *Иоасаф II*, Черный, с 1555 по 1560 гг.

Архимандриты:

36. *Елевферий*, поставленный в 1560 г., возведенный в архимандриты 6 января 1561 г., оставшийся архимандритом до следующего 1562 г. (или же до 1564 г., когда был поставлен в епископы Суздальские?).

37. *Меркурий*, Дмитровец, т. е. уроженец города Дмитрова, постриженник Троицкий, бывший в монастыре казначеем, с 1562 (или 1564) по 1566 гг.

38. *Кирилл I*, с 1566 по 1568 гг., потом митрополит всероссийский.

39. *Памва II*, в 1568–1563 гг., в продолжение двадцати пяти недель (посланный Грозным в заточение).

40. *Феодосий I*, Вятка, с 1569 по 1572 гг. (удалившийся на покой или отставленный). Переведен из архимандритов Андрониковских.

41. *Памва* во второй раз, с 1572 по 1575 гг.

42. *Варлаам I*, с 1575 по 1577 гг.

43. *Иона II*, с 1577 по 1584 гг.

44. *Митрофан*, Дмитровец, с 1584 по 1588 гг.

45. *Киприан*, Балахонец, т. е. уроженец города Балахны, с 1588 по 1594 гг.

46. *Кирилл II*, Завидов, переведенный в 1594 г. из архимандритов Новгородского Антониева монастыря, в 1605 г. поставленный в архиепископы Ростовские.

47. *Иоасаф III*, переведенный в 1605 г. из игуменов Пафнутьева Боровского монастыря, выдержавший в монастыре осаду поляков, тотчас после осады возвратившийся или возвращенный в Пафнутьев монастырь и здесь убитый поляками 5 июля 1610 г. при взятии и разграблении монастыря Сапегой.

48. *Дионисий Зобниновский*, Ржевитин, т. е. родом из города Ржева, преподобный, поставленный в феврале 1610 г., скончавшийся 10 мая 1633 г., принимавший деятельное (прославившее лавру) участие в освобождении отечества от поляков, усердно заботившийся о призрении разоренных и избитых поляками жителей Москвы, исправлявший требник и другие богослужебные книги и подвергавшийся за свои исправления страданиям, один из знаменитых мужей своего времени (местный святой Троицкой лавры).

49. *Нектарий Вязлетин* (Вязлетин, Вязмитин) из игуменов Песношских, с 1633 по 1640 гг.

50. *Адриан*, из игуменов Ярославского Толгского монастыря, с 1640 по 1656 гг.

51. *Иоасаф IV*, Новоторжец, т. е. уроженец г. Торжка, из архимандритов Владимирского Рождественского монастыря, с 1656 по 1667 гг., в котором поставлен был в патриархи Всероссийские.

52. *Феодосий II*, Арзамасец, бывший священник села Подсосенья, постриженник Троицкий, поставленный из архимандритов Новгородского Юрьева монастыря, с 1667 по 1674 гг.

53. *Викентий*, из архимандритов Владимирского Рождественского монастыря, с 1674 по 1694 гг.

54. *Иов*, постриженник Троицкий, из архимандритов Московского Петровского монастыря, с 1694 по 1697 гг., в котором поставлен был в митрополиты Новгородские.

55. *Евфимий*, постриженник Троицкий, из архимандритов Московского Знаменского монастыря, с 1697 по 1700 гг.

56. *Иларион Властевинский*, из архимандритов Новоспасского монастыря, с 1701 по 1704 гг., в котором поставлен в митрополиты Крутицкие.

57. *Сильвестр Холмский* (Волынский), из архимандритов Новгородского Юрьева монастыря, с 1704 по 1708 гг., в котором поставлен в митрополиты Нижегородские.

58. *Иоасаф V*, из архимандритов Московского Петровского монастыря, с 1708 по 1710 гг.

59. *Георгий Дашков*, из келарей лавры, с 1711 по 1718 гг., в котором поставлен в епископы Ростовские.

60. *Тихон Писарев*, из архимандритов Ярославского Спасского монастыря, с 1718 по 1722 гг. (отставленный за злоупотребления).

Преподобный Сергей

61. *Гавриил Бужинский*, из Малороссиян, учившийся в Киевской Академии, бывший учителем и проповедником в Московской Славяно-греко-латинской академии, из префектов последней. С 1718 г. обер-иеромонах флота, в 1721 г. поставленный в архимандриты Костромского Ипатского монастыря и получивший должность директора и протектора всех школ и типографий, находившихся в ведении Св. Синода, с 1722 по 1726 гг. архимандрит лавры; указами от 24 июня и 12 июля 1726 г. назначен был в епископы Тверские и затем до конца жизни в 1731 г. епископ Рязанский; исполнявший разные ученые поручения Петра

Великого и бывший придворным проповедником, один из видных людей Петровского времени.

62. *Варлаам Высоцкий*, из архимандритов Переяславского Данилова монастыря, с 1726 по 1737 гг., бывший духовником императриц Екатерины I и Анны Иоанновны, построивший находящуюся под Петербургом Троицкую Сергиеву пустыню.

63. *Арсений II*, Воронов, из архимандритов Вологодского Прилуцкого монастыря, в 1737–1738 гг., очень недолго.

64. *Амросий Дубневич*, из архимандритов Киевского Златоверхо-Михайловского монастыря, бывший ректор Киевской академии, вызванный в 1733 г. в Троицкий монастырь с целью открытия в нем семинарии, но прежде чем успел это сделать, поставленный в 1742 г. в епископы Черниговские.

65. *Кирилл III*, Флоринский, из архимандритов Московского Заиконоспасского монастыря и ректоров Славяно-греко-латинской академии, с 1742 г. по 1744 г.; 1 октября 1742 г. открывший в лавре семинарию.

66. *Арсений Могилянский*, в 1744 г. назначенный из придворных проповедников, в том же 1744 г. поставленный в архиепископы Переяславские, но и при сем сохранивший звание архимандрита лавры, в 1752 г. удалившийся на покой (с 1757 г., митрополит Киевский).

67. *Афанасий Вольховский*, из келарей лавры и ректоров лаврской семинарии, с 1753 г. по 1758 г., в котором поставлен в епископы Тверские.

68. *Геден Криновский*, из архимандритов Саввина Сторожевского монастыря, с 1758 г. по 1761 г., в котором поставлен в епископы Псковские (знаменитый придворный проповедник).

69. *Лаврентий Хоцатовский*, из придворных иеромонахов, одновременно состоял в должности уставщика придворных певчих, с 1761 г. по 1766 г.

70. *Платон Левшин*. Родился 29 июня 1737 г. в селе Чашникове, находящемся в 37 верстах от Москвы по Петербургскому шоссе (в миру Петр Георгиевич и собственно не Левшин, а Левшинов, которое переделано в Левшин позднее); учился в Славяно-греко-латинской академии, в которой в 1751 г. еще прежде окончания учения сделан учителем поэзии и публичным катихизатором; в 1758 г. переведен в лаврскую семинарию в учителя риторики, причем 14 августа того же года принял в лавре монашество; в 1753 г. сделан префектом семинарии и учителем философии, а в 1762 г. ректором и учителем богословия; в 1763 г. взят в законоучители к великому князю Павлу Петровичу одновременно сделан придворным проповедником; в 1766 г. поставлен в архимандриты лавры; в 1770 г. назначен в архиепископы Тверские, с сохранением звания архимандрита лавры, в 1775 г. переведен в архиепископы Московские, из которых в 1787 г. переименован в митрополиты; скончался 11 ноября 1812 г. и погребен в построенном им Вифанском монастыре. Платон – знаменитый иерарх Русской церкви, человек прекрасных нравственных качеств; а что касается до него, как архимандрита лавры, то без преувеличения можно сказать, что он был лучшим архимандритом из всех до него бывших: он почти заново перестроил лавру, а алтарь Троицкого собора украсил так, что великолепие последнего, можно сказать, напоминает храм Соломонов (кроме того, что сейчас есть в алтаре, нужно еще смотреть великолепнейшую одежду на престол, хранящуюся теперь в ризнице).

71. *Августин Виноградский*. Родился в Москве, в 1766 г., учился в Перервинской семинарии и Московской академии, учил в академии, в Перервинской и Троицкой семинариях, был ректором последней семинарии и академии; в 1804 г. посвящен в епископы Дмитровские, виварии Московской митрополии; в 1811 г. по болезни митрополита Платона ему поручено было заведывание всеми делами Московской епархии; в 1812 г. получил титул архиепископа Дмитровского и сделан архимандритом лавры; в 1818 г. переименован в архиепископы Московские; скончался 3 марта 1819 г. и погребен в Успенском соборе лавры.

72. *Серафим Глаголевский*, уроженец города Калуги, воспитанник Калужской, Перевинской и Троицкой семинарий и Московской академии, учитель Троицкой семинарии и академии, с 1790 г. префект последней, а с 1799 г. ректор ее и епископ Дмитровский, с 1804 г. епископ Вятский, с 1805 г. епископ Смоленский, с 1812 г. архиепископ Минский, с 1814 г. архиепископ Тверской, с 1819 г. митрополит Московский, с 1821 г. митрополит Петербургский († 86 лет, 17 января 1843 г.).

73. *Филарет Дроздов*. Родился в городе Коломне 26 декабря 1782 г. (в миру Василий Михайлович); учился в Коломенской и лаврской семинариях; в 1803 г. был определен учителем греческого и еврейского языков в последней семинарии; в 1806 г. обратил на себя внимание митрополита Платона своими двумя проповедями, сказанными – одна 12 января, в день освобождения лавры от поляков, а другая в великую пятницу, которые привели митрополита в восторг и по которым он признал в нем «отличнейшего проповедника» (справедливо говорит Платон о себе в своей автобиографии, приложимое далеко не ко всем знаменитым людям, что «без зависти похвалял, ежели в ком усматривал особенные дарования и их ободрять и по возможности награждать за удовольствие почитал»); в том же 1806 г. был назначен в семинарии учителем поэзии, как имевший «отличную к поэзии и риторике склонность», и вместе проповедником при лавре, а в 1808 г. назначен учителем высшего красноречия и риторики, с оставлением в должности проповедника; 16 ноября того же 1808 г. принял монашество; в 1809 г. вытребован в Петербург и назначен инспектором семинарии и в том же году назначен ректором состоявшего при семинарии Александро-Невского уездного училища; в 1810 г. переведен бакалавром богословских наук в Петербургскую академию; в 1812 г. определен ректором академии; 5 августа 1817 г. посвящен был в епископы Ревельские, викарии Петербургского митрополита, с оставлением ректором академии; в 1813 г. назначен на Тверскую кафедру с возведением в сан архиепископа; в 1820 г. переведен был на Ярославскую кафедру, 3 июля 1821 г. переведен на кафедру Московскую, в 1826 г. возведен в сан митрополита; скончался 19 ноября 1867 г. на 85 году жизни и погребен в лавре, в Филаретовской церкви, прикладенной к Духовской церкви.

74. *Иннокентий Вениаминов*. Родился 26 августа 1797 г. в селе Ангинском Иркутской губернии (вместо отцовской фамилии Попов получил фамилию Вениаминов в честь Иркутского архиерея); еще во время учения в Иркутской семинарии женился (что тогда допускалось) и определен в диаконы в городской Благовещенской церкви; по окончании учения в семинарии в 1818 г., не был послан в академию по причине своей ранней женитьбы, назначен был в учителя приходского училища, причем до 1821 г. за неимением свободного священнического места в городе оставался диаконом; в 1821 г. рукоположен во священники в той же Благовещенской церкви, при которой был диаконом; в 1823 г., когда епископу Иркутскому последовал указ от Св. Синода послать священника в колонии Российско-Американской компании, на остров Уналашку, и когда решительно не находилось охотников ехать, изъявил добровольное желание отправиться на проповедь слова Божия язычникам; в 1839 г. овдовел и, приняв монашество, 15 декабря 1840 г. посвящен в епископы Камчатские; в 1850 г. возведен в сан архиепископа; 5 января 1868 г. назначен в митрополиты Московские; скончался 31 марта 1879 г. и погребен в лавре, в Филаретовской церкви.

75. *Макарий Булгаков*. Родился 19 сентября 1816 г. в селе Суркове Курской губернии, Новооскольского уезда; высшее образование получил в Киевской академии, в которой на последнем году учения, 15 февраля 1841 г., принял монашество и в которой по окончании учения оставлен был бакалавром русской церковной и гражданской истории, в 1842 г. переведен был в Петербургскую академию, в бакалавры богословских наук и в том же году назначен инспектором академии; в 1850 г. определен ректором академии, а в 1851 г. посвящен в епископы Винницкие, викарии Подольские, с оставлением в звании ректора академии; в 1857 г. назначен на Тамбовскую кафедру, с 1859 по 1868 гг. занимал Харьковскую кафедру,

причем в 1862 г. возведен в сан архиепископа; в 1868 г. был переведен на кафедру Литовскую; 8 апреля 1879 г. был назначен в митрополиты Московские; скончался 9 июня 1882 г. и погребен в лавре, в Успенском соборе.

76. *Иоаникий Руднев*; Родился в 1827 г., в селе Верхнем Скворчем, Тульской губернии, Новосильского уезда; высшее образование получил в Киевской академии, в которой в 1843 г., с принятием монашества, оставлен был бакалавром Священного Писания, а в 1856 г. назначен инспектором; в 1858–1859 гг. был ректором Киевской семинарии; в 1859–1860 гг. ректором Киевской академии, а с 1860 по 1864 гг. ректором Петербургской академии, причем в 1861 г. посвящен был в епископы Выборгские, викарии Петербургские; в 1864 г. назначен в епископы Саратовские, в 1873 г. – в епископы Нижегородские, причем в 1877 г. возведен в архиепископы; в 1877 г. переведен в экзархи Грузии; 27 июня 1882 г. назначен в митрополиты Московские, 17 ноября 1891 г. переведен в митрополиты Киевские.

77. *Леонтий Лебединский*. Родился 22 января 1822 г. в селе Новой Калитве Воронежской губернии, Острогожского уезда; высшее образование получил в Петербургской академии, в которой перед окончанием учения в 1847 г. принял монашество; по окончании учения назначен был профессором Петербургской семинарии, но в том же 1847 г. переведен инспектором в Киевскую семинарию, а в 1852 г. назначен инспектором Киевской академии; с 1856 г. по 1860 г. проходил должность ректора в семинариях Владимирской, Новгородской и Петербургской, причем, был ректором последней семинарии, 13 марта 1860 г. посвящен в епископы Ревельские; в 1863 г. назначен на кафедру Подольскую, на которой в 1873 г. возведен в сан архиепископа; в 1874 г. переведен был на кафедру Херсонскую, а в 1875 г. на кафедру Холмско-Варшавскую; 17 ноября 1891 г. назначен митрополитом Московским; скончался 1 августа 1893 г. и погребен в лавре, в Успенском соборе.

78. *Сергий Ляпидевский*. Родился 9 мая 1820 г. в Туле; высшее образование получил в Московской академии, в которой перед окончанием учения в 1844 г. принял монашество; по окончании учения оставлен был при академии бакалавром; в 1848 г. назначен в ней инспектором, а в 1857 г. – ректором; 1 января 1861 г. посвящен в епископы Курские; в 1880 г. переведен в епископы, с возведением в сан архиепископа, Казанские, в 1881 г. Кишиневские, а в 1891 Херсонские; назначен в митрополиты Московские 9 августа 1893 г.; скончался 11 февраля 1898 г. и погребен в лавре, в Успенском соборе.

Крещение Варфоломея, нареченного впоследствии Сергием

79. *Владимир Богоявленский*. Родился в 1847 г. в селе Малой Моршке Моршанского уезда Тамбовской губернии; высшее образование получил в Киевской академии, в которой окончил курс учения, со степенью кандидата в 1874 г.; по окончании учения назначен был в преподаватели Тамбовской семинарии; в 1882 г. оставил службу в семинарии и рукоположен во священники в одной из церквей города Козлова; 8 февраля 1886 г., после того как лишился супруги, принял монашество и назначен настоятелем, с возведением в сан архимандрита Козловского Троицкого монастыря, из которого в том же году перемещен в настоятели Новгородского Антониева монастыря; 21 мая 1888 г. посвящен в епископы Старорусского, вивария Новгородской епархии; 19 января 1891 г. назначен в епископы Самарские; 18

октября 1892 г. назначен архиепископом Карталинским и Кахетинским, экзархом Грузии, с званием члена Св. Синода; 21 февраля 1898 г. назначен в митрополиты Московские.

Наместники архимандритов лавры были из иеромонахов не только до тех пор, пока архимандриты были именно архимандритами, но довольно долгое время и после того, как звание архимандрита присвоено было архиепископам-митрополитам Московским (за исключением трех случаев, когда переведены были из других монастырей готовые – два архимандрита и один игумен). С 1797 г., вследствие указа императора Павла, они – архимандриты и вместе с тем настоятели Вифанского монастыря.

Последний наместник из архимандритов лавры, которого могут помнить самые старые из живущих людей, есть *Афанасий*. Он был из духовного звания, из Тамбовской губернии; родился в 1763 г., в монахи пострижен в лавре в 1802 г., наместником был с 1818 г. по 1831 г. (скончался 23 февраля последнего года и погребен за алтарем Сошестввенской церкви). Сколько мы слышали о нем от людей заставших и знавших его, был человек хороший, но плохой хозяин и начальник очень слабый, так что лавра была при нем очень запущена (в отношении к зданиям) и очень распущена (в отношении к братии). Был хороший (как говорят) иконописец и памятником его искусства считается находящаяся на паперти Зосимо-Савватиевской церкви большого размера икона: Живоносный источник (как будто не представляющая из себя выдающегося произведения живописи).

За Афанасием до настоящего времени следуют:

Антоний, из вольноотпущенных дворовых людей одной Нижегородской помещицы; родился в 1783 г.; монашество принял в Арзамасской Высокогорской пустыне в 1822 г.; в 1826 г. сделан строителем пустыни; в 1831 г. переведен в наместники лавры; скончался 12 мая 1877 г. и погребен в паперти Филаретовской церкви. Имел очень большую известность и пользовался очень большим почитанием в обществе, был между прочим наделен даром увлекательного собеседования; лавра в отношении своего внешнего благоустройства весьма многим ему обязана.

Леонид Кавелин. Из дворянской фамилии Кавелиных, родился в 1822 г.; до 1852 г. служил в военной службе (мирское имя Лев Александрович); в 1852 г. поступил в послушники Оптиной пустыни, а в 1855 г. был пострижен в монахи; с 1857 г. по 1859 г. был в составе нашей Иерусалимской миссии; с 1859 г. по 1863 г. иеромонахом Оптиной пустыни; с 1863 г. по 1866 г. начальником нашей Иерусалимской миссии; с 1865 г. по 1869 г. – начальником нашей посольской церкви в Константинополе; с 1869 г. по 1877 г. – настоятелем Воскресенского Новоиерусалимского монастыря; 3 июля 1877 г. назначен в наместники лавры; скончался 22 октября 1891 г. и погребен за алтарем Духовской церкви, рядом с наместником Афанасием. Известный наш неутомимый разыскатель в области славяно-русских церковных древностей и чрезвычайно плодовитый (хотя и писавший с чересчур большой, значительно вредившей делу, торопливостью) писатель.

Павел Глебов, в миру Петр, сын диакона города Скопина Рязанской губернии. Родился в 1827 г.; после учения в духовном училище с 18-летнего возраста послушник и монах Саввино-Сторожевского монастыря; с 1858 г. казначей Саввина монастыря; с 1876 г. экононом Ярославского архиерейского дома; с 1877 г. наместник Ярославского Толгского, приписанного к архиерейскому дому, монастыря; в наместники лавры назначен 21 декабря 1891 г.; (скончался 1 марта 1904 г. и погребен в Зосимовой пустыни Владимирской губернии).

Товия, в миру Трофим Тихонов Цимбал, из вольноотпущенных графа Д. Н. Шереметева крестьян слободы Шеляхиной Алексеевской волости Бирюченского уезда Воронежской губернии. В 1852 г. поступил в Святогорскую пустынь Харьковской губернии послушником, в 1860 г. пострижен в монашество и возведен в сан иеродиакона. В 1862 г. перешел в лавру, в 1871 г. возведен в сан архидиакона, в 1888 г. – в иеромонахи и назначен казначеем лавры, в 1892 г. архимандритом. 9 июня 1893 г. назначен наместником Московского Чудова мона-

стыря, с 1901 г. состоял благочинным Московских мужских монастырей, с 1903 г. – настоятелем Московского Знаменского монастыря. С 6 марта 1904 г. наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры].

Стены монастыря

Стена монастырская с башнями

Когда около пустынной кельи Преподобного Сергия образовался монастырек, он обнес его тыном. Но монастырек превратился в настоящий и большой монастырь еще при жизни его самого, и этот настоящий и большой монастырь еще им самим вместо не подобавшего такому монастырю тына обнесен был более или менее хорошей стеной, подразумевается – деревянной, на святых воротах которой была поставлена церковь во имя великомученика Димитрия Солунского, ангела великого князя Дмитрия Ивановича Донского. После 1408 г., когда монастырь сожжен был татарами, стена вместе со всем монастырем была восстановлена преподобным Никоном, причем по-прежнему на святых воротах ее была поставлена церковь св. Димитрия. В 1512 г. великим князем Василием Ивановичем вместо деревянных святых ворот были поставлены в стене каменные ворота с церковью на них во имя преподобного Сергия. Наконец, вместо деревянной стены складена была каменная, существующая до настоящего времени.

При этой кладке каменной стены монастырь был несколько расширен. Расширение может быть предполагаемо на двух сторонах – восточной и северной, а на других двух сторонах – южной и западной – нельзя предполагать его потому, что иначе прежнее расстояние между стеной и Троицким собором нужно было бы представлять слишком малым. Не знаем, на обеих ли сторонах – восточной и северной – монастырь был несколько расширен, но несомненно, что он был расширен на первой из них. Надворотная церковь находится в настоящее время не в линии стены и не над воротами ее, а впереди стены во внутрь монастыря на 7 сажен, на особой арке, к задним углам которой примыкают линии келий (с обеих сторон, а в самой стене над воротами, против надворотной церкви, особая от нее и уже в собственном смысле надворотная башня). Это необходимо понимать так, что церковь стоит на линии прежней деревянной стены и что на 7 сажен, которые между церковью и теперешней стеной, была отнесена от прежней стены эта последняя. Что касается северной стороны, на которой теперь расстояние стены от центра монастыря или Троицкого собора самое большее, то очень может быть, что и здесь монастырь был также расширен, однако и здесь, судя по местоположению житницы Преподобного Сергия, находившейся в северо-восточном углу монастыря, расширение не должно быть предполагаемо большим, чем на восточной стороне.

Относительно строения каменной стены мы не имеем точных и обстоятельных сведений. 12 марта 1540 г., вследствие просьбы игумена монастыря Порфирия, разрешено было Троицким крестьянам брать беспошлинно и бесплатно на строение монастырской стены камень и известь, где бы и на чьих бы землях они их не нашли; и должно думать, что с весны 1540 г. и начата была кладка стены. В 1550 г. игумен Серапион просил царя, чтобы Троицкие крестьяне уездов Переяславского, Дмитровского и Радонежского были освобождены от всяких работ по строению и починке «городов» или крепостей в названных уездах, имели единственной своей повинностью в сем отношении поддержание стены монастыря; и должно думать, что в 1550 г. и была окончена кладка стены. Таким образом, нужно полагать, что кладка была произведена в течение 10 лет: для такого монументального сооружения, как Троицкая монастырская стена, это время очень непродолжительное. В течение последних

четырёх лет из десяти крестьяне Троицкие, на которых лежала поставка и доставка всякого материала, пользовались свободой от всяких государственных податей и повинностей, а в 1545 г., когда предпринят был поход на Казань, они освобождены были от сбора всяких военных запасов.

Опись монастыря 1641 г. полагает длину стены, по измерению ее тогдашней саженью, в $547\frac{1}{2}$ сажен. Длина ее по нынешнему измерению – 642 сажени.

Высота стены – 4 сажени, а с южной и западной сторон, из коих первая представляет собой подгорье, а вторая – отчасти косогор, отчасти ровное место, имеющее впадину (овражек), она достигает 6–7 сажени и более.

Святой Сергей Радонежский благословляет Дмитрия Донского на Куликовскую битву

О толщине стены обыкновенно говорят так, что людей, не видавших ее, вводят в заблуждение. Толщина стены, говорят, 3 сажени и более. 3 сажени, или 9 аршин, это чрезвычайно

большая толщина. На самом деле стена и имеет 3 сажени толщины и вовсе не имеет их, и в общем она представляет не такую массу, какую воображают себе люди, не выдавшие ее. Стена состоит из двух частей: из самой стены и из прикладенной к ней с внутренней стороны галереи, по которой бы ходить кругом ее (стены) и с которой бы действовать против лезущего на нее неприятеля. Стена, взятая вместе с прикладенной к ней галереей, действительно имеет толщину 3 сажени и более; но без галереи, сама себе, она только полтора аршина с 2 вершками или 1 аршин и 10 вершков, что вовсе не будет толщиной стены малой по сравнению с другими тогдашними крепостями (каковую крепость представляла наша стена), но с другой стороны, не будет представлять и чего-нибудь необыкновенного. Галерея, прикладенная к стене и имеющая ширину до 7½ аршин и более, и по сравнению с галереями других стен и сама по себе очень широка (слыхали мы, что-де на стене Троицкой, причем разумеется именно галерею, могут разехаться две тройки: с осторожностью, действительно, как будто могут разехаться). Хотя стена сама по себе вовсе и не 3 сажени толщиной, но так как она идет на пространстве целых 642 сажень, то вместе с галереей, не включая даже и башен, она несомненно представляет сооружение очень монументальное. Более или менее долгое время она представляла из себя в Московской Руси первую по массивности крепость, и постоянно оставалась она крепостью первоклассной.

По верху стены, как это и у всех старых крепостных стен, идут зубцы, а между зубцами несколько пониже их – косые отверстия вниз (амбразуры), чтобы можно было видеть подошедшего к стене неприятеля и можно было действовать против него. Над косыми отверстиями небольшие прямые четырехугольные отверстия с неизвестным для нас назначением (тем назначением, чтобы в них вставляемы и выпускаемы были наружу брусья, на которые снаружи могли бы быть настилаемы палаты, технически называвшиеся кроватями, для скатывания с последних на подступивших к стене неприятелей так называемых катков или хорошо округленных бревен?).

Прикладенная к стене галерея имеет два яруса – верхний, под зубцами стены (на 1 аршин с 5 вершками ниже их) и средний, т. е. в середине ее (галереи) вышины; снизу под средним ярусом не сплошная масса стены, а в уровень с землей идет в стене ряд полукруглых или аркообразных печур.

Сколько было поставлено в стене башен при ее сооружении, остается неизвестным. К 1641 г., когда произведена была опись монастыря, башен было 12. Они суть следующие: 1) над святыми воротами монастыря, против надворотной церкви, плоская или четырехугольная башня Красная, называвшаяся так потому, что была главной башней; 2) на юго-восточном углу круглая башня Пятницкая, называвшаяся так по своему месту против Пятницкой церкви; 3) в середине южной стены четырехугольная башня Луковая, называвшаяся так потому, что против нее, где теперь Пафнутьев сад, был луковый огород; 4) у юго-западного угла четырехугольная башня Водяная, называвшаяся так потому, что под ней были ворота, ведущие на воду, – на речку Кончуру и на пруд, который был устроен против нее на речке посредством плотины; 5 и 6) в южной половине западной стены две четырехугольные башни, из которых первая от Водяной называлась Погребной и Пивной, потому что на монастыре были против нее погреба, а вне монастыря – пивной двор, и из которых вторая называлась Келарской, потому что она была пристроена к келарской палате, составлявшей гостиные покои; 7) в западной стене близ северо-западного угла или же на самом северо-западном углу «четырёхугольная башня Плотницкая (о названии которой см. ниже); 8) в северной стене близ северо-западного угла круглая башня о двух верхах, называвшаяся Конюшенной, потому что против нее за оврагом и за речкой были монастырские конюшни, и Каличьей – не совсем ясно от чего (см. ниже); 9 и 10) в северной стене две четырехугольные башни, из которых первая от Конюшенной называлась Соляной, по устроенному в низу ее амбару для соли, а вторая – Кузничной (о названии которой ниже); 11) на северо-восточном углу круглая

башня, называвшаяся Житничной – от находившихся близ нее монастырских житниц; 12) в восточной стене между Житничной и Красной башнями – четырехугольная башня Сушильная, называвшаяся так, вероятно, от бывшего устроенным на верху ее сушила.

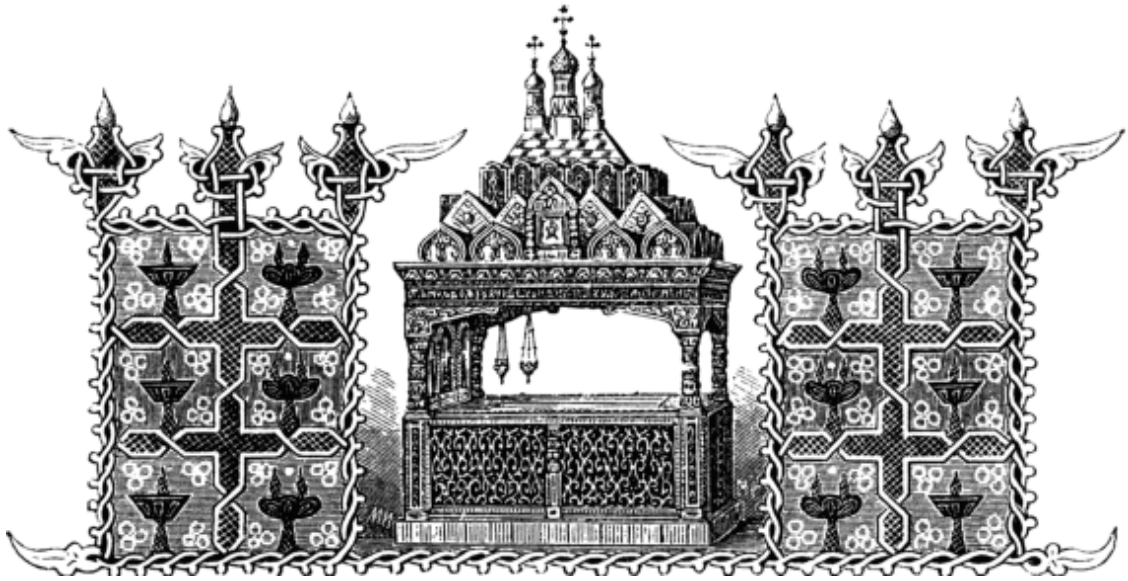
Князь в гостях у Преподобного Сергия

Из этих 12 башен в настоящее время остаются девять: 1) надворотная Красная, 2) Пятницкая, иногда потом называемая еще Пороховой, 3) Луковая, 4) Водяная, называемая теперь Соляной, 5) Плотничная, 6) Конюшенная или Каличья, 7) Соляная, получившая потом название Звонковой, 8) Житничная, называемая теперь Красной и Утичьей, или Уточьей, и 9) Сушильная, называвшаяся потом еще Келарской и Ректорской. Что касается остальных трех башен, то Кузнечная уничтожена совсем, а Погребная или Пивная и находившаяся недалеко от нее Келарская обращены в жилье так, что уже не смотрят башнями (наместничьи кельи).

О пристройке митрополитом Платоном святых ворот к Красной башне или собственно о пристройке к ее святым воротам наружного портала читается в Кратком описании лавры: «При всей великолепии (монастырской) ограды не было особенных святых врат, кои бы приличествовали столь огромному строению; для того в прошлом 1807 г. тщанием преосвященного митрополита Платона устроены вновь весьма красивые святые врата готической архитектуры перед башней, над вратами стоящей: снаружи оные украшены полуколоннами и карнизами из белого камня; на куполе, покрытом белым железом, поставлено изображение Преподобного Сергия с медным вызолоченным крестом, а пониже купола с передней и других двух сторон, помещены пирамиды и другие очень искусно сделанные фигуры». В 1855 г. Красная башня совершенно перестроена, причем внешний вид ее (фасад) значительно изменен против прежнего, равно как портал у нее сделан или к ней приделан иной против Платоновского. На перестроенной башне были поставлены часы, но они скоро перестали ходить и были сняты.

Нынешняя Пятницкая башня не есть первоначальная, но на месте упавшей первоначальной вновь построена около 1640 г., о каменном построении говорит Симон Азарьин в чудесах Преподобного Сергия. В середине башни находится круглый каменный столб, имеющий в диаметре сажень или полторы сажени и идущий от низу до самого верху сквозь все своды башни. О столбе этом ходят легенды. Называли его мешком, говорят, что он пустой или полый внутри и что его устроил царь Иван Васильевич Грозный, чтобы казнить опальных, именно – что внизу столба, и без того очень высокого, была еще прикопана более или менее глубокая яма, что на дне ямы были натканы ножи остриями вверх и что осужден-

ных бросали с верха столба на эти ножи. Легенда присваивает устройство мешка царю Ивану Васильевичу, очевидно, потому, что при нем построена стена с башнями; только она по праву легенды не знает или не хочет знать, что стена с башнями построена при Иване Васильевиче задолго до того, как он стал тираном, и не обращает внимания на ту великую несообразность, что местом для казни опальных Грозный избрал именно Троицкий монастырь (устраняя эту несообразность, некоторые верующие в легенду и не желающие расстаться с ней предполагают, что в мешке казнимы были Грозным опальные Троицкие монахи; но предполагать это последнее – значит, допускать ту еще большую и совсем колоссальную несообразность, что для казни четырех-пяти монахов, подвергшихся опале, царь приказал устроить такой столб, причем устроить его в башне уже готовой было весьма трудно, ибо нужно было проламывать все ее своды и причем невозможно было устроить его в один час по мановению волшебного жезла, тогда как Грозный, решив казнить подвергшихся его опале монахов, конечно, не откладывал казни на многие месяцы). Но во всяком случае легенда об ужасном назначении столба совершенно устраняется тем, что, как мы сказали, нынешняя Пятницкая башня построена не при Иване Васильевиче Грозном, а при Михаиле Федоровиче. Допуская, что столб действительно полый внутри и что только ходы в него теперь закладены (а в этом решительно уверяли нас), можно было бы признать вероятным делаемое некоторыми предположение, что разделенный каменными сводами или деревянными настилками на несколько этажей, столб служил местом тюремного заключения или ареста для преступников (из числа как самих монахов, так и монастырских мирских чиновников или слуг и крестьян). Но и это невероятно ввиду того, что в описи монастыря 1641 г. нам прямо называются монастырские тюрьмы: одна для монахов и, вероятно, для чиновников, находившаяся в самом монастыре, у Конюшенных ворот, другая – для крестьян, в селе Клементьеве. Действительное назначение столба Пятницкой башни, как со всей вероятностью надлежит думать, есть архитектурное, а именно то, чтобы, оперши на него своды башни, сделать последние более твердыми. Это заставляет предполагать Симон Азарьин, когда говорит, что на место упавшей первоначальной башни склали новую, но что у новой башни, когда она была складен, а развалились все своды – и верхние и нижние. Пороховой башня называлась иногда или иными в XVIII в., вероятно, от хранившегося тогда под ней пороха. По словам некоторых, под Пятницкой башней был тайный выход из монастыря. Но сколько известно, тайного выхода из монастыря под башней не было и нужно думать, что сказание о нем явилось от смешения этой башни с Сушильной, близ которой действительно был тайный выход из монастыря. Можно было бы думать, что за тайный выход были приняты те подкопы под башней, которые во время осады монастыря поляками были ведены из монастыря навстречу подкопу, веденному под башню последними. Но необходимо думать, что при перестройке башни в царствование Михаила Феодоровича подкопы были засыпаны.

Сень над могилой иноков Пересвета и Осляби в церкви Рождества Христова, что в Старом Симонове

Водяная башня описи монастыря 1641 г., называемая Соляной, не есть та самая башня, которая в описи, а новая и складенная во время самого производства описи (которая, как мы сказали выше, продолжалась, начиная с сентября 1641 г., около трех лет). В описи при описании стены и башен говорится о нашей башне: «На воротах (водяных) башня четырехугольная, вверху поперек башни четыре сажени, вдоль по городу (т. е. по стене) пять сажень с полусаженью, внизу в воротах в проезде полторы сажени, затворы в воротах деревянные». Это, очевидно, не нынешняя башня, так как нынешняя не четырехугольная, а круглая, и не на воротах, а с боку ворот, рядом с ними. Но затем при описании казны монастырской в описи читается: «В наугольной башне от Водяных ворот меду сырцу в кадях две тысячи сто шестьдесят пуд, под Наугольной башней в погребе астраханские рыбы». Это, очевидно, есть нынешняя Наугольная башня, ибо она подле Водяных ворот (а не на них) и под ней (а не под Надворотной башней) мог быть погреб. Из сейчас сказанного и следует, что нынешняя башня построена во время производства описи. Остатки прежней башни до сих пор видны над воротами снаружи, из саду. Нынешнее название башни – Соляная, вероятно, от того, что в ней хранилась соль; теперь в низу ее – кухня для рабочих, а вверху живут певчие мальчики и послушники.

Когда Погребная, или Пивная, башня обращена в жилое помещение, точных сведений не имеем, но имеем то неточное сведение, что между 1745 и 1780 гг. В лаврской библиотеке хранится книга с планами и фасадами зданий лавры, на белом переднем листе которой читаются две надписи. Первая: «Сия книга по имянному Ее Императорского Величества словесному указу дана возвратно в Троицкую лавру июня 3 дня 1745 г. для строения по ней. Арсений Архиепископ Переславский»; вторая: «По сей книге, какие есть на планах и фасадах наклейки, то сие учинено вновь по точному Лавры положению, в каком она находилась в 1783 г. Платон Митрополит Московский. 1790 г. августа 29 д.». По наклейке на плане митрополита Платона видно, что до 1745 г. башня оставалась еще башней, а затем в деле 1780 г. о перестройке ризницы упоминается о жилом в ней помещении, именно тех же летних наместничьих покоев, что и в настоящее время. Впрочем, для помещения не жилого, а хозяйственного, наша башня служила уже в середине XVII в.

Келарская башня не была построена вместе с самой стеной, а была пристроена позднее к находившимся в ней (стене) келарским или гостиным палатам. Со всей вероятностью должно думать, что она была пристроена к келарским палатам при перестройке этих последних, которая имела место в 1643 г. и построенная в 1643 г., она попала в опись монастыря

1641 г. потому, что, как немного выше сказали мы, производство описи тянулось около трех лет. Башня прямо и складена была с тем, чтобы служить жилым помещением, именно – стать частью келарских палат.

Нынешняя Плотницкая башня складена когда-то после описи 1641 г., взамен прежней, ибо по описи – башня эта четырехугольная, тогда как нынешняя – круглая. Если на виде лавры XVII в. верно показано место прежней башни в стене, то нынешняя и находится не на месте прежней: нынешняя на самом северо-западном углу, тогда как прежняя показана на виде в западной стене близ угла. Название башни, вероятно, от того, что в ней была плотницкая мастерская. В позднейшее время башня называлась еще Оружейной – или от находившейся по близости ее Оружейной палаты, или же, вероятнее, от того, что, по разобрании в 1773 г. Оружейной палаты, в ней хранилось оставшееся в лавре оружие.

Конюшенная, или Каличья, башня перестраивалась два раза: в 1651 г. и в продолжение 1758–1771 гг. В описи 1641 г. о первоначальной башне сказано: «На конюшенных воротах башня круглая о дву верьхах»; двурехой она изображена и на виде лавры XVII в. Название башни – Каличья – некоторые производят от того, что около бывших под ней ворот собирались калики или странствующие богомольцы. Но это совершенно неосновательно, ибо собираться у наших ворот каликам или странствующим богомольцам не было никакого смысла: в ворота эти только ходили конюхи, только выезжали и въезжали монастырские власти, так что ни о каких подачах милостыни, для которых бы калики собирались у ворот, не могло быть и речи. Должно думать, что название Каличьи есть сокращение от калитечьи и дано воротам потому, что в них была калитка, которая всегда оставалась отпертой, тогда как самые ворота отпирались и отворялись лишь в случае надобности. Опись 1641 г. говорит, что в этих воротах была «решотка опускная деревянная». Это значит, что ворота в башне были устроены по-настоящему – по-крепостному, ибо опускные решетки были обычны в городских или крепостных воротах.

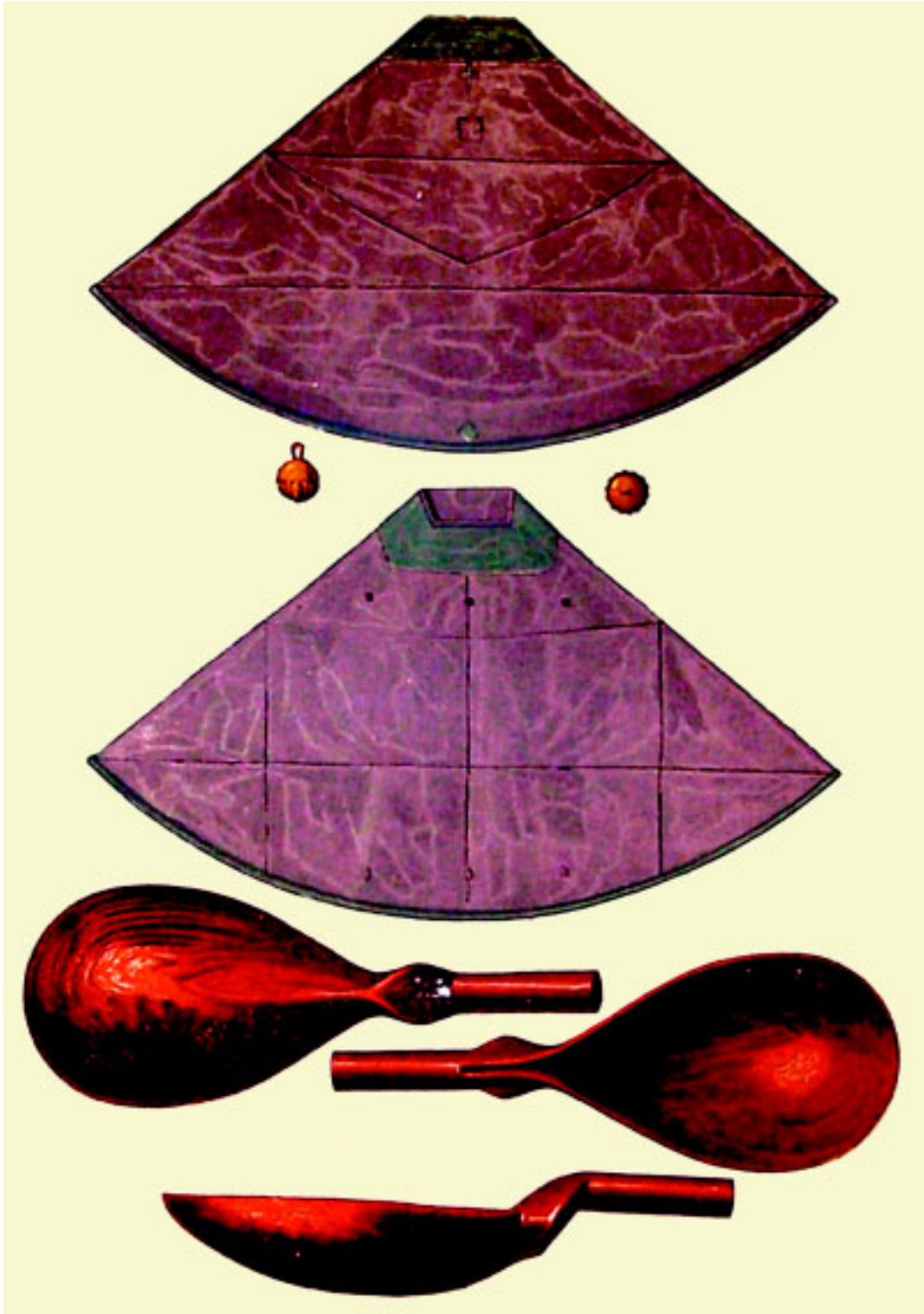
Соляная башня получила нынешнее название Звонковой, вероятно, от того, что на ней или у ней висел колокол, в который давали звонки семинаристам, когда учреждена была в монастыре семинария, занимавшая то место, которое занимает теперь академия, причем семинаристы именно жили в стене монастырской между Каличьею и Соляной, позднейшей Звонковой, башнями. Название Кузничной башни остается для нас не совсем понятным. Нужно было бы объяснять тем, что близ нее находились кузницы. Но кузницы, как мы знаем, находились в другом месте. Остается предполагать, что известное нам из описи 1641–1643 гг. место кузниц было их новым местом и что прежде они действительно находились близ башни или под ней самой.

Башня на северо-восточном углу, называвшаяся прежде Житничной, а теперь называемая Красной и Утичьей, складена на место прежней в 1650 г. Называется она Красной или потому, что прежде одна из всех башен была окрашена в красный цвет, или же за свою архитектурную красоту, а Утичьей или Уточьею потому, что на шпигеле ее поставлена утка (которая бывала прежде позолочена и стрелянием в которую будто бы забавлялся Петр Великий во время своего житья у Троицы).

Сушильная башня называлась еще Келарской и Ректорской от того, что в корпусе келий, который стоял впереди нее и на месте которого стоит теперь Академический инспекторский корпус, жили сначала некоторое время келари монастыря, а потом ректоры лаврской семинарии.

Монастырская стена представляла из себя настоящую крепостную стену, а монастырь со своей стеной представлял из себя настоящую крепость (и при том, по сравнительной твердости своей стены, крепость первоклассную). Само собой понятно, что крепость была вооружена артиллерией, а иначе она и не имела бы смысла. Когда последовало это вооружение артиллерией, мы не имеем прямых сведений, но необходимо предполагать, что тотчас

же после того, как была сооружена стена. А весьма возможно и вероятно даже и то, что была вооружена артиллерией уже и деревянная стена, предшествующая каменной. Башни стены представляли из себя бойницы; в каждой башне было по три боя: верхний, средний и нижний, или подошвенный, и все три боя всех башен и были вооружены артиллерией или, как тогда говорилось, во всех трех боях всех башен был поставлен наряд.

Фелонь, пуговка и деревянная ложка Преподобного Сергия из Троице-Сергиевой лавры

В 1641 г., во время описи монастыря, на 12 башнях его находилось 90 артиллерийских орудий. По родам эти орудия были: пушки с пятипудовым ядром, которых было впро-

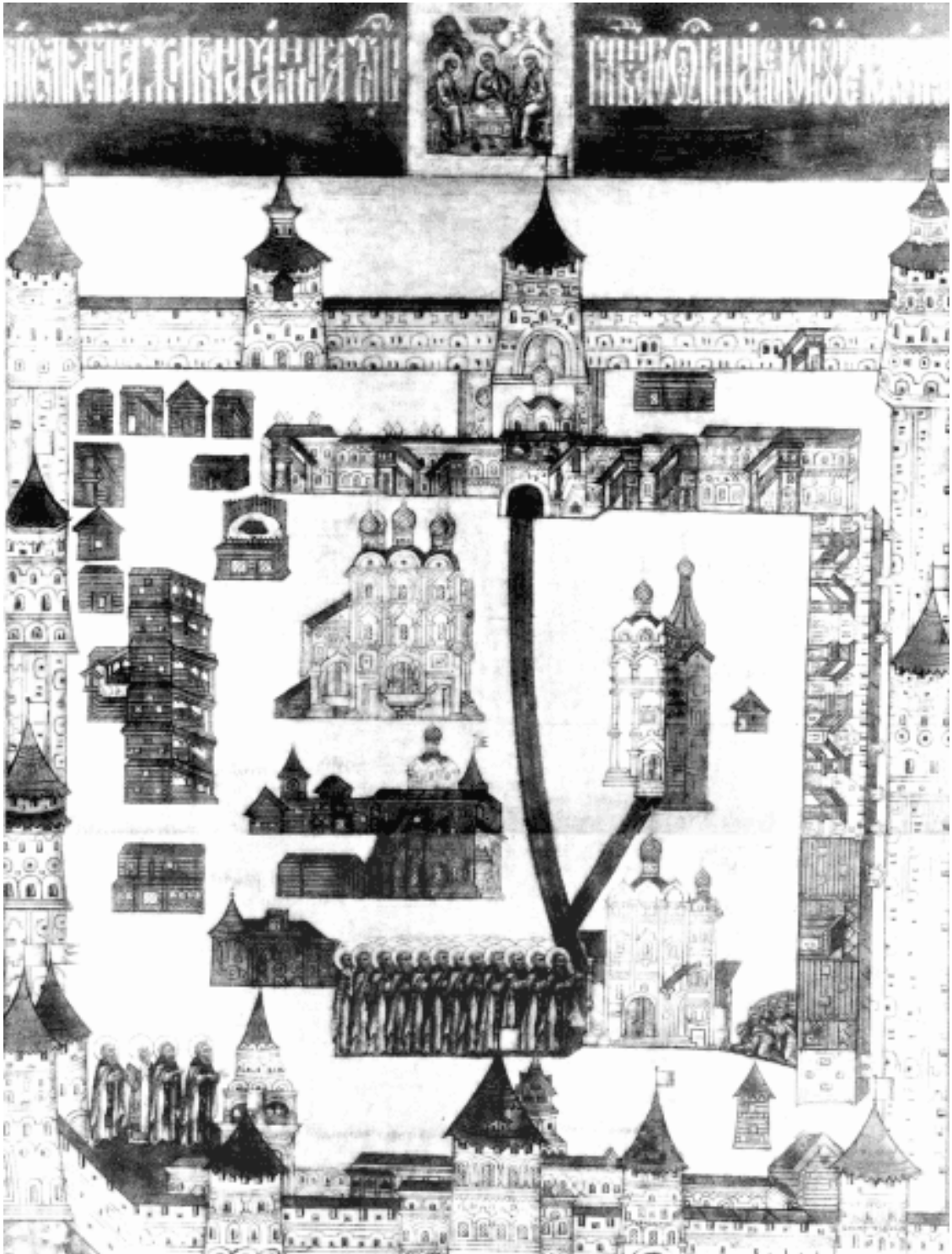
чем всего одна, стоявшая у Котошенных ворот, пищали затинные (что значит: стенные, застенные, от «затин» – стена, стенка, перегородка, закрытие, и причем под стенами понимаются брустверы городских или крепостных стен, по-славянски называвшиеся забралами – малые артиллерийские орудия, немного большие ружья, соответствующие нынешним, или недавно бывшим, «крепостным ружьям»), пищали полковые (что значит походные, полевые) и полуторные (средние артиллерийские орудия, 12 и 13 пядей или четвертей длины), тюфяки (малые артиллерийские орудия, назначенные, как кажется, для стрельбы картечью) и арганки (от *нем.* Orgel, Orgelgeschütz – малые артиллерийские орудия, представлявшие собой старые митральезы, состоявшие из соединения трех и четырех стволов). Кроме орудий на башнях находилось несколько коз со смолой (служивших к тому, чтобы растопленной смолой лить на лезущего на стену неприятеля), а на стене у Водяной башни стоял медный котел ведер во сто, который, по словам описи, держали для осадного времени на приступных людей, – варили в нем вар, а в самой башне не совсем для понятного нам употребления находилось восемь парусов.

Кроме орудий, расставленных по башням, был еще запас их в особом оружейном амбаре или арсенале и, вероятно, за непоместительностью амбара, под навесом, но вообще запас не особенно большой, а по своему качеству, как кажется, более годный для музея, чем для действительного употребления. Впрочем, зелья или пороху было целых 600 пудов.

В описании первого стрелецкого бунта или «Созерцании кратком» Сильвестра Медведева говорится, что цари Иоанн и Петр Алексеевичи с царевной Софьей потому и удалились от стрельцов в Троицкий монастырь, что «монастырь каменный и оружия в нем много», и что, «пришедше в той монастырь, великия сторожи и караулы стенные учинили и по причинным (более опасным) местам пушки и всякое ружье ко опасению и на оборону уготовили и всякой полковой строй устроили».

От 1725 г. мы имеем ведомость об оружии, находившемся в Троицком монастыре. По этой ведомости в монастыре было: пушек чугунных 22, тюфяков железных 3, пищалей полковых 134, ядер разных калибров 2832, коз осадных 1, сабель 1177, пистолетов 1583, винтовок 5, карабинов и карабинных стволов ветхих 482, мушкетов 336, фузей 6322.

Краткое описание лавры говорит, что оружие всякое древнее, от времени осады хранившееся в монастыре, в Оружейной палате, по указу 1756 г. взято в Военнопоходную канцелярию фельдцейхмейстера графа Петра Ивановича Шувалова. Но на самом деле взято было не все оружие. Миллер в своем описании лавры, составленном между 1770–1775 гг. говорит: «Военных орудий (в лавре) 15 пушек чугунных на станках разной величины от 8 до 15 фунтовых, из которых в высокаторжественные дни временем производится пальба; есть несколько пушек и без станков старинного маниру, которые весьма тонки и долги, – в обоих концах равно имеют в диаметре не более двух вершков, но оные не употребляются; в Оружейной палате хранятся старинные шлемы, кольчуги, мечи чрезвычайной величины и тяжести; было также немалое число и огнестрельного мелкого оружия, но оное все почти взято по указу в прошлом 1756 г. в Военную походную покойного генерала фельдцейхмейстера графа Петра Ивановича Шувалова канцелярию». В одном деле Лаврского архива 1767 г. говорится, что к приезду императрицы приготавливалось пороху на 500 выстрелов, считая на каждый выстрел по 1½ фунта. В описании посещения лавры императрицей Екатериной в 1775 г. говорится, что ее величество вступила в лавру при колокольном звоне и 101 пушечном выстреле.

Вид Троице-Сергиевой лавры XVII в. С изображения, принадлежавшего Троице-Сергиевой лавре

К 1823 г. было в лавре 20 пушек или больших пищалей и некоторое количество мелкого оружия. Из 20 пушек 17 употреблены на ограждение обелиска и 3 лежат в святых воротах. Что касается мелкого оружия, то в 1823 г., по приказу императора Николая, две сабли и седло, принадлежавшие Пожарскому и Минину, сданы для хранения в Московскую Оружейную Палату; ружья, бердыши, кольчуги и локотник от латы сданы в Кремлевскую экспедицию для отсылки в Петербург, к министру императорского двора. В 1872 г. посланы были лаврой в Москву на Политехническую выставку и после выставки не были возвращены ей, так что по определению Учрежденного собора исключены из описи: железный каркас, пять железных

наконечников, пищаль железная трехфунтовая, данная в 1633 г. Дм. М. Пожарским, пушечка чугунная и два ядра. В настоящее время, за исключением трех указанных выше пушек, нет в лавре ни крупного, ни мелкого оружия. В 1865 г. хотели было прислать в монастырь большое количество старого оружия; но митрополит Филарет отписался от «множества бесполезных ветхостей» ссылкой на неимение в монастыре места для них.

Жилые и нежилые помещения в стене и башнях в 1641 г., во время производства описи, были следующие:

Недалеко от Водяной башни, в трех (тогдашних) саженьях от нее на восток к Луковой башне, была в стене палата (полатка) в 4 сажени, в которой жили и делали, т. е. занимались своим мастерством, деревщики; полатка эта в наружную сторону выступала из стены, ибо находившаяся в ней пищаль поставлена была вдоль стены, дулом к Луковой башне («у Водяных ворот, в полатке у деревщиков пищаль полковая, стоит по стене к Луковой башне»).

Под Водяной башней был погреб и помещения для съестных припасов.

В Пивной башне были: в верхнем бою сушило, в среднем бою Квасная полатка, в нижнем бою пивная поварня; но при этом во всех боях стояли и орудия (как будто в стене же находилась перед Пивной башней Сытная палата, т. е. палата для сычения медов, которая вместе с башней занимала в стене 13 тогдашних сажений).

Отступя 5 (тогдашних) сажений от Пивной башни и на протяжении 20 (тогдашних) сажень находилась в стене или заменяла собой стену келарская палата, с маслобойней, с гостиной и служней поварнями внизу.

В Плотницкой башне, по всей вероятности, была плотницкая мастерская (в описи 1641 г. при описании наряда, на городе или артиллерии на стене говорится о «жилетцком крыльце» у этой башни, но плотники жили далее, чем сейчас).

В северной стене «после наряду, что на городе (на стене) от Конюшенных ворот» (разумеется наряд среднего боя Конюшенной башни, который был с боков ее на стене, ибо в ней самой были ворота) сделаны были три полатки, в которых жили стрельцы, кузнецы и плотники.

В той же северной стене, – в среднем ее или ее галереи этаже, в расстоянии 6 (тогдашних) сажень от Житничной башни была двусаженная житничная полатка, которая называется в описи новой.

В 1892 г. жилые помещения в стене и в башнях были следующие: в южной части восточной стены от Святых ворот до Пятницкой башни помещается богадельня для монахов (по отношению к богадельне, находящейся у Зосимо-Савватиевской церкви, так сказать, второстепенная) и для сторонних людей; в Пятницкой башне, обращенной в жилое помещение в 1840 г., живут мальчики, обучающиеся иконописанию; в южной стене от Пятницкой башни к Луковой – аптека с лабораторией; в той же стене подле Соляной (Водяной) башни – помещение для певческих спевков; в Соляной (Водяной) башне, приспособленной для жилья в 1853 г., внизу кухня для рабочих, вверху живут певчие мальчики и послушники; в западной стене на всем ее протяжении находятся монашеские кельи и, вообще, жилые помещения; в Плотницкой башне – литография и фотография; в северной стене между Плотницкой и Каличьей башнями – столярная мастерская; в той же стене между Каличьей и Звонковой башнями – слесарная мастерская.

Южная часть площади монастыря представляет собой косогор. Так как дождевая вода должна сбегать с этого косогора под южную монастырскую стену, то в предохранение стены от размыва водой, неизвестно когда вдоль нее со внутренней стороны, от Пятницкой башни и до Водяных ворот, был выкопан ров, из которого вода так или иначе, вероятно, была спускаема потом за монастырь. Ров этот был засорен при починке южной стены, в 1777 г. был чищен (дело о чищении рва надписывается: «Рва вырытие около ограды с полуденной сто-

роны», заставляя ошибочно предполагать, будто ров вновь вырыт). В 1832 г., после принятия других соответственных мер против воды, он был засыпан.

Ворота в стене

По описи 1641 г. в стене монастырской были ворота числом четыре: Святые, под надворотной, или Красной, башней и под надворотной церковью; Конюшенные, под Конюшенной или Каличьей башней; Водяные, под Водяной башней или, когда башня над самыми воротами была уничтожена и вместо нее была поставлена новая рядом с ними, на углу, – подле Водяной башни, и Пивные, а может быть – и никак не называвшиеся, под Пивной башней, ведшие на Пивной двор, который находился за монастырем подле этой башни. В описи не упоминаются нынешние въездные на монастырь ворота, находящиеся в восточной стене, на расстоянии от Святых ворот 8 или сажен к северу, против Успенского собора, и потому называемые Успенскими. Неупоминание описью о воротах нужно понимать не так, чтобы она почему-нибудь опустила сказать о них, но так, что их еще не было: это видно из речей ее о рве, который находился перед восточной стеной монастыря и о котором сейчас ниже. После описи ясно говорит о воротах Павел Алеппский, бывший в монастыре с Антиохийским патриархом Макарием в 1655 г. Следовательно, их пролом в стене или их устройство должно относить ко времени между 1641–1655 гг.

Вид Успенского собора и колокольни

О Святых воротах Павел Алеппский говорит, что они назначены были только для входа патриарха и царя. Если бы предположить, что так было и до устройства нынешних въездных, или Успенских, ворот, то нужно было бы предполагать, что для входа и для въезда в монастырь всех служили Конюшенные и Водяные ворота. Но предполагать это весьма невероятно, ибо тогда монастырь оставался бы без входа со своей главной восточной стороны и входить в него нужно было бы окольными и дальними путями, обойдя всю южную или всю северную его сторону. Поэтому свидетельство Павла Алеппского, признавая его надеж-

ность, нужно будет понимать так, что Святые ворота были затворены и закрыты для всех после того, как устроены были Успенские ворота. (Через новые и как бы добавочные к Святым ворота все-таки недозволено было въезжать в монастырь на лошадях, а только открыт был другой, пеший вход через них в последний, вместо Святых ворот, которые, будучи с того времени затворены, начали отворять только в торжественных случаях. Запрещение въезжать на монастырь на лошадях, после XVII в. временами нарушавшееся, оставалось в силе по крайней мере до 1852 г. В 1854 г., когда мы приехали в академию, как будто оно уже было отменено (по крайней мере по отношению в академии, в которую привез нас наш ямщик). Во всяком случае, оно отменено со времени открытия железной дороги от Москвы до Троицы (12 августа 1862 г.), когда в Посаде явились легковые извозчики, чтобы доставлять богомольцев от станции железной дороги в монастырь, и когда интерес этих богомольцев потребовал или заявил себя в том смысле, чтобы извозчики не только довозили их до ворот монастыря, но и в самом монастыре до Троицкого собора.

В настоящее время ворот также числом четыре: Святые, въездные Успенские, Водяные и Каличьи. Последние ворота, так как некому и не для чего в них входить, обыкновенно затворены. Пивные ворота, служившие специальной цели проезда на Пивной двор, закрыты, как нужно думать, с уничтожением Пивного двора, а это последнее случилось когда-то в самом конце XVIII – в первой четверти XIX в. Над Успенскими воротами, не над пролетом их в стене, а над пролетом между кельями, в линию с надворотной церковью, была, неизвестно когда после середины XVII в. построенная, башня с часами, называвшаяся потому Часовой, которая по причине ветхости была разобрана в 1826 г.

Крепостные стены (что представляла собой Троицкая монастырская стена) были окружены у нас в старое время рвами и надолбами.

У Троицкой стены ров был не кругом ее, а по одной восточной стороне с некоторой частью северной стороны.

На большей части северной стороны и на стороне западной ров был не нужен, а вместе и невозможен по естественным условиям местности, потому что с большей части северной стороны и со всей западной стороны монастырь стоит на оврагах.

С южной стороны ров мог бы быть прокопан (как он и был прокопан в 1777 г.); но так как южная стена идет по подгорью, по каковой причине здесь она выше, чем обыкновенно, и так как находится над уступом к дальнейшей низине, – то, нужно думать, признавали здесь ров ненужным, считая стену достаточно безопасной от приступов или штурмов и без него.

На северной стороне, на которую ров несколько заворачивался с восточной стороны, он сведен был в овраг, подходящий к стене монастырской против Соляной или Звонковой башни (а на юго-восточном углу он сходил в овраг или в подгорье против середины Пятницкой башни).

Опись 1641 г. говорит о рве: «Около города (стены) ров; против ворот Красные башни мост деревянный на каменных сводах; в проезде мост трех сажень с полчетвертью; под мостом палатка, а из палатки по рву на обе стороны пушечные бои; рву глубина две сажени с полчетиью, ширина четыре сажени с полусаженью; от Красной же башни по обе стороны моста во рву от города (от стены) выкладено во всю стену (т. е. стену рва, которая от монастырской стены) камнем белым и кирпичом» (неупоминание описью о другом мосте и свидетельствует, что проездных Успенских ворот тогда еще не было). Палицын в описании осады лавры поляками говорит, что подле Сушильной башни были из монастыря в ров потайные ворота. Ров засыпан не особенно давно, а именно – северная половина до Святых ворот в 1823 г., а южная половина до Пятницкой башни когда-то потом, ранее 1836 г. Расстояние между стеной и рвом приблизительно было сажени в три-четыре (между стеной и рвом можно было проезжать).

Крест, которым благословил Преподобный Сергей князя Дмитрия Донского

Надолбы или надолобы (происхождение названия которых неясно) представляли собой в старой фортификации совершенно то же, что в новейшей фортификации представляют собой палисады, т. е. это были линии заграждений, которые делались из более или менее толстых столбов, вертикально врытых в землю, на таком расстоянии один от другого, чтобы нельзя было пролезать между ними и чтобы нельзя было, охватывая их руками, выдергивать их из земли. Что касается их верхов, то они устроились двояко. Если нужно было сделать заграждение от пешеходов, каковую цель имели все надолбы городские или

крепостные, то верхи надолбин делались заостренными и верхнее поперечное скрепление их проводилось, так или иначе, через прибавку планок со стороны или через пропускание сквозь продолбленные внутри уши, под заострениями; если же нужно было сделать заграждение от конных людей, каковую цель имели надолбы, ставившиеся длинными линиями в степи от крымских татар, – то на верхах надолбин нарезывались шипы, на которые, имея продолбленные, соответственные шипам, дыры или места, и набивались верхи, носившие техническое название «наметов и наметных слег».

У Троицкой монастырской стены были надолбы во время осады лавры поляками. Но так как они не упоминаются в описи монастыря 1641 г., то можно думать, что они сделаны или поставлены были только на время осады, хотя, с другой стороны, «и описи они очень могли быть и опущены. Не зная того, временно ли являлось или постоянно были у монастырей стены надолбы, мы не знаем и того, насколько они окружали стену – всю ли, или же только отчасти: у Палицына упоминаются надолбы на восточной стороне и потом как будто на северной. Если надолбы были у стены и после осады лавры поляками в качестве постоянного крепостного дополнения к ней, то вероятно, что они уничтожены или снесены очень давно.

Против северо-восточного угла монастырской стены или против прежней Житничной, а нынешней Утичьей, башни уцелел до сих пор некоторый остаток искусственного возвышения.

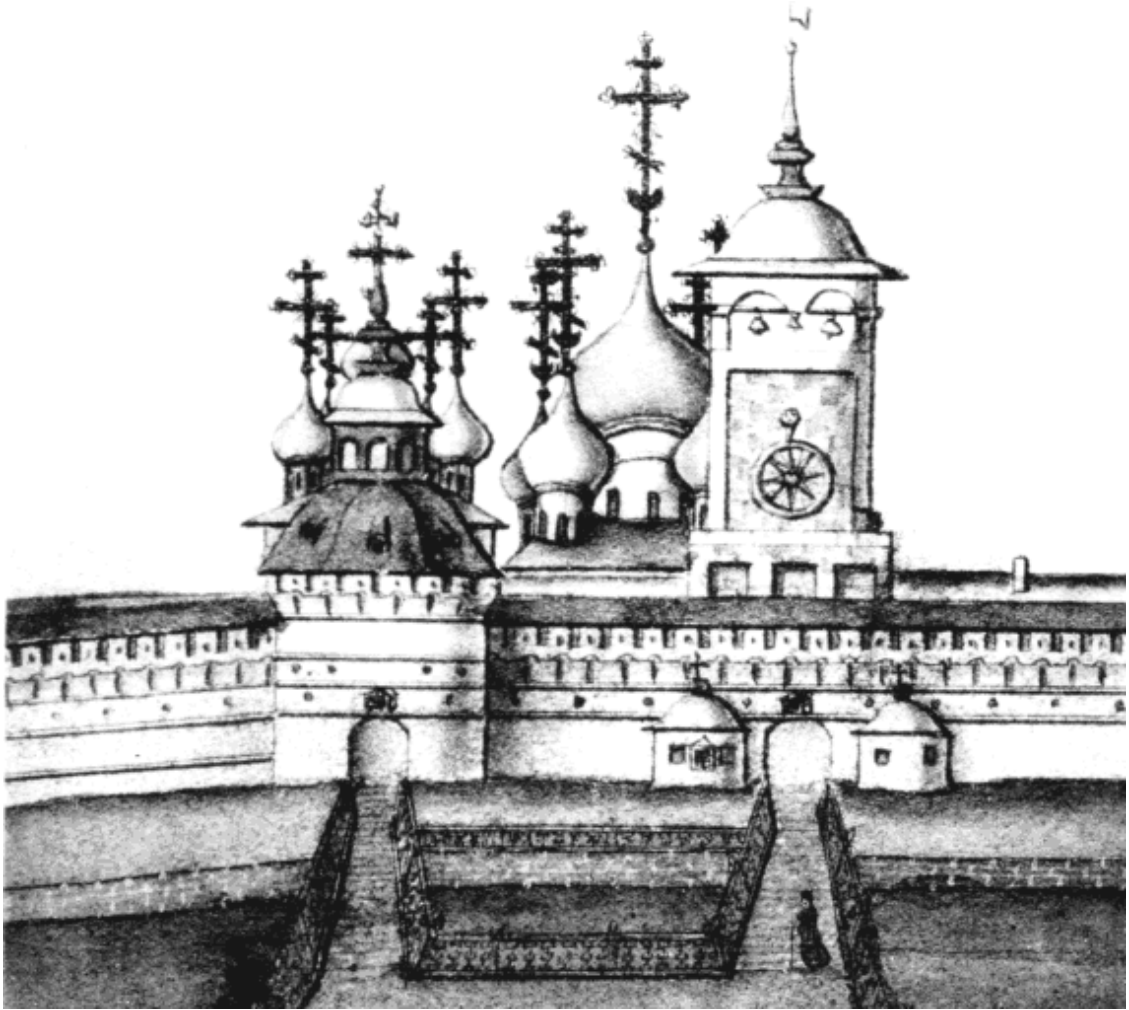
Относительно сего в Кратком описании лавры читаем: «Четыре наугольные башни и две средние, одна на восточной, а другая на северной стороне окружены регулярными крепостными бастионами; крепостные бастионные строения, окружающие башни, сделаны, по преданию, при государе Петре Первом после спасения его в сем монастыре от стрелецкого мятежа». А Миллер в описании лавры, ссылаясь на очевидных свидетелей, говорит, что бастионы сделаны по повелению Петра Великого содержавшимися в монастыре пленными шведами в 1710–1711 гг.

Церкви, палатки при церквях и колокольня

В настоящее время в лавре пятнадцать церквей: 1) Троицкий собор, 2) Никоновская церковь, 3) Духовская или Сошестввенская церковь, 4) Филаретовская церковь, 5) Успенский собор, 6) Смоленская церковь, 7) Трапезная церковь Преподобного Сергия, 8) церковь преподобного Михея, 9) Больничная (так называемая) церковь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, 10 и 11) Иоанна писателя лествицы, а под ней церковь великомучениц Варвары, Анастасии, и Акилины, 12) надворотная церковь Иоанна Предтечи, 13) домовая церковь Казанской Божией Матери (в митрополичьих покоях), 14) домовая церковь Покрова Богородицы (в наместничьих кельях) и 15) Всех Святых (под Успенским собором). Палаток при церквях две: Серапионовская, или трех мощей, при Троицком соборе и Максимовская при Духовской церкви.

Троицкий собор

Троицкий собор или церковь во имя Святой Троицы – главная церковь монастыря, по которой он называется Троицким и в которой почивают мощи Преподобного Сергия. Церковь принято называть собором потому, что между многими церквями лавры она есть главная и что именно в ней совершаются торжественные соборные служения (кроме Троицкой церкви усвоено название собора еще другой церкви монастыря – Успенской, как представляющей собой вторую главную церковь монастыря).

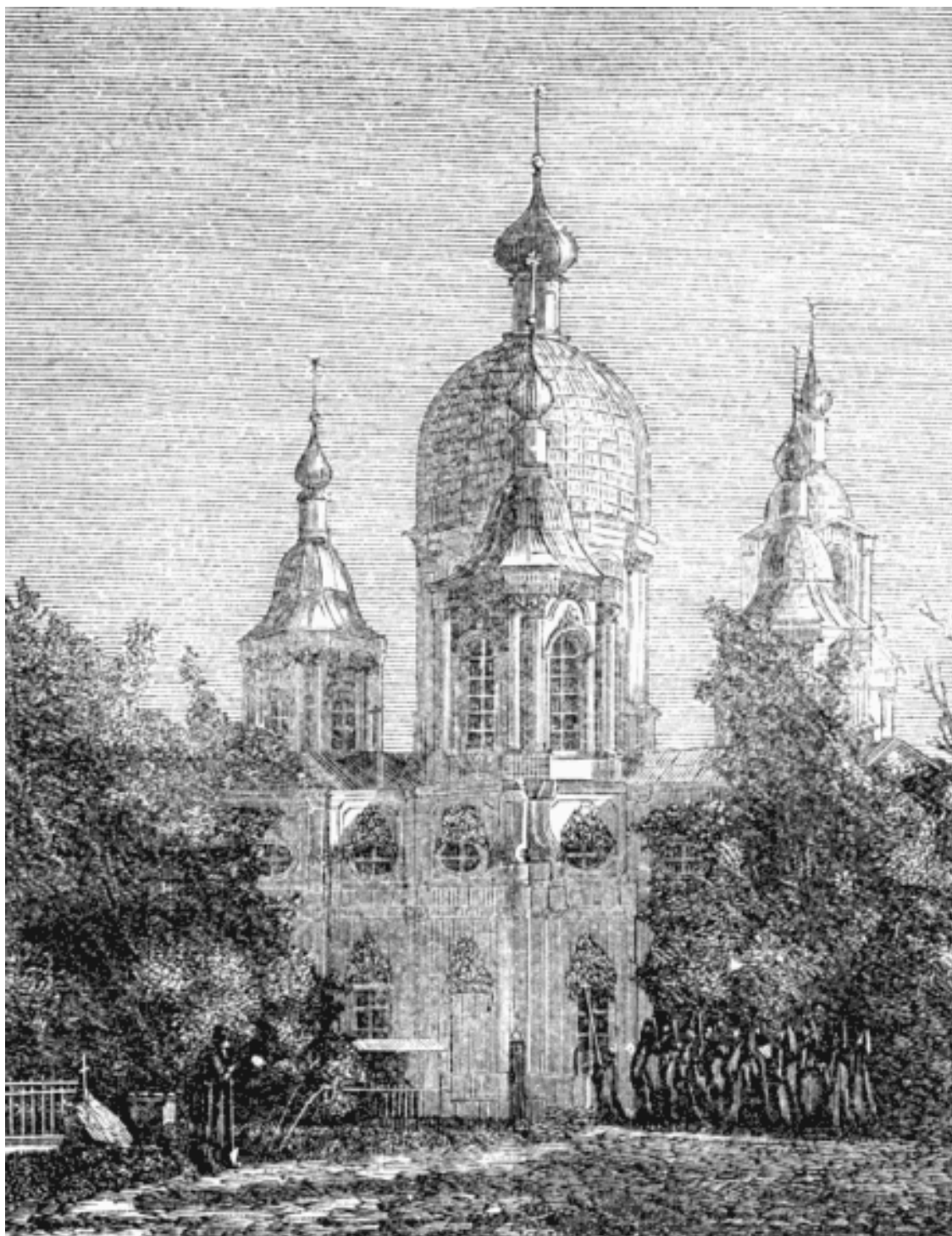
Святые и Успенские ворота Троице-Сергиевой лавры. Из Альбома 1745 г.

Преподобный Сергей, удалившись для подвижничества в лесную пустыню, начал с того, что поставил себе в пустыне церквичку или маленькую церковь во имя Святой Троицы, – эта церквичка или маленькая церковь (подразумевается – деревянная, как и две последующие до нынешней) и была родоначальницей нынешнего Троицкого собора. Спустя некоторое время после того, как около пустынной келии Преподобного Сергея составилась монастырь, он получил возможность заменить маленькую церковь большой или настоящей церковью, что он и сделал. Эта вторая его церковь сгорела в 1408 г., в нашествие Едигеево, когда татарами выжжен был весь монастырь. Вместо сгоревшей церкви преподобный Никон, преемник Преподобного Сергея, при котором имел место пожар, поставил в возобновленном им монастыре третью церковь Святой Троицы, которая освящена была 25 сентября 1411 г. В 1422 г. при том же преподобном Никоне были обретены нетленными мощи Преподобного Сергея, и над мощами Сергея Никон решил поставить вместо деревянной церкви, какова была поставленная им, как и две предшествующие, поставленные самим Сергием, каменную церковь; эта каменная церковь Святой Троицы, построенная преподобным Никоном, и есть донныне существующий Троицкий собор.

О построении собора мы не имеем точных и подробных сведений. Если преподобный Никон принял решение поставить каменную церковь над мощами преподобного Сергея еще до их открытия, так что заблаговременно приготовил материал, – то и к строению собора могло быть приступлено тотчас по обретении мощей, которое имело место 5 июля указанного 1422 г. Если же решение построить каменную церковь над мощами Преподобного Сергея было принято Никоном уже по их обретении или только при их обретении, то

нужно будет думать, что остальная часть лета и осень 1422 г. были употреблены на приготовление материала и что самое строение церкви начато было лишь весной следующего 1423 г. Деревянная церковь, стоявшая над мощами Преподобного Сергия, была перенесена на новое место (где теперь Духовская церковь), и в ней, конечно, находились (были поставлены) мощи, пока строилась каменная церковь.

Церковь была построена в собственном смысле каменная, т. е. именно из камня (белого, тесанного), из которого тогда строили на Москве все каменные церкви, а не из кирпича, из которого начали строить на Москве каменные церкви несколько позднее (со второй половины XV в.). По своим размерам церковь очень невелика: она 9 сажен в длину вместе и с алтарем и 6 сажен в ширину. По своей форме она – однокупольная (одноглавая), с двумя подкупольными столпами в середине ее и двумя в стенке, отделяющей алтарь от нее самой, с тремя алтарными полукружиями (абсидами). Мы не знаем, имел ли бы преподобный Никон возможность построить большую церковь, нежели какую он построил; но что он построил церковь очень небольшую, на что дивятся многие богомольцы, видя крайнюю тесноту собора, – то нет в этом ничего удивительного. Во времена преподобного Никона на Москве еще не клали больших каменных церквей, а клали еще только малые церкви, приблизительно тех же размеров, что и церковь, построенная им (и самый тогдашний кафедральный собор митрополитов всероссийских в Москве представлял ту же малую каменную церковь, что и все другие каменные церкви на Москве; единственное исключение составлял Владимирский Успенский собор Андрея Боголюбского, но преподобному Никону, конечно, не могло прийти на мысль равняться с Боголюбским, ибо это пока не приходило на мысль даже и самим князьям Московским). Построив церковь, преподобный Никон хотел, чтобы она была украшена и стеной живописью. Труд росписания церкви он «умолил» взять на себя знаменитых живописцев (и иконописцев) того времени – монахов московского Андроникова монастыря, Даниила Черного и Андрея Рублева.

Троицкий собор в Лавре

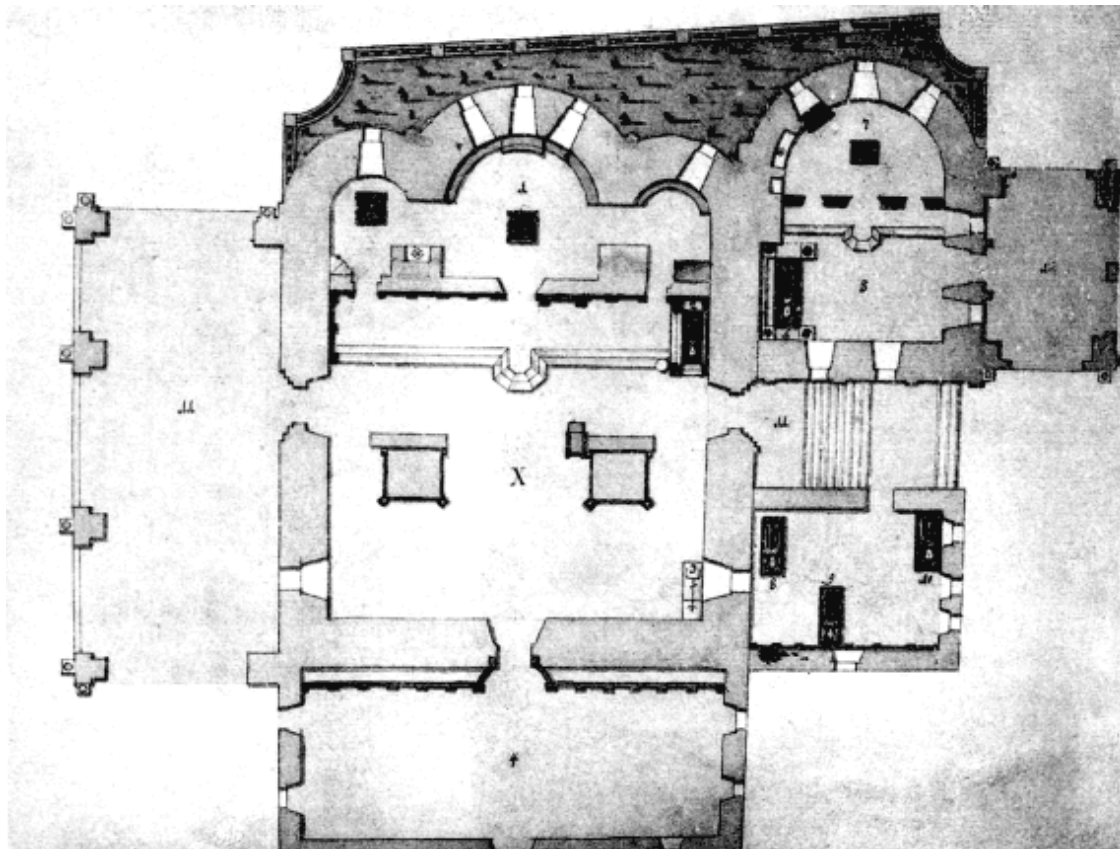
Жизнеописатель преподобного Никона Пахомий Серб называет церковь, построенную Никоном, прекрасной, причем, как необходимо думать, понимает не только ее внутреннее украшение живописью, но и ее наружный вид. Смотря в настоящее время на Троицкий собор снаружи, нельзя сказать о нем, чтобы он был прекрасен по своему внешнему виду: небольшая церковь приземистая и как-то тяжеловатая – так он выглядит теперь. Но наружный вид собора испортили прикладенные к нему церковь преподобного Никона и паперти и потом еще переделка древней кровли по фронтонам или полукругам, которыми оканчивались стены, на нынешнюю четырехскатную. Отнимите от собора пристройки, восстано-

вите древнюю кровлю, – и получится небольшая легкая и изящная церковь, которую действительно можно будет назвать прекрасной.

Преподобный Никон построил Троицкий собор при содействии почитателей памяти Преподобного Сергия между князьями и боярами. Главным между этими почитателями памяти Преподобного Сергия, наиболее содействовавшим Никону в построении церкви, был крестный сын или крестник Преподобного Сергия князь Звенигородско-Галический Юрий Дмитриевич (сын Донского). Начав строить церковь в 1422 или 1423 г., преподобный Никон строил и устроил ее почти до самой своей кончины, которая последовала 17 ноября 1428 или 1429 г. (Пахомий говорит, что Никон, «по совершении церковнем мало пребыв и месяца ноемвриа в недуг телесный впад», скончался).

Первоначально собор покрыт был деревом. В 1510 г. был покрыт жстью купол (глава) собора, что, по всей вероятности, сделал великий князь Василий Иванович в благодарность Преподобному Сергию за счастливое подчинение им в том же году (20 января) своей власти вольного Пскова, ибо по возвращении из Пскова он поставил негасимую свечу у Сергиева гроба. Когда потом была покрыта железом кровля собора, не имеем точных сведений, но или перед 1556 г. или в этом «самом году, ибо в этом году царь Иван Васильевич позолотил купол (главу) собора с его крестом, и невероятно было бы предполагать, чтобы при позолоченном куполе собора царь оставил деревянной его кровлю. Около 1720 г. вся железная кровля собора была покрыта червонным листовым золотом, причем, вероятно, из старой пофронтонной она была переделана на нынешнюю четырехскатную (при чем или после чего алтарные абсиды или полукружия сделаны были выше посредством надкладки на них, которая теперь над их карнизами, и теперь перед нами – та загадочная для непосвященных архитектурная странность, что карнизы абсид не под самой их кровлей, но аршина на полтора ниже ее). В 1750 г. позолота была возобновлена. В 1773 г. стены собора с наружной стороны были расписаны под мрамор. В 1805 г. кровля собора по прежнему железу покрыта медью, которая позолочена особенным искусством (неизвестно в чем состоявшем) и обшита кругом подзорами из белого железа или жести. О наружной окраске собора до 1745 г. не имеем сведений. По книге планов и фасадов этого года не особенно, вероятно, давняя, не далее как Петровская, окраска его под темноватый мрамор. В 1773 г. она возобновлена была под тот же мрамор. В настоящее время надоконный верх остающейся открытой алтарной стены собора и простенки между дверями и окнами северной паперти покрыты священными изображениями, причем над окнами алтарной стены – так называемые клейма или священные изображения в круглых и овальных рамках (в две линии – под кровлей над карнизом, который по причине позднейшей надкладки довольно низко, и под карнизом над окнами), а в простенках между окнами паперти – изображения отдельных святых в натуральную величину, все же свободное пространство алтарной стены и папертных стен окрашено бледно-розовой краской.

Западный притвор, или западная трапеза, пристроена к собору до 1584 г., ибо в одном акте этого года она упоминается как существующая, а проход между трапезой и ризницей накрыт кровлей и загорожен стенками и таким образом превращен как бы в паперть (которой он и называется, но которой на самом деле не составляет, оставаясь именно проходом) в 1793 г. Из одного документа узнаем, что трапеза до 1642 г. имела покровом своим не каменные своды, а деревянный потолок, и кровля ее была тесовая, а из описи лавры 1768 г. видно, что у ней было крыльцо на юг, ибо по описи – у собора с полуденной стороны (без Никоновской церкви), два крыльца каменные, крытые тесом.

План Троицкого собора

Северная паперть пристроена к собору когда-то до 1768 г., ибо в упомянутой описи лавры того года она уже упоминается («при той церкви с северной стороны паперть на столбах каменных, покрыта железом»). В 1793 г. она была переделана, а потом еще переделана в 1823 г. Южная паперть, составляющая проход между Никоновской церковью и Серапионовской палаткой, сделана, т. е. обращена из открытого прохода в закрытый, вероятно, в 1783 г., одновременно с тем, как перестроена была Серапионовская палатка; во всяком случае она есть на одном плане лавры конца XVIII – начала XIX в.

В алтаре собора замечательны: одежда на престоле, сень над престолом, дарохранильница, запрестольный подсвечник и кресло для архиерейской кафедры.

Одежда на престоле серебряная, кованая, с барельефными украшениями, очень хорошей работы, принесена в дар Задонским купцом М. И. Шапошниковым в 1884 г.

(Об одежде, бывшей на престоле собора в 1641 г., читается в описи монастыря того же года: «в олтаре на престоле индитья бархат золотной полосат, розных цветов, на индитья нашита пелена, около (по краям) низана жемчюгом, а в середках крест, низан жемчюгом же с камнем на черном бархате». Великолепная одежда на престол из золотого глазета, устроенная митрополитом Платоном, находится в ризнице).

Сень над престолом, дарохранильница, подсвечник и кресло устроены тщанием митрополита Платона.

Сень – серебряная, кованая, местами золоченая; поддерживается четырьмя круглыми столпами, которые украшены позолоченными виноградными кистями. Серебра в ней, как показывает подпись на одном из столпов, более шести пудов с половиной; золота – три фунта сорок золотников; стоимость ее, как отмечает митрополит Платон в своей автобиографии, – двадцать тысяч рублей; устроена в 1803 г. (исправлена в 1833–1834 гг.).

Дарохранильница – в виде Сионской горницы, серебряная, позолоченная, украшенная драгоценными камнями и эмалью, поставлена за престолом на особой подставе, име-

ющей вид узкого стола. Серебра в ней 23 фунта, золота 9 фунтов. На ней читается надпись: «Устроен сей Сион в Троицкую Лавру по усердию Синода Члена, Преосвященного Митрополита Московского и оныя Лавры Архимандрита Платона собственным его иждивением 1803 г.» (нынешняя подставка или тумба из мельхиора с самым лучшим посеребрением, сделана в 1867 г.). В прежнее время эта дарохранильница стояла не за престолом, а сначала перед иконостасом, на левой стороне, против Богородичного образа на особом накое, потом над царскими вратами; за престолом же стояла другая дарохранильница (называемая дароносицей), которая теперь находится в ризнице (серебряная, редкой восточного вкуса скандинавской или филигранной работы, убранный изумрудами, лалами и бриллиантами).

Запрестольный подсвечник, поставленный за дарохранильницей, сделан из серебра в виде дерева с семью ветвями, на которых семь позолоченных светильников (чаш для лампад). Весу в нем 2 пуда. На нем надпись: «Твоя от Твоих приносит Тебе, Всеблагий Боже, чрез Христа Твоего, великого и вечного Архиерея, грешный раб Твой Платон. Приими, яко вдовицы две лепте. 1795 г.».

Троицкий собор с мощами Преподобного Сергия

Кресло для архиерейской кафедры чеканное серебряное, отчасти позолоченное, в котором серебра 2 пуда и 13 золотников, а золота 53 золотника, начато было делаться митрополитом Платоном в 1811 г. или в 1812 г., а окончено после его смерти в 1813–1814 г.

В южном отделении алтаря, или в южном предалтарии (диаконике), в старое время находился придел в честь Похвалы Богородицы (празднование в пятую субботу Великого поста или субботу акафиста). Когда был устроен придел и когда уничтожен, сведений не

имеем: первое, известное нам, упоминание о нем относится к 1553 г., последнее – к 1680 г. В описи лавры 1641 г. придел подробно описывается (местных образов в его иконостасе было три; над местными образами были еще два ряда икон, из которых в одном ряду, называвшемся деисусом, было их семь, а в другом ряду, называвшемся тяблом, девять, а всех икон с запрестольными, наджертвенничными и настенными было до 50). Принимая, что придел устроен был в воспоминание явления преподобному Сергию Божией Матери, не невероятно будет предположить его устройство самому преподобному Никону. Уничтожен он в конце XVII или начале XVIII в. за крайней теснотой.

Всякий иконостас состоит из двух частей: из рам, так или иначе устроенных и так или иначе украшенных, в которые вставляются иконы, и из икон, которые вставлены в рамы. В первом смысле иконостаса в Троицком соборе, собственно говоря, нет, потому что в нем сохранены те помещения для икон, которые употреблялись у нас до появления нынешних резных иконостасов и которые состояли в простых подставах и простых полках. Местные иконы в соборе поставлены на простой гладкой стенке или зашивке и отделяются одна от другой вставленными между ними полукруглыми нетолстыми планками. Над местными иконами довольно широкий карниз, но совершенно гладкий, состоящий из наклонно или навесно поставленной доски. Затем – ряды полок с пришитыми к краям их значительно толстыми полукруглыми засторонками (брусьями), а иконы на полках отделяются одна от другой так же как местные иконы, т. е. проложенными между них нетолстыми полукруглыми планками. Иконостас этот, состоящий из гладкой стенки под местными иконами, из гладкого карниза над ними, из полок с брусьями под четырема прочими рядами икон и из нетолстых полукруглых планок между всеми иконами, впервые был обложен серебряными позолоченными листами в 1672 г., что сделал стольник Иван Васильевич Янов, всего потративший серебра и золота на 760 рублей (так как в описи лавры 1768 г. говорится, что иконостас собора «местами обит серебром», то следует, что Янов обложил его серебром не весь сполна). В 1773 г. иконостас был возобновлен в отношении к дереву, вторично (и уже сполна) обит был золоченым серебром. (Митрополит Платон, сделавший нового фасона новые иконостасы во все прочие лаврские церкви, очевидно, не решился поднять руки на старую простоту иконостаса Троицкого собора и устроил его новый, о чем говорит в своей автобиографии, по подобию прежнего). А в 1850 г. стенка под местными иконами вновь обложена золоченым серебром.

Что касается иконостаса во втором смысле или как собрания икон, то в этом смысле иконостас собора есть самый полный, какой у нас в Русской церкви принят, именно – пятирядный, или пятипоясной (пятирусный). Расположение рядов, или поясов, в нем, отступая несколько от принятого ныне, но согласное с расположением рядов или поясов в иконостасе Московского Успенского собора, есть: 1) местные иконы, 2) ряд так называемый апостольский (старый деисус, представляющий собой ряд всех новозаветных святых), 3) ряд праздничный или дванадесятых праздников (тогда как по принятому ныне расположению – сначала над местными иконами этот ряд, а над ним предшествующий), 4) ряд пророческий и 5) ряд праотеческий с поставленными на его иконы херувимами. Местные иконы иконостаса суть: по правую сторону царских врат – икона Святой Троицы, икона Спасителя, сидящего на престоле, икона Успения Божией Матери; по левую сторону царских врат: икона Божией Матери, икона Святой Троицы, икона Спасителя на убрусе или Нерукотворенного Образа, икона Преподобного Сергия, (за северными дверями в углу) икона преподобных Сергия и Никона.

Иконостас Троицкого собора

Местные иконы все в полных чеканных ризах (т. е. ризах, которыми закрыты не одни только поля икон, но и все изображения на них, за исключением ликов и рук у последних) или золотых (каковы обе иконы Святой Троицы) или же серебряных позолоченных (каковы все прочие иконы), с более или менее богатым украшением драгоценными камнями. Затем, в полных серебряных позолоченных ризах пять средних икон второго ряда, пять средних икон третьего ряда, три средние иконы четвертого ряда и одна средняя икона пятого ряда, а все прочие иконы иконостаса с серебряным позолоченным так называемым басменным или басебным (от басма) окладом полей; херувимы на верху праотцев вырезаны из серебряных битых листов. Икона Святой Троицы, находящаяся по правую сторону Царских врат, в описи монастыря 1641 г. называется чудотворной. Золотая риза на нее, украшенная драгоценными камнями, сделана царем Борисом Федоровичем Годуновым в 1600 г. На другую икону Святой Троицы, находящуюся по левую сторону царских врата, золотая риза сделана царем Иваном Васильевичем Грозным. Из прочих местных икон до 1641 г. была обложена чеканной ризой одна икона Успения Божией Матери, а остальные басмой, и именно – Спасителя на престоле, Спасителя на убрусе и Божией Матери – серебром, а преп. Сергия – золотом (а иконы Сергия и Никона в описи 1641 г. не упоминаются). Икона Преподобного Сергия вместо золотой басменной ризы обложена чеканной серебряной золоченой в 1825 г., а когда обложены были чеканными ризами другие три иконы, остается неизвестным. Басменный оклад полей на иконах прочих рядов иконостаса упоминается в описи 1641 г. и возобновлен был в 1773 г., а чеканные ризы на 14 икон сделаны разными благотворителями в продолжение 1849–1856 г.

В 1641 г., во время описи монастыря царской комиссией, иконостас собора состоял не из пяти рядов, как теперь, а из семи рядов, которые были: 1) местные иконы, 2) тябло (всякие небольших размеров иконы), 3) деисус, 4) второе или среднее тябло (так же с разными небольшими иконами, как и первое), 5) праздники, 6) пророки, 7) праотцы с херувимами. Чтобы понять, как умещались семь рядов, когда и теперешние пять рядов подходят под самый свод церкви, необходимо предполагать, что местные иконы стояли на самом или почти что на самом полу (и действительно, второй ряд нынешнего иконостаса или первый ряд прежнего деисуса в старое время бывал иногда так низко, что люди высокого роста могли целовать находившиеся в нем иконы). Когда иконостас убавлен был на два ряда, не имеем прямых сведений, но должно думать, что или перед обивкой его в 1672 г. или при переделке и обивке его 1779 г. (в ризнице лавры хранится недоступно по не совсем понятной причине для ученого пользования несколько описей лаврских церквей: в них, вероятно, содержатся искомые прямые сведения).

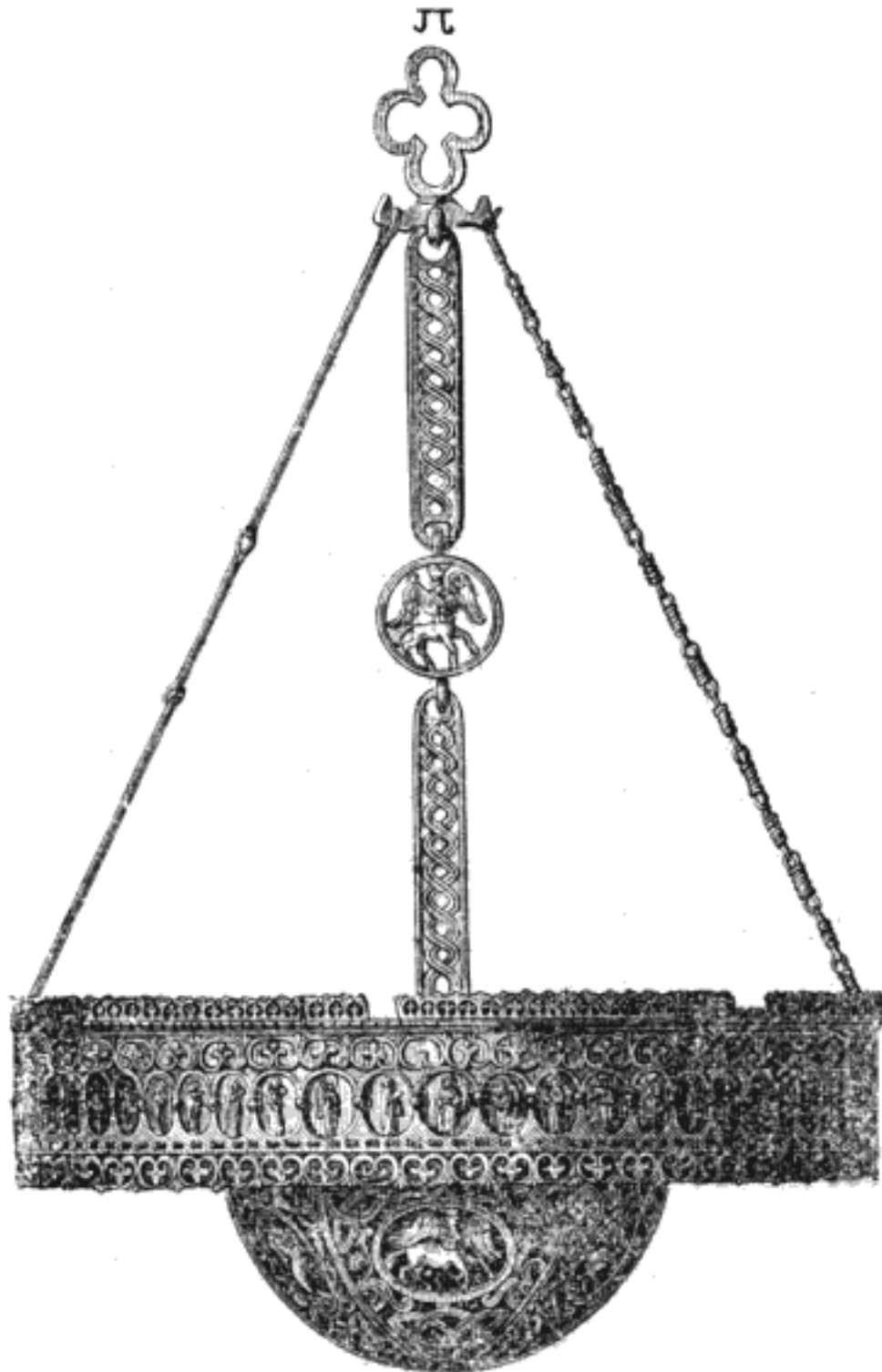
Царские врата, с изображением на них в клеймах Благовещения Богородицы и четырех евангелистов, устроены царем Михаилом Федоровичем. Над ними читается современная их устроению надпись: «Сии царские двери в дом живоначалные Троицы и преподобного Сергия чудотворца лета 1643 г. Божиею милостию, повелением великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Руси самодержца, и ево благоверной царицы великой княгини Евдокеи Лукьяновны и их благоверных чад, зделаны». А во вкладной монастырской книге записано: «152 (1643) сентября в 19 день государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея Руси пожаловал прислал в дом живоначалные Троицы., в церковь живоначалные Троицы двери царские: на створех Благовещение пресвятые Богородицы и евангелисты чеканные с финифтями; сень (над дверями) и столбцы обложены серебром чеканным золоченым».

Прежде нынешних Царских врат Михаилом Федоровичем были сделаны в собор в 1638 г. другие Царские врата, о которых в описи монастыря 1641 г., как о находившихся тогда

в соборе, читается: «двери царские новые, резные, золочены сусальным золотом и серебром, и на них сорок вставок в киотцах, писаны святы на празелени, венцы серебряные, резные, золочены, меж трав писано разными красками. И во 146 (1638) г. марта в 1 день государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея Руси за те царские двери, за золото и за серебро и за краски и за денежное и хлебное жалованье, что дано мастером в два года (т. е. мастерам монастырским, которые делали двери в монастыре), пожаловал дал в монастырскую казну за все, во что те царские двери стали по росписи, сто тридцать один рубль, осмнадцать алтын, четыре деньги». Куда девались эти первые Царские двери, сделанные на счет государя в самом монастыре, остается неизвестным (может быть, государь взял их в Москву, в одну из дворцовых церквей).

Царские двери 1643 г., теперь находящиеся в соборе, в начале XIX в. были обменяны с серебряными царскими дверями Никоновской церкви, но потом опять возвращены на свое место. В изданиях Краткого описания лавры 1796 и 1801 гг. читаем о Царских дверях: «Царские двери и с сенью все покрыты чеканным серебром, устроенные царем Михаилом Феодоровичем»; а в изданиях с 1809 по 1829 г. читается о них: «Царские двери, все кованные серебряные, местами вызолоченные, в коих весу 4 пуда, 13 фунтов, устроенные одною благочестивою вкладчицею, а прежде бывшие, устроенные царем Михаилом Феодоровичем, покрытые чеканным серебром, перенесены в церковь преподобного Никона».

Рака с мощами Преподобного Сергия находится у южной стены церкви подле иконостаса или между алтарной стеной и южными дверями в церковь.

Корсунское паникадило

По изнесении из земли в 1422 г. мощи переложены были из гроба, в котором они находились в земле, в нарочито приготовленную раку. Рака эта была так же деревянная, как и гроб, а отличалась от него, как должно думать, большим или меньшим украшением посредством резьбы, раскрашения, посеребления или золочения. В деревянной раке мощи Преподобного Сергея находились до 15 августа 1585 г., когда они переложены были в серебряную позолоченную раку, устроенную царем Иваном Васильевичем Грозным при участии некоторых других чтителей памяти преподобного (по крайней мере, тетки государя княгини

Старицкой Евфросинии и сына последней, а его государя двоюродного брата, князя Владимира Андреевича). Имеем указание, что рака эта готовилась не менее 25 лет и прямое известие, что она приготавливалась именно 23 года. Такая необыкновенная продолжительность работы должна быть объясняема тем, что требовалось слишком большое время на изготовление орнаментов или украшений раки и прикладов к ней, а может быть, почему-нибудь происходили и более или менее продолжительные остановки в работе. На раке сделано пять кругов или круглых клейм, – три на продольной открытой стороне и по одному на сторонах поперечных, на которых, как говорится в описи монастыря 1641 г.; «чеканено житие чудотворца Сергия», именно – вычеканены избранные места текста из жития. О верхней доске раки, которой теперь уже нет, в описи 1641 г. сказано: «на верхней цке образ чудотворца Сергия чеканной». Прежняя верхняя доска в 1885 г. заменена новой, – серебряной, чеканной. Приклад к раке составлял образ Святой Троицы, который поставлен был над главой преподобного Сергия и о котором в описи 1641 г. читаем: «А над главою чудотворца Сергия образ живоначальные Троицы золот, чеканной, в венце у Троицы яхонт лазорев, да два лалика, да четыре жемчюги на спнех, да около низано жемчюгом.; а по сторонам у живоначальные Троицы над главою же чудотворца Сергия резаны две иконы на яшме, а по полям на цке двадцать святых золоты». (где теперь находится этот образ, остается нам неизвестным). В 1737 г. императрица Анна Иоанновна устроила над ракой великолепную серебряную сень на четырех столбах, в которую пошло серебра более 25 пудов. С открытых сторон раки, одной продольной и одной поперечной, вставлены между низами столбов сени, служащие вместо решеток глухие засторонки или стенки, которые имеют такой вид, что как будто составляют вторую раку или футляр для раки, почему и можно встречать в описаниях не совсем правильные или неточные речи, что Анна Иоанновна сделала около раки Грозного другую раку. В круглом клейме поперечной засторонки читается следующая запись: «Самодержавнейшая всероссийская императрица Анна Иоанновна, в славу дивного Бога во святых своих, в честь преподобного Сергия Радонежского, славного в России чудотворца, сие его блаженных останков хранилище среброкованным строением по теплейшему своему благоговеинству украсить повелела от мироздания 7245 г., от воплощения Жизнодавца 1737 г.». До двадцати лампад, висящих над ракой Преподобного Сергия, составляют приношения высочайших особ и чтителей памяти преподобного из частных лиц.

У раки преподобного находятся иконы его «моления» или бывшие его келейные – Богородицы Одигитрии и Николая чудотворца. Здесь же находятся принадлежавшие ему священническая риза, епитрахиль, поручи, деревянный посох, аналав от схимы, ножик и ложка; в описи 1641 г. о ризе, епитрахили и поручах: «Ризы чудотворца Сергия – крашенина вишнева, оплечье и круживо и потрахель и поручи изуфрь (если то же, что зуфь, то – шерстяная материя) синя».

Прощание со святителем

На северной стороне церкви, против раки Преподобного Сергия, для симметрии с сенью над последней, устроена сень над иконой Тихвинской Божией Матери.

Над южными дверями в алтарь стоит небольшой складной образ видения Божией Матери преподобным Сергием, написанный в 1588 г. на доске от прежней деревянной раки Преподобного Сергия, которая после переложения мощей преподобного в нынешнюю раку, разнята была на иконы. Царь Алексей Михайлович брал с собой этот образ в польский поход

1654 г., и после того он был посылаем в армию: в Шведскую войну Петра Великого, в 1812 г., в Крымскую войну 1855 г., в Турецкую войну 1877 г.

В соборе есть две иконы, получившие раны во время осады монастыря поляками. Это иконы – архангела Михаила и Николая Чудотворца. Икона архангела Михаила, стоящая теперь в первом верхнем ярусе иконостаса, находилась во время осады монастыря поляками в том же ряду икон, что и ныне, но только в ярусе не первом, а втором верхнем. Об ее прошибении польским ядром читаем у Палицына: «В Михайлов день святого архистратига (1608 г.) поющим (осажденным) вечерню. во время псалмопения внезапно удари ядро в большой колокол (колокольня находилась у западной стены Духовской церкви) и сплыв в олтарное окно пресвятые Троицы и пробив в деисусе у образа архистратига Михаила доску подле правого крыла (разумеется крыло архистратига) и ударися по столпу скользь и сплы в стену и отшибеся в насвещник пред образом святыя живоначальные Троицы и наязви свещник и отразися в левой крилос и развалися». Пробоина на иконе закрыта (если не ошибаюсь) новой ризой. Икона Николая Чудотворца, стоящая теперь на южной стене западной паперти, во время осады монастыря поляками стояла в самой церкви, на северной стене близ иконостаса, где стоит теперь икона Тихвинской Божией Матери с сенью. Она поражена была ядром в один день с иконой архангела Михаила и тотчас или вскоре за этой последней. У Палицына читаем: «в той же час (как поражена была икона архангела Михаила) иное ядро проразил железные двери с полуденные страны у церкви живоначальные Троицы (пробитые двери и до сих пор стоят на своем месте, а чтобы понять, как они могли быть пробиты, нужно припомнить, что южной паперти у собора тогда не было), и проби доску местного образа великого чудотворца Николы выше левого плеча подле венца, за иконою же ядро не обьявися». Пробоина и до сих пор видна на иконе.

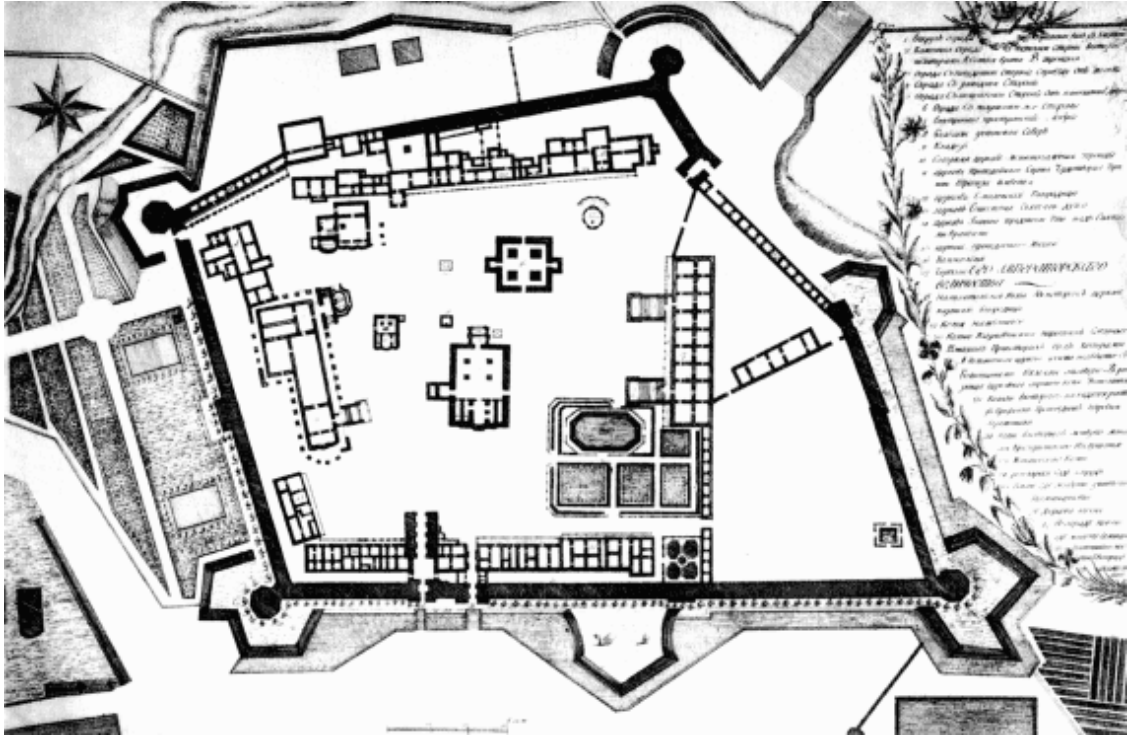
Перед местной иконой преподобных Сергия и Никона, находящейся в углу за северными дверями в алтарь, стоит на обложенной серебром подставке, имеющей вид налож, ковчег с частицами 123 мощей, приложенный в монастырь в 1858 г. фрейлиной Е. И. Нарышкиной, который, был родовой собственностью Нарышкиных, достался по наследству.

В северной паперти собора, на восточной стене, находится икона, на которой изображен Преподобный Сергей с своими учениками. Это, вероятно, есть та икона, которая в 1641 г. стояла на задней стороне левого столпа и о которой в описи читается: «образ местной (т. е. большой) – обитель живоначальные Троицы в лицах, написан преподобный чудотворец Сергей со ученики».

Относительно икон на подкупольных столпах в описи 1641 г. читаем: «на столпах над правым и над левым крылосами и круг столпов иконы деланы новые во 144 (1636) г., обложены литыми оловянными образцами, а образцы золочены сусальным золотом». Гладкие киоты, в которых стояли иконы, заменены были резными, вероятно, при митрополите Платоне. Об этих вероятных Платоновских киотах дает некоторое представление митрополит Филарет в письме наместнику Антонию от 11 февраля 1833 г., в котором пишет: «Иконостас около столпов Троицкого собора переделать подлинно пора; но при этом надобно подумать, нельзя ли его сделать менее: он много убавляет места в соборе малом и загораживает иконостас алтаря.; мне думается, что колонны по углам нужно сделать тонкие, готического характера, а фронтоны – не наклоненные, как теперь, но прямые, и в них вместо пустой резьбы не худо поместить небольшие иконы, каких много даром стоит в ризнице». Теперешние киоты сделаны или в 1833 г. или же в следующем, 1834 г., а в 1835 г. они обложены – по тумбам бронзой, а выше тумб серебром.

Собор впервые расписан был стенным письмом, как мы сказали выше, тотчас по его построении преподобным Никоном, причем труд его расписания принадлежал знаменитым живописцам того времени, монахам московского Андроникова монастыря, Даниилу Черному и Андрею Рублеву. После преподобного Никона живопись была возобновлена в 1635 г.,

а потом была возобновляема в 1773, 1834–1835, 1854–1855 и 1904–1905 [Сафоновым] годах, а в алтаре была еще возобновляема и поправляема (по указаниям и помимо указаний митрополита Филарета) в 1843 г. Что в живописи иконописцем после всех ее возобновлений остается древнего, решить очень трудно (если не ошибаемся, то при возобновлении 1854–1855 г. предоставлена была новым художникам, не к пользе дела, особенно большая свобода).

Генеральный план лавры конца XVIII в. (1797 г.)

Между задними подкупольными столбами собора висит на цепях огромное паникадило, серебряное, круглое, украшенное иконами (подобное так называемым хоросам греческих Афонских монастырей), начатое быть делаемо митрополитом Платоном в 1811 или 1812 г. и оконченное после его смерти в 1813 или 1814 г., имеющее весу около пяти пудов. Три другие паникадила перед иконостасом и все лампы перед местными образами также серебряные (как паникадила, так и лампы – переделанные из прежних при наместнике Антонии). О большом паникадиле, висевшем в 1641 г. перед иконостасом, в описи читаем: «Перед деисусом противу царских дверей паникадило большое медяное, немецкое дело, а у него в первом ряду двенадцать шанданов, да в другом ряду и в третьем по шти шанданов, вверху и посеред вылиты люди, под паникадилем яблоко большое серебряное чеканное, среди яблока подпись кругом золочена, под большим яблоком яблочко золотое резное с чернью, на нем четыре продушины, под золотым яблочком кисть, золото с серебром скано, около кисти вверху низано жемчугом». Паникадило, висящее теперь в трапезной церкви, как будто есть это самое паникадило. О теперешнем большом паникадиле, висящем пред иконостасом и переделанном при наместнике Антонии, в описи ризницы 1735 г. сказано, что материал на него есть вклад (стольника) Федора Ивановича Янова (скончавшегося в 1724 г. и погребенного в монастыре) с племянниками, а что мастерство и позолота монастырские.

Какой первоначально был пол собора, нет сведений, но с вероятностью нужно думать, что такой же, какой в XVII в., именно – каменный, лещадной, ибо подобные полы во времена преподобного Никона у нас настилались в каменных церквях. О поле собора в середине XVII в. Павел Алеппский пишет: «Пол этой церкви состоит из широких плит четырехугольных такого огромного размера, что ни в самом Алеппо не найдете подобных; говорят, что

царь Иван привез их из Новгорода, где есть каменоломни». В описи лавры 1768 г. о поле собора читается: «пол в церкви из дикого камня плитной, в алтаре и трапезе чугуновой плитной же». Весь собор вместо камня выслан чугуном в 1773 г., [который в 1905 г. заменен Метлахскими плитками].

Из холодного теплым собор сделан в 1835 г. В XVII в. защищались в нем от зимней стужи тем, что выстилали пол его войлоками (как дает знать опись 1641 г.); а перед наместником Антонием будто бы тем, что, возвращаясь, так сказать, к первобытной простоте, настилали на полу его сено.

В юго-западном углу собора погребены два князя, сыновья Владимира Андреевича Храброго или Донского (сподвижника Дмитрия Ивановича Донского в Куликовской битве) Андрей Младший, бывший именно князем Радонежским, и Симеон, в монашестве Савва, скончавшиеся от мора оба в одном и том же 1426 г. (что было при преподобном Никоне. Запись, читаемая на медной доске, вставленной в указанном месте; в южную стену, что в церкви погребен князь Андрей, «во иноцех Савва», принадлежащая митрополиту Платону, сделана ошибочным образом). А под западной папертью собора в числе многих других погребен известный деятель Смутного времени князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой (скончавшийся в 1625 г., по котором даны в монастырь богатые вклады).

В северной паперти собора читаются следующие две, высеченные на камне, записи:

I. «В славу Богу Всемогущему, молитвами zde почивающего угодника, среди смертные язвы в Москве и окрест самого места сего свирепевшия лета от Рождества Христова 1771 не токмо живущие в обители сей, но и вне оные принадлежащих ей служителей ни в чем же невредимых чудесно сохранившему, аще обитель и бе отверста всем приходящим, на память незабвенную будущим родам толикого чудесе и благодеения иссечен камень сей лета 1774».

II. «Слава Троициному Богу, и в наше время помянувшему древния свои к обители сен милости, егда оную и от новые всегубитаивные язвы, от надменного повелителя Франции, в 1812 г. в отечество наше вторгшегося, многие грады, веси и первопрестольную даже Москву огнем и мечем опустошившего и от градов Дмитрова и Богородска алчные руки и к сим местам простиравшего, покровом Пречистые Матере своее милостиво приосени и молитвами преподобного Сергия и Никона огради, из градов оных в постыдное внезапно обрати бегство нечестивые врага полчища на 2 день Октоврия тогож 1812 г.

В принопамятную благодарность за таковое к обители сей благодеение Божие иссечен камень сей, 1813 г.».

Никоновская церковь

Никоновская церковь, т. е. церковь во имя преподобного Никона, ученика и преемника Сергиева на игуменстве в монастыре, поставлена над его – Никона – гробом. Преподобный Никон погребен вне Троицкого собора, у южной его стены, против того места, на котором в самом соборе погребен был Преподобный Сергей: поэтому Никоновская церковь пристроена к Троицкому собору, имея одной из своих стен его одну стену.

Преподобный Никон был причислен к лику святых на соборе 1547 г., и церковь над его гробом была поставлена в следующем 1548 г. В 1623 г., т. е. спустя 75 лет, на место этой первой церкви поставлена новая, большая против нее, церковь; эта вторая церковь и остается до настоящего времени. Имея длины немного более половины Троицкого собора, а именно – 4 сажени, 2 аршина, она несколько выдается своим алтарем вперед алтаря собора, а ее задняя, или западная, стена в расстоянии одного аршина от южных дверей в собор; ширина ее – 4½ сажени, так что она почти совсем квадратная. Нельзя предполагать, чтобы ныне существующая церковь была увеличена против первой церкви в длину, потому что при меньшей, чем теперь, длине эта первая церковь не захватывала бы гроба преподобного Никона; следова-

тельно, должно предполагать, что увеличение сделано в ширину и что первая церковь, имея ту же длину, какую имеет и нынешняя церковь, была уже нынешней.

Колокольня (1909 г.)

В описи монастыря 1641 г. сказано, что глава на церкви обита немецким железом (жестью), а крест на главе золочен. Неизвестно когда до 1768 г., но, вероятно, одновременно с тем, как покрыта была золотом кровля Троицкого собора (около 1720 г.) позолочены были глава и кровля и нашей церкви, причем, вероятно, кровля церкви, подобно кровле собора, переделана из пофронтонной в четырехскатную (и причем сделана была еще большая над-

кладка над алтарной абсидой, чем над абсидами Троицкого собора, так что карниз у нее еще ниже, чем над абсидами собора). В 1780 г. позолота креста и главы была возобновлена. В 1805 г. одновременно с кровлей Троицкого собора кровля и глава церкви были покрыты золоченой медью, а крест на главе вновь вызолочен листовым червонным золотом, и тогда же, как и на Троицком соборе, подзоры под кровлей сделаны из белого железа или из жести. О наружной окраске церкви в описи лавры 1768 г. говорится: «вся та церковь с лица (при чем разумеется бывшее тогда, как и теперь остающееся единственно открытым, лицо восточной или алтарной стены) окрашена разными красками». В 1773 г. она была расписана мрамором под один вид с Троицким собором. А в 1840 г. расписание мрамором заменено в верхней половине ее (алтарной ее стены) – священными изображениями в клеймах (над карнизом, который, как мы сейчас сказали, по причине надкладки над ним далеко от кровли) и изображениями отдельных святых (под карнизом и над окнами, между тонкими колонками или как бы жгутами, протянутыми – между окон от карниза до низу, а над окнами – до сих последних).

Паперть к церкви (с южной стороны) пристроена до 1768 г., ибо в описи лавры этого года о ней уже говорится, именно: перед церковью «каменная паперть, покрыта тесом; при ней (паперти) затворы столярные створчатые стекольчатые выкрашены красною краскою». В 1840 г. паперть переделана. В том же 1840 г. сделаны двери из церкви на запад (в теперешнюю южную паперть Троицкого собора, а дотоле они были только на юг, на запад же было окно).

Престол в церкви серебряный, чеканный, совершенно одинаковый с престолом Троицкого собора и пожертвованный в 1883 г. тем же И. И. Шапошниковым, что и престол Троицкого собора, в церкви – серебряные, кованные, местами вызолоченные, – те самые, которые были перенесены в Троицкий собор и о которых мы сказали выше (они пожертвованы между 1801–1803 гг. М. П. Салтыковой).

Над Царскими воротами древняя икона Иерусалимской Божией Матери украшенная золотой ризой (поставленная над воротами в 1840 г.).

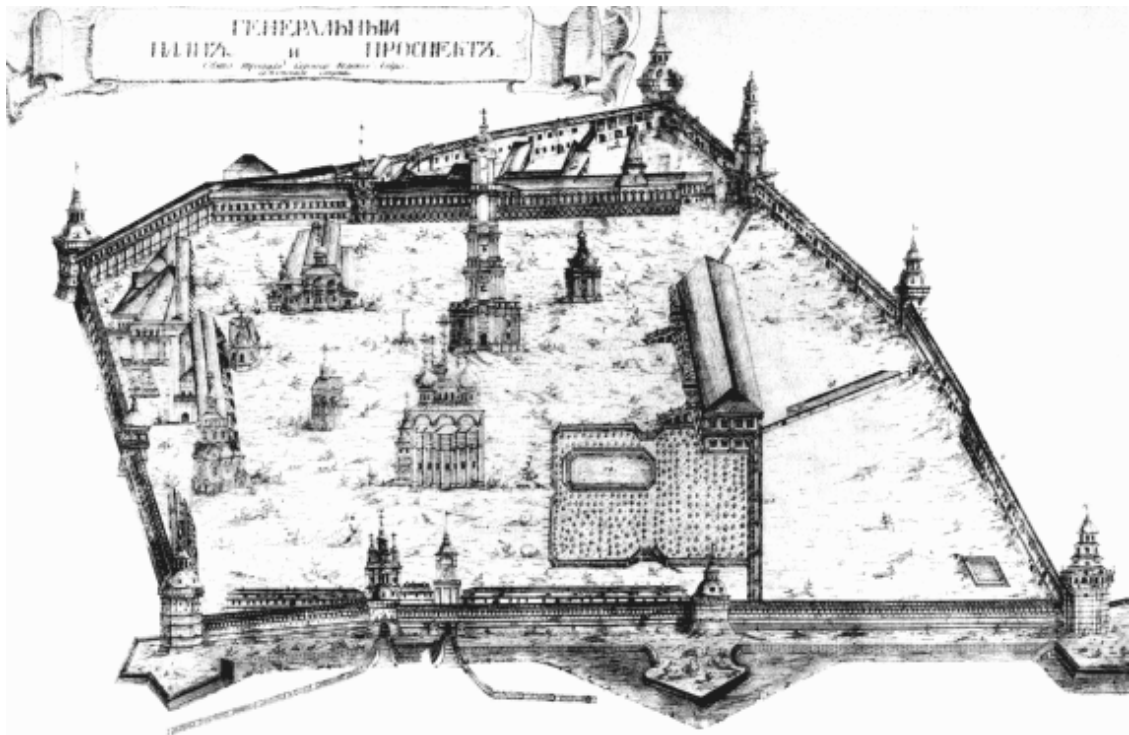
Иконостас, сделанный на место первоначального в 1773 г., был поновляем в 1840 г., а потом поновлен в 1878 г.

Впервые церковь была расписана внутри в 1635 г... После того живопись возобновляема была три раза: в 1773, 1840 и 1878 гг.

В северо-западном углу церкви, вдоль северной стены, стоит рака (надгробие) над мощами преподобного Никона, которые находятся в земле или под спудом. В середине XVII в., как видно из описи монастыря 1641 г., рака (называемая в описи гробницей) была деревянная, обитая камкой. В 1773 г. митрополит Платон сделал новую деревянную раку, которую позолотил по полименту червонным золотом; впоследствии рака, сделанная митрополитом Платоном (?), была покрыта сверху серебром, а с боков посеребренной медью. [В 1900 г. сделана была новая серебряная рака, устроенная усердием московского купца А. П. Каверина, по проекту академика-архитектора И. И. Поздеева]. Над ракой на северной стене в серебряном окладе стоит древняя икона явления преподобному Никону Преподобного Сергия с святыми митрополитами Петром и Алексеем для предуведомления его о разорении монастыря татарами.

В середине XVII в. над престолом церкви стояла весьма узорочная (затейливая) сень, о которой в описи монастыря 1641 г. читаем: «Над престолом шатер о пяти верхах со кресты, древен(-янь), верхи обиты немецким железом, на большом верху по железу волнение морское (кровля волнообразная), образ Господа Саваофа в силах (т. е. окруженного херувимами и серафимами); да у шатра же четыре доски, резаны на проем (насквозь, разумеются гребни); у шатра же деисус – двенадцать икон в бочках резных, да между бочек травы большие резные же, столбцы и доски резные и бочки и по травам резь золочено сусальным золотом

и серебром и краски расцветено. Поставление (т. е. наш шатер) соборного старца Мисаила Новосилцова».

Проспект лавры конца XVIII в.

В той же половине XVII в. на северных дверях церкви, как на тех же дверях и некоторых других лаврских церквей, был «написан крест Господень с копьем и тростию, (а) по стороне креста ангели» (на других дверях: «и херувими»).

На монастырской колокольне висит колокол (весом пудов в 20), слитый в монастырь при преподобном Никоне, который слыл за «чудотворцов» т. е. за принадлежащий самому Преподобному Сергию. На колоколе читается надпись: «ис. хс. † нк. В славу стые и живончальныя Троица сврши си колокол в лета блгочивого великого князя Василия Дмитриевича и архиепискпа Фотия, митрополита Киевского всея Руси, во обитель прдобного отца нашего Сергия, при настоятельстве от(ца) ншего Никона игумена, в лето 6928 (1420), индикта 13, мца августа 15, на Успение прчистые Влаца нашее Богородица Мария».

Духовская церковь

Преподобный Никон, приступив к строению для мощей Преподобного Сергия каменной церкви вместо деревянной, перенес эту церковь на другое место, несколько далее к востоку, именно – на то место, где стоит теперь наша Духовская церковь, и посвятил ее (деревянную церковь) на новом месте также имени Святой Троицы (в этой прежней деревянной церкви, перенесенной на новое место, как сказали мы выше, находились и мощи Преподобного Сергия, пока строилась каменная церковь). В 1476 г. вместо деревянной церкви построена была каменная (кирпичная) церковь, снова посвященная имени Святой Троицы. В 1554 г. по приказанию царя Ивана Васильевича, на месте первой каменной церкви поставлена новая каменная церковь, также посвященная Святой Троице. Эта вторая каменная церковь и есть нынешняя Духовская церковь. Когда после Ивана Васильевича вместо Троицкой стала она называться Духовской, не знаем; но в описи монастыря 1641 г. она называется уже Духовской, с прибавлением частного обозначения: «средняя» (как называется или обозначается она и в других актах).

Церковь имеет в длину 7 сажень с 2 аршинами, в ширину 6 сажень; однокупольная (одноглавая), внутри четырехстолпная (с двумя столпами в середине церкви и двумя в алтарной преграде).

Преподобный Сергей священнодействует

В описи монастыря 1641 г. читаем об этой церкви: «церковь средняя Сошествие святого Духа, камена, верх – одна глава, обита немецким железом, крест решетчат, золочен». В 1768 г., как значится в описи лавры как церковь с алтарем и покрытая тесом. В 1780 г. тщанием митрополит Платона глава ее была позолочена червонным листовым золотом и тогда же, вероятно, вместо теса она покрыта была железом; по крайней мере, в описи лавры 1785 г. говорится, что все церкви монастыря, а следовательно, и Духовская, покрыты железом. В 1808 г., по замыслению митрополита Платона, глава церкви была «отделана на подобие искусственной небесной сферы», о чем в Кратком описании лавры читаем: «по середине проведен из медных аршинных позлащенных листов пояс; сверху под яблоком сделано медное сияние и местами по голубой земле положены медные, позлащенные, разной величины, звезды, снизу по золоту украшено приличным к тому расписанием и в некоторых местах, так же по голубой земле, положены медные позлащенные звезды, и крест на сей главе вновь позлащен листовым червонным золотом». Платонову отделку наподобие небесной сферы глава отчасти сохраняет и до настоящего времени (не совсем ясно говорит Краткое описание, но как будто только при митрополите Платоне деревянная кровля на церкви заменена была железной).

Нынешний иконостас церкви, трехъярусный, розового дерева, сделан в 1866 г. и заменил собой иконостас, сделанный митрополитом Платоном в 1778 г.

Стенным письмом церковь впервые была расписана в 1655 г. по приказанию патриарха Никона и с пособием от него в 200 рублей. Потом письмо было возобновляемо в 1788 г. и возобновлено в 1866 г.

В южном отделении алтаря церкви (диаконике) при ее построении был устроен придел в честь Усекновения честные главы Иоанна Предтечи, – ангела царя Ивана Васильевича

(чем дается предполагать, что церковь была построена если не совсем на деньги государя, то со значительной его помощью). Придел существовал очень долгое время (в описи монастыря 1641 г. он описывается) и был упразднен только в 1774 г... В 1568 г. была погребена в приделе, как должно думать, – по приказанию государя, родственница его – княгиня Марфа Васильевна Бельская, жена князя Ивана Дмитриевича Бельского (дочь князя Василия Васильевича Шуйского, была внучкой царевича Казанского Петра, до крещения – Даира Кудайгула, женатого на дочери великого князя Ивана Васильевича III, и была выдана Грозным за Бельского в 1554 г.).

Филаретовская церковь

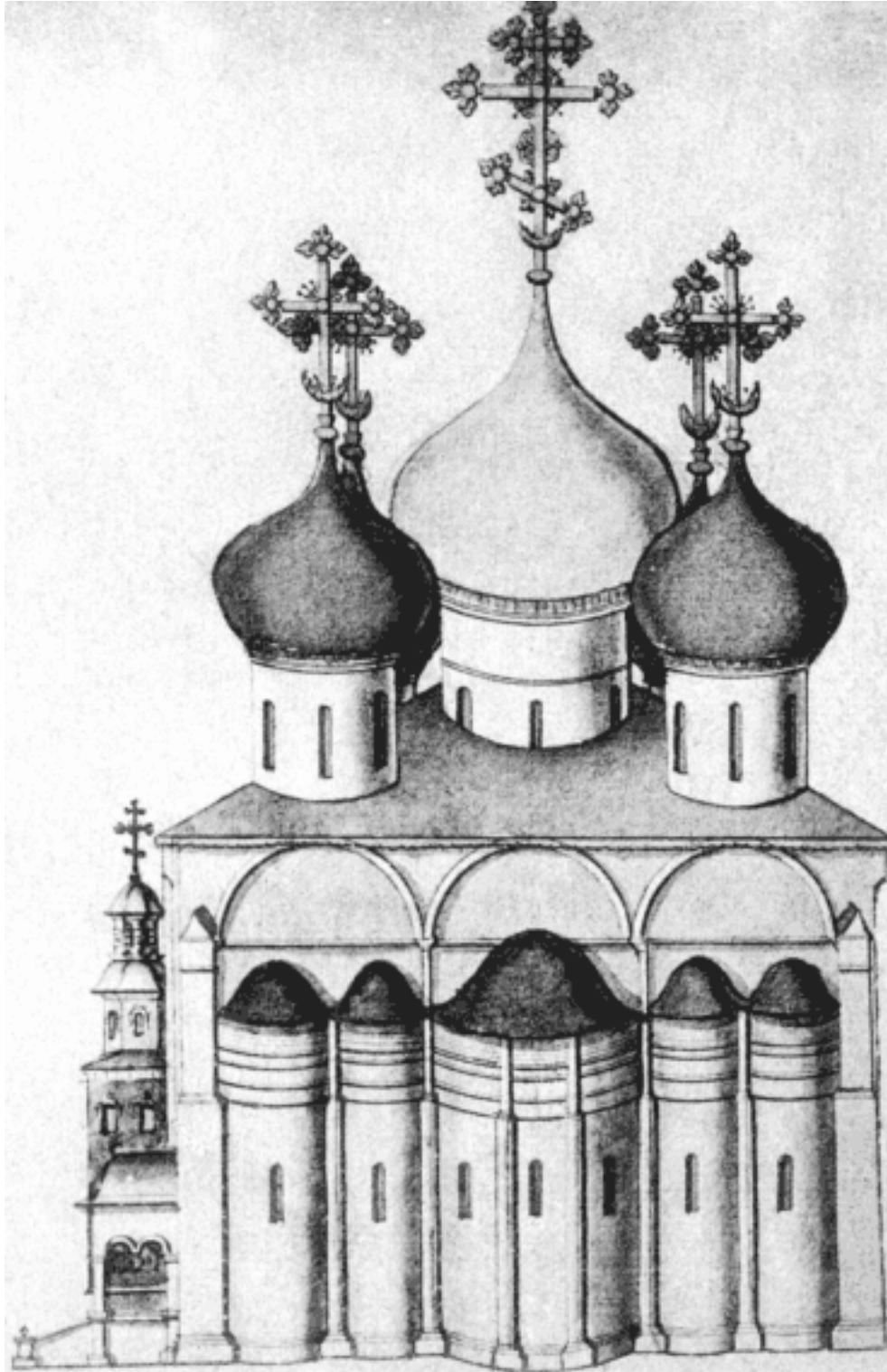
Филаретовская церковь, или церковь во имя святого Филарета Милостивого (память которого 1 декабря), прикладена в 1867 г. к южной стене Духовской церкви (на иждивение покойного П. Г. Цурикова) с той мыслью или в том намерении, чтобы она служила усыпальницей для митрополита Филарета. Скончавшийся 19 ноября того же 1867 г. митрополит Филарет действительно и был в ней погребен. После Филарета погребен в ней его преемник по кафедре митрополит Иннокентий, скончавшийся 31 марта 1879 г. А на паперти или в притворе церкви погребен наместник лавры архимандрит Антоний, скончавшийся 12 мая 1877 г.

В иконостасе церкви и пяти киотах помещены иконы, которые поднесены были митрополиту Филарету в день 50-летнего юбилея его архиерейства – 5 августа 1867 г. В двух шкафах находятся архиерейские богослужебные одежды, в которых митрополит Филарет служил в последние дни жизни.

В церкви этой, как усыпальнице митрополита Филарета, учреждено непрерывное чтение Псалтири о упокоении его, равно как усопших братьев обители и прочих православных христиан и благотворителей лавры.

Успенский собор

Успенский собор построен по подобию Московского Успенского собора или представляет копию последнего (в общем, с некоторыми отступлениями в частностях). Он пятикупольный, или пятиглавый, шестистолпный внутри, причем четыре столпа в самой церкви и два в алтарной перегородке или стене, пятиапсидный, или с пятью (а не тремя) алтарными полукружиями. Размеры его: длина 13 сажень со стенами, ширина 13 сажень и 1 аршин со стенами, высота до 10 сажень, а с южной стороны (так как местность – некоторый косогор или угорь) и более. Собор называется именно собором (а не церковью), как вторая главная церковь в монастыре после Троицкого собора (иеромонахи и иеродиаконы лавры разделяются на два собора – первый и второй: главная церковь первого собора есть Троицкий собор; главная церковь второго собора есть Успенский собор).

Успенский собор. Восточная сторона. Из Альбома 1745 г.

История построения собора остается неизвестной. Он освящен 15 августа 1585 г., что было вторым годом правления царя Феодора Ивановича после смерти отца, который умер 18 марта 1584 г. Но так как нельзя предполагать, чтобы очень большая церковь была складена и совсем приготовлена к освящению в одно-два лета, то должно думать, что она начата строением в один из последних годов правления Ивана Васильевича Грозного. На чьи средства построена церковь – монастырские или царские, не знаем; но на основании того обстоятельства, что в соборе устроены были два придела в честь ангелов царя и царицы, представля-

ется вероятным думать, что церковь построена на средства государя или, по крайней мере, с весьма значительной помощью от него. Относительно побуждений, по которым построен собор, можем сказать следующее. Есть запись о трех чудесах Преподобного Сергия, сделанная в 1558 г. и читаемая в одной рукописи Императорского Общества Истории и Древностей Российских. В предисловии к записи говорится, что царь Иван Васильевич с митрополитом Макарием и всем освященным собором, с игуменом и старцами Троицкого монастыря решил было построить в монастыре большую церковь Св. Троицы на место малой Никоновой, но что потом отложил намерение из опасения, что это может быть неугодным Преподобному Сергию. Так, дополняя это известие предположениями, можно думать, что царь Иван Васильевич, отложив мысль построить большую церковь Св. Троицы для мощей Преподобного Сергия, потом решил во изъявление своего усердия к преподобному все-таки построить в монастыре большую церковь, хотя и не с назначением быть его – преподобного – усыпальницей: монастырь давно стал знаменитым монастырем, обнесен был великолепной каменной сиеной, но не было в нем ни одной большой каменной церкви. В 1556 г. в Троицком монастыре произведено было то преобразование в отношении к зданиям, что монашеские келии, бывшие до тех пор очень близко к Троицкому собору, отнесены были к стенам монастыря, а бывшие за кельями службы вынесены из монастыря. При этом образовалась на монастыре между церквами (Троицким собором и Духовской церковью) и восточной линией келий большая площадь (вместо прежде бывших и застроенных службами задворков). Образование на монастыре большой площади вероятно связано с построением Успенского собора двояким образом. Может быть, очистили большую площадь потому, что надумали построить в монастыре большую церковь; может быть, явившаяся большая площадь, представлявшая из себя пустырь и требовавшая замещения, повлияла на осуществление явившейся прежде мысли о построении в монастыре большой церкви. Если бы принимать, что церковь начата была в последнее время царствования Ивана Васильевича, то можно предположить, что церковь была со стороны государя одной из умиловительных жертв Богу за убиение сына, произошедшее 15 ноября 1582 г.

В церкви четыре престола: главный в честь Успения Божией Матери и боковые – во имя великомученика Феодора Стратилата (память 8 февраля и 8 июня), мученицы Ирины (16 апреля) и Николая Чудотворца. Два первые придела, находящиеся в двух южных боковых отделениях алтаря и посвященные ангелам царя Федора Ивановича и его супруги, устроены при самом построении церкви; а третий придел – во имя Николая чудотворца, находящийся в крайнем северном предалтарии, устроен во время осады лавры поляками, как обетная церковь по случаю свирепствовавшей в монастыре повальной болезни цинги, и освящен 9 мая 1609 г.

С западной стороны находилась у собора большая паперть, построенная одновременно с ним самим, «которая после сделана была трапезою», т. е. которая из сеней к церкви через поставление в ней икон обращена была потом в заднюю часть самой церкви. По причине, должно думать, ветхости она была разобрана в 1780–1781 г. На плане собора в книге планов и фасадов она изображена с тремя крыльцами, или входами, – западным, северным и южным; по описанию лавры 1768 г. у нее были два крыльца, причем должны быть разумемы крыльца западное и южное; с двумя крыльцами – западным и южным она изображена и на виде лавры XVII в.

В Кратком летописце Троицкого монастыря под 1621 г. читаем: «того же лета у великия церкви Успения Пречистые Богородица верхи (куполы или главы) устроены белым железом и киоты верхние над алтарем (арки или полукруглые некоторые углубления снаружи) подписаны». В описи монастыря 1641 г. читаем: «церковь Успения пречистые Богородицы камена, о пяти верхах, главы обиты немецким железом, и на средней главе крест золочен, а четыре креста обиты немецким железом». Между 1754 и 1758 гг. средняя глава была позолочена чер-

вонным листовым золотом. В 1806 г. глава эта вся покрыта медью и вызолочена так же, как кровля на Троицком соборе, а в 1807 г. меньшие четыре главы покрыты были голубой краской и украшены медными разной величины вызолоченными звездами. В настоящее время средняя глава золоченая, четыре боковые главы выкрашены в белый цвет и покрыты разной величины медными золочеными звездами. В настоящее время главы собора имеют форму луковиц, а кровля на нем четырехскатная. И то и другое есть позднейшее: первоначальные главы были полусферические (каковы до сих пор главы на Московском Успенском соборе и какова до сих пор глава на лаврском Троицком соборе), а крыша – по полукруглым фронтонам (какова она до сих пор на Московском Успенском соборе и с какой изображен Успенский собор на виде лавры XVII в.). В 1781 г., после того как разобрана была паперть собора, сделано было вместо нее нынешнее западное крыльцо с надписью на фронтоне: «Ведомому Богу». В 1836 г. собор был обложен по низу диким камнем. В 1898 г. под юго-западной частью собора сделана усыпальница для умирающих митрополитов Московских с наружным ходом в нее в южной стене подле южного крыльца в собор. [Здесь погребены митрополиты Московские Леонтий (†1 августа 1893 г.) и Сергей (†11 февраля 1898 г.). Усердием московской купеческой вдовы Е. С. Ляминой устроена церковь во имя Всех Святых с тем, чтобы заупокойные служения в ней по митрополите Сергие совершались еженедельно по средам, субботам и воскресеньям, а также в дни его рождения и кончины. Иконостас в этой церкви мраморный].

Успенский собор. Западная сторона. Из Альбома 1745 г.

В главном алтаре собора запрестольный крест утвержден над двуглавым орлом, который по преданию вырезан Петром Великим. Пятирусный, резной, огромных размеров иконостас сделан на месте первоначального в середине XVIII в. Расположение рядов икон в нем иное, чем в Троицком соборе, а именно – то, какое принято в настоящее время, т. е. местные иконы, праздники, ряды: апостольский, пророческий и праотеческий. Из четырех серебряных риз на местных иконах три ризы – на иконах Св. Троицы, Спасителя на престоле и Успения Божией Матери сделаны в 1854 г. московским купцом Е. К. Маловым, а четвертая риза,

на иконе Благовещения, сделана на монастырский счет в 1880 г. Серебряные лампы перед местными иконами, в числе 9, даны царями Иоанном и Петром Алексеевичами в 1686 г., как видно из сделанных на них надписей. В алтаре вдоль иконостаса, поверх дверей, устроены, подобно тому как это в Московском Успенском соборе и некоторых других больших старых (сохраняющих старые, XVIII в., иконостасы, например в Московском Донском монастыре, соборе г. Смоленска и др.) церквях, три ряда или три яруса хор (галерей). На хорах этих поют певчие в праздник Успения Божией Матери, причем для того, чтобы пение слышно было в церкви, вынимается из верхнего ряда иконостаса несколько икон (а назначение этих хор есть то, чтобы в случае нужды и по мере нужды вынимать с них иконы из иконостаса и чтобы вообще при помощи их содержать в опрятности иконостас). В 1880–1881 гг. резьба иконостаса исправлена и он вызолочен вновь, а также и иконы очищены от позднейших исправлений и реставрированы (равно как исправлены и бронзированы и находящиеся в соборе паникадила).

В описи монастыря 1641 г. упоминается какая-то верхняя палатка, находившаяся в Успенском соборе: «в церкви пресвятые Богородицы Успение в верхней полатке деисус вышит на пелене, тафта червчата» (описание пелены и более ничего).

Стенным письмом собор впервые покрыт был в 1684 г.; оно произведено было на деньги (4 тысячи рублей), которые оставил для этой цели архиепископ Рязанский Моисей, скончавшийся и погребенный в соборе в 1651 г... Отчасти живопись была возобновлена в 1777 г., а вполне была возобновлена в продолжение 1865–1866 гг. (на иждивение Московского купца О. П. Тюляева). Никак нельзя отозваться о живописи с особенной похвалой в отношении художественном и если когда было бы извинительно и желательно отступление от древнего подлинника, так это именно тот случай.

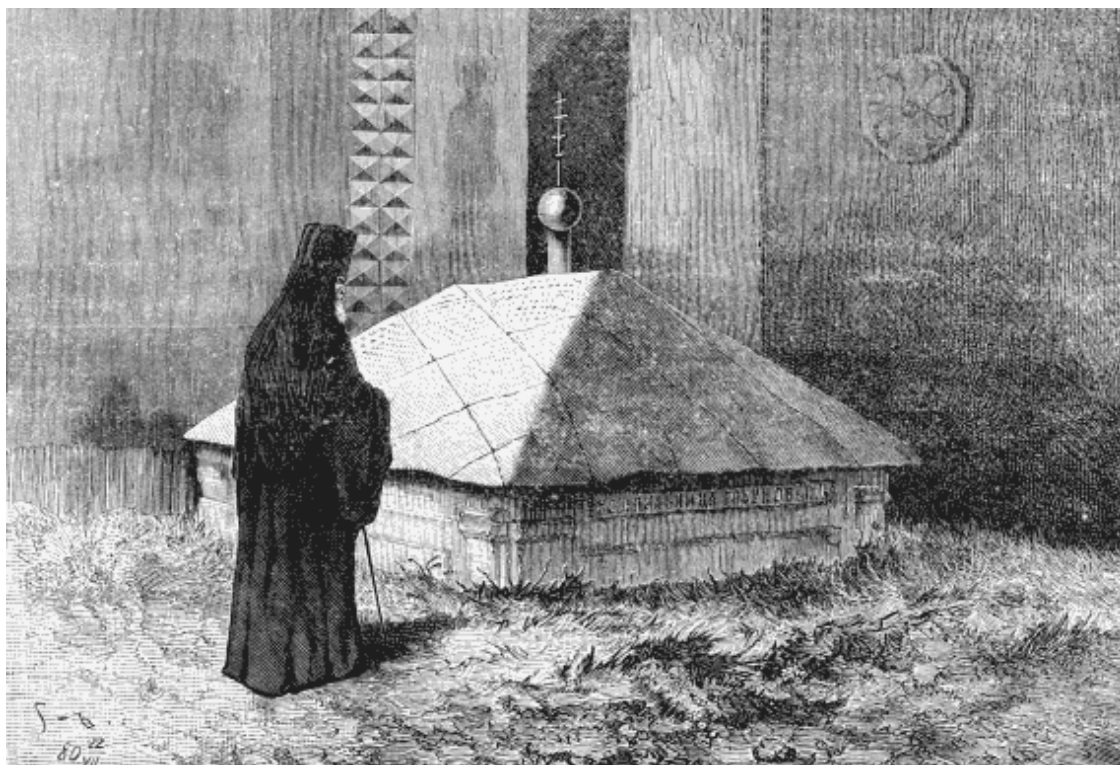
У южной стороны собора, близ иконостаса, на том месте, где в Троицком соборе находится рака с мощами Преподобного Сергия, до 1786 г. стоял гроб преподобного Сергия, в котором он был погребен в земле и из которого мощи его, по изнесении их из земли, переложены были в новую раку. В описи монастыря 1641 г. читаем: «у полуденных дверей (собора) гроб древян чудотворца Сергия, в котором мощи обрели, верхняя доска разнята на иконы, а в то место верхняя доска новая, на ней написан образ чудотворца Сергия; на гробу покров отлас таусинной, ветх, на нем шит образ розными шолки, а венец шит золотом и серебром, подпись шита золотом; в киотах образов над гробом чудотворца Сергия» (около 30). В 1786 г. гроб перенесен был в церковь Вифанского монастыря, в которой (из двух нынешних в старой Платоновской) и находится до настоящего времени.

Бронзовая решетка по солее собора сделана в 1880 г. В том же году настлан нынешний плиточный пол вместо бывшего чугунного.

В соборе находятся надгробные памятники над погребенными в нем: в северо-западном углу – королевой Марией Владимировной и ее дочерью королевной Евдокией; по южной половине западной стены или направо от входа: архиепископом Рязанским Моисеем, архиепископом Московским Августином и митрополитом Московским Макарием, Мария, в монашестве Марфа, Владимировна была дочь Старицкого князя Владимира Андреевича, двоюродного брата Ивана Васильевича Грозного (внука Ивана Васильевича III, отравленного Грозным вместе с женой и сыновьями в 1563 г.). В 1573 г. Грозный выдал ее замуж за Датского принца Магнуса, который изъявил готовность стать Ливонским королем, подручником Московского царя, и который, получив титул короля, но не видав королевства, ибо Грозный только мечтал, но не в состоянии оказался создать последнее, в 1578 г. бежал от царя с женой к польскому королю Стефану Баторию. В Польше в 1580 г. родилась у Магнуса от Марии Владимировны дочь, по имени Евдокия, которая крещена была в нашу православную веру. После смерти Магнуса, случившейся в 1583 г. Годунов (как принимают) ложными обещаниями заставил Марию Владимировну возвратиться в Россию, а по возвра-

щении ее в Россию принудил ее принять монашество (с именем Марфы) и поселил ее в Подсосенском монастыре, находившемся в 7 верстах от лавры, что ныне село Подсосино. Дочь ее Евдокия скончалась 18 марта 1589 г., а она сама жила до 1614 г., причем время осады лавры поляками провела в последней, будучи замешана в сплетне об измене; скончалась в Московском Новодевичьем монастыре (ибо Подсосенский монастырь был уничтожен поляками) в июле месяце указанного года до 17 числа (надпись на самом памятнике неверна). Моисей, архиепископ Рязанский, в миру (Максим) был протопопом московского Благовещенского собора и духовником царя Михаила Феодоровича; принял монашество в Троицком монастыре, вероятно, в 1635 г., ибо под сим годом записан его вклад в монастырь; быв поставлен в архиепископы Рязанские 10 января 1638 г., скончался в Рязани 15 февраля 1651 г., после чего перевезен был для погребения к Троице; он оставил после себя, как мы сказали, 4 тысячи рублей на украшение стенным письмом Успенского собора. Архиепископ Московский Августин скончался 3 марта 1819 г. (см. о нем в списке настоятелей под номером 71). Митрополит Московский Макарий скончался 9 июня 1882 г.

На паперти или в трапезе Успенского собора погребены были тела царя Бориса Федоровича Годунова, его супруги Марии Григорьевны, его сына Феодора и его дочери Ксении, в монашестве Ольги. Борис Федорович Годунов, скончавшийся 13 апреля 1605 г., погребен был в усыпальнице царской – Архангельском соборе, но когда в июне 1605 г. Москва признала самозванца, то тело его было выкопано из могилы в соборе и вместе с телами убитых тогда (10 июня) его супруги и сына погребено в Варсонофьевском девичьем монастыре (находившемся в Варсонофьевском переулке между Рождественской и Лубянской улицами, – убогом, но бывшем не на «убогих домах»). По приказанию царя Василия Ивановича Шуйского тела Бориса Федоровича, его супруги и сына с честью перенесены были к Троице в 1606 г., а несчастнейшая Ксения Борисовна погребена была, согласно ее предсмертной просьбе к царю Михаилу Федоровичу, вместе с родителями после ее кончины во Владимирском Успенском или в одной из Суздальских женских монастырей, последовавшей 30 августа 1622 г. Когда была уничтожена паперть Успенского собора, могилы всех четверых оказались на воле, под открытым небом, и над ними устроена была донныне находящаяся над ними палатка. В описи монастыря 1641 г. читаем о гробницах Бориса Федоровича и членов его семьи на паперти Успенского собора: «в паперти над гробницами образов, где положен царь Борис и царица Марья и царевич Федор и царевна Ольга: в киоте два образа местных, писаны на празелени, образ живоначальные Троицы, образ пресвятыя Богородицы Коневские, образ Бориса и Глеба, писаны на золоте;верху над большими образами шесть образов окладные, в киоте два образа окладных – образ Спасов да видение чудотворца Сергия; у гробниц четыре свечи поставные восковые, насвечники железные; на гробницах же царя Бориса и царицы и царевны три покрова черные, на царевичеве гробнице покров червчат, повседневные, на них шиты кресты». – Соборная панихида над гробницами Годуновых ежегодно поется 1 мая (ошибочно как-то принятого за день кончины Бориса Федоровича).

Усыпальница Годуновых в Троицкой лавре

Смоленская церковь

На том месте, где стоит теперь Смоленская церковь, или церковь в честь Смоленской иконы Божией Матери (иконы Божией Матери, именуемой Одигитрией), в начале XVIII в. стояло каменное здание, в котором помещались служение или людские трапеза и поварня (это собственно была братская поварня, обращенная в служную трапезу-поварню после того, как на место прежней братской трапезы, при которой она была и которая находилась там, где теперь колокольня, была построена нынешняя трапеза). На наружной стене здания стояла икона Смоленской Божией Матери. В 1730 г. эта икона представилась в сонном видении одному монастырскому псаломщику, который имел пригнутые к спине и иссохшие руки и который после этого получил исцеление. Для прославившейся чудотворением иконы здание трапезы-поварни в 1735 г., по именному указу императрицы Анны Иоанновны, и обращено было в церковь Смоленской иконы Божией Матери. Но здание скоро оказалось ветхим и на деньги, пожертвованные графом А. Г. Разумовским в количестве 4654 рублей 38 копеек (!), по разобрании старой церкви, была поставлена новая церковь, существующая до настоящего времени. Новая церковь начата была строением в 1746 г., окончена в 1748 г. и освящена в присутствии императрицы Елизаветы Петровны 6 июня 1753 г.

Церковь овальной фигуры; в окружности имеет 13 сажень, а в диаметре от горнего места до западных дверей – 5 сажень. Глава на церкви вызолочена червонным листовым золотом в 1780 г... В 1854 г. к церкви пристроена паперть и она была вся реставрирована, сделана теплой (в первоначальном своем виде церковь, несмотря на свои малые размеры, имела, как видно из описи лавры 1768 г., три крыльца, т. е. на запад, север и юг, из белого камня).

Смоленская церковь

Иконостас в церкви, вызолоченный червонным золотом, был построен тем же графом Разумовским, которым была построена и самая церковь. В 1756 г. граф П. Б. Шереметев устроил на икону Смоленской Божией Матери ризу и оклад серебряные, вокруг украшенные жемчугом, и алмазную корону с разными камнями. В 1781 г. церковь была расписана голубой краской с пристойными украшениями. В 1854 г. иконостас церкви сделан под мрамор и стены ее вновь расписаны.

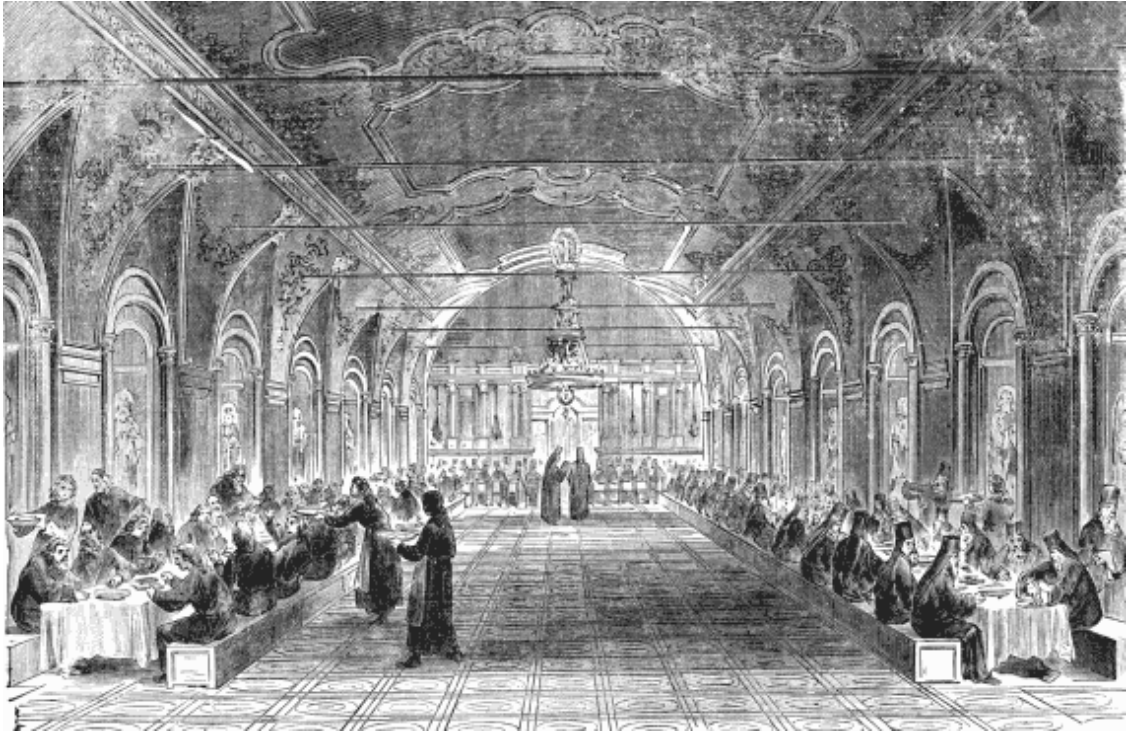
Трапезная церковь преподобного Сергия

Трапезная церковь во имя Преподобного Сергия вместе с самой трапезой построена в продолжение 1686–1692 гг. монастырским иждивением, по приказанию царей Иоанна и Петра Алексеевичей (о прежней трапезе, находившейся на месте нынешней колокольни, с церковью при ней преподобного Михаила Малеина, ангела царя Михаила Федоровича). В длину вместе с алтарем, трапезой и папертью, включая и стены, церковь имеет 34 сажени, в ширину, также со стенами, – 9 сажен. Окна церкви обставлены резными колоннами (которые до 1837 г. были из камня), которые расписаны разными красками; снаружи стены расписаны наподобие шахмат (так это было в XVIII в., так это с недавнего времени и теперь).

Вокруг церкви идет открытая галерея на сводах, имеющая протяжения до 100 сажений, выстланная чугуном. Крыльца, ведущие на галерею, в настоящее время простые, в старое время были украшены резными колоннами и резными фигурами, а главное из них – северо-западное и находилось не на самом северо-западном конце галереи, а прямо против входа в паперть за Михеевской церковью и было устроено иначе, чем теперь, а именно – как приставленная к галерее площадка: с входами на нее с двух сторон – восточной и западной.

Глава и крест на церкви были вызолочены червонным золотом между 1752 и 1758 гг., а в 1808 г. покрыты золоченой медью, как средняя глава на Успенском соборе. «Над сею трапезою, – говорит Краткое описание лавры, – особенного примечания достойна железная кровля, сделанная искуснейшим механическим образом, ибо она поддерживается одним равновесием, чрез уменьшение у одной части через другую тяжести». Эта замечательная кровля сделана в 1743 г. после бывшего в лавре в предшествующем 1746 г. большого пожара, заменив собой бывшую до пожара деревянную кровлю.

О нынешнем иконостасе церкви и о нынешней живописи церкви и трапезы, которые, как почти и все в теперешней лавре, идут от митрополита Платона, то же Краткое описание говорит: «Оная церковь с алтарем, трапезою и сенями (папертью) украшена внутри и росписана превосходною живописью (до которой, как значится в описи лавры 1768 г., стены и своды церкви были убраны штукатурной работой и местами раскрашены краской): в ней иконостас, позлащенный и местами по серебру прикрытой голубою краскою, сделан вновь, и святые иконы, кроме нижних местных образов, написаны наилучшею живописною работою, а на стенах клеймы позлащены червонным золотом, а прочия штукатурные фигуры посеребрены; краски же положены в олтаре вердеповаго (зеленаго), в церкви голубого, в трапезе палевого, а в сенях розового цвета, которое все внутреннее украшение сделано в 1778 и 1780 гг. тщанием преосвященного митрополита Платона». Между 1840–1847 гг. стенная живопись была возобновлена. В 1883 г. иконостас позолочен вновь, а живопись опять возобновлена. Перед амвоном висит большое медное паникадило с литыми изображениями Спасителя и 12 апостолов – вклад царя Ивана Васильевича Грозного (как будто оно есть то паникадило, которое в 1641 г. находилось в Троицком соборе и о котором мы привели выше слова описи монастыря сего года); а костяной шар под паникадиллом, по преданию, работы Петра Великого. В церкви с алтарем пол мраморный, а в трапезе – чугунный. В алтаре за престолом ныне находится серебряный седмисвещник, устроенный митрополитом Платоном.

Трапезная в Троице-Сергиевском монастыре

Над церковью, именно над одной церковью без трапезы, находится верхний этаж. В этом верхнем этаже помещается монастырская библиотека.

Самая трапеза не служит для всedневногo употребления; в ней только учреждаются соборные столы в большие праздники и в высокoтoржественные дни; а будничная трапеза братии – в пристройке к трапезе с южной стороны.

Под трапезной церковью и под трапезой устроены братская кухня и хлебопекарня со всякими амбарами и кладовыми для съестных припасов и странноприимная столовая для простого народа (служащая, главным образом для зимы, ибо летом, за исключением дней ненастных, народ кормится на открытом воздухе, на поставленных у столовой столах), заведенная наместником Антонием в 1834 г.

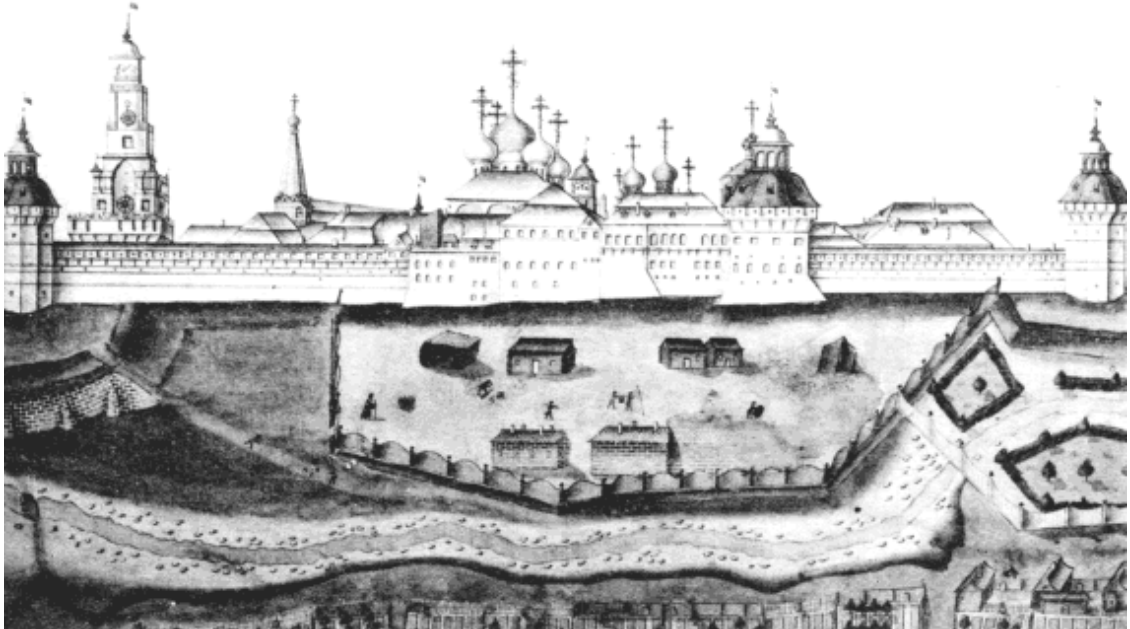
Михеевская церковь

Михеевская церковь, или церквца, так как размерами она очень невелика, построена над гробом преподобного Михея, бывшего учеником и келейником Преподобного Сергия, в честь явления Преподобному Сергию Божией Матери с апостолами Петром и Иоанном, при каковом явлении сподобился присутствовать и преподобный Михей. Церковь построена в 1734 г. по особому усердию к преподобному Михею архимандрита лавры Варлаама Высоцкого, на что испрошено было высочайшее соизволение и разрешение Св. Синода (в описях лавры 1768 и 1785 гг. и в некоторых монастырских актах церковь называется церковью Смоленской Божией Матери; в описи 1768 г. «церковь во имя пресвятые Богородицы Смоленския, где гробница преподобного Михея чудотворца», и потом о собственной Смоленской церкви: «церковь во имя Смоленския ж пресвятые Богородицы»).

По плану церковь шестиугольная; длина ее – 5 сажений, ширина 2 сажени. Покрыта белым железом или жстью вместо дерева после пожара 1746 г., в который она горела. В 1781 г. она расписана внутри и в ней сделан был новый позолоченный иконостас. В 1842 г. ее внутреннее устройство было возобновлено (при ее освящении 27 сентября того же года митрополит Филарет произнес одну из наиболее знаменитых своих проповедей). В 1871 г.

на иждивение купца М. И. Шапошникова произведена полная ее реставрация: иконостас ее вновь вызолочен, гробница преподобного Михея (находящаяся у южной стены церкви) покрыта новой серебряной ризой, стенная роспись возобновлена, глава и крест вызолочены через огонь.

Замечательна кровля на церкви: она по своей форме есть так называемая голландская, как бы двухэтажная. В XVIII столетии этой кровлей были покрыты в лавре все корпуса келей, а теперь она сохранилась только на этой церкви.

Вид на лавру с западной стороны. Из Альбома 1745 г.

На виде лавры XVII в. между Духовской церковью и бывшей тогда южной линией келей, на месте которой стоит теперешняя трапезная церковь, показана палатка преподобного Михея чудотворца. Но в Кратком описании лавры говорится, что до построения церкви гроб преподобного Михея стоял под парадным трапезным крыльцом, т. е. под северо-западным крыльцом трапезы, которое, как мы сейчас сказали (в речах о трапезной церкви) в прежнее время находилось прямо против входа в паперть трапезы, за Михеевской церковью. Если описание не ошибается, то это необходимо понимать так, что при построении трапезной церкви надгробная палатка пришлось под крыльцом церкви и что она была уничтожена, причем сохранено было только находившееся в ней надгробие над могилой преподобного. А из этого будет следовать, что церковь поставлена не над гробом, а близ гроба преподобного (странно, что при самом построении церкви не сделали того, что сделали после, а именно – не перенесли крыльца далее, так чтобы церковь могла быть поставлена над самым гробом преподобного Михея).

Преподобный Михей – местный святой Троицкой лавры.

Больничная [бывшая] церковь Преподобных Зосимы и Савватия Соловецких

Находящаяся в линии западного или так называемого казначейского корпуса келей, построена в продолжение 1635–1637 г., о чем в Кратком летописце монастыря записано под первым годом: «Того же лета почали делать больницы новые каменные, четыре келии, и церковь каменная преподобных чудотворцов Зосимы и Савватия Соловецких, и совершена же бысть в лето 7145 (1637) и священна бысть архимаритом Нектарием того же лета месяца

августа в 5 день». Тогдашний келарь лавры Александр Булатников был из монахов Соловецких и по его усердию, как должно думать, церковь и посвящена была Соловецким чудотворцам. Длина ее с алтарем и с находящейся при ней трапезой – 10 сажен с половиной; ширина – 5 сажен. Верх ее имеет форму коническую, шатровую.

По описи монастыря 1641 г. у церкви было пять колоколов, а по описи монастыря 1768 г. при ней показана стоявшая неизвестно где и представлявшая из себя неизвестно что, колоколья: «при той церкви колоколья каменная ж».

Больница при церкви с самого первого времени, как и до последнего времени, была не больницей в собственном смысле слова, а богадельней для престарелых монахов монастыря, не могших нести никаких послушаний, которых опись 1641 г. называет «старцами больничными», а позднейшие некоторые акты «неможными старичками» (о церкви Зосимы и Савватия жители Посада выражались: служба старичков, пошел молиться к старичкам, молился у старичков).

В настоящее время церковь Зосимы и Савватия служит местом исповеди и причащения Св. Таин для богомольцев, для которых здесь ежедневно бывает всенощная и правило ко св. Причащению.

Церковь Св. Иоанна Лествичника

Устроена в 1893–1896 г. при новом здании больницы-богадельни, в третьем этаже, вдаваясь частью в это здание, а частью выступая из него на восток. Иконостас здесь весь золоченый, пол мозаичный, стены расписаны иконописью в 1901 г. палеховским иконописцем Н. М. Сафоновым. В сей церкви имеется, за левым клиросом, в серебропозлащенном складнековчеге, довольно большая часть св. мощей великомученика Пантелеймона, а за правым клиросом – врезана в икону часть одежды, прилежавшей к мощам святителя Феодосия Черниговского чудотворца. Заслуживает внимания паникадило в виде креста из виноградных лоз с 33 лампадами по числу лет земной жизни Спасителя.

Церковь мучениц Варвары, Анастасии и Акилины

Церковь мучч. Варвары и Анастасии первоначально была устроена в 1853 г. в верхнем этаже корпуса бывшей странноприимной, а вместе и монашеской, больницы, называемого по ней Варваринским (на иждивение графини Варвары Александровны Татищевой, в схимном иночестве Анастасии).

В этой церкви помещалась большая, во весь рост, икона Преподобного Сергия, которая носится по домам жителей посада и которая, как должно думать, служила верхней доской для деревянной раки Преподобного Сергия, пока он лежал в этой раке (см. выше о Троицком соборе).

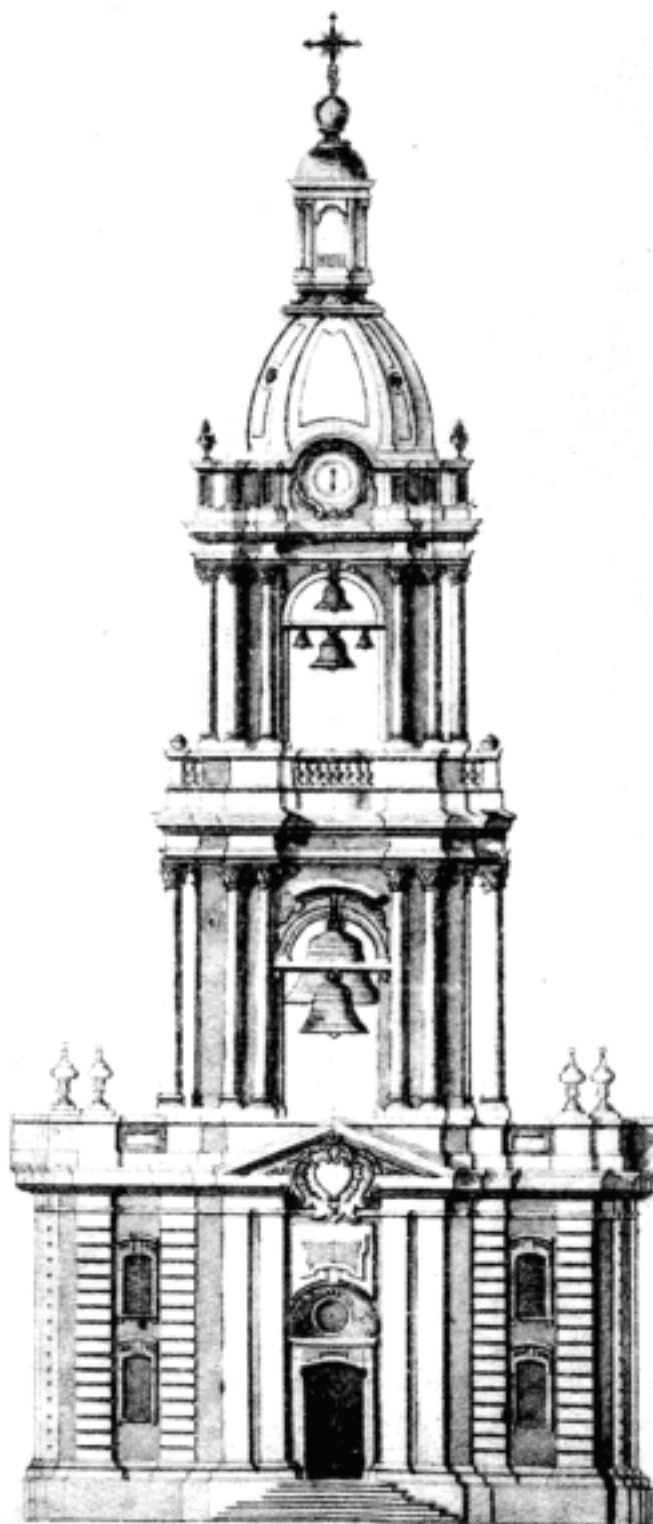
О самой больнице в собственном смысле слова, монашеской и странноприимной, см. ниже.

Надворотная церковь Иоанна Предтечи

Церковь стоит не над самыми Святыми воротами в монастырь, над которыми стоит башня, а впереди Святых ворот (или стены, в которых ворота) на 7 сажен, на особой арке (причем в монастыре принято считать и называть Святыми воротами, главным образом, именно эту арку). Подобное местоположение надворотной церкви необходимо объяснять так, что она стоит на самом месте надворотной церкви, бывшей при Преподобном Сергии, и на линии стены, как последняя шла при преподобном, а что нынешняя каменная стена

(построенная в продолжение 1540–1550 гг.) отодвинута далее от прежней стены на то расстояние, которое между ней и церковью.

Преподобный Сергей поставил над Святыми воротами своего монастыря, после того как благоустроил его, церковь во имя великомученика Димитрия Солунского, ангела великого князя Дмитрия Ивановича Донского, – деревянную церковь на деревянных, как и вся стена, воротах. В 1512 г. в деревянной стене монастыря сделаны каменные (кирпичные) ворота, на которых была поставлена церковь во имя Преподобного Сергия с приделом во имя св. Василия Парийского, ангела тогдашнего великого князя Василия Ивановича, причем сохранена была и прежняя деревянная церковь Димитрия Солунского. Когда была кладена монастырская каменная стена, церковь 1512 г., как приходившаяся в стороне от нее (т. е. впереди ее), осталась нетронутой и существовала до 1693 г. В том же году она была разобрана и на ее месте в продолжение 1693–1699 гг. (на иждивение именитых людей Строгоновых) была построена новая, донныне существующая, церковь, которая была посвящена уже не имени Преподобного Сергия, так как его имени была посвящена только что перед тем построенная трапезная церковь, а имени Иоанна Предтечи (в честь его рождения).

Колокольня. Из Альбома 1745 г.

Церковь имеет в длину 9 сажен, считая вместе с галереей, которой она окружена, в ширину – 7 сажен. До 1806 г. она имела пять глав, а в этом году четыре боковые главы были сняты, «для лучшей, как говорится в Кратком описании лавры, соразмерности с небольшой величиной церкви». В большой пожар, бывший в лавре 17 мая 1746 г., церковь совершенно выгорела, так что после того в продолжение 1753–1760 гг. была отделана совершенно заново (Освящена в присутствии императрицы Екатерины 1 июня 1763 г.). В 1827 г. в ней возобновлено было настенное письмо.

В описи монастыря 1641 г. читается описание прежней церкви Преподобного Сергия и придела в ней святого Василия Парийского («Церковь чудотворца Сергия на воротех камена, глава и крест обиты немецким железом, а в ней двери царские, сень и столпцы. В пределе Василия Парийского двери царские, сень и столпцы. У церкви же Сергия чудотворца два колокола не велики»).

Домовая церковь Казанской Божией Матери (в митрополичьих покаях)

Устроена в 1758 (или, как по описи лавры 1768 г., – в 1762) г. До 1795 г. была в честь Казанской Божией Матери. С 1795 г. по 1881 г. была во имя апостолов Петра и Павла. С 1881 г. опять – в честь Казанской Божией Матери. До последнего переустройства церкви иконостас в ней был полотняный, пожертвованный митрополиту Платону (как говорили) с какого-то отслужившего свою службу корабля.

Домовая церковь Покрова Божией Матери (в наместничьих кельях)

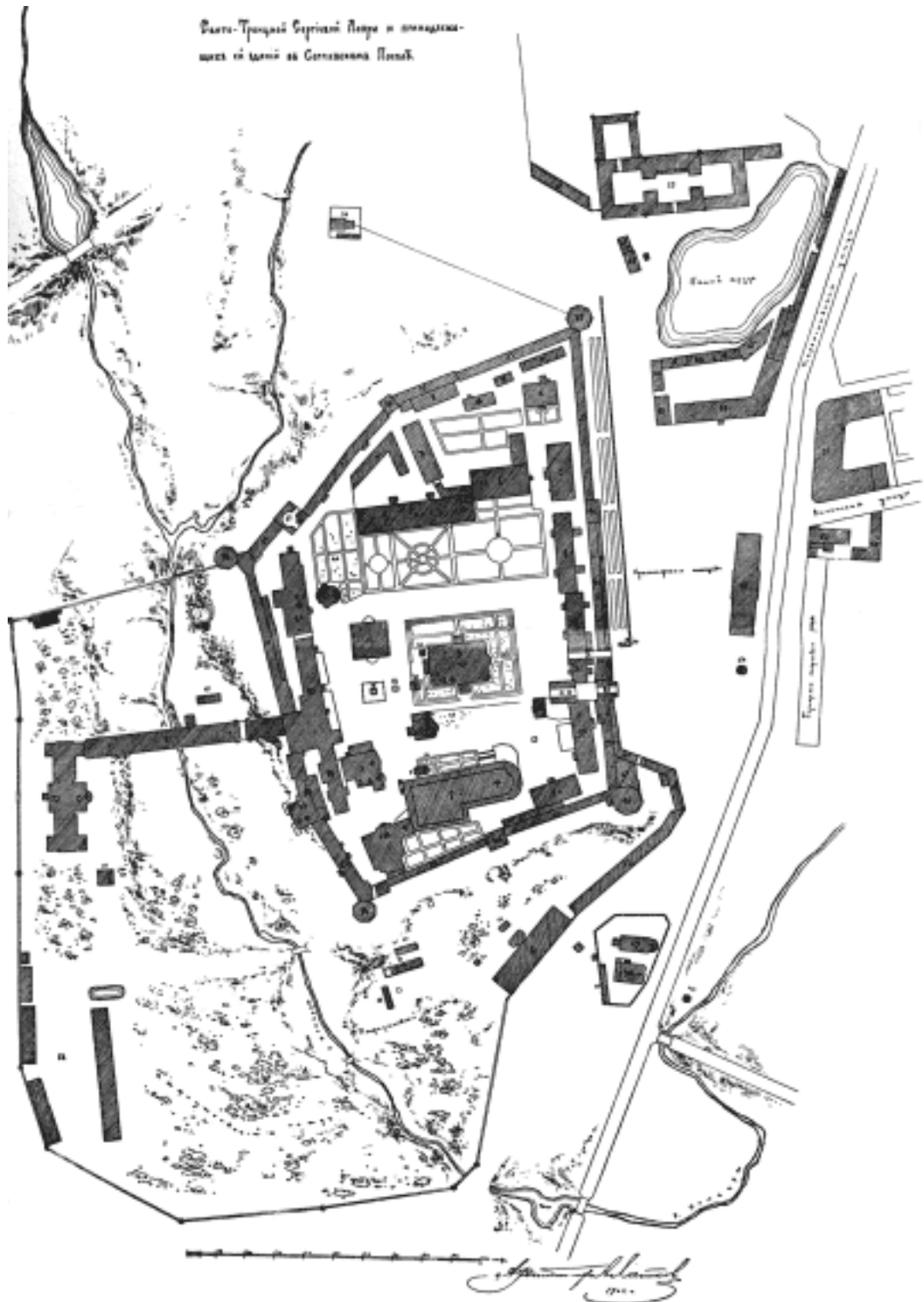
Устроена для больного наместника архимандрита Антония в 1875 г.

Церковь всех святых

Устроена под Успенским собором.

Серапионовская палатка, или Палатка Трех мощей

Палатка пристроена к западной половине южной стены Троицкого собора. Она получила свое первое и собственное название от имени Серапиона, архиепископа Новгородского, который скончался в лавре 16 марта 1516 г. и над гробом которого она была поставлена (см. о нем в списке настоятелей лавры под номером 18). Вероятно она поставлена в 1553 г., когда после обретения и погребения в новом гробе мощей Серапиона, у могилы его начали твориться знамения, как говорится в его житии. В описи монастыря 1641 г. упоминается о покровах кутняных и тафтяных, которые кладутся «на митрополитов, где Серапион чудотворец», причем во множественном «митрополитов» кроме митрополита Иоасафа, жившего на покое и скончавшегося в Троицком монастыре, разумеется еще митрополит Феодосий, также скончавшийся у Троицы в октябре месяце 1476 г. Вероятно думать, что палатка с первого раза была сделана так, чтобы вмещать в себе не один гроб Серапиона, но и гробы митрополитов, т. е. не весьма маленькой, а более или менее просторной. Но что первоначально она имела все-таки меньшие размеры, чем теперь, видно из того, что архимандрит Дионисий, который лежит теперь в ней, был положен первоначально вне ее, против ее дверей (которые, следовательно, были первоначально на юг). Опись лавры 1768 г. говорит, если не ошибается, о современной ей, крытой еще тесом, Серапионовой палатке, что она строена в 1700 г. В 1783 г. митрополит Платон построил новую палатку на место бывшей до него. В 1823 г. крыша на палатке переделана под одну линию с папертью Троицкого собора на той стороне, с фронтоном под вид фронтов, что на паперти Никоновской церкви, а восточная стенка ее, бывшая дотоле деревянной, заменена каменной. В 1853 г. иконостас палатки был позолочен, а вообще она получила нынешний весьма благообразный вид, с нынешним богатым убранством, при наместнике Антонии (перед которым она служила будто бы складом разной рухляди церковной).

План лавры в 1902 г.

В палатке находятся три, устроенные митрополитом Платоном, надгробия или надгробные памятники (раки, как говорят, употребляя слово в несобственном смысле) над могилами лежащих в ней архиепископа Серапиона, о котором мы сказали, митрополита Московского Иоасафа, скончавшегося в лавре 27 июля 1555 г. (см. о нем в списке настоятелей под номером 25) и архимандрита Дионисия, скончавшегося 10 мая 1633 г. (от трех рак палатка кроме Серапионовской и называется еще палаткой Трех мощей, причем второе название гораздо более употребительно, чем первое). Лежащие на раках изображения усопших не

Платоновския, а новейшие, сделанные в 1899 г. на иждивение лавры из старого серебра, хранившегося в ризнице; Платоновские же находятся теперь в скиту, на паперти деревянной Успенской церкви. А что касается могилы митрополита Феодосия, то после 1641 г. она как-то и почему-то пришла в забвение и бывшее над ней надгробие когда-то исчезло, так что, по Краткому описанию лавры, никакого следа ее в монастыре не осталось.

Со времени же, как должно думать, митрополита Платона принимается, что палатка стоит на месте кельи Преподобного Сергия и что здесь имело место посещение преподобной Божией Матерью. Поэтому, в палатке поставлена икона, изображающая это посещение Божией Матерью преподобного, на которую в недавнее время благочестивыми вкладчиками сделана серебряная позолоченная риза с великолепным золотым венцом и короной над главою Божией Матери.

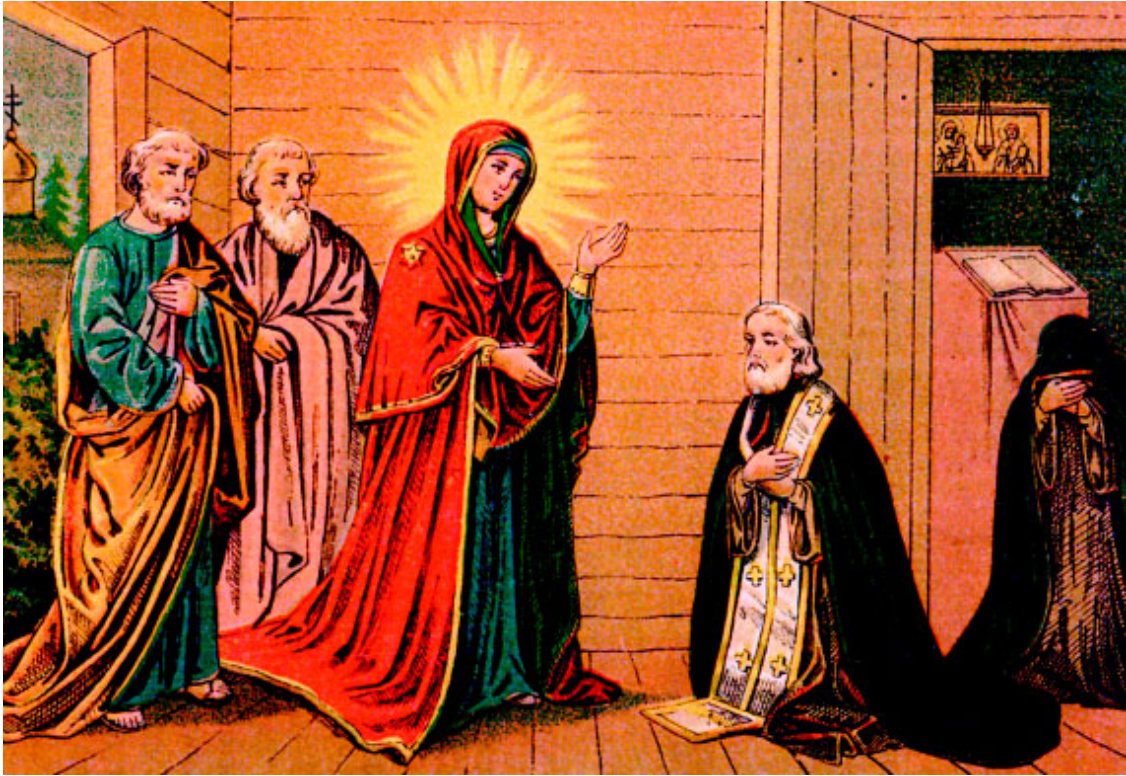
Со времени наместника Антония в палатке каждую пятницу, в три с половиною часа по полудни, поется всенощная с акафистом Божией Матери, а каждую субботу после литургии в Никоновской церкви, которая в этот день начинается в ней в четыре часа утра, поется молебен Божией Матери.

В палатке в особых ковчегах хранятся кисть правой руки архидиакона Стефана и камень от гроба Господня, принесенные А. Н. Муравьевым из Иерусалима в 1850 г. В иконостасе – икона св. Николая чудотворца, пожертвованная С. Ф. Воейковым в 1895 г. Ею Преподобный Сергей благословил родоначальника Воейковых, боярина сербского Воейка Войтеговича Терновского при крещении его митрополитом Киприаном в 1384 г. в Чудовом монастыре.

Максимовская палатка

Палатка пристроена к северной стене Духовской церкви и получила название от имени преподобного Максима Грека, над гробом которого она была поставлена.

Преподобный Максим Грек, знаменитый своим великим умом и своей ученостью, а также своей необыкновенной (пророческой) ревностью о правде Божией, прибывший с Афона в Россию в 1518 г., навлекший на себя гнев великого князя Василия Ивановича и митрополита Даниила в 1525 г. и после чего проведенный весьма многие годы в темничном и нетемничном заключении, сперва в Иосифовом Волоколамском монастыре, а потом в Тверском Отрочем монастыре, переведен был из последнего монастыря к Троице, по ходатайству почитателя его и его образа мыслей игумена Артемия, в 1551 г. и скончался здесь в 1556 г. (неизвестного месяца и числа). Палатка (часовня) над его гробом поставлена между 1651–1656 гг., при архимандрите Адриане, вследствие бывших в первом году знамений от гроба. До митрополита Платона она была маленькой; Миллер в своем описании лавры, написанном между 1770–1775 гг., говорит о ней: «Близ церкви Сошествия Святаго Духа в приделанной малой палатке есть гробница с образом ученого Грека преподобного Максима, монаха Ватопедского». По описи лавры 1768 г., при кровле Духовской церкви (тесовой) палатка была покрыта лещедью. В 1796 г. митрополит Платон перестроил ее с целью ее увеличения. С той же целью постепенного увеличения она была перестроена при митрополите Филарете в 1847 г. и в 1867 г. (в последний раз – для приведения ее в симметрию с пристроенной к южной стороне Духовской церкви Филаретовской церковью). Надгробие преподобного Максима Грека находится в юго-западном углу палатки, а вся она составляет теперь (и собственно представляет из себя) монастырскую лавку для продажи икон, крестов и других священных предметов.

Явление Богородицы Преподобному Сергию

Колокольня

Лаврская колокольня – одна из первых в России колоколен по высоте и, по нашему мнению, – самая первая в России колокольня по красоте. Изящно стройная и несмотря на всю свою массивность кажущаяся чрезвычайно легкой и как-то характерным образом элегантной. Она представляет из себя четырехугольную башню в пять этажей, которые один за другим постепенно уменьшаются в объеме, из которых нижний – глухой, а все остальные с широкими пролетами, оставляющими от стен только углы, из которых второй и третий обставлены по углам колоннами, а четвертый и пятый полуколоннами, и из которых все эти четыре обставлены по выступам углов вазами (второй этаж колокольни значительно менее первого, а постепенное уменьшение идет уже далее, так что башню представляют из себя собственно четыре этажа колокольни, начиная со второго, а первый этаж составляет как бы пьедестал башни). На верху колокольни поставлен своеобразный двойной купол, нижняя половина которого имеет форму большой ложчатой чаши, поставленной на подставе, а верхняя половина имеет форму такой же малой чаши, опрокинутой вниз и поставленной на подставе, возвышающейся из первой чаши, и который венчается крестом на яблоке. Под большой чашей купола на дугах пятого яруса поставлены клейма, имеющие форму гербовых щитов, с вензелевыми буквами императрицы Екатерины, при которой сооружен купол, и с императорскими коронами. Первоначально колокольня была построена трехэтажной с фонарем или башенкой на верху, но потом над ней были надстроены еще два этажа и она получила нынешний вид.

Колокольня у Успенского собора

Строительство колокольни начато было по повелению императрицы Анны Иоанновны, но уже после ее смерти, при Елизавете Петровне в 1741 г. и окончено в первоначальном виде в 1756 г. Надстроены два верхние яруса, придавшие колокольне иной вид против первоначального и сделавшие ее такой в архитектурном плане, как мы ее охарактеризовали, после 1767 г. митрополитом Платоном (16 июля 1766 г. назначенным в архимандриты лавры, с 10 октября 1770 г. по 21 января 1775 г. архиепископом Тверским, сохранившим при сем и звание архимандрита лавры). Высота колокольни 41 сажень и один аршин (а без купола 34

сажени и один аршин, так что купол имеет высоту 7 сажен); каждая сторона нижнего этажа, представляющего из себя квадратный четырехугольник, в ширину – 12 сажен и один аршин; каждая сторона второго этажа – 7 сажен; клейма под чашей, которые снизу кажутся аршинными квадратами, на самом деле имеют высоту и ширину около 3 сажен. Купол и клейма под большой его чашей вызолочены через огонь червонным золотом.

Всех колоколов на колокольне с часовыми и с негодными к употреблению – 42 (полный звон – 25 колоколов).

Большие колокола суть:

1. *Царь-колокол*, более которого нет в России в действительном употреблении, имеющий вес 4000 пудов (по преданию мастеров, его ливших, – 4065 пудов), при языке, имеющем вес около 90 пудов, вылитый в лавре в 1748 г., повешенный на колокольню (на середину второго яруса) в 1753 г., употребляемый для звона в двенадцатые праздники и высокочоржественные дни.

2. *Корноухий* (названный так от того, что имеет не медные, а железные уши) или воскресный, вылитый в лавре в 1683 г., имеющий вес 1275 пудов, висящий в западном пролете второго яруса.

3. *Годуновский* или полиелейный, вылитый для лавры царем Борисом Феодоровичем Годуновым в 1600 г., вес которого точным образом неизвестен и определяется разное – от 1700 до 2000 пудов, имя Годунова в надписи на котором срублено в 1744 г. по приказанию императрицы Елизаветы Петровны, висящий в восточном пролете второго яруса (прежде Годуновский был воскресным, а полиелейным Корноухий).

4. *Лебедь*, или славословный (т. е. употребляемый в те дни, когда положено петь великое славословие), вылитый для лавры в 1594 г. Борисом Федоровичем Годуновым, имеющий вес 625 пудов, висящий на середине третьего яруса колокольни.

5. *Перестор* (названный так потому, что при общем звоне забивает другие колокола), или вседневный, вылитый по заказу лавры в Москве в 1780 г., имеющий вес 315 пудов и 28 фунтов, висящий в четвертом, или предпоследнем, ярусе колокольни.

6. *Панихидный* колокол, купленный в Москве в 1796 г., имеющий вес 106 пудов и 25 фунтов, висящий в восточном пролете третьего яруса.

На колокольне находятся большие боевые часы, с циферблатами вверху третьего яруса на все четыре стороны, выбивающие не только часы, но и четверти, сделанные в 1781–1784 гг. одним тульским ружейником.

В нижнем ярусе колокольни устроена в 1855 г. рухлядная палата, разделенная на два этажа.

Нынешняя колокольня поставлена не на месте прежней колокольни, а на месте прежней трапезы. Прежняя колокольня находилась или вплотную у западной стены Духовской церкви, над входом в нее, или же, между Троицким собором и Духовской церковью, но только ближе к последней. Из описи монастыря 1641 г. мы выпишем речи о прежней колокольне с дополнительными речами о всех бывших тогда в лавре колоколах и о бывших тогда в ней башенных часах.

«В Троицком монастыре меж церковей пресвятыя Троицы и Сшествия святого Духа колокольница каменная. А на колокольнице колоколов больших и средних и меньших:

Колокол большой благовестной, стоит вверху, благовестят в него в празднества большие, а сколько в нем пуд весу, не подписано.

Колокол другой благовестной, весу в нем шестьсот двадцать пять пуд, благовестят в полелиостные (т. е. полиелеостные, полиелейные) празднества. – Оба те колокола дачи царя и великого князя Бориса Федоровича всея Руссии (в числе нынешних эти колокола указаны выше под номерами 3 и 4).

Колокол благовестной, долгой язык, слобочкой (из Александровой слободы?), благовестят в него в простые дни – во вторник, в четверг, в субботу.

Колокол чудотворцов (разумеется колокол преподобного Никона), благовестят в него в понедельник, в среду, в пяток.

Колокол застольный (которым братия созывалась в трапезу), стоит в среднем ряду.

На церкви Сшествия святого Духа пять колокол: колокол нефимонной, колокол с очепом, колокол – благовестят в него в государев приход о подъеме с монастыря, колокол всполошной, колокол разшибен, бывал нефимонной.

Да вверху на колоколнице средних колокол: два колокола повсядневные, четыре колокола красного звону, два колокола призывные, симские (пожертвованные кем либо из фамилии Симских?), два колокола зазвонные, восемь колоколов призывных меньших.

Колокол часовой новых больших часов.

Колокол часовой старых часов.

Два колокола перечастные невелики, что стоят у часов на трапезе.

И всего на большой колоколнице и на церкви Сшествия святого Духа и часовых больших и средних и меньших тридцать два колокола».

В монастыре жь трои часы боевые: часы старые, стоят на трапезе (сделаны были в 1556 г., о чем в Кратком летописце монастыря под нашим годом записано: «того же лета зделали у живоначальных Троицы часы большие, а делал те часы диакон старец Тихон Ноугордец»); другие часы новые, большие, деланы во 133 (1631) и во 140 (1632) г., стоят на колоколнице у большого колокола; третьи часы на круглой (Пятницкой или Житничной) башне, у них колокол боевой, да два колокола перечастные».

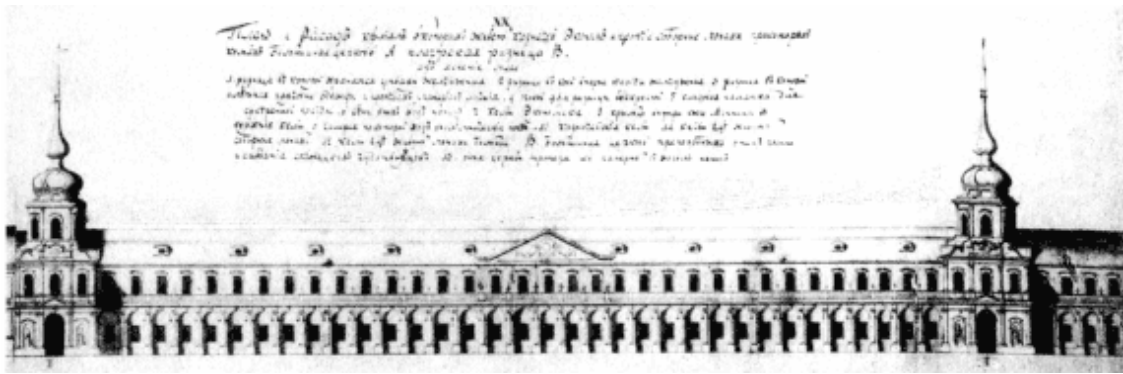
Кроме колокольни во время составления описи еще были колокола – у церкви преподобного Сергия надворотной и у больничной церкви Зосимы и Савватия Соловецких: «У церкви Сергия чудотворца два колокола не велики. У Соловецких чудотворцов колокол благовестной, да четыре колокола зазвонных, все не велики» (на виде лавры XVII в. шатер на церкви Зосимы и Савватия не глухой, как теперь, а с пролетом, в котором повешены колокола. А по книге планов и фасадов 1745 г. колокола повешены на приделке к низу шатра, имеющей вид балкончика иили беседки).

По Краткому описанию лавры, старая колокольня была разобрана в 1738 г., когда собирались приступить к строению новой колокольни. Может быть, описание говорит и правду; но вероятнее предполагать, что старую колокольню разобрали не ранее, как готова была новая колокольня, а это случилось только в 1756 г. (хотя, с другой стороны, могло быть, что старую колокольню разобрали еще до того, как приступили к строению новой потому, что она грозила опасностью падения, каковым именно обстоятельством могло быть вызвано и построение новой колокольни).

Кельи и прочие здания

Преподобный Сергей удалился из мира для монашеского подвижничества в лесную пустыню. В лесу он расчистил полянку и на полянке поставил келью и церковь. Когда явились люди, желавшие жить с ним в пустыне и когда этим желавшим он позволил селиться около себя, то первые кельи поставлены были на расширенной более или менее полянке кое-как, в беспорядке, так что образовавшийся из них монастырек представлял собой беспорядочную слободку. По некотором времени Преподобный Сергей получил возможность придать своему монастырю вид настоящего благоустроенного монастыря, что он и сделал. Заменяв первоначальную маленькую церковь настоящей большой церковью, он расположил кельи вокруг церкви правильным, более или менее тесным, четырехугольником. При этом под монастырь в смысле огороженного стеной пространства он занял очень большую, немного меньшую нынешней, площадь и устроил дело так, что позади келий, между ними и стеной монастыря, расположил здания и постройки служебные, или, так называемые, службы. Этот вид правильного, более или менее тесного вокруг церкви или – так как потом явилась другая церковь – вокруг церквей, четырехугольника келий со службами по ним сохранял монастырь очень долгое время, а именно – до 1556 г. В этом последнем году для расширения площади монастыря вокруг церквей произведено было в отношении к расположению келий преобразование. Восточная линия их четырехугольника отодвинута была от церквей на 40 сажен далее к стене, причем находившиеся за ней конюшни были вынесены вон из монастыря. Южная линия келий, которую некуда было отодвигать, так как она и без того стояла близко к стене, была протянута вдоль по стене до отодвинутой восточной линии. Северная линия, которая по месту также могла бы быть отодвинута, не была отодвинута, а была уничтожена, потому что за ней была братская трапеzia и потому что в том же году за ней были поставлены государевы кельи, т. е. дворец для приездов государя в монастырь. Что касается западной линии келий, то их ряд, состоявший не из обыкновенных монашеских келий, а из келий, имевших служебное назначение и занятых чиновниками, которые заведовали службами (келарская палата и келья келаря, казенная палата и келья казначея, соборная палата, больница), по всей вероятности, протянут был из четырехугольника по всей стене (в направлении к северу) еще до 1556 г.

Таким образом, после преобразования относительно расположения келий, произведенного в 1556 г., внутренняя площадь монастыря около церквей очистилась и все здания его расположились вдоль его стен. После 1556 г. площадь монастыря нисколько не прибавилась, а осталась та же самая, что и прежде, но в отношении к внешнему виду монастырь изменился: прежде с своим тесным четырехугольником келий вокруг церквей и с большими промежутками между кельями и стеной на сторонах восточной и северной он имел вид маленького монастыря с большими задворками; теперь, с отнесением келий к стенам и с очищением внутренней площади около церквей, он получил вид настоящего большого монастыря.

Западная линия келий (фасад)

Из деревянных в каменные кельи начали перестраиваться в 1552 г., когда в западной их линии сложены были каменные больница и келарская (т. е. палата для угощения келарем почетных гостей). После этого та же западная линия превращалась из деревянной в каменную постепенно, история этого превращения остается нам мало известной; а что касается линий южной и восточной, то они сразу сложены были каменными вместо деревянных в 1640 г. Однако и к 1640 г., как увидим сейчас ниже, оставались еще в монастыре в виде исключения и кельи деревянные.

В истории келий, как в истории и всего монастыря, имеет значение осада монастыря поляками: во время осадного сидения кельи, по преимуществу бывшие тогда еще деревянными, были приведены в такое состояние, что, вероятно, чуть не все пришлось перестраивать вновь. Народа собралось в монастырь из его окрестностей, чтобы укрыться от поляков, очень много, так что далеко не хватило для всех помещения, и оставшиеся без помещения создавали себе, по свидетельству Палицына, кущи или лачуги, расхищая деревья и каменья из существовавших зданий («мнози же человецы без покрова суще и расхищаху всяка древета и каменья на создание кушам»). Власти Троицкого монастыря писали царю из осады в конце 1609 г.: «А нам, государь, в осаде теснота и нужда великая: по дрова не выпустят, от келей кровли и задние сени и чуланы сожжены, а ныне жжем житницы» (которые находились в монастыре и о которых сейчас ниже). В 1620 г. для царя Михаила Феодоровича были поставлены в монастыре новые хоромы: это весьма вероятно понимать так, что прежние хоромы царя Ивана Васильевича приведены были в осадное время в такое состояние, что оказывались негодными для жилья.

Опись монастыря 1641 г. подробно перечисляет все находившиеся в нем здания, хотя не всегда точно и не всегда понятно обозначает их местоположение. Мы передадим опись, сопровождая ее частные показания нашими, где можем и где нужно, замечаниями и дополнениями.

«На монастырь взшед, — начинает опись, — с государева приездного дворца, на правой стороне против церквей живоначальные Троицы и пречистые Богородицы Успения хоромы государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси».

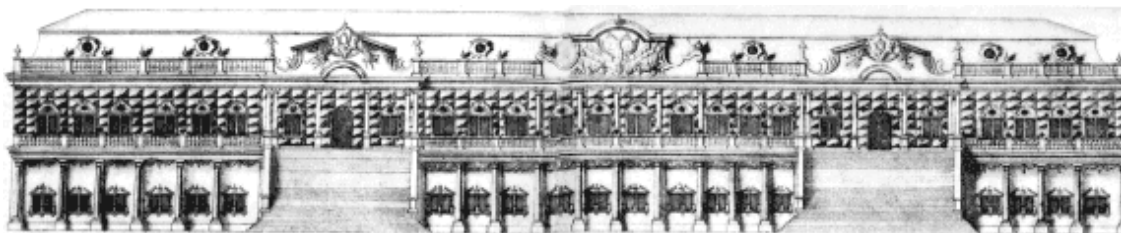
Первый приездный дворец для государей был построен в монастыре при Иване Васильевиче Грозном в 1556 г. одновременно с тем, как произведено было в монастыре преобразование относительно расположения братских келий. Упомянутый в описи дворец не есть тот же дворец Ивана Васильевича Грозного, называемый только именем царствующего государя, а дворец новый, построенный на место дворца Ивана Васильевича в 1620 г. Это дает знать сохранившаяся во вкладной монастырской книге запись под нашим годом, что одна помещица, по фамилии Григорьева, позволила монастырю в своих вотчинах в Переяславском уезде «на государевы хоромы красного лесу высечь 1000 бревен, да на брусье 300 бревен». Дворец, как это видно из сейчас указанной записи и из сличения его с дворцом царицыным, равно как и из его изображения на виде лавры XVII в., был не каменный, а деревянный.

На виде он имеет странную, едва ли соответствующую действительности, форму: поставлены в линию шесть отдельных домиков, каждый со своим особым наружным всходом, над каждым из которых кровля или навес. Судя по числу бревен, высеченных для его построения, следует думать, что он был значительно большей. Указание описи, что дворец находился против Троицкого и Успенского соборов и его местоположение на виде лавры XVII в. дают знать, что он находился на месте донныне существующего Петровского дворца, составляющего главный академический корпус, иначе – что этот последний дворец поставлен потом на его месте (со всей вероятностью следует думать, что дворец был поставлен на месте дворца Ивана Васильевича или, иначе сказать, весьма вероятно думать, что дворцы, начиная с первого из них, занимали одно и то же место; а мнение, что дворец Ивана Васильевича находился на месте теперешней академической столовой, недавно превращенной в столовую из академической библиотеки, ни на чем не основано). На виде лавры XVII в. при дворце показан с юго-восточного угла сад с прудом.

«На другой стороне, на монастырь всшед на лево, против церкви чудотворца Никона, хоромы государыни царицы и великие княгини, да государя царевича, две полаты, промеж их сени каменные».

Были ли поставлены особые государынины хоромы при Иване Васильевиче, не имеем сведений. Место наших хором – левая от входа половина теперешних архиерейских покоев (та половина их, в которой домовая церковь, а восточную половину занимали архимандричьи кельи) и затем галерея трапезы с некоторой, может быть, частью и ее самой (разумея в галерее и в трапезе то, что против церкви, т. е. юго-западный угол). На виде лавры XVII в. хоромы изображены именно так, как описаны в описи, т. е. как две деревянные палаты с каменными сенями между ними (они не с самого края южной линии, на котором стоят архимандричьи кельи, а составляют 3–5 палаты от края). Хоромы стояли не отдельно, а в линии с монашескими кельями южной стороны.

«На левой же стороне на монастырь всшед, вдоль по монастырю, от Водяных ворот с угла, четыре кельи деревянные с сенями архимандрита Ондreja. У архимандричих же келей келья каменная, переделана на двое (разделена на две половины, комнаты), старово дела (т. е. складенная до 1640 г., когда складен корпус), поземные (т. е. одноэтажные, подразумеваются две половины), живут в них архимаричьи сторожи; под каменной ж кельею погреб да ледник».

Царские чертоги (К 1909 г. здание Московской Духовной академии)

Место архимандричьих келий, находившихся с края от Водяных ворот в южной линии келий, есть правая от входа половина теперешних архимандричьих келий или митрополичьих покоев. Так как нет никакого основания предполагать, чтобы настоятельские кельи переносимы были с места на место, то со всей вероятностью надлежит думать, что архимандричьи кельи XVII в. стояли, а правая половина теперешних митрополичьих покоев стоит на месте кельи Преподобного Сергия (что местом воспоминания о явлении Преподобному Сергию Божией Матери избрана Серапионовская палатка, против этого совершенно ничего не может быть сказано, но чтобы на месте палатки находилась келья Преподобного Сергия, это вовсе не может быть признано за вероятное: с какой стати смиреннейший Преподобный Сергей поставил бы свою келью не в ряду других келей, а отдельно от них?). На виде лавры

XVII в. – поземная каменная палата с самого края, а кельи архимандричьи, с дверями и одним окном внизу и тремя окнами вверху, – между ней и царицыными хоромами (а изображены как каменные, без проведения линий для обозначения бревен, или по забвению живописца, или потому, что в случае проведения линий последний не в состоянии был бы отделить их от хором царицыных, которые, как деревянные, тоже с линиями). Позади келий архимандрита, у стены монастырской, были еще небольшие хоромы.

«От полат государя царевича (далее по линии к востоку) келии каменные, деланы ново, – келья камена, переделана на двое, перед нею сени каменные же гостиная. Под гостиными кельи подклети, – в одном живут пешие служки, а в другом подклете живут конные слуги, которым доведетца в монастыре днєвать и ночевать».

Гостиные кельи, как необходимо думать, назначены были для свиты царицы или же для свиты царя и царицы. Место их, как и значительной части дальнейших келий южной линии, занято теперь трапезой с ее церковью. «Деланы ново» – значит, что складены в 1640 г., как и весь южный корпус (равно как и восточные корпуса) келей, о чем в Кратком летописце монастыря читается: «лета 7148 (1640) живоначальные Троица в Сергиеве в монастыре поставлены кельи каменные по обе стороны Святых ворот (т. е. восточная линия) и в поряд от архимаричьих келей (наша южная линия)».

От гостиных келий шли кельи монашеские. Все они были двухэтажные, – верхние кельи и подклеты. Разделялись на пять особых отделений (с пятью особыми крыльцами, как изображено на виде лавры XVII в.). В верхних кельях, во всех пяти отделениях, жили монахи; что касается подклетов, то в подклете первого от гостиных келий отделения жили книжные переплетчики, которые переплетали монастырские книги, в подклете второго отделения жили монахи, а три остальные подклета были пусты.

Поперек монастыря, от Пятницкой башни к Святым воротам, был корпус келий двухэтажный, разделявшийся на четыре особые отделения (с четырьмя крыльцами, как изображено на виде лавры XVII в., причем одно крыльцо служило для вихода и в кельи, и в надворотную церковь). Сзади этого корпуса келий были три кельи деревянные, которые принадлежали (должно со всей вероятностью подразумевать – как частная собственность) тем старцам, против каменных келий которых они находились и о назначении которых говорится, что они для зимнего времени («позади тех келий – каменных, – келья деревянная тех же старцев для зимнего времени»).

Преподобный Сергей разделяет обед свой с медведем

По другую сторону Святых ворот к бывшим житницам, которые расположены были от северо-восточного угла монастыря по северной его стороне, или к Житничной башне, был корпус келий двухэтажный, состоявший из десяти особых отделений, причем дело, как кажется, должно быть понимаемо так, что корпус шедшим по его середине коридором разделялся на две половины: переднюю – на монастырь и заднюю – к стене.

На западной стороне или вдоль западной стены, как мы сказали, шла линия не келий монашеских, за одним и, как нужно думать, случайным исключением, а служб, отчасти, в обыкновенном смысле этого слова, отчасти, в смысле высшем, как ведомств монастырского управления (каковы ведомства келаря и казначея) с кельями самих чиновников заведовавших, отчасти в смысле особенном (ризница, больница).

«От Водяных ворот поперек монастыря (от юга к северу):

Кельи деревянные на подклетех, живут в них старой архиморит Нехтарей (его келейник и два монаха), подклеты стоят пусты».

Эти кельи разумели мы, говоря об исключении; считаем мы исключение случайным, предполагая, что сам Нектарий поставил кельи для себя и что после его смерти они были снесены.

«Против тех келей (архимандрита Нектария) хоромы, изба с комнатой; вверху живет в них резец, в подклетех обогреваюцца пушкари, которые днюют и ночуют (в монастыре)».

Слово «против» в нашем случае значит напротив. Напротив келий, стоявших у Водяных ворот на западной стороне, должны были стоять кельи по другую сторону ворот у южной стены, иначе сказать – при выходе воротами в сад – одни кельи на правой руке у западной сиены, другие – на левой у южной стены, за архимандричьими кельями.

«Подле старого архиморита Нектарьевы кельи – келья тройня, деревянные с сенми, что бывал старой Розряд, поставлен был прежнему келарю старцу Александру Булатникову (который был келарем с 1622 по 1641 г.), а ныне отведены сидеть в них для счетного и сыскного дела.

От тех келей погребы и ледники каменные; на них полата каменная с одного (одна на погребях и на ледниках), а в полате полатки переделаны (переделены, перегороджены): полатка гостиная, полатка, где меды ставят. Позади гостиной полатки кельи деревянные, живет в них чашник старец; против чашниковых келей полатка, живут в них (вис) погребные сторожи».

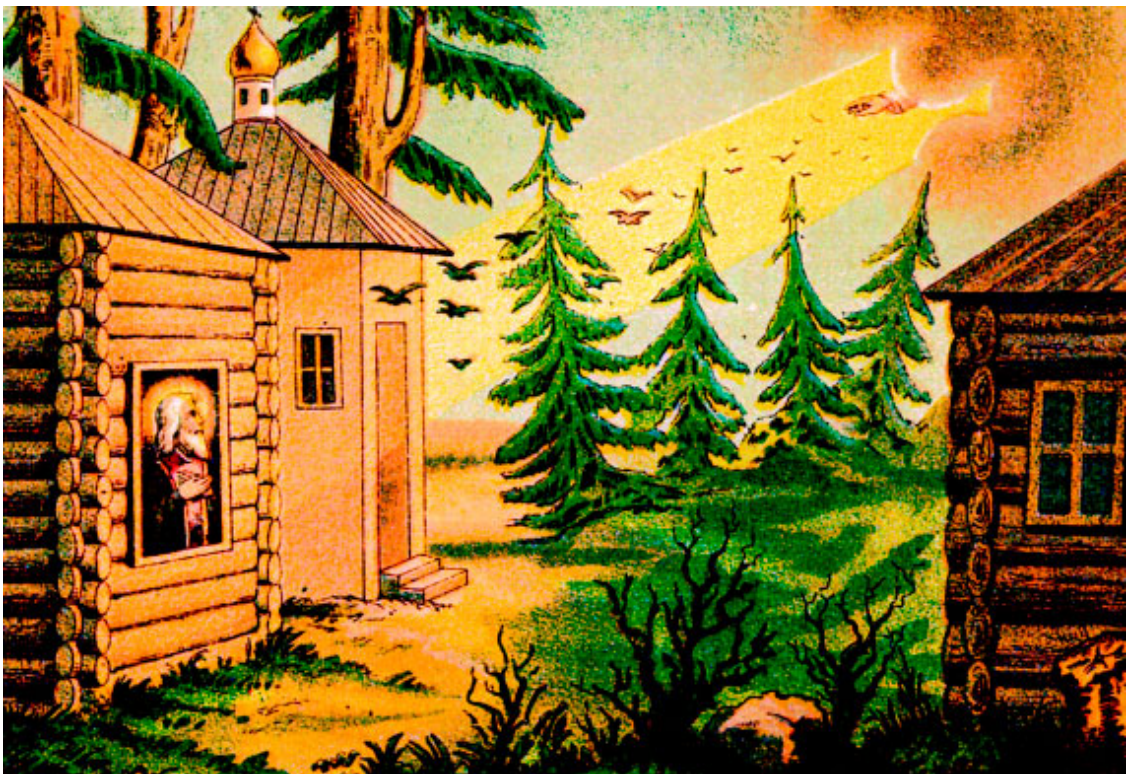
Погреба и ледники были против носившей их имя Погребной (иначе Пивной) башни. Гостиная палатка на погребях, как нужно думать, представляла собой отделение келарской гостиной палаты и служила, вероятно, для угощения в ней чашником, который, состоя под начальством келаря, был непосредственным заведующим погребями, гостей менее знатных. Под палаткой, где меды ставят, вероятно, должно разуместь палатку, в которой меды-питья ставились для выстаивания; если упоминаемая в другом месте палата сытная есть она же, то она будет палатой, в которой меды сытились и оставлялись для выстаивания. Что погребя и ледники не в самой стене, а отдельно от нее, видно из того, что позади гостиной палатки, которая была на погребях, находилась келья чашника.

От того сряду против соборные церкви живоначалные Троицы келья камена, живут в ней понамари (двое), да просвирники (двое). Поверх той кельи полата, а в ней ризная казна.

Подле того сряду кельи каменные, живет в них келарь старец Аврамей Подлесов (с келейником); в подклетех живут келарские сторожи».

После 1641 г. и ризница перестроена, и дальнейшая западная линия келий, так что место келий келаря с уверенностью указать нельзя. Но с большой вероятностью должно полагать, что находящиеся сзади нынешней ризницы приемные архиерейские покои (т. е. покои, назначенные для приезжающих архиереев) занимают место наших келий.

«Подле келаревых келей полаты гостиные, теплая и летняя, словет келарская, да чулан каменной, а в теплой келарской гостиной полате живет старец. А над келарскими полаты сушило каменое; а под келарскою в подклетех масло бьют конопляное».

Видение птиц Преподобным Сергием

«Подле келаревых келей» нужно понимать не в том смысле, чтобы далее от них по линии, а в том смысле, что сзади них. Келарские гостиные палаты были поставлены в самой

монастырской стене. Они начинались в расстоянии пяти сажен от Погребной, или Пивной, башни и имели протяжения или длины двадцать сажен (что келарские гостиные палаты находились в самой стене монастырской, составляя часть нынешних наместничьих келий, это совершенно ясно говорит опись 1641 г. при описании стен и башен, – это совершенно ясно видно из речей Симона Азарьина в новых чудесах о перестройке этих палат в 1643 г., и как находящиеся в стене монастырской они изображены и на виде лавры XVII в.).

Назначение келарских гостиных келей или келарской, как мы говорили выше, состояло в том, чтобы келарь принимал и потчивал в них почетных богомольцев. Этим почетных богомольцев, как нарочно приезжавших, так и проезжавших мимо, было у Троицы всегда очень большое число. Митрополит Иоасаф в своих замечаниях на постановления Стоглавого собора говорит, что в Троицком монастыре «безпрестани гость бывает день и ночь». Относительно второй указанной категории гостей, т. е. проезжавших мимо, иностранцы передают, что никто не проезжал мимо монастыря без того, чтобы не заехать в него, ибо иначе опасались несчастья с собой в дороге. (В 1654 г. был кем-то поднимаем вопрос о сокращении расходов монастыря на проезжих гостей, которых не только в самом монастыре кормили, но и на дороги довольствовались хлебными и рыбными и питейными запасами. Дело доходило до царя Алексея Михайловича, который положил свою резолюцию: «Гостем и всяким проезжим и прохожим людям против чудотворцовы заповеди воздавать достойная честь и всякой покой им, чинить, понеже бо о том великий чудотворец Сергей заповеда учеником своим».)

«От того сряду полата казначейская, где сидит казначей старец Симон (Азарьин) для казенного збору, а в полате и у казны живут (два монаха и два сторожа). А посторонь той полаты полатка с комнотою крепостная (архив крепостных актов на вотчинные владения) и крепостная приказана старцу Исидору Нармо(а)цкому; а перед нею в передней живут казначейские полаты сторожи. А по обе стороны и позади казначейские полаты и поверх – полаты со всякою монастырскою казною; а под полаты погребы каменные».

Казначейская палата находилась в линии нынешних келий, начиная собой линию. Как представлять себе крепостную палату «посторонь» казначейской палаты, т. е. не в ряд с ней, а с боку ее, не совсем ясно. На виде лавры XVII в. спереди линии келий, против того места, где должна быть полагаема в них казначейская палата, стоит башня. Может быть, в этой башне, действительно приходившейся «посторонь» казначейской палаты, и была крепостная палата.

«Подле казенных полат кельи каменные, да назади келья деревянная, живет в них казначей старец Симан, а с ним (келейник и пять старцев). А под теми кельи погреб каменный».

(На виде лавры XVII в. сначала от Троицкого собора надписано: «палата казенная», потом: «келарская палата». Это ошибка: должно быть наоборот).

«От казначейских келей кельи на подклетех пусты».

Полаты соборные, а в них сидят архиморит Ондреен, да келарь старец Аврамей и казначей старец Симон для росправы всяких монастырских дел, а в полате сторожи (двое). Под соборными полатами в подклетех живут оловянишники (один), да с ним живут служебники переменяясь; под полатами погреб каменный.

Под церковию Соловецкими чюдотворцы кельи, живут в них старцы болничные (61 человек); а под болницами погребы каменные. Под церковию Соловецких чюдотворцов полата каменная (невразумительно, как представлять себе взаимное положение погребов и палаты, но речь передается нами верно); от тое полаты в ряд полата же, ставят в ней капусту соленую».

Этим кончается западная подстенная линия зданий (если только уже и палата, в которой ставят капусту, не вне линии).

Далее в описи указываются следующие здания:

«Подле той полаты (предшествующей, в которой ставится капуста) онбар деревяной, в нем стоит городской наряд: пищали полуторные и полковые и тюфяки и иной мелкой наряд».

На место деревянного амбара, неизвестно когда потом, была сложена каменная двухъярусная или двухэтажная оружейная палата. Автор Краткого описания лавры, еще заставший эти палату (разобранную в 1773 г.), определяет ее место позади Смоленской церкви к Каличьей башне и несколько ко дворцу, т. е. с северной стороны Смоленской церкви и несколько впереди ее ко дворцу или к ректорскому академическому корпусу. Можно предполагать, что каменная палата поставлена на месте деревянного амбара. Но вероятнее думать, что она поставлена на другом месте и что амбар был сломан только тогда, когда она была складена. В этом последнем случае амбар нужно будет отодвигать назад, что будет согласоваться и с указанием его места в описи. При позднейшей оружейной палате находилась неизвестно когда складенная двухэтажная келья для монаха оружейного и для его послушания (т. е. как вероятно, мастерской для починки мелкого оружия).

Приписанное в описи в другом месте, но относящееся сюда, читается: «в городе же у Конюшенных ворот тюрьма». Выражение: «в городе» может быть понимаемо двояко: или что в монастыре, или что в монастырской стене. Который смысл оно имеет в нашем случае, нельзя решить. Дальнейших сведений о тюрьме не имеем.

«Против болницы полата каменная, куют в ней кузнецы монастырское всякое железное дело».

Каменная кузница поставлена в монастыре в 1624 г. Краткая летопись монастыря, записавшая об ее поставлении, определяет ее место «за братцкою поварнею», а на месте братской поварни XVII в. стоит Смоленская церковь. Автор Краткого описания лавры указывает место кузницы (разобранной в 1743 г.) также за Смоленской церковью, без указания ее местоположения в отношении к оружейной палате. За Смоленской церковью будет не против больницы, а в бок от нее, и вероятно, что опись несколько грешит против точности.

«Подле кузничной полаты поварня братцкая каменная, посторонь той братцкой поварни – поварни каменные же, стряпают в них в государев приход; у поварен же хлебная изба. Против поварен две кельи деревянные, живут в них поваренной большой старец» (и меньших шестеро)».

Как мы сказали, на месте братской поварни XVII в. находится Смоленская церковь.

«Против соборных полат подле трапезы изба деревяная болшово хлебенно старца (и хлебодара), подле избы онбар с хлебы; против хлебенной избы кельи деревянные, живут в них старцы мукасеи и которые квашни месят и хлебы пекут (17 человек).

Трапеза братцкая с хлебодарнею, под трапезою хлебня и иные службы; на трапезе келья, живет в ней часовник старец».

Трапеза находилась на месте нынешней колокольни, а изба хлебного старца, амбар с хлебами и изба мукосеев и квашников должны быть полагаемы с северной ее стороны, к поварне, на которой они и показаны на виде лавры XVII в. Если часы, стоявшие на трапезе поставлены были на ней с самого начала, то они сделаны были в 1556 г., и следовательно, построение трапезы нужно было бы относить к более раннему времени, каковым вероятным ранним временем был бы 1552 г., когда поставлены каменные больница и келарская.

Старец дает отроку Варфоломею часть просфоры во знамение благодати Божией, научающей разумению

При трапезе была церковь преподобного Михаила Малеина (ангела царя Михаила Федоровича), поставленная (приставленная к трапезе) в 1621 г. В описи читаем об этой церкви при описании других церквей: «Церковь преподобного Михаила Малеина, камня, на подклете, у трапезы, верх и церкви один, глава и крест обиты железом немецким». О самой трапезе при описании церкви сообщается: «Трапеза подписана настенным письмом». (Павел Алеппский в своем описании поездки патриарха Макария в Троицкий монастырь дает знать, что старая трапеза, как и нынешняя, состояла из двух трапез – праздничной и будничной. О праздничной трапезе он говорит, будто она никогда не открывалась, как только в присутствии царя, т. е. будто в ней монахи обедали единственно в те разы, как бывал в монастыре

царь; по его словам, она представляла из себя большую залу, свод которой опирался на столб, стоявший в ее середине, что будет как в Московской Грановитой палате, по подобию которой действительно у нас строились большие залы и по подобию которой в самом Троицком монастыре была построена летняя келарская палата).

Восточная линия келий по правую сторону Святых ворот не доходила до самого северо-восточного угла или до самой северной стены, но кончалась там, где кончается теперь академический инспекторский корпус. Далее к углу и по северной стене до оружейного амбара шли житницы, отчасти монастырские, отчасти служни и крестьянские: «от братских (восточных) келей в угол (северо-восточный) и к Конюшнным воротам монастырские житницы, а от монастырских житниц для всякого обереженья служни и уездных людей житницы и онбары и клети по оружейные онбары».

Пространство, занятое житницами, составляло Житничный двор, который, как можно думать, отгорожен был от монастыря особым забором. Кроме житниц была на дворе келья, в которой жили житничные старцы, и «анбар, идеже приход и росход хлебу писаху», т. е. житничная контора, и потом на дворе же стояла, замешавшись между житницами не совсем понятным образом, палата каменная с пищальным порохом.

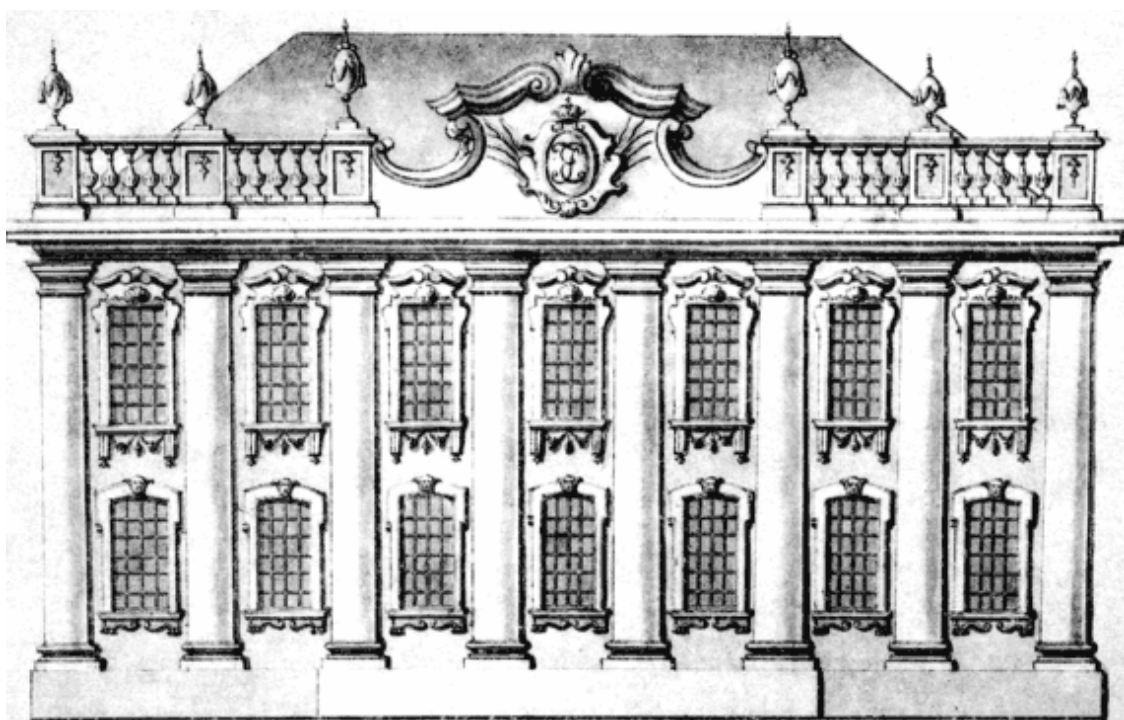
В середине XVII в. оставалась целой житница Преподобного Сергия, т. е., как нужно думать, житница, поставленная преподобным Никоном на месте житницы Преподобного Сергия, сгоревшей в 1408 г., когда монастырь выжжен был татарами. Симон Азарьин в новых чудесах сообщает, что христоробивые люди брали трески (щепочки) от порога или от угла ее на исцеление зубным болезням и всяким скорбям («Житница преподобного чудотворца Сергия и доньне Богом соблюдаема цела на память и на удивление преподобных трудов его, от нее же христоробивии от прага или угла, трески емлюще зубным болезнем и всяким скорбем на исцеление и относятя, в дома своя, благодаря Бога и преподобнаго»).

При построении трапезной церкви была уничтожена и значительная часть южного корпуса келий, остаток от которого представляет собой нынешний Варваринский корпус. В описи лавры 1768 г. он значится имеющим 16 сажен с аршином длины и 7 сажен с полуаршином ширины. Возобновленный после пожара 1746 г. корпус стоял до 1827 г., когда был разобран и когда на его месте поставлен был новый корпус. В 1840 г. новый корпус горел и был возобновлен. Прежде чем называться по церкви Варваринским, корпус назывался Донским (и просто Доном: в архиве лаврском есть дело о вырытии в 1811 г. кладезя против Дону, т. е. этого корпуса, и трапезного алтаря). Отчего корпус назывался Донским, сказать не можем. (Может быть, оттого, что он был под горой, на низу, в каковом значении употребляется выражение «на Дону», в Словаре Даля; может потому, что он был ссыльным корпусом для монахов худых нравов, представлявших собой своего рода Донское казачество). В 1892 г. кроме Варваринской церкви в нем помещались: в верхнем этаже братская больница, в нижнем этаже – монастырская аптека и больница для странников и вообще людей сторонних.

Восточная линия келий горела в пожар 1746 г. и была возобновлена после него, как и остальные линии. Затем – южная половина этой линии, от Пятницкой башни до Святых ворот (называемая теперь Предтеченской) «была возобновлена с лучшим против прежнего расположением» в продолжение 1820–1821 гг., а южная половина северной половины (сколько ее теперь принадлежит монастырю) была с основания перестроена в 1816 г... Другая, северная, половина северной половины линии отошла в 1814 г. к академии – это инспекторский академический корпус. Эта половина линии, отошедшая к академии, во второй половине XVIII в. носила название келарских келий. Происхождение названия необходимо объяснять так, что келари жили в этой половине линии перед уничтожением их должности в 1764 г... Вероятно, из западного корпуса келий они перешли в восточный корпус в 1733 г., когда учреждена была должность наместника и когда наместники заняли под свое жилье бывшие кельи. Поперечные стенки в Успенских воротах от стены монастырской к корпусам

келий для заграждения задних дворов и сторожка в воротах сделаны в 1783 г., а когда сделана находящаяся против сторожки зимняя лавка для продажи деревянного масла и икон, не имеем сведений.

На западной стороне монастыря после 1641 г. явился новый корпус келий, это – корпус, который приложен к монастырской стене на протяжении от старой Водяной, а теперешней Соляной, башни до бывшей Пивной башни (летних наместничьих покоев) и который теперь называется Певческим. Корпус складен в два приема в продолжение 1781–1783 гг. На протяжении 34 сажень, начиная от Водяной башни и до старой стройки, состоявшей из погребов и ледников с палатой наверху их, он складен или приложен был к стене в 1781 г. Затем, эта упомянутая старая стройка была разобрана, и в 1783, а может быть – и 1782 г., вместо нее сделана прикладка к корпусу «под одно с ним лицо», или он еще был протянут по стене на 9 сажень, так что всего составилось 43 сажени. Корпус складен был с тем назначением, чтобы перевести в него на житье соборных певчих, прежнее помещение которых предполагалось к уничтожению.

Ружейная палата

Вместо ризничной палаты 1641 г. в 1782 г. был возведен новый, существующий до настоящего времени, ризничный корпус. В Лаврском архиве есть большое и любопытное дело о построении новой ризницы (1780), но, к сожалению, не во всем совершенно понятное без плана, который должен был при нем находиться, но которого при нем нет. Павел Алеппский говорит о старой ризнице, что в середине трапезы Троицкого собора была потайная в нее дверь, не объясняя, в чем состояла эта потайность. Дело объясняет, что ход из трапезы собора в ризницу, «самой узкой и неспособной», состоявший «из малой двери» и после построения новой ризницы заделанный, находился «вверху» и вел прямо в ризницу без лестницы к последней, находившейся во втором этаже, из ее нижнего этажа или из наружного крыльца. Должно понимать это таким образом, что в трапезе Троицкого собора, вверху западной ее стены, под сводом, была сделана малая дверь, к которой всходила по приставной лестнице, – когда нужно приставлявшейся и когда не нужно отставлявшейся, – что от этой двери сделан был глухой висячий переход прямо к ризнице, т. е. ко второму этажу, и что таким образом хода в ризницу не было видно ни из трапезы собора, ни снаружи, что в пер-

вом случае нельзя было проникнуть в дверь без приставной лестницы (которая могла быть убираема), а во втором случае – без разломки стен прохода. О местности старой и новой ризницы говорится в деле, что она «есть косогористое, а особливо с западной и южной стороны». Между старой ризницей и трапезой Троицкого собора, расстояние между которыми было пять аршин, находился естественный или, может быть, искусственный, ров, имевший глубину в северном конце два аршина, и в южном конце три аршина с половиной, и ход в усыпальные палатки, которые под трапезой собора, был с запада, из этого рва. К 1782 г. ризница состояла не из одной палаты, как в 1641 г., а из нескольких соединенных между собой палат или флигелей, именно, начиная с севера – флигеля, в верхнем этаже которого жил эконом, а в нижнем – ризничий, трех палат ризничных с находившимися под ними кельями и чуланами пономарей и нежилыми палатками, из которых одна, находившаяся под боковой или сбоку на задней стороне пристроенной ризничной палатой, давая знать о местности, называлась палаткой «на песках», и флигель, в котором жили певчие.

Все эти флигеля и палаты были соединены между собой «неровно», выдаваясь один из-за другого и одна из-за другой то в одну, то в другую сторону и имели окна не на одной высоте, так что весь этот корпус «делал Троицкому собору великое безобразие». Из трапезы собора были два хода в кельи ризничего и пономарей с двумя дверями в стене трапезы. Ходы эти, «примыкаясь к трапезе (как-то) неровно, (так же) делали собору великое безобразие». Вместе со всем этим безобразием корпус пришел от давнего построения в совершенную ветхость и стал небезопасен к падению. По обоим причинам и решено было построить новую ризницу вместо старой, постройка которой, как мы сказали, произведена была летом 1782 г.

В 1641 г. «сряду» от ризницы находились или вплотную к ней примыкали кельи келаря. Это те кельи, в которых перед 1782 г. жили экономы и которые сломаны со всем ризничным корпусом. В нынешнем ризничном корпусе на месте бывших келарских-экономских келий находятся кельи запасные архиерейские, именно – назначенные для помещения приезжающих в лавру архиереев. Жили ли экономы то или другое время в этих новых кельях или же они на постоянно переселились в нынешнее свое помещение, находящееся в верхнем этаже корпуса, что между Святыми и Успенскими воротами, перед сломкой старого ризничного корпуса, сказать не можем.

В 1641 г. сзади келаревых келий в монастырской стене, на протяжении 20 сажен от Пивной, или Погребной, башни, находились келарские гостиные палаты. Это – нынешние наместничьи кельи с сенями перед ними и канцелярией Духовного собора. Должность наместника в лавре учреждена в 1733 г. Так как на него вместо келаря была возложена обязанность принимать и угощать почетных богомольцев, то нужно думать, что он поселился в кельях келаря, а что келарь тогда перешел в северо-восточный корпус, получивший от его житья в нем название келарского. Когда наместник перешел на житье в келарские палаты, а его место в келаревых кельях занял эконом, сказать не можем, но вероятно – в 1764 г., когда учреждена была должность эконома в лавре и были отобраны от нее вотчины, или вскоре после этого года. Лишенная вотчин и посаженная на казенное жалованье (штаты), в расписании которого на прием гостей была ассигнована ничтожная сумма («общее властям для приезжих и праздников и на рыбу братии 500 рублей»), лавра, вероятно, сразу же и прекратила денно-нощный и роскошный прием гостей, так что келарские палаты стали ненужными для их прежней цели. Келарских палат, представлявших из себя большие залы, было две: зимняя, теплая и летняя, холодная, а между ними было келарское крыльцо – выступивший несколько из стены наружу (от чего и название: крыльцо) проход между палатами и вдававшийся внутрь между ними с внутренней стороны, длиной около трех саженей. В настоящее время зимняя келарская палата с келарским крыльцом составляет жилище наместника, причем крыльцо расширено против прежнего через пристройку с внутренней стороны или со стороны монастыря между палатами продольной стены, захватившей то

пространство, на которое вдавалось крыльцо внутрь между палатами. А летняя келарская палата теперь разделена стеной на две половины, из которых одна составляет сени к кельям наместника, а другая – канцелярию Духовного собора. Когда увеличено было крыльцо и поделена была палата надвое, точным образом остается неизвестным. Относительно помещения Учрежденного собора, на которое предполагалось было обменять наместничьи кельи, в деле 1828 г. говорится: «по ветхости наместничьих келлий ныне занимаемых переделать Учрежденный собор от кладовой отца казначее до парадной лестницы, что под башней, для келлий наместнических с тем, чтобы башню разобрать». Может быть, келарская палата переделана надвое в 1843 г., когда настроено было над ней помещение для живописной, переделана с той целью, чтобы поперечной, проведенной в ней стеной придать большую крепость ее сводам, очутившимся под полом живописной. Примыкавшая к келарским палатам с юга Пивная башня обращена была в жилое помещение в виде летних наместничьих келий, и эти летние наместничьи кельи упоминаются под 1780 г.

О перестройках западной линии келий, начиная от ризницы, в Кратком описании лавры читаем: «В 1742 г. декабря 8 дня имянным ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Петровны указом, данным бывшему лаврскому настоятелю архимандриту Кириллу, велено линию начиная от церкви святыя Троицы и больничную церковь по усмотрению и рассуждению как наилучше перестроить. По силе которого ее императорского величества повеления та линия называемая Казначейская, в последовавшие потом 1743, 1744 и 1745 г., при настоятеле обители преосвященном Арсении перестроена. В них окна и двери прибавлены в свету и приведены в надлежащий вид. При них на восточную сторону сделана на каменных столбах с сводами во всю линию галерея, а в том месте, где она кончится, для хода, в наместничьи, казначейские и экономские кельи у крыльца сделана каменная башня. В 1746 г. мая 17 был великий пожар, который зачался сперва в доме лаврского слуги Варлаамова и от которого как на ограде деревянная кровля с кровлями башенными, так и все братские кельи, что в них было деревянного, погорели. После сего случая те кельи возобновлены и приведены уже в надлежащий и порядочный но архитектуре вид и в них окна в стену прибавлены, а с наружи на монастырь сделаны галереи деревянные на каменных столбах».

После того как Елизавета Петровна повелела «как наилучше перестроить» западную линию келий, ей подан был на усмотрение проект перестройки. По проекту, почему-то не вполне осуществленному, предполагалось поставить башни на обоих концах линии, и башни несколько иной, более нарядной формы, чем существующая. Вход в наместничьи и прочие кельи до башни был рядом башней с южной стороны, прямо против северо-западного угла северной паперти Троицкого собора. Экономские кельи, которые упоминаются вместе с наместничьими и казначейскими кельями, как видно из сказанного выше, действительно, были в этой линии келий, в ризничном корпусе, сзади, по длине самой ризницы. Относительно крылец со всей вероятностью нужно думать, что на всю линию было одно крыльцо и что частнейшие входы в кельи были с галереи, а именно – представлять себе дело так, что первоначально у этой линии келий, так же как у южной и восточной, были наружные крыльца, когда отломаны были эти крыльца, то не сделано было внутренних лестниц, а сделана была галерея, заменившая крыльца, а на галерею сделан один общий ход. С галереей во всю длину линия оставалась до 1820 г. В продолжение 1820 и 1821 гг. она была возобновлена, причем галерея была уничтожена, а для входа в келии были сделаны внутренние лестницы, и причем линия получила тот простейший вид, который она имеет в настоящее время (в издании Краткого описания 1818 г. читаем слова: «в сем состоянии они и до ныне пребывают»), а в издании 1824 г. этих слов уже нет. В издании 1818 г., как и предшествующих, говорится, что башня служила для хода в наместничьи, казначейские и экономские кельи, а в издании 1824 г., что только в наместничьи келии, чем и дается знать, что для хода в казначейские кельи сделана внутренняя лестница. Упоминание об экономских кельях в 1818 г.

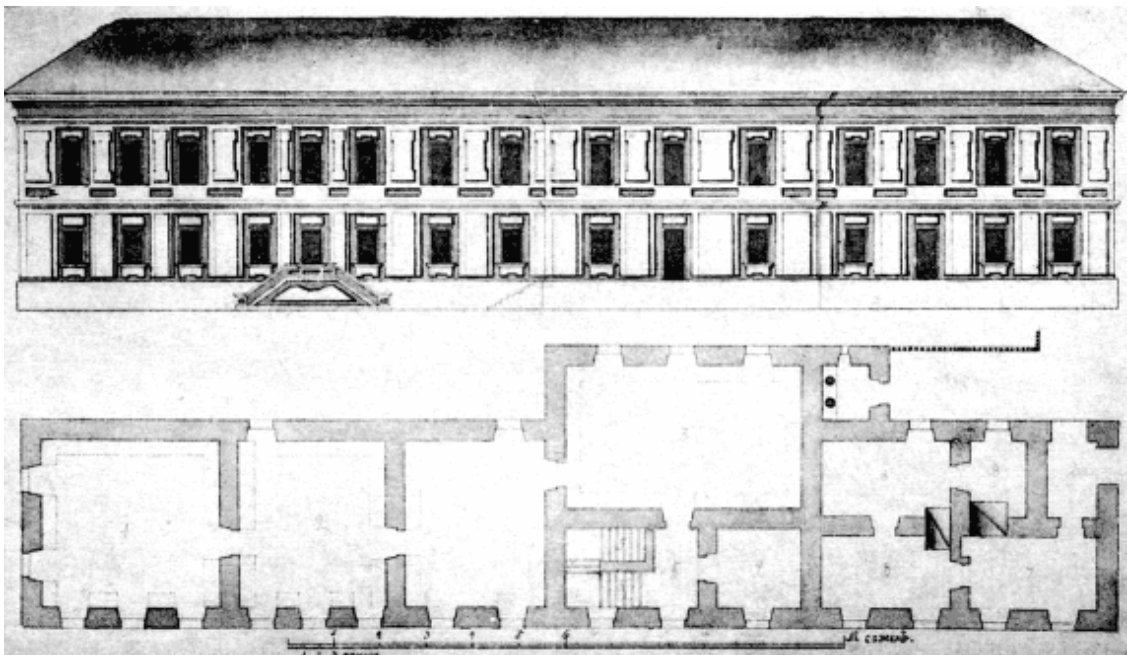
и неупоминание в 1824 г., может быть, должно быть понимаемо так, что в этом временном промежутке экономы переселились с прежнего места на нынешнее. Что касается нынешнего простейшего вида западной линии келий, то, нужно думать, к нему относятся слова митрополит Филарета в письме к наместнику Антонию от 31 декабря 1861 г. по поводу одного, предполагавшегося наместником, долга: «и я не хвалил предшественников, что ввели лавру в долг, чтобы изуродовать западный корпус келий». В 1843 г., как мы упоминали, надстроено над Учрежденным собором и над сенями наместничьих келий нынешнее помещение иконописной, а в продолжение 1858–1859 г. над казначейским корпусом келий надкладен третий этаж.

Прежняя трапеза со всеми окружавшими ее кельями и строениями, за исключением поварни, была разобрана вскоре после построения нынешней трапезы, церковь которой была освящена 24 июля 1692 г. Оставленная поварня обращена была в служную поварню (которая до тех пор была под келарскими гостиными палатами), а в 1735 г. в ней устроена была церковь Смоленской Божией Матери. Поварня государева, находившаяся посторонь братской поварни, если не была разобрана, когда в конце первой четверти XVIII в. построен был новый каменный дворец, что ныне ректорский академический корпус, то по всей вероятности была разобрана, когда в 1735 г. из братской поварни была устроена Смоленская церковь, ибо, находясь посторонь церкви, она находилась бы вовсе не на месте.

Замощение камнем дорог в монастыре начато было (и, может быть, в один прием и произведено было) в 1784 г.

Ризница

Ризница Троицкого монастыря, насколько есть в ней предметов дорогих и драгоценных (насколько она есть ризница, так сказать, праздничная), составила подобно ризницам других монастырей наибольшей частью из приношений и вкладов. Естественно, что в монастырь самый почитаемый, каков был и есть Троицкий, и вклады были делаемы и делаются самые богатые. А по этой причине совершенно естественно, что и ризница монастыря, составлявшаяся из таковых вкладов в продолжение пяти столетий, представляет богатство необыкновенное. Груды золота и серебра, масса драгоценных камней и жемчуга, самые дорогие, какие только могли быть приготовляемы и приобретаемы, материи, возможно совершенные образцы вышивательного (золотошвейного) искусства, – вот перед чем невольно разбегаются глаза у обозревателя ризницы и при созерцании чего вырываются невольные восклицания удивления. Но должно быть еще принимаемо, что старая ризница сохранилась до нас не в совершенной своей целости. Кроме того, что иное обветшало, иное переделано, иное по приказанию высшего начальства отдано в другие места, существуют основания допускать еще отдел иного, которое при стечении несчастных обстоятельств и без всяких обстоятельств было расхищено.

План и фасад ризницы

Впрочем, самым дорогим почитаются в ризнице священные предметы, остающиеся от преподобных Сергия и Никона:

1. *Деревянные богослужebные сосуды преподобного Сергия*, именно – потир, дискос и проскомидийное блюдо. Окрашены красной краской; на потире – изображение Спасителя с Божией Матерью и Предтечей и на противоположной стороне от этого изображения – крест с тростью и копьем; на дискосе изображение агнца в виде младенца, лежащего в чаше и осеняемого двумя ангелами, с надписью кругом: «придите и ядите, се есть тело Мое, еже за вы ломимое Нового Завета во оставление грехов»; на блюде изображение Знамени Божией Матери. Поддон потира расколот, а дискос не имеет поддона или подставки и представляет собой просто маленькую тарелку.

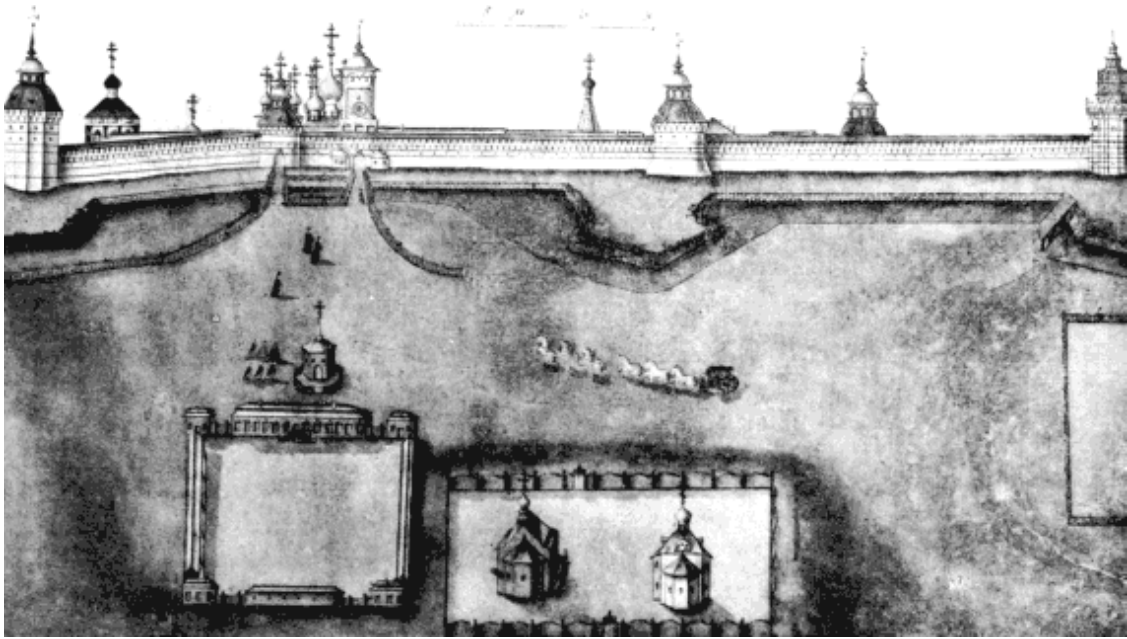
2. *Деревянные богослужебные сосуды преподобного Никона* – те же самые, что и преподобного Сергия. Во всем похожи на последние, за исключением того, что по краям потира читается надпись: «пити от нее, се есть кровь Моя Нового Завета во оставление грехов».

3. *Богослужебная священническая риза Преподобного Сергия*. Из бумажной темно-цветной нетонкой ткани; крестик под оплечьем и звезда на подоле крашенинные. В описи монастыря 1641 г. упоминается, но не описывается.

4. *Богослужебная священническая риза преподобного Никона*. Из белой камки (шелковой цветной материи), с оплечьем и крестом парчовыми. В описи 1641 г. описывается: «риза чудотворца Никона, камка бела, ветха, оплечье камка червчата (красная) с золотом и серебром и с шелки, кружево шито золотом и серебром».

5. *Крест, присланный Преподобному Сергию Константинопольским патриархом Филофеем*. Воздвизальный или напрестольный, восьмиконечный, с более длинной, чем у нас теперь делается, рукоятью или частью продольного дерева под подножием, деревянный, обложенный золотом и украшенный драгоценными камнями. На задней стороне читается надпись конца XVI – начала XVII в., к которому относится и оклад: «Сии стый крт прислал стеишии патриарх Цриграда кир Филофей, вселенский учител, свое блгословение к прпбно-моу игумену Троецкому Сергию чудотворцу в дни блгочтива и велика князя Дмитрия Ивановича всея Русия и стеишаго Алеаия чудотворца, митрополита Киевско и всея Русия, на блгословение самодрьцу, гдрю всеа Руси, великому кнзю и его блговерным кнзм и всем православным христианом». Под этой надписью, сделанной чернью, нацарапано острым оружием: «делал Андреко (Андрейко) Петров Измалов (Измайлов)». В описи монастыря 1641 г. об этом кресте читаем: «Крест воздвизальной, животворящее древо (т. е. с частью в нем животворящего древа), обложен золотом, чеканен; сзади подпись, что прислал цареградской патриарх Филофей».

6. *Служебник*, усвояемый преподобному Никону, но на самом деле принадлежавший Преподобному Сергию, пергаменный, в 12 долю листа, мелкого уставного письма, содержащий литургии Иоанна Златоуста, Василия Великого и преждеосвященных даров с началом последования святых богоявлений (далее еще следуют молитвы святого причащения, но на бумаге и позднейшего, – XVI в., письма), написанный в 1381–1382 гг. (как это видно из поминовения князей на первой ектении, ибо поминается князь Иван, сын князя Серпуховского, а вместе и Радонежского, Владимира Андреевича Храброго, родившийся весной 1381 г., и не поминается князь Андрей, сын великого князя Дмитрия Ивановича, родившийся 14 августа 1382 г.).

Вид на лавру с восточной стороны. Из Альбома 1745 г.

7. *Евангелие преподобного Никона*, так называемое тетр (греческое слово, по-русски значащее: четверо, с подразумеваемым: евангелие – четвероевангелие), т. е. содержащее всех евангелистов вполне, а не избор только из них богослужебных чтений (что называлось евангелием апракос), пергаменное, в 8 долю листа, писанное мелким уставом, с позднейшей надписью: «Евангелие четвертное, на харатье, Никона чудотворца. А не отдати его никому».

8. *Кадило преподобного Никона*, серебряное, позолоченное, четырехугольное, имеющее вид церкви, с вычеканенным на передней стороне его деисусом (Спаситель, Божия Мать и Иоанн Предтеча), а на прочих сторонах – апостолами, весом в два фунта; на нем надпись: «В лето 6913 (1405) сие кадило создано бы к стей Трци замышленьем игуменом Никоном (т. е. замышлением игумена Никона), при блговерном князи великом Васильи Дмитре(евиче)». В старое время при встречах приезжавших в монастырь государей обыкновенно употребляли это кадило преподобного Никона: «встречают государя во святых вратех архимандрит со крестом, а большой диакон с кадилом с Никоновским».

9. *Кожаные сандалии преподобного Сергия*, в которых он был погребен и которые при изнесении мощей его из земли, после 30-летнего нахождения в последней, оказались совершенно не поврежденными; по внешнему виду или по форме они суть остроносые и мелкие туфли или башмаки; каждая из одного или из цельного куска довольно толстой и жесткой кожи; дратва или вервь, которой они сшиты были, пропала, так что теперь они с распавшимися швами.

Богослужебные принадлежности и вообще священные предметы, хранящиеся в ризнице и именно составляющие часть ризницы дорогую и драгоценную, подлежащую обозрению и заслуживающую такового, по классам суть следующие:

I. Напрестольные (воздвизальные) кресты, украшенные золотом и серебром, жемчугом и драгоценными камнями и отчасти сделанные при этом из материала какого-либо особенного.

Нарочито могут быть указаны:

1. *Крест золотой*, с мощами святых, украшенный бурмицкими зернами (крупным жемчугом) и драгоценными камнями, пожертвованный, как видно из надписи, вычеканенной на нем ниже подножия, в 1678 г. царевной Ириной Михайловной.

2. *Крест из восточного хрусталя*, с изображением Распятия, Божией Матери и Иоанна Богослова, украшенный двумя яхонтами, с серебряной ручкой. Во вкладной книге об этом

кресте записано: «7126 (1618) г. князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой дал вкладу по матери своей княгине инокине Капителине, да по брате своем князе Меркурье, да по жене своей княгине Марье, крест благословенной (т. е. благословящий) хрустален, с камнем с яхонты, по цене за 100 рублей». 100 рублей 1618 г. на наши теперешние деньги будут 1400 рублей. Сам князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой погребен в лавре.

3. *Крест императора Юстиниана*, о котором в теперешней официальной лаврской описи так пишется: «Крест деревянный резной из жезла Моисеева, греческой работы, обложен местами сканным золотом, на нем резные изображения: Распятие Господне, Господские праздники. Рукоять обложена позлащенным серебром. Во влагалище вкладывается слюда, обложенная сребропозлащенной рамкой с резной надписью: «Сей крест великого Устиниана царя составлен от чудотворного Моисеева жезла, им же преjde море из Египетской земли и отдал его царь Устиниан в Синайскую гору в монастырь мученицы Екатерины, идеже лежат мощи ее во дни пятого собора и оттуду принес Дионисий митрополит Ираклийский лета 7132». Сей крест из жезла Моисеева устроен царем Иустинианом в 545 г. и отдан им в Синайскую гору в монастырь великомученицы Екатерины 553 г., оттуда Ираклийский митрополит Дионисий принес его в Москву в 1624 г., а княгиня Соломанида Мезецкая пожертвовала его в лавру 1634 г. декабря в 26-й день».

II. Евангелия на престольные, обложенные и украшенные так же, как кресты.

Нарочито могут быть указаны:

1. *Евангелие вместе с апостолом*, так называемое апракос, или представляющее дневные чтения из Евангелия и Апостола по церковному порядку, писанное на пергамене, в лист, XII–XIII в., обложенное серебром, с следующей надписью, вычеканенной на верхней доске оклада: «В лето 6852 (1344) месяца декабря осьмыйнадесять, день, на намять святого мученика Севастиана, создано бысть евангелие се (т. е. оклад на Евангелие, которое само более древнего времени) благоверным князем великим Семеоном Ивановичем».

2. *Евангелие в лист*, писанное на пергамене, оболоченное бархатом, по верхней доске обложенное золоченым серебром, имеющее ту особенность, что три обреза его, для предохранения от пыли, закрыты приделанными к доскам (в позднейшее против самого оклада время) пластинками, также серебряными золочеными. По краям оклада находится следующая надпись: [«В ле. 6900. мр. индикта 31 (число относится не к индикту, а к месяцу) окловано бы еие се при велицем князе Васльи Дмитриевич всее Рус. при пресвщм. Киприан. митрополит Киевском всея Ру. повеленьем ра. Бья (раба Божия) Федора Андреевич»]. Под Феодором Андреевичем, который в 1392 г. приказал оковать это Евангелие, должно разуместь одного из двух тогдашних московских бояр, носивших это имя, – или Федора Андреевича Кошку, сына Андрея Кобылы, родоначальника Романовых, или Федора Андреевича Свибла, но которого именно остается неизвестным.

3. *Евангелие печатное*, обложенное золотом, украшенное лалами, изумрудами, яхонтами, алмазами и бурмицкими зернами, данное в монастырь в 1632 г. царем Михаилом Федоровичем и его отцом патриархом Филаретом.

4. *Евангелие печатное*, сверху обложенное золотом, снизу позолоченным серебром, украшенное яхонтами и изумрудами, данное в монастырь после 1633 г. боярином Никитой Ивановичем Романовым.

III. Богослужебные сосуды, золотые и серебряные, а отчасти и из особого материала, украшенные драгоценными камнями и жемчугом.

Могут быть нарочито указаны:

1. *Потир из рудожелтого мрамора*, обложенный золотом и с золотым поддоном. На нем вверху, по краю чаши надпись: [«Пиите от нее вси, се есть кровь Моя Нового завета, иже за вы и за многие изливаемая во оставление грехов. Милосердьем Вседержителя истинного Ба в иера (?) в манастыр прд», т. е. преподоб., продолжение надписи в верхней части

поддона в восьми клеймах: «нного отца нашего игумена Серьги создан бысть хрлюбивым великим кнзем Васильем Васильевичем си потирь в црквь стую Трцю в лето, 6957=1449]. Внизу на поддоне: «А делал Иван Фомин».

В описи монастыря 1641 г. об этом потире читаем: «потир камен, аспид чюбар, окован золотом, а на потире дирка, а для того у него вставлена чаша золота».

2. *Сосуды золотые с принадлежностями*, украшенные драгоценными камнями, весом в 6 фунтов, данные, как видно из надписи на них, Борисом Федоровичем Годуновым в 1597 г.

3. *Сосуды золотые*, данные в 1644 г. по думном дьяке Иване Тарасовиче Курбатове Грамотине, знаменитом, но далеко не безупречной репутации, дельце своего времени (который т в 1648 г. и погребен в Троицком монастыре, сделав очень много вкладов в монастырь).

4. *Сосуды золотые*, так называемой сканной работы, украшенные бриллиантами, устроенные митрополитом Платоном в 1788 г.

5. *Сосуды золотые с принадлежностями*, украшенные алмазами и антиками, пожалованные императрицей Екатериной Великой в 1795 г.

IV. Воздухи и покровы на богослужебные сосуды из дорогих материй, с вышитыми на них изображениями, украшенные драгоценными камнями и жемчугом.

Воздух и покровы из красного штофа, украшенные жемчугом и драгоценными камнями, – вклад царя Михаила Федоровича.

Воздух и покровы из золотой парчи, украшенные жемчугом и драгоценными камнями, – вклад царя Федора Алексеевича 1677 г.

V. Одежды на престол и жертвенник, представляющие относительно материала и украшений то же, что воздухи.

Одежда на престол, из золотого глазета, со всех сторон низанная жемчугом, которого на ней более 8 фунтов, и украшенная драгоценными камнями, устроенная митрополитом Платоном в 1795 г.

Перед этой великолепнейшей одеждой должно на минуту остановиться.

Одежда на жертвенник, из малинового бархата, низанная жемчугом, которого на ней около 2 фунтов, и по местам украшенная камнями, устроенная митрополитом Платоном в том же 1795 г.

VI. Иконы в ризах золотых и серебряных золоченых, украшенных жемчугом и драгоценными камнями.

Икон в лаврской ризнице, отчасти и больших размерами, или местных (иконостасных), главным же образом – малых размером, моленных или молебных (какие обыкновенно употребляются в домах для моления), можно сказать – целая масса (если позволительно в данном случае так выразиться): не только наставлены ими целые шкафы, но еще расставлены они по верхам чуть не всех шкафов ризницы. Все это огромное собрание икон образовалось, с одной стороны, – из келейных икон, остававшихся после умерших монахов, а с другой стороны, – из прикладов в монастырь по сторонним лицам, погребенным в нем. Икон, богато украшенных, которые стоят в ризнице отдельными (так сказать) коллекциями, очень немало.

Весьма желательно, чтобы иконы были разобраны знающим человеком и чтобы замечательные между ними, – сами по себе или по своим окладам или по лицам, которым принадлежали, были отобраны.

VII. Панагии, украшенные драгоценными камнями и жемчугом.

Нарочито могут быть указаны:

1. *Панагия*, пожалованная в 1734 г. императрицей Анной Иоанновной бывшему ее духовником архимандриту лавры Варлааму с изображением Тайной Вечери, под которой читается немецкая подпись, украшенная алмазами: кровь Иисуса Христа, Сына Божия, освобождает нас от всех грехов.

2. *Панагия*, пожалованная императрицей Елизаветой Петровной архиепископу Переяславскому (1744–1752) и вместе архимандриту лавры Арсению Могилянскому, с изображением на финифти – на одной стороне нерукотворенного образа Спасителя, а на другой стороне Божией Матери, с портретом государыни на задней стороне подвески под нее, украшенная драгоценными камнями.

3. *Панагия*, устроенная митрополитом Платоном из агата, на котором естественной игрой природы изображены Распятие и молящийся перед ним на коленях человек, осыпанная бриллиантами и жемчугом (и у которой на задней стороне вырезана надпись: Панагия из нерукотворенного камня, собственным иждивением архиепископа Платона).

4. *Панагия*, пожалованная императрицей Марией Александровной митрополиту Филарету, золотая, в виде креста, с изображением Знамени Божией Матери на сердолике, вставленном в ее середину, украшенная бриллиантами и изумрудами.

VIII. Митры, украшенные золотыми дробницами (пластинками четырехугольно-продолговатой или круглой формы), жемчугом и драгоценными камнями.

Нарочито могут быть указаны:

1. *Митра*, украшенная по червчатому бархату золотыми дробницами с изображениями святых, – вклад царя Бориса Федоровича Годунова.

2. *Митра*, низанная жемчугом по серебряной, вызолоченной доске, украшенная драгоценными камнями, из коих один рубин оценен в 20 тысяч рублей, – пожалованная в монастырь императрицей Анной Иоанновной.

3. *Митра*, низанная жемчугом и драгоценными камнями по золотому глазету, пожалованная императрицей Елизаветой Петровной в 1744 г.

IX. Богослужебные ризы с принадлежностями, из дорогих материй, украшенные жемчугом и драгоценными камнями.

Нарочито могут быть указаны:

1. *Ризы из серебряной парчи по малиновой земле*, с оплечьем, украшенным жемчугом и драгоценными камнями, устроенные императрицей Анной Иоанновной.

2. *Ризы из золотой парчи по малиновой земле*, имеющие оплечье, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, устроенные из убора великой княжны Екатерины Иоанновны, сестры императрицы Анны Иоанновны, с добавлением украшений с прежних лаврских риз.

3. *Ризы из пунцового бархата*, низанные жемчугом, с крестом на оплечье и другими украшениями из драгоценных камней, устроенные императрицей Екатериной Великой и в отношении к украшениям, так сказать, доустроенные в лавре, через перенесение на них некоторой части первых с прежних риз.

Много риз и стихарей, епитрахилей и поручей, низанных жемчугом, взято было из Троицкого монастыря для раздачи по разным местам в 1645 г.

X. Покровы на раку Преподобного Сергия, большей частью с его изображением во весь росе, шитые золотом, серебром и шелками и иногда украшенные жемчугом, а также покровы на раку преподобного Никона.

Старший из покровов на раку преподобного Сергия, приложенных государями, усвоится преданием великому князю Василию Дмитриевичу. Так как мощи Преподобного Сергия открыты (изнесены из земли) 5 июля 1422 г., а великий князь Василий Дмитриевич скончался 27 февраля 1424 г., то из сего следует, что покров, на котором вышито шелками и золотом изображение Преподобного Сергия, начал изготавливаться тотчас же по открытии мощей и что он был возложен на раку с мощами в самом непродолжительном времени после их открытия. Из приложений последующих государей хранятся в ризнице покровы на раку Преподобного Сергия: великого князя Василия Ивановича, приложенный в 1524 г.; царя Ивана Васильевича Грозного, приложенный в 1581 г.; Федора Ивановича, с изображением Святой Троицы и молящихся перед нею преподобных Сергия и Никона, приложенный

в 1592 г. (на покрове вышиты две подписи: первая – что он сделан по повелению Ивана Васильевича в 1565 г.; вторая – что он приложен в монастырь Федором Ивановичем в 1592 г., дело, по всей вероятности, нужно понимать так, что Иван Васильевич приказал вышить изображение Святой Троицы с молящимися перед ней Преподобным Сергием и Никоном не как покров на раку первого из них, а для повешения где-либо у себя во дворце, и что потом Федор Иванович приложил его в монастырь, в качестве покрывала на раку); царя Бориса Федоровича Годунова; царя Василия Ивановича Шуйского; царя Алексея Михайловича (шитый шелками, по местам низанный жемчугом и украшенный драгоценными камнями), приложенный в 1668 г.; императриц Анны Иоанновны и Екатерины Великой (последний с изображением не Преподобного Сергия, а креста).

Детская молитва Преподобного Сергия

Из покровов на раку Преподобного Сергия, приложенных частными людьми, замечателен по богатству украшения покров, приложенный по имени человека Дмитрие Андреевиче Строганове, который в 1670 г. погребен в Троицком монастыре. На покрове этом изображение Преподобного Сергия и многие события его жизни вынизаны жемчугом.

Покойным государем Александром Николаевичем приложен в 1856 г. после коронации покров на главу Преподобного Сергия, украшенный жемчугом и драгоценными камнями.

Из покровов, приложенных государями на раку преподобного Никона, хранятся в ризнице три: царя Федора Ивановича, царя Михаила Федоровича и его отца патриарха Филарета Никитича, приложенный в 1633 г., и императрицы Анны Иоанновны.

XI. Пелены подвесные к иконам, т. е. пелены, которые в прежнее время подвешивались к местным иконам, как в иных местах они и до сих пор подвешиваются к иконам особенно чтимым.

Пелена, приложенная в монастырь в 1493 г. второй супругой великого князя Ивана Васильевича III, греческой царевной Софией Фоминичной Палеолог и, как должно думать, назначенная для одного из двух образов Святой Троицы, находящихся в иконостасе Троицкого собора; на пелене вышита серебром следующая надпись: «лета 7007 (1499) создана сия пелена при блговерном великом кнзе Иване Васильевич всея Руси и при его сыне великом кнзе Василье Ивановиче и при архнепискупе Симане митрополите, замышлением и повелением црены Цръгородцкыя великою кнгинею Московъскою Софьею великого кнзя Московъского. Молилася Троице живоначальные и Серьею чудотворьцу и приложила сию пелену».

Пелена, приложенная царем Борисом Федоровичем Годуновым во второй год царствования, т. е. в 1593 г., украшенная золотыми дробницами, жемчугом и драгоценными камнями, причем золота на ней около 4 фунтов, жемчугу более 4 фунтов, а один из камней показан по старой оценке в 2000 рублей (что на теперешние деньги будет около 80000 рублей).

XII. Плащаницы пасхальные.

Плащаница из красной камки, шитая золотом, серебром и шелками, приложенная, как видно из вышитой на ней надписи, в 1561 г. князем Владимиром Андреевичем Старицким, двоюродным братом Грозного, и его матерью княгиней Евфросинией.

Плащаница из фиолетового бархата, шитая шелками и украшенная жемчугом, с изображением на краю ее молящегося митрополита Платона, устроенная последним в 1796 г.

XIII. Кадила, ладонницы, архиерейские посохи, блюда, чаши, ковши и некоторые вещи, относящиеся к церковной утвари, которые, выйдя из употребления, сданы в ризницу на хранение.

Золотое кадило, украшенное драгоценными камнями, весом более 5 фунтов с половиной, приложенное царем Михаилом Федоровичем в 1616 г.

Серебряная ладанница в виде пятиглавой церкви, о которой в описи монастыря 1641 г. говорится: «Ладонница Иеросалим, серебряная, уголчатая (угловатая), со крестом, а на ней деисус стоящей» (ладонницы – Иерусалимы, в виде церквей, до сих пор в употреблении на Афоне; в большие праздники диаконы носят их при каждении на левом плече).

Золотой посох, украшенный бриллиантами, яхонтами и изумрудами, весом 6½ фунтов, пожалованный императором Александром Николаевичем митрополиту Филарету в 1856 г. после коронации.

Блюдо золотое, данное царем Иваном Васильевичем в 1563 г., по царице Марье Темрюковне (которая † 1 сентября 1569 г.), имеющее весу, как обозначено в надписи на нем, 14 гривенок, 36 золотников.

Серебряная чаша, «проскуры носити», данная знаменитым старцем Троицкого монастыря второй половины XVI в. Варсонофием Якимовым († 9 октября 1601 г.).

Серебряная водосвятная чаша, весом в 19 фунтов, данная келарем Александром Булатниковым (1622–1641).

Ковш серебряный с надписью: «Василий, Божию милостию господарь всея Руси и великий князь», причем разумеется великий князь Василий Иванович, занимавший престол с 1505 г. по 1533 г.

Паникадильце серебряное, обложенное золотом, к раке Преподобного Сергия, данное царем Иваном Васильевичем в 1568 г.

Трисвещник серебряный, весом в 1 пуд и 15 фунтов, данный для поставления пред чудотворным образом Святой Троицы царем Борисом Федоровичем Годуновым в 1601 г.

Две огромные серебряные лампы, не имеющие так называемых шанданов, или мест для вставления свеч, но представляющие собой чаши с выпуклыми днами и употреблявшиеся таким образом, что в них наливался воск, который горел в них при помощи положенных в него светилен, пожертвованные – одна Борисом Федоровичем Годуновым, а другая – его дядей Дмитрием Ивановичем Годуновым (лампады, как должно думать, вешались на праздники – одна перед чудотворным образом Святой Троицы, а другая – перед ракой Преподобного Сергия, ибо в описи монастыря 1641 г. о лампадах нашего вида или устройства, которые должны быть принимаемы за вседневные или всегдашние (будничные), читаем: «Две лампы медяные, полужены, одна пред чудотворным образом живоначалные Троицы, а другая у чудотворцовы Сергиевы раки; наливаютца воском»).

XIV. Нецерковные вещи, хранящиеся в ризнице:

Трость с набалдашником, осыпанным бриллиантами и изумрудами, пожалованная императором Павлом митрополиту Платону.

Солоница с изображением всех Русских гербов, пожалованная ему же императрицей Екатериной Великой.

Три настольные портрета императоров: Александра I, Николая I и Александра II, соединенные вместе и осыпанные бриллиантами, пожалованные митрополиту Филарету в день пятидесятилетия его архиерейства – 5 августа 1867 г.

Старинное верхнее платье, называемое то ферязем, то становым кафтаном, и усвоенное царю Ивану Васильевичу Грозному.

Узда и пороховница, усвоенные князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому.

Так называемый «*Троицкий чеснок*», представляющий собой остаток от запасов бывшей Оружейной палаты монастыря. Это – небольшие железные трехлапники (трехлапые якорьки), имеющие острые концы у лап и такие же зазубрины, какие делаются у рыболовных крючков, и потом имеющие ручку, обделанную так же, как и лапы, т. е. с острым концом и зазубриной, и следовательно представляющую то же, что и каждая из лап. Как ни бросить этот трехлапник (собственно – четырехлапник), он всегда будет торчать одним концом вверх. В старое время, начиная с классического греческого, эти трехлапники были употребляемы, чтобы преграждать дорогу неприятельской коннице и портить ее лошадей (называются они «чесноком» неправильно; их, действительное название: рогульки железные, пометные или подметные каракули, а чесноком, что есть переделанное из «частик», назывались ряды кольев с заостренными верхами, которые набивались в городских рвах или по берегам городских рвов).

Библиотека и архив

В допетровское время монастыри были у нас представителями просвещения. По этой причине в монастырях сосредоточивались и собрания или библиотеки книг, которые, – разумея книги учительные, а не богослужebные, до самого Петра были почти исключительно рукописные. Библиотека рукописей Троицкого монастыря представляет собой одну из лучших монастырских библиотек рукописей.

Ее заведение, о чем говорили мы выше, должно быть усвояемо самому Преподобному Сергию. Как умножалась она потом, это могло бы быть определено приблизительным образом, если бы было приведено в известность, сколько каждого века рукописей находится в библиотеке, – также лишь приблизительным образом, ибо в определении времени рукописей, не имеющих годов, весьма возможны ошибки. Так как помянутого не сделано, то мы можем указать два периода в истории умножения библиотеки – до 1641 г. и после. По описи монастыря, произведенной в этом году, в нем было до 700 рукописей; в настоящее время в нем на лицо 823, и кроме того – до 200 рукописей, взятые из него в библиотеку семинарии, находятся в библиотеке академии, и неизвестное количество, взятых из него в Москву «книг печатного дела исправления ради» и «на обличение раскольников», находятся в Синодальной библиотеке, отчасти в Типографской библиотеке, отчасти неизвестно где.

Старец благословляет Варфоломея на учение

Специалисты и желающие неспециалисты могут ознакомиться с ней из ее обстоятельного описания, составленного бывшим библиотекарем лавры о. иеромонахом Арсением и напечатанного покойным А. Н. Поповым в Чтениях Императорского Общества Истории и Древностей Российских за 1878 г., под заглавием: «Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры». В предисловии, предпосланном описанию, сообщаются и исторические сведения о библиотеке. Кроме рукописей, описанных здесь, в библиотеке находятся еще рукописи, поступившие в библиотеку после составления этого описания и значащиеся в особой «дополнительной описи Лаврской библиотеки 1860 г.».

Помещается библиотека над трапезной церковью, в находящемся над ней верхнем этаже ее здания.

Архив лавры, если бы сохранился весь в целости, был бы огромный, ибо письменоводство в ней, при громадном количестве ее вотчин, было чрезвычайно обширное. Но 17 мая 1746 г., во время великого пожара, случившегося в лавре, значительная часть архива сгорела. Впрочем, и теперь нельзя сказать, чтобы он был очень скудный, и для людей, желающих заниматься историей монастырского вотчиновладения, несомненно, он содержит очень богатый материал.

В продолжение 1860–1876 гг., во исполнение предписания начальства, произведена была опись всего имущества лавры, в том числе и архива. По этой описи в архиве лаврском находятся: 517 отдельных всякого рода актов и 302 сборника всякого рода актов, представляющих из себя более или менее толстые книги.

Хранится архив в одном месте с рукописями и находится в заведывании лаврского библиотекаря.

Больница монашеско-странноприимная и кладбища

Кладбище явилось в лавре с первым покойником, а больница заведена в ней в XIX в. До Петра Великого у нас совсем не было врачей (за исключением врачей иностранных, которые выписывались из-за границы для самих государей), а поэтому вовсе не могло быть больниц в собственном смысле слова. Со времени Петра Великого началось обучение медицине при трех учрежденных им главных военных госпиталях – Московском, Петербургском и Кронштадтском, и в России появились свои врачи. Но в продолжение XVIII в., несмотря на основание в 1755 г. Московского университета с медицинским факультетом, увеличение числа врачей шло весьма небыстро, вместе с чем весьма небыстро могли умножались в России и больницы. Первый врач явился в лавре не столько для самих монахов, сколько для учеников заведенной в ней семинарии. Этот семинарский врач упоминается под 1747 г. (в ведомости расходов лавры на этот год, причем о большой еще редкости врачей у нас в то время дает знать огромное получавшееся им жалование – 400 рублей в год против 230 рублей, которые получали ректор и префект). Но после приобретения врача далеко не вдруг явились больницы, и именно – спустя очень значительное время после этого явилась больница семинарская и спустя довольно значительное время после семинарской больницы – больница монастырская: первая заведена была в 1797 г., а вторая после первой (с 1814 г. ставшей больницей академической) в 1828 г. Монастырская больница помещена была в Донском, или Варваринском, корпусе.

При самом Преподобном Сергии и долгое время после него, до 1556 г., братские кельи стояли в монастыре довольно тесным четырехугольником вокруг Троицкого собора. Должно со всей вероятностью думать, что братия монастыря и сторонние лица, желавшие погребаться в монастыре, были погребаемы не за кельям или, так сказать, на задворках монастыря, а внутри четырехугольника келий вокруг церкви и что вышли из этого четырехугольника келий лишь тогда, когда уже совсем не стало в нем места (известны некоторые примеры погребенных в монастыре до 1556 г. в таких местах, которые должны были приходиться вне четырехугольника). Когда в 1556 г. братские кельи были отодвинуты к стенам монастыря и когда между тем число мирян, желавших погребаться в монастыре, очень увеличилось, то, можно сказать, весь монастырь, за исключением северной его стороны, превратился в одно сплошное кладбище. В XVI–XVII вв. весь монастырь, за исключением северной стороны, на которой были монастырские житницы, дворец государев, оружейная палата и кузница, покрыт был рядами могил, между которыми оставались только дороги для прохода (представляла из себя сплошное кладбище и вся та обширная площадь, которую заняла построенная в конце XVII в. нынешняя трапеза, ибо она была поставлена не на месте прежнего корпуса келий, – линию последнего указывает остающийся от него Варваринский корпус, а впереди, на незастроенной и сплошь занятой могилами площади перед корпусом).

Оставался монастырь сплошным кладбищем и до середины XIX в. И однако почти совсем не осталось надгробных памятников не только древних, но и старых. Простое объяснение этому в том, что он очищаем был от памятников. В 1722 г. (от 12 апреля) Петром Великим был выдан указ, чтобы у приходских церквей и в монастырях надгробные камни сравнивать с землей, и во исполнение сего указа должно было последовать очищение монастыря от памятников. После Петра, когда указ его пришел в забвение, монастырь снова сделался сплошным кладбищем. Но новое очищение его от памятников, по предписанию ли высшего начальства, или сам собой и только по дозволению митрополита, произвел наместник Антоний в начале своего наместничества, когда он вообще очищал монастырь от грязи, доставшейся ему от его предшественника.

Гробница родителей Преподобного Сергия в Хотьковом монастыре

В настоящее время в монастыре четыре кладбища: у Смоленской церкви, у Успенского собора, с восточной стороны Духовской церкви и по южной стороне трапезы против Михеевской церкви. Три последние кладбища суть старые кладбища (среднее из них, – у Духовской церкви, остается без особой ограды), а первое кладбище есть новое, устроенное в начале сороковых годов XIX века. Несколько старых надгробных памятников сохранилось на Успенском кладбище (против западной половины южной стены).

В прежнее время именитые и богатые люди имели великое усердие к тому, чтобы быть погребенными в Троицком монастыре, у Преподобного Сергия. Вследствие чего в Троицком монастыре было погребено по тому или другому количеству лиц из множества знатных

родов. Но людей известных исторически погребено у Троицы очень немного. Из старого времени можем назвать четверых. Это, во-первых, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, сначала слуга Тушинского царька, а потом товарищ князя Пожарского по освобождению Москвы от поляков, скончавшийся 24 июня 1625 г. и погребенный под западной папертью Троицкого собора (в третьей от входа с юга палатке). Во-вторых, Прокопий Петрович Ляпунов, убитый казаками под Москвой 22 июля 1611 г., сначала погребенный в Москве при Благовещенской церкви на Воронцовом поле, а к Троице перевезенный сыном (а может быть, и по распоряжению царя Михаила Федоровича, ибо с ним перевезен и погибший вместе с ним его защитник от казаков Иван Степанович Ржевский) в 1613 г.; могила его находилась у паперти Успенского собора, которая была у сего последнего с западной стороны и именно – во втором ряду по правую руку от лестницы на паперть, бывшей с южной стороны (в одном XVII в. списке надгробных надписей читаем: «Идучи из паперти церкви пречистые Богородицы, т. е. Успенского собора, у лестницы, на левой стороне род Булатниковых; в другом ряду от мосту, т. е. от той же лестницы, Дмитрий Федорович Скуратов, представися 136 (1627) г. ноября в 26 день, Прокофей Ляпунов да Иван Ржевской, убиты 119 (1611) г., июля в 22 день»). В-третьих, боярин Михаил Борисович Шеин, мужественно защищавший Смоленск от Сигизмунда в 1609–1611 г. но в 1634 г. (28 апреля) за неудачное ведение войны против сына Сигизмундова Владислава казненный (по мнению некоторых – несправедливо) как изменник; его могила находилась подле алтарной стены Духовской церкви. В-четвертых, правнук предшественного, боярин и полководец Петра Великого, Алексей Семенович Шеин, скончавшийся 12 февраля 1700 г.; его могила находилась близ могилы прадеда. Из новых известных людей можем назвать одного – Ивана Сергеевича Аксакова, скончавшегося 24 января 1886 г.; могила его на Успенском кладбище. Из людей, известных не вообще, а в сфере духовной, может быть назван протоиерей Петр Спиридонович Делицын, бывший профессором академии в продолжение 45 лет и скончавшийся 30 ноября 1863 г.; могила его также на Успенском кладбище.

Иконописная и свечная мастерская

Предание возводит начало иконописания в Троицком монастыре ко времени самого Преподобного Сергия, называли иконописцем его племянника Феодора, скончавшегося в сане архиепископа Ростовского. После иконописцев из монахов и иконописцев-любителей монастырь завел иконописцев, как своих ремесленников, вместе с другими, нужными ему, ремесленниками, более или менее в первое время своего существования, если уже не при преподобном Никоне, который должен быть считаем, так сказать, началоположителем полного хозяйственного устройства монастыря, то не позднее середины XV в. Монастырю нужны были иконы для поднесения князьям (великому и удельным) и знатнейшим боярам (великого князя и удельных), а равным образом для раздачи на благословение людям знатым и незнатым; ежегодное количество икон для сейчас указанных целей должно было требоваться очень немалое: а поэтому и совершенно естественно было монастырю завести для их изготовления своих иконников. Как бы то ни было, но не позднее середины XV в. мы уже находим их в монастыре. С середины XV в. иконописное мастерство не прекращало своего существования в нем до настоящего времени, хотя и доходило до того, что еле существовало.

Сведения наши о том, как велико было у монастыря число иконописцев, пока он мог иметь их из своих служебников или своих, так сказать, крепостных, т. е. до 1764 г., когда отобраны у монастырей вотчины, состоят в следующем немногом: в 1624 г. в подмонастырных слободах было 8 дворов, принадлежавших иконникам; в 1641 г. было 15 дворов, принадлежавших иконникам; при этом, сколько было во дворах всех иконников, ни в первом, ни во втором случае не указывается, потому что называются только хозяева дворов; в 1678 г. было 24 двора, принадлежавших иконникам, причем опять не указывается удовлетворительным образом число самых иконников.

Обучение ремеслу – искусству иконописания, пока не было заведено в монастыре школы его, как должно думать, происходило таким образом, что дети учились у своих отцов и что мальчики не из детей иконописческих, если случалось, что таковые выбирались в иконописцы, были отдаваемы властями монастырскими в учение тем или другим мастерам.

В 1746 г., благодаря учреждению в лавре семинарии, заведена была в монастыре школа иконописания, именно – архимандрит лавры, архиепископ Переяславский, Арсений Могиланский предписал обучать иконописанию желающих обучаться ему семинаристов, к которым потом, в 1753 г., присоединены были мальчики из принадлежавшей монастырю известной Холуйской слободы (Вязниковского уезда, Владимирской губернии). Обучение живописи семинаристов, как кажется, скоро было прекращено; ученики из Холуян удалены из лавры, когда в 1764 г. освобождены были монастырские крестьяне; но школа все-таки не прекратила своего существования: в нее начали набирать дети оставленных лавре после 1764 г. штатных служителей. Впрочем, в продолжение целых 70 лет – с 1764 г. до покойного наместника лавры Антония – школа едва-едва существовала: обучалось в ней мальчика по три-четыре. При этом, в продолжение наших 70 лет и число иконописцев – мастеров было у лавры самое незначительное. Антоний, назначенный в наместники лавры в 1831 г., начав принимать в школу не одних детей штатных служителей, но и всех желающих, постепенно довел школу до значительной многолюдности. Вместе с этим он же придал нынешние значительно широкие размеры и существующей в монастыре со школой иконописной мастерской. В 1885 г. переведено было в лавру, для присоединения к ее школе иконописания, Московское епархиальное училище иконописания, заведенное в 1873 г. и в Москве помещавшееся там, где теперь епархиальное Мариинское женское училище [в Замошворечье, на Большой Ордынской улице], причем переданы были лавре и отпускаемые на

содержание училища средства. В 1902 г. в лаврской иконописной школе с присоединенным к ней епархиальным училищем обучалось 70 мальчиков, из которых 40, принадлежащие к духовному званию, суть «епархиальные», представляющие собой переведенное в лавру училище, а 30, набранные из всяких других званий, суть собственно лаврские, представляющие собой в точнейшем смысле лаврскую школу. Все епархиальные, содержимые на переданные лавре средства, жили в самом монастыре, а именно – помещались в Пятницкой башне; из собственных лаврских 16 жили также в самом монастыре и, находясь на полном содержании лавры, помещались при самой иконописной, а остальные 14, будучи детьми жителей посада, ходили ночевать к родителям. В иконописной мастерской число мастеров не всегда одинаковое: иногда большее, иногда меньшее, смотря по количеству работ, но вообще или немного большее или немного меньшее 15 человек.

Двенадцатилетний постриженник

Нынешнее очень удобное помещение школы и мастерской над сенями к наместничьим кельям и над Духовным собором устроено наместником Антонием в 1843 г. (а прежде школа и мастерская имели весьма неудобное, говорят, помещение под наместничьими кельями, где теперь помещаются лаврские портные).

Если какое заведение в лавре может быть названо самым древним, так это именно свечная: она явилась в монастыре, можно сказать, прежде самого монастыря. Преподобный Сергей, удалившись в пустыню и поставив для себя в пустыне малую церковь, имел нужду в восковых свечах для совершения в церкви богослужения (которое он отправлял в ней все, за исключением литургии): и конечно, он сам приготавливал («катал») для себя свечи, как после он приготавливал их для составившегося у него в пустыне монастыря.

Не может подлежать сомнению, что со времени Преподобного Сергия свечная существовала потом в монастыре непрерывно, ибо нельзя допустить, чтобы когда-нибудь монастырь закрывал свою свечную с тем, чтобы пользоваться покупными свечами.

Московская духовная академия и бывшая прежде нее в лавре духовная семинария

С 1814 г. в стенах лавры размещалась Московская духовная академия.

Академия заняла в лавре место бывшей в ней семинарии; поэтому мы сначала скажем о последней. Семинарию предписала учредить в лавре императрица Анна Иоанновна указом от 21 сентября 1738 г. Действительно была она открыта при Елизавете Петровне 2 октября 1742 г. До 1764 г. или до отобрания у монастырей вотчин семинария находилась на содержании лавры и составляла ее, так сказать, собственное или принадлежавшее ей учебное заведение, которое находилось в полном ведении ее и административном. С 1764 г. семинария начала получать содержание помимо лавры из коллегии экономии, вместе с чем она стала и независимой от лавры в административном отношении, а лишь находящаяся в ее стенах и на ее земле (но так как с 1775 г. архимандритом лавры стал митрополит Московский, а от митрополита семинария зависела как от своего епархиального архиерея, то при независимости от лавры она стала зависеть от ее архимандрита; в подобной же независимости от лавры и зависимости от ее архимандрита находится и академия). До 1764 г. в ученики семинарии набирали детей священно-церковнослужителей Троицкой десятины, каковую, как административную единицу, составляли до 35 окружающих лавру сел, дети священно-церковнослужителей лаврских вотчинных сел, т. е. сел, находившихся в вотчинах лавры, и потом – до самого 1764 г. дети лаврских слуг, а в продолжение первых восьми лет после открытия семинарии до 1750 г. дети и лаврских крестьян; кроме того, с 1744 г. по 1752 г., когда Арсений Могилянский был архиепископом Переяславским и оставался архимандритом лавры, – дети священно-церковнослужителей Переяславской епархии. Не только тотчас по открытии семинарии, но и очень долгое время после отцы отдавали своих детей в учение с великой неохотой, так что до самого 1764 г. лаврой производимы были насильственные наборы учеников через командированных для этого солдат. В 1768 г. Св. Синодом предписано было посылать в лаврскую семинарию священно-церковнослужительских детей из епархий Московской, Переяславской и Суздальской, а Платон, поставленный в 1770 г. из архимандритов лавры в архиепископы Тверские, но сохранивший при этом и звание архимандрита, присоединил священно-церковнослужительских детей своей Тверской епархии, причем принимаемы были священно-церковнослужительские дети и из всех других епархий. В 1773 г. Платон, ставший с 1775 г. архиепископом Московским, предписал принимать священно-церковнослужительских детей только из Московской епархии, а из других епархий не иначе, как с его дозволения, но за случавшимся недостатком своих Московских кандидатов предписание было отменено и в семинарию принимались священно-церковнослужительские дети из епархий Переяславской, Суздальской и Тверской. Кроме детей священно-церковнослужительских принимали в семинарию в виде исключения детей дворян, чиновников, купцов и иностранцев.

При открытии семинарии в нее набрано было учеников 104 человека (из них только 12 человек – дети священно-церковнослужителей, а остальные – дети лаврских слуг, приказных и подъячих, дети лаврских солдат и ремесленников). Потом число учеников в семинарии было от 150 до 340 человек.

Дом, в котором обучались семинаристы

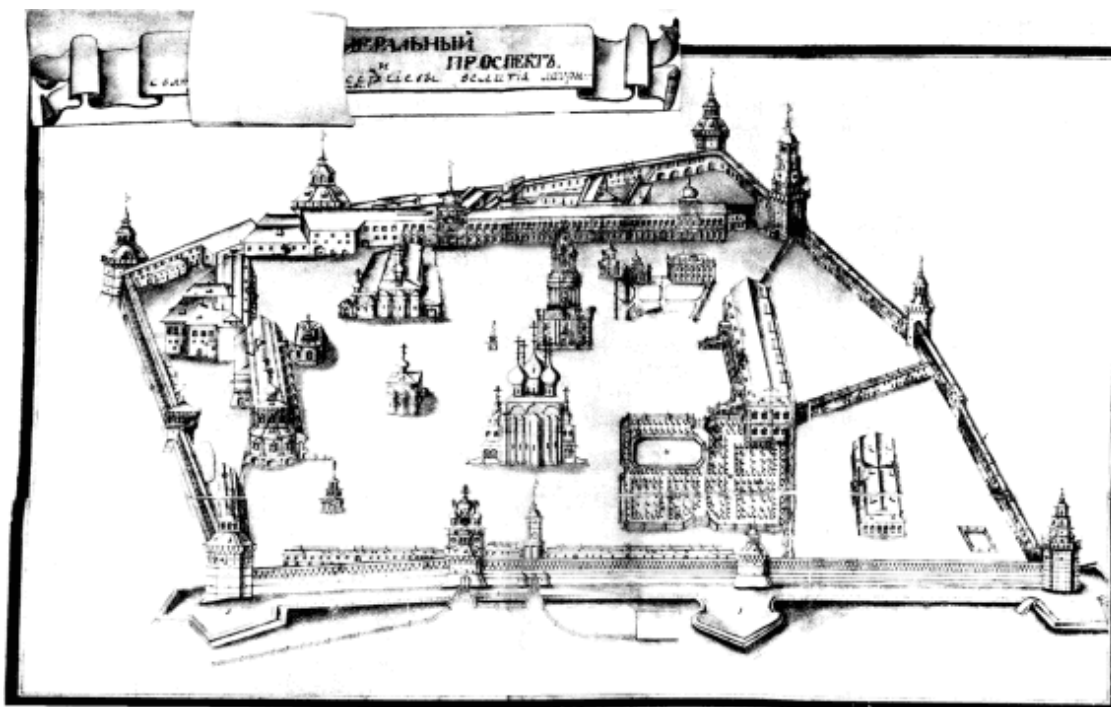
До преобразования духовно-учебных заведений в 1808 г. семинарии не имели одного для всех, определенного и обязательного, курса или круга наук, но в одних из них он был обширнее, в других уже, причем все зависело от местных архиереев. Курс или круг наук в лаврской семинарии был один и тот же с Московской Славяно-греко-латинской академией, иначе сказать – самый полный (состоял из нынешних училища и семинарии, вместе академия и семинария имели по 8 классов, которые, начиная снизу, были: 1) аналогия или фара (класс чтения или приходский – приготовительный), 2) инфима (низший), 3) грамматика, 4) синтаксима, 5) пиитика, 6) риторика, 7) философия, 8) богословия). При этой полноте курса наук семинария в правление митрополита Платона (1775–1812 гг.) находилась в блестящем состоянии, так что весьма значительно выдавалась из ряда других семинарий и была принимаема за своего рода академию. В 1798 г. император Павел, приравнивая семинарию к академии или совсем уравнивая ее с последней, по причине одинакового курса учения в них, своим указом причислил к ее округу пять семинарий: Ярославскую, Суздальскую, Вологодскую, Костромскую и Архангельскую, с тем, чтобы через каждые два года посылали в нее из этих семинарий по два ученика.

Первоначально семинария помещалась в двух палатах (комнатах) под чертогами или царским дворцом, где сейчас ректорский академический корпус; в трех палатах, сделанных в монастырской стене за чертогами, помещались поварня и пекарня, и в верхнем этаже трехэтажного длинного и узкого корпуса, который тянулся от чертогов до восточной монастырской стены (половину места его к чертогам занимает теперь академический класный, бывший бакалаврский, корпус). В 1747 г. были построены вне монастыря за Каличьей башней две деревянные светлицы, в которых предполагалось поместить столовую и поварню, но в которых на самом деле поселены были ученики (место этих светлиц или бурс определяется тем, что на семинарском огороде, который был при них, стоят теперешние монастырские конюшни). В 1767 г., по приказанию митрополита Платона, были отделаны еще три покоя (комнаты) под чертогами. В 1773 г. к двум светлицам, бывшим за монастырем, прибавлена еще одна. В 1775 г. из светлиц (бурс) за монастырем жившие в них семинаристы переведены были в самый монастырь, в котором было устроено для них жилье, разделенное на 9 покоев, в монастырской стене, между Каличьей и Соляной, позднейшей Звонковой, башнями (причем вторая башня, как мы сказали выше, получила свое позднее название Звонковой, вероятно, от того, что на ней или у нее повешен был колокол для давания звонков). Относительно того, где были классы или где читались лекции, можем сказать только, что с 1781 г. лекции читались в палатах под чертогами, которые были на южную сторону или на монастырь (тогда как в палатах на север, к стене, были жилые комнаты семинаристов). Библиотека помещалась сначала в угольной юго-восточной палате под чертогами, а потом с 1778 г. под монастырской колокольной. Учителя имели квартиры в среднем этаже того трехэтажного, длинного и узкого корпуса, о котором мы сказали. Ректор и префект (соответствовавший нынешнему инспектору) до 1775 г. жили, вероятно, вместе с учителями в указанном

корпусе, а с 1775 г. они начали жить в бывшем келарском корпусе, на месте которого стоит теперь инспекторский академический корпус. В 1797 г., по указу императора Павла, была построена для семинаристов позади чертогов больница с аптекой. В 1802–1803 г. митрополит Платон на месте царских (принадлежавших к дворцу и уже прежде разобранных) кухонь поставил двухэтажный корпус, в верхнем этаже которого помещена была библиотека и сделана зала для торжественных собраний (аудитория), а в нижнем этаже устроена столовая с кухней и хлебней, – это бывшая академическая библиотека, нынешняя столовая.

Московская духовная академия есть прежняя Московская Славяно-греко-латинская академия. Она представляет собой первое настоящее учебное заведение, которое во второй половине XVII в. основано было в Московской Руси, или первое учебное заведение, которое со второй половины XVII в. начало распространять в этой Руси настоящее просвещение, иначе сказать – она представляет собой учебное заведение, с которого начинается история настоящего просвещения в Московской Руси.

Академия, замышленная царем Федором Алексеевичем и патриархом Иоакимом в 1680 г., была открыта в Москве при царях Иоанне и Петре Алексеевичах с правительствующей Софьей Алексеевной и при том же патриархе Иоакиме в 1686 г. Она помещена была в Заиконоспасском монастыре, что на Никольской улице.

«Перспект» всего строения лавры с восточной стороны. Из Альбома 1745 г.

Помещение для академии было выбрано в высшей степени неудачно, ибо Никольская улица, представляющая собой один из центров Московской торговли, есть одна из самых шумных улиц в Москве. В 1737 г. во время бывшего в Кремле и Китай-городе сильного пожара сгорел Заиконоспасский монастырь с находившейся в нем академией. При этом случае поднят был вопрос о переведении академии в другое место. Тянувшийся в продолжение 10 лет до 1747 г. вопрос решен был тем, чтобы перевести академию в Донской монастырь; последовал было относительно сего и высочайший указ, но в Донском монастыре не было готовых помещений, а у Синода не нашлось денег для построения новых зданий, и академия (кое-как восстановленная после пожара) была оставлена на старом месте. В 1776 г. опять состоялся высочайший указ, чтобы для академии, «стоящей на крайне неудобном для училищ месте» сыскать другое, лучшее место, – и опять отсутствие денег остановило дело. В

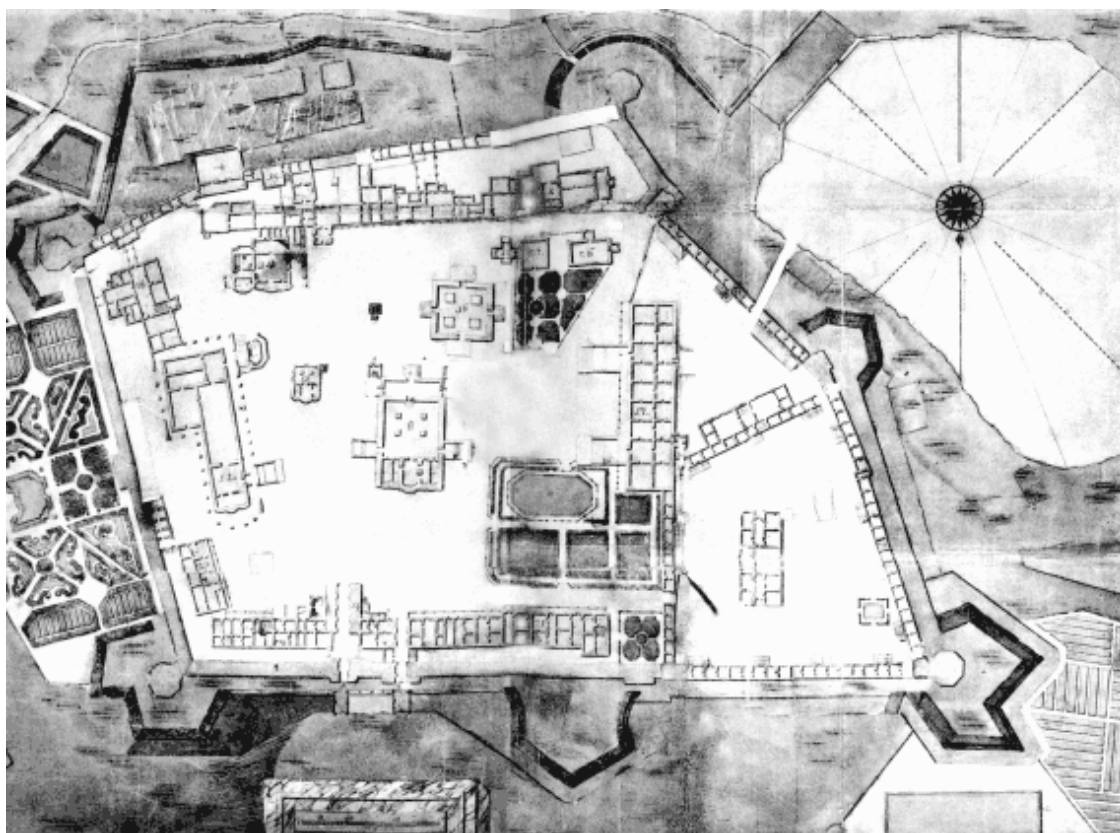
1793 г. Синодом вторично решено было перевести академию в Донской монастырь, а на постройку новых зданий в монастыре приказано было откладывать ежегодно из штатной суммы, ассигнованной на академию и состоявшей из 12 тысяч рублей, по 2 тысячи рублей, а с 1807 г., когда штатная сумма была удвоена, по 4 тысячи рублей, так что к 1814 г., когда академия была преобразована по новому «начертанию правил о образовании духовных училищ», всей суммы скоплено было 30 тысяч рублей. Но когда в мае 1814 г. начаты были приготовления к преобразованию академии, кто-то неожиданно подал мысль перевести ее вместо Донского монастыря в лавру, с тем, чтобы воспользоваться для ее помещения бывшими в лавре царскими чертогами, употребив на их приспособление к помещению и на прибавку к ним помещений накопленные 30 тысяч рублей, – и неожиданно поданная кем-то неизвестным мысль и была приведена в исполнение (если не ошибаемся, мысль была подана тогдашним архиепископом Московским Августином через бывшего тогда ректором Петербургской академии Филарета и была поддержана последним). На новом месте академия была торжественно открыта 1 октября 1814 г., в праздник Покрова Божией Матери, а чтение лекций, или учение, началось в ней спустя 20 дней, 20 октября.

Окружность монастыря и нынешний посад

Восточная сторона монастыря

С восточной стороны перед монастырем находится принадлежащая ему обширная площадь, называемая Красной. Площадь окружают: монастырские гостиницы – Старая и Новая, монастырский дом, отдаваемый в аренду под трактир, и посадские ряды. За Новой гостиницей Дом призрения. На площади – лаврская часовня, лаврский колодезь и ряды принадлежащих лавре лавок. К стене монастырской на большую ее половину пристроены лавки. Вдоль северной половины стены, от Успенских ворот до Красной, или Уточьей, башни, идет монастырский бульвар.

Площадь, в настоящее время ровная и вымощенная, как подобает быть городской площади, стала такой с не особенно давнего времени. Митрополит Филарет приказывал осенью 1823 г., с тем, чтобы приказ его исполнен был весной следующего года: «против Святых и въездных (Успенских) ворот по середине площади возвышенные неровные места срыть, подъезд от Пятницкой церкви выровнять от бывших тут бугров, рытвин и ям, до самой Пятницкой башни и до Святых ворот, также и другие места площади вплоть до часовни по середине ее и около ограды места, начиная от Ректорской башни до въездных ворот выровнять, то срывая землю, то засыпая ею ямы». Окончательно выровнял площадь и замостил ее камнем наместник Антоний.

Генеральный план лавры. Из Альбома 1745 г.

Лаврский каменный дом, стоящий через дорогу от новой лаврской гостиницы, рядом с посадскими торговыми рядами, занимаемый трактиром, построен в 1822–1823 гг. с назначе-

нием быть ему монастырской богадельней. Поэтому мы скажем здесь вообще о монастырской богадельне.

Часовня, находящаяся на площади, у московско-ярославского шоссе, поставлена по тому поводу, что в 1703 г. во время случившегося в лавре пожара были вынесены на занимаемое ею место мощи Преподобного Сергия. До 1770 г. она была деревянная, затем заменена на каменную. В 1781 г. был устроен в ней иконостас, который в недавнее время заменен новым.

Колодец, находящийся близ часовни, с северной ее стороны, выкопан в 1842 г. наместником Антонием для приезжающих на базар крестьян (так как базары посада собирались на Красной площади.)

Южная сторона монастыря

На южной стороне монастыря: колодезь, принимаемый за колодезь Преподобного Сергия, Пятницкая церковь или бывший Подольный монастырь, Странноприимный дом, Пафнутьев сад, Келарский пруд (Свитошный двор, блинные).

Пятницкая церковь с находящейся при ней церковью Введения во храм Пресвятой Богородицы, отстоящая от получившей по ней свое название Пятницкой угольной башни монастыря саженьях в 40, обращена была в приходскую церковь из монастыря, который по церквам назывался Пятницким и Введенским, а по местоположению под горой, в низине, от Троицкого монастыря – Подольным (Дольным), или Нижним.

Начал Пятницкий монастырь, так же как и кончил, с приходской церкви. Когда у Троицкого монастыря явились слуги и служебники, что случилось как со времени преподобного Никона, они составили под монастырем слободу, которая заняла место по левому берегу реки Кончуры от бывших домов Пятницкого причта вниз по ее течению (теперешняя Нижняя улица посада). Для слуг и служебников нужна была приходская церковь, – и вот в качестве такой приходской церкви для слуг и служебников и явилась Пятницкая церковь (собственно Введенская с приделом великомученицы Параскевы, нареченной Пятницы). Когда впервые поставлена Пятницкая церковь, точным образом неизвестно, но – в XV в., и очень возможно, что в первой его половине, более или менее близко ко времени преподобного Никона. Первоначальная церковь, конечно, была деревянная. В 1547 г. зараз поставлены были две каменные церкви. Об этом в Кратком летописце лавры записано: «Лета 7055 поставлен храм каменной на Подольном монастыре Введение Пречистая Богородица, а ставил его Иван Хабаров (Иван Иванович, боярин Грозного, потом монах Кириллова монастыря с именем Иоасаф); того же лета поставили церковь каменную на подоле во имя святые Парасковии, нареченные Пятницы, монастырем и христороубцы здавали» (т. е. ставил монастырь Троицкий при помощи христороубцев). Из приведенной записи видно, что в 1547 г. при церкви был уже монастырь («на Подольном монастыре»). В настольной грамоте первому архимандриту Троицкого монастыря Елевферию от 6 января 1561 г., в которой перечисляются монастыри, подведомые Троицкому монастырю, говорится о Подольном монастыре: «Монастырь на подоле, а в нем церковь Введение Пречистые Богородица да теплая церковь Пятница святая, а в нем игумен с братиею». Перед приходом под лавру поляков в монастыре было монахов более или менее значительное количество, потому что в продолжение осады их умерло 22 человека. После осады, во время которой монастырь был выжжен, а монахи укрывались в лавре, Пятницкая церковь была возобновлена в 1611 г., а Введенская в 1621 г. Из грамоты патриарха Филарета архимандриту Дионисию от сего последнего года об освящении Введенской церкви видно, что перед тем начал возобновляться при церквах мужской монастырь («в том монастыре почали братия кельи ставити»). Но в 1641 г. монастырь был уже не мужским, а женским. В описи лавры того года читаем о нем: «У Троицкого мона-

стыря за городом (т. е. за стеной) Подолной Пятницкой монастырь, а в нем храм во имя Введение пречистые Богородицы камен, крыт тѣсом, глава и крест обиты немецким железом. Да другая теплая церковь во имя святые великомученицы Парасковей, нареченные Пятницы, с трапезой, каменная же, покрыта тесом, глава и крест обиты немецким железом. А строение в церквах все монастырское (т. е. Троицкого монастыря). Да на той же церкви зделана колоколница, а на ней пять колокол. Да на монастырь(е) же в келье живут игумен (духовник) Елеозар Вытчиков да черной священник Варлам, и та келья (т. е. в которой живут игумен и священник) строение монастырское (т. е. Троицкого монастыря). Да в монастырь(-е) жь тринадцать келей, живут в них старицы, а строение кельи их же стариц. Монастырь огорожен забором». Около 1660 г. монастырь снова был обращен в приходскую церковь, причем его старицы переведены были в Хотьков монастырь, [а в 1896 г., по представлению митрополита Сергия, в виду малочисленности и бедности прихожан и неудовлетворительного состояния церквей, означенный приход упразднен, причт его и прихожане причислены к Вознесенской, что в посаде, церкви, а церкви упраздненного Пятницкого прихода с окружающей их частью площади, как древнее достояние Троице-Сергиевой лавры, переданы в ведение лавры].

Странноприимный дом построен в 1892 г., в память пятисотлетия кончины Преподобного Сергия, которая имела место и торжественно была празднована 25 сентября того года.

Вид Покровского Хотькова монастыря

Когда насажен Пафнутьевский сад, остается неизвестным. Существует предание о его названии, что Петр Великий во время своего пребывания у Троицы в 1683 г. один раз прогуливался в нем, – что во время прогулки вдруг предстал перед ним гонец из Москвы с каким-то очень радостным для него известием и что в память об этом государь и приказал назвать сад Пафнутьевым по имени гонца, которого звали Пафнутием. Предание передается в нескольких редакциях. Если оно справедливо (в своей основе), то насаждение сада должно относиться не к более позднему времени, как вторая половина XVII в. Но во всяком случае так стар не весь сад, а только его аллея, идущая по внешней его стенке, по эту сторону речки – липовая, а по ту сторону – березовая; что же касается его середины (внутренности, засаженной только по эту сторону речки), то она вовсе не особенно старая, и мы сами помним, как лет 40 назад деревья ее были совсем молодыми, недавно насаженными (если только не особенно задолго перед нами сад не был возобновлен). На месте Пафнутьева сада прежде был огород и очень возможно, что дело было не так, чтобы сад сменил собой огород, а так, что они существовали одновременно, именно – что по краю шла садовая аллея, а в сере-

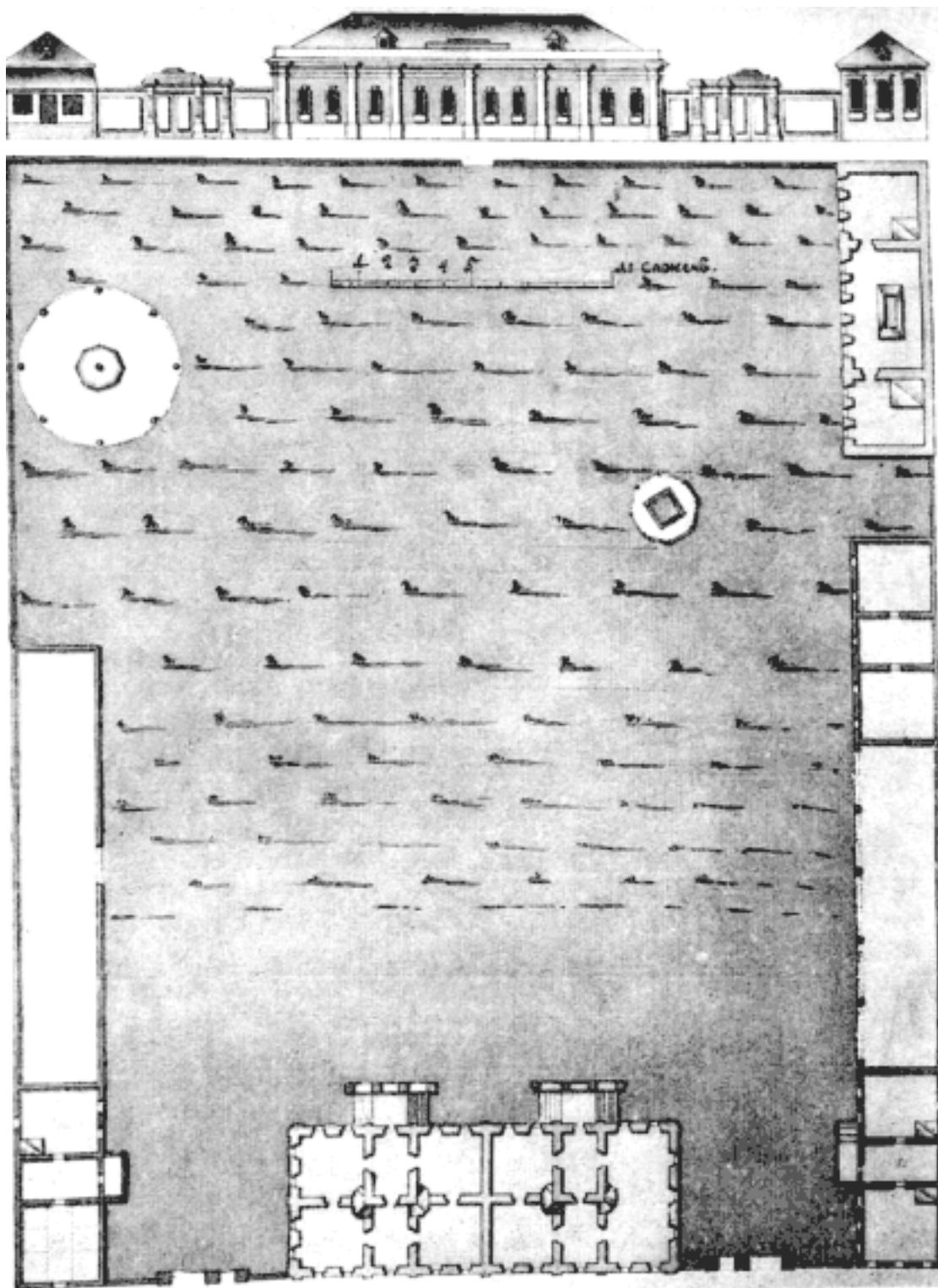
дине, внутри, был огород. Как бы то ни было, но до середины XVII в. на месте Пафнутьева сада был огород, и именно – огород двойной: по эту сторону речки, где действительный сад, был луковый огород, от него плоская средняя башня в южной стене монастыря называлась Луковой; а по ту сторону речки, где и до сих пор луговина и гряды, – капустный огород. Между двумя огородами, против Водяных ворот, был пруд, называвшийся Круглым, образованный через запруду речки, на котором была мельница, молочная вешней водой. В описи монастыря 1641 г. читаем: «Под большим монастырем (т. е. Троицким, как он называется в отличие от Подольного) против Водяных ворот пруд Круглой, а на нем анбар мелнишной, а в анбаре одне жернова, мелют вешнею водою. Да возле Круглова пруда, что против Водяных ворот, от Пушкарские слободы монастырской капустной огород, а на нем живет старец. А по другую сторону Круглово пруда возле монастырские стены монастырской же луковой огород, а на нем живет Пятницкой черной пономарь». Западная часть Пафнутьева сада, по ту сторону березовой аллеи, которая с левой стороны от дороги в Ильинскую слободу, и по ту сторону березовой рощи, которая с правой стороны от той же дороги, присоединена к нему, для устройства тут лесного двора, только в 1850 г., а до тех пор на месте этой части была восточная линия домов Ильинской слободы. (Где находился лесной двор перед 1850 годом, не знаем; на плане лавры 1779 г. он рядом с лекарским двором. А после возведения в северо-западном углу этой новой части сада так называемой «новой стройки», о которой сейчас ниже, она и еще была расширена в северную сторону.

Каменная стенка вокруг старой части Пафнутьева сада складена митрополитом Платоном в 1777–1778 гг.; часть стенки около новой части сада, одинаковая по своей вышине и по своему виду с Платоновской – 1850 г.; а нарядная, так сказать, и более высокая часть стенки от новой стройки до ворот в Пафнутьев сад и потом простая стенка с северной стороны – одновременны с новой стройкой.

В Пафнутьевом саду близ монастырской стены находится колодезь, который со всей вероятностью должен быть колодезем, образованным из источника, чудесно изведенного Преподобным Сергием.

Келарский пруд, как записано в Кратком летописце монастыря, сряжен или устроен в 1552 г. келарем (от чего и получил название Келарского) Адрианом Ангеловым. В настоящее время он представляет собой остаток от четырех прудов, бывших по южную сторону монастыря (за исключением Круглого пруда, о котором сказали мы выше). В описи монастыря 1641 г. читаем: «Выше Подольного монастыря: пруд Пятницкой, пруд Келарской, пруд Клементьевской, да пониже Подольного монастыря пруд, а на нем стоят два анбара мелнишных, а в анбарах по трои жерновы, мелют вешнею водою». Пруд, что пониже Пятницкой церкви, спущен когда-то давно, до митрополита Платона, при котором на юго-восток от монастыря только видна была остававшаяся от него мельничная плотина (как со слов Платона говорит князь Щербатов в истории осады Троицкого монастыря); Пятницкий пруд спущен после 1808 г., ибо в том году он еще упоминается, а Клементьевский пруд спущен весьма недавно, а именно – в 1853 г. (в позднейшее время он назывался также Банным, каковое название должно объяснять тем, что на берегу его находились торговые бани села Клементьева). Нынешняя каменная плотина Келарского пруда сделана в 1815 г., о чем в издании Краткого описания 1824 г. говорится: «В 1815 г. для Келарского пруда вновь устроена с большим укреплением из белого камня, кирпичей и железных связей плотина монастырским иждивением».

Против юго-восточного угла монастыря, на берегу пруда, что пониже Пятницкой церкви, а, когда он был спущен, на берегу речки, находился в старое время монастырский Свиштошный двор, т. е. монастырский прачечный (портомойный) двор, первое известное упоминание о котором у Симона Азарьина в новых чудесах, а последнее – в одном деле 1768 г.

Гостинный двор

Значительно ниже пруда, который был пониже Пятницкой церкви, именно – за полотном железной дороги, были на речке монастырские рыбные садки, которые упоминаются в описи монастыря 1641 г. и которые оставались отчасти, если не сполна, целыми до тридцатых годов XIX в. Данная местность и до настоящего времени называется: «под садками» (ехать под садки, быть под садками, приехать из-под садков). А на взгорье от садков, по правую сторону речки, была монастырская рыбная слобода, которая составляет теперь Рыбную улицу посада (Рыбинку). А по скату горы между слободой и речкой, поросшему

теперь кустарником, был расположен монастырский сад с огородом, называвшийся Напольским или Напольным, который оставлен был монастырю в 1764 г. с несколькими другими садами и который еще в 1830 г. монастырь отдал в аренду под огород.

На месте теперешнего Странноприимного дома 35 лет тому назад стояли блинные, которые после случившегося в них пожара перенесены за речку от монастыря, на нынешнее их место в подугорье, и которые после недавно случившегося в них пожара не только не шалаши, чем были они на прежнем месте, а даже каменные.

Происхождение Троицкой торговли блинами объясняют тем, что к преподобному ходят молиться не только о живых, но и о мертвых, а поминовенное кушанье по мертвым составляют у нас блины. Может быть, это объяснение справедливо; но едва ли не справедливее думать, что блины, представляющие собой кушанье, которое в одну минуту может быть изготовлено, составляют кушанье как бы специально богомольческое и вообще странническое, ибо – пришел, заказал и сейчас же кушанье готово. А духовное или церковное знаменование могло быть усвоено Троицким блинам и самими блинницами и богомольцами для предания им особой значимости, которая бы блинниц извиняла в их навязывании богомольцам, а богомольцев в их истреблении, так как одни и другие усердствуют-де родителям.

Западная сторона монастыря

На западной стороне монастыря, под стеной его и будучи пригорожены к последней, находились в XVII в. два двора – бочаренный и Солодовенный, которые Палицын в описании осады лавры, соединяя в один двор, называет Пивным двором. Пивоварение в XVII в. производилось в самом монастыре, в Пивной или Погребной башне, а наши дворы, находившиеся за башней, принадлежали к пивоварению. В описи монастыря 1641 г. читаем: «За монастырем против погреба монастырской бочаренной двор, делают на монастырь всякое бочаренное дело, да на том же дворе келья, а в ней живет квасной старец, да монастырских же четыре житницы с монастырским хлебом, с солодом и с мукою овсяною. Да подле бочаренного двора монастырской сад, огорожен тыном, а в нем яблони. Да подле саду монастырской солодовенной двор, а в нем келья, да два овина, да анбар солодяной, а на дворе живет старец» (иногда и опись, соединяя оба двора в один двор, называет его, как Палицын, Пивным двором). В Пивной башне были ворота из монастыря на Бочаренно-солодовенный, или Пивной, двор. У двора были пруд и колодезь. Во второй половине XVIII в. находились на бочаренно-солодовенном дворе XVII в. вынесенные из монастыря пивоварня и квасоварня. В описи лавры 1768 г. читаем: «За лаврою по близости две каменные пивоварня и квасоварня, из коих одна мерою в длину семнадцать сажен с половиною, поперек шесть с половиною, в ней пять палаток жилых; (другая) в длину семь сажен с половиною, поперек шесть сажен; оные поварни крыты тесом». А в описи лавры 1785 г. читаем: «От запада (за монастырем) каменная пивоварня и квасоварня, мерою в длину 13 сажен с аршином, поперек 6 сажен с ½, покрыты тесом». Из слов князя Щербатова, имевшего свои сведения, как мы сказали выше, от митрополита Платона, следует, что Пивной двор уничтожен был между 1789–1791 гг., а в архиве лаврском есть дело 1789 г. об устройстве пивоварни под трапезной церковью.

На север от Пивного двора находилась монастырская баня, которая теперь находится в новой стройке. Баня построена здесь в 1782 г., а дотоле она находилась за северной стеной монастыря, на берегу Каличьего или Конюшенного пруда, образованного через запруды плотиной речки Вондюхи, которая заграждала речку между Каличьей башней монастырской стены на этой стороне и Конюшенинским двором на той стороне (а первоначально до 1556 г., когда были вынесены из монастыря находившиеся в нем конюшни, она, по всей вероятности, помещалась в самом монастыре).

Нагорье по ту сторону речки от монастыря, на котором в настоящее время расположена Ильинская слобода и которое в старое время называлось Красной горой представляет собой местность историческую: главным образом с этого нагорья, в начале XVII в. бывшего незаселенным полем, поляки бомбардировали монастырь.

Северная сторона монастыря

У северо-западного угла монастыря соединяются в одно место или сливаются два оврага: один идет на северо-запад, другой идет сначала на восток, вдоль стены монастыря, а потом поворачивает на север; в первый овраг несколько выше его устья впадает поперечный овраг.

Первый из оврагов, в котором течет речка Кончура, назывался в старое время Благовещенским оврагом (от села Благовещенского, в сторону которого идет), а также Токаренным оврагом (от находившихся на берегу его монастырских токаренных изб); второй овраг, в котором течет речка Вондюга, назывался Мишутинским оврагом – от села Мишутина (по той же причине, по которой Благовещенский – от села Благовещенского); третий овраг назывался Глиняным и Косым оврагом. Эти три оврага, так же как и помянутая выше Красная гора, суть овраги исторические: они служили местом неоднократных, более или менее кровавых, стычек монастырских сидельцев с поляками, а один из них, именно Мишутинский овраг, из которого осажденные должны были добывать себе дрова, служил местом стычек весьма частых в продолжение всего времени осады.

Покатая к монастырю площадь между Благовещенским и Мишутинским оврагами, которую в настоящее время занимает Штатная слобода, в XVII в. вся занята была монастырскими службами и заведениями.

Тотчас за оврагом, против Конюшенной, или Каличьей, башни монастыря, на берегу речки Кончуры или Благовещенского оврага, был монастырский Конюшенный двор. Мы говорили выше, что конюшни монастырские были вынесены из самого монастыря в 1556 г. Со всей вероятностью нужно думать, что сейчас указанное нами их место было именно тем их местом, на которое они были вынесены из монастыря. Для проезда к ним через овраг была сделана плотина, выше которой образовался пруд, носивший название Каличьего или Конюшенного (более или менее рыбный, т. е., вероятно, с напускаемой рыбой, ибо на берегу его стоял неводной сарай). Выше Конюшенного двора (или же, может быть, ниже его, как по Палицыну), на берегу того же Благовещенского оврага стоял монастырский Токаренный двор (на котором работали и отчасти жили монастырские токари). Вправо от Конюшенного двора, если смотреть от монастыря к Мишутинскому оврагу, находились: Коровий двор, Воловой двор (двор для рабочих лошадей, название которого нужно объяснять тем, что в древнейшее время и у нас на севере волы преобладали над лошадьми в качестве землепашущих животных) с Полозовым двором (в котором складывались дровни и сани и всякие пахотные инструменты) и кирпичные сараи с прудом (последние были «посторонь» или против колодезя преподобного Саввы, а колодезь этот, служа к определению места сараев, остается целым до настоящего времени). Выше кирпичных сараев было гумно с одним овином каменным и тремя деревянными. Вместе со службами и заведениями находились две слободы монастырских служебников и ремесленников: Конюшенная, в которой жили конюхи, и Тележная, в которой жили тележники.

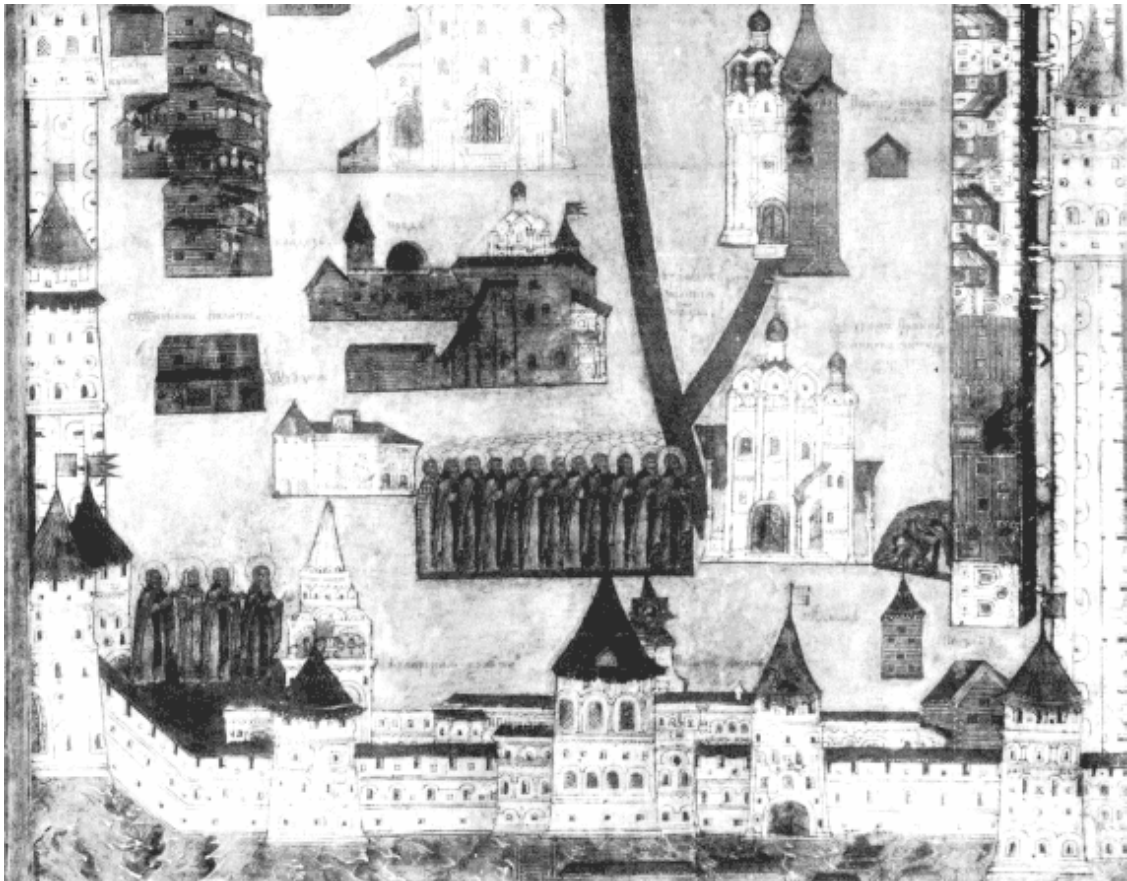
По молитве Преподобного Сергия из земли внезапно явился обильный источник ключевой воды

По другую сторону оврага, в теперешней Кокуевской слободе, было другое гумно с четырьмя деревянными овинами и другой Воловой двор (о котором ясно не говорит опись монастыря 1641 г., но о котором ясно говорит Палицын). В начале XVIII в. архимандрит Георгий Дашков, бывший великим конелюбцем, а попросту сказать – великим лошадиным, выстроил здесь вторую и огромную размерами монастырскую конюшню (73 сажени в длину и 33 сажени в ширину).

Мы сказали сейчас выше, что до сих пор остается целым колодезь преподобным Саввы, именно – Саввы Дубенско-Звенигородского, который был некоторое время игуменом Троицкого монастыря вскоре после смерти Преподобного Сергия (в описи монастыря

1641 г. о колодезе: «посторонь (кирпичных сараев) колодезь чюдотворца Саввы, а над ним шатер деревяной»). Ответить на вопрос, зачем преподобный Савва выкопал колодезь в данной местности, можно единственно предположением, что уже при нем были здесь какие-то хозяйственные заведения с жившими при них монастырскими служебниками, для которых нужна была вода.

Так как при отобрании вотчин у монастырей в 1764 г. были взяты у лавры находившиеся кругом ее принадлежавшие ей пахотные земли и розданы были тем жителям подмонастырных слобод, которые пожелали стать крестьянами, то следует из сего, что лавра прекратила свое подмонастырное земледелие, за чем должно было последовать уничтожение воловых дворов и гумен, тотчас же после помянутого отобрания вотчин у монастырей. В 1785 г. обе конюшни были целы (как видно из описи лавры того года, и стояли почти пустыми, ибо после прежних нескольких сотен лошадей, в 1768 г. было всего 47 лошадей), но к 1730 г. или в 1730 г. они были уничтожены, ибо в этом году была построена нынешняя монастырская конюшня. К 1795 г. площадь земли между Благовещенским и Мишутинским оврагами была уже совершенно очищена от монастырских служб и хозяйственных заведений, ибо в этом году она была предназначена для поселения на ней штатных монастырских служителей (т. е. служителей, оставленных за монастырем по штату 1764 г.).

Вид Троице-Сергиевой лавры XVII в. С изображения, принадлежащего Рогожскому старообрядческому кладбищу

После уничтожения за речкой Вондюгой, на площади теперешней Штатной слободы, всех служб и заведений, монастырю, по-видимому, не за чем было поддерживать плотину на устье реки, через которую он (монастырь) сообщался со службами и заведениями; однако плотина была отремонтирована еще в 1804 г. Нужно думать, что или жители Штатной слободы первоначально сообщались с «посадом и с монастырем через плотину или что монастырь дорожил запрудой по причине насаженной в нее рыбы. Когда после 1804 г. спущена запруда и

уничтожена плотина, от которой не остается теперь никакого следа (за исключением сейчас помянутых контрафорсов), не имеем сведений.

В Мишутинском овраге, под самым монастырем, над открытым в 1863 г. прекрасным родником воды устроена паровая водокачка, посредством которой снабжаются водой родника весь монастырь (с академией) и все заведения монастыря, находящиеся вне его.

Против северо-восточного угла монастырской стены находится пруд (за старой гостиницей), за прудом Конюшенный двор, за двором огород.

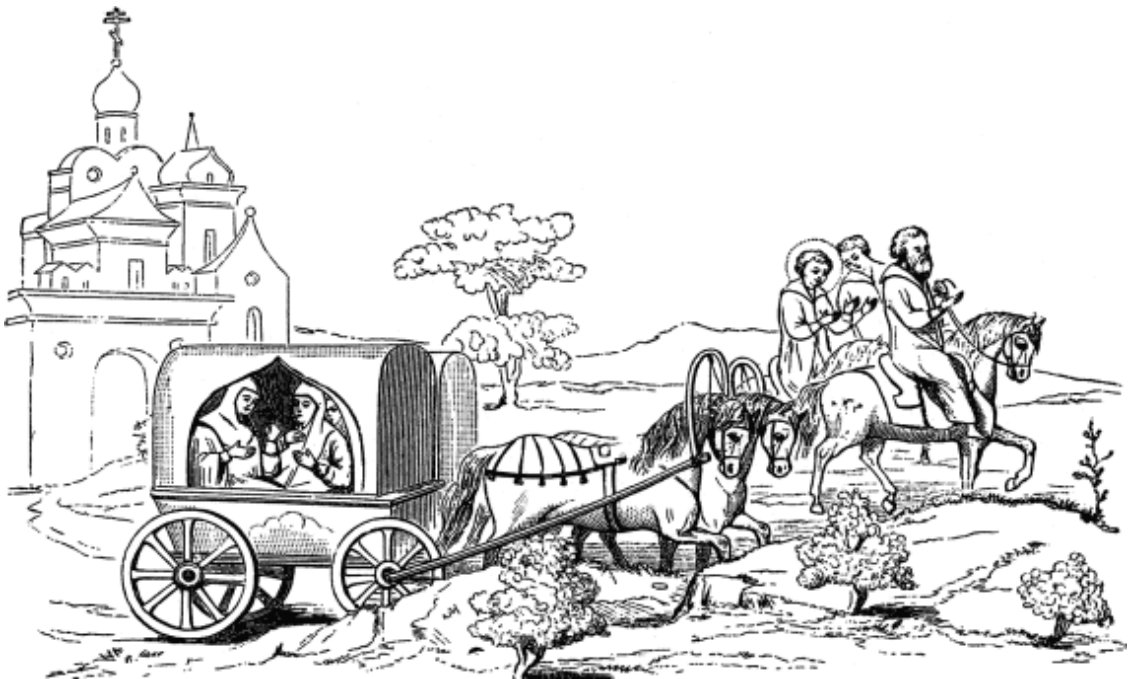
Пруд, называемый в настоящее время Белым, в XVII в. назывался Круглым и до построения гостиницы был значительно более нынешнего, так как двор гостиницы, поставленной на самом берегу пруда, был образован через засыпание части пруда. Нынешний Конюшенный двор, как мы сказали, построен в 1730 г. Вместо нынешнего огорода в XVII в. были огород и сад. В описи монастыря 1641 г. читаем: «Да против монастырские наугольные Житничные башни пруд Круглой; да у того же Круглово пруда огород капустной, а на нем живет старец; да возле ево монастырской сад, а в нем яблони». А так как о нынешнем Конюшенном дворе говорится, что он поставлен на семинарском огороде, то должно думать, что перед 1730 г. владела огородом семинария, бурсы которой стояли тут между 1747–1775 гг. – Большая новая кузница, как будто нарочным образом поставленная впереди конного двора и боком к нему, чтобы загородить и испортить вид на него, построена в 1893–1894 гг.

Примечательные окрестности монастыря

Радонеж (городок)

Маленький город или городок Радонеж составлял вторую родину Преподобного Сергея после Ростова. От переселения из Ростова и до пострижения в монашество преподобный прожил в нем со своими родителями около семи лет.

Радонеж, как село и с названием Радонежское, упоминается в первый раз в духовной грамоте великого князя Ивана Даниловича Калиты, писанной в 1328 г.: великий князь в своей грамоте отдает село Радонежское в удел своей княгине с меньшими детьми, под которыми понимаются две дочери. После смерти великой княгини в 1331 г. и по новому разделу Радонеж достался в удел младшему сыну Ивана Даниловича Андрею Серпуховскому, причем он был сделан городом с подчинением ему известной волости (известного уезда) и причем в нем посажен был княжеский наместник. После смерти князя Андрея Ивановича в 1353 г. Радонеж достался его сыну Владимиру Андреевичу, двоюродному брату Дмитрия Ивановича Донского и его знаменитому соучастнику в Куликовской битве. После смерти князя Владимира Андреевича в 1410 г. Радонеж достался в удел, и уже не как придаток к другим городам, а как главный, а вместе и единственный, город его младшему сыну Андрею Меньшому, который по сей час сказанному был именно князем Радонежским и который имел в Радонеже, как в единственном своем городе, и свою столицу. После смерти Андрея Владимировича бездетным в 1427 г. (погребен в Троицком соборе лавры) Радонеж достался его племяннику Василию Ярославичу Боровскому. В 1456 г., когда великий князь Василий Васильевич отнял удел у Василия Ярославича, Радонеж вместе со всем уделом вошел в состав великого княжения.

Переселение родителей Преподобного Сергея в Радонеж

Хотя Радонеж был городом и очень небольшим, только городком, но все-таки, когда из села он был превращен или возведен в город, в нем устроена была своя небольшая крепость (в старое время название города именно крепости и носили). Остаток крепостного вала (на

котором стояла крепостная стена, подразумевается – деревянная) уцелел до настоящего времени: прилегая к довольно высокому берегу реки Пажи, вал, на немалую часть поросший березняком, как будто представляет из себя неправильный четырехугольник, самая длинная сторона которого имеет до 80 сажен. Вероятно, с древнего времени, а во всяком случае не позднее как с первой половины XV в., и до неизвестного нам времени, но во всяком случае не менее, как до первой четверти XVII в., через Радонеж шла большая Московская дорога.

В первое время существования Троицкого монастыря недвижимые его имения находились, главным образом, в Радонежской волости: между 1456–1462 гг. великий князь Василий Васильевич освободил Троицких крестьян от суда своих Радонежских волостелей, предоставив их суду игумена монастыря или его приказчика и обязав их только давать волостелю два корма в год – на Рождество Христово и на Петров день. В 1491 г. великий князь Иван Васильевич, с целью, как предполагают, поддержания или поднятия своего городка, перевел в него от Троицы ярмарку, которая происходила под монастырем 25 сентября, в день преставления Преподобного Сергия. Как долго ярмарка оставалась в Радонеже, не имеем сведений, но в конце XVI в., в 1594 г., снова находим ее под монастырем, в селе Клементьеве. В начале XVII в. во время осады лавры поляками Радонеж подвергся одной участи со всеми ближайшими к монастырю селениями, а именно – был поляками разорен. В 1617 г. царь Михаил Федорович отдал Радонеж во владение Троицкому монастырю, вместе с чем из города он превратился во владельческое село. Для построения новой церкви в Радонеже на месго уничтоженной поляками архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын, ссылаясь на то, что близ городка нет хоромного леса (?), выпросили у царя повалушу с его двора, находившегося в селе Воздвиженском. Новая церковь была построена в честь не Рождества Христова, как было при Преподобном Сергии, а Преображения Господня. Нынешняя каменная церковь села построена прихожанами в 1840 г.; в ней два престола: в холодном храме в честь Преображения Господня и в теплом храме во имя Преподобного Сергия.

Вид села Городка (город Радонеж)

Нынешняя церковь находится не в валу бывшей крепости городка, а вне его и саженях в ста от него. Что же касается храма Рождества Христова, близ которого поселился в Радонеже отец Преподобного Сергия, то со всей вероятностью должно думать, что он находился в крепости или в самом «городе». Следовательно, нынешняя церковь нисколько не может служить к приблизительному указанию места, на котором находился дом родителей Преподобного Сергия. – Радонеж есть родина св. Гурия, первого архиепископа Казанского († 5 декабря 1563 г.), который был сыном здешнего мелкого помещика Григория Руготина.

Хотьков монастырь

Хотьков Покровский монастырь стоит на реке Паже, которая течет далее мимо Городка (Радонежа) и под селом Воздвиженским впадает в реку Вору, составляющую приток реки Клязьмы.

О начале Хотькова монастыря нет сведений. Но он основан или составился не позднее первой четверти XIV в., ибо в 1335–1336 гг. в нем постриглись родители Преподобного Сергия. Весьма вероятно, что в начале это не был монастырь в собственном смысле, а была приходская церковь, у которой жили старцы и старицы, что в древнее и старое время было очень обычно. Как бы ни было, но в первой половине XIV в. он был монастырем двойным – мужским и вместе женским, по каковой причине в нем одном и постриглись как отец, так и мать Преподобного Сергия, и этим монастырем двойным мужско-женским он оставался не менее, как до начала XVI в. В продолжение долгого времени монастырь был очень бедным, так что к нему шло название не столько монастыря, сколько монастырька, каковым последним именем он и называется. В 1506 г. великий князь Василий Иванович пожалован монастырю свою ругу. Грамота, которой государь назначает свою ругу, есть следующая: «Се аз князь великий Василий Иванович пожаловал есми попа Лукьяна да дьякона Захарья, что служат в Радонежском уезде у Покрова Пречистой Богородицы в монастыре на Хотькове, где лежат Сергия чудотворца родители, отец его Кирило да мать его Марья, или кто у той церкви у Покрова Пречистые в монастыре иной поц и дьякон будет, велел есми им давати ругу с г. на год на зборе (т. е. с выдачей ее в сборное воскресенье): попу пятнадцать четей ржи, да пятнадцать четей овса, да пять пуд соли; а дьякону десять четей ржи, да десять четей овса, да три пуда соли; а проскурнице шесть четей ржи, да шесть четей овса, да пуд соли, да на проскуры две чети пшеницы, да пуд соли, да на свечи безмен воску; да на семнадцать старцов и стариц, что живут в том монастыре, по окоу (по четыре чети) ржи, да по окоу овса, да по пуду соли на человека. А емлют тот хлеб и воск и соль поп и дьякон и проскурница и старцы и старицы у моего дворецкого Петра Васильевича. Дана грамота на Москве 7014 (1506) г. марта в 11 день». В 1545 г. царь Иван Васильевич Грозный, исполняя просьбу Троицкого игумена с братией, предоставил монастырь в заведывание Троицкого монастыря следующею своей грамотой: «Се аз князь великий Иван Васильевич всея Руси пожаловал есми Троицкого Сергиева монастыря игумена Никандра с братьею, или кто по нем иной игумен будет, что мне били челом, что в Радонежском уезде на Хотькове мой девичий мовастырек Покров святей Богородицы, а в том монастыре лежат чудотворца Сергия родители, и нам бы их пожаловати, дати тот монастырек в дом живоначальные Троицы и чудотворцу Сергию. И аз князь великий Иван Васильевич всея Руси пожаловати Троицкого Сергиева монастыря игумена Никандра с братьею, дал им тот девичь монастырек живоначаленей Троице и чудотворцу Сергию и с поповскою пашнею. А которая от нас та руга шла в тот монастырек хлебная и денежная и соль и та им руга имати потомуж с нашего дворца по книгам, как имали при отце нашем при великом князе Василье Ивановиче, а нынеча при нас. Писана у Троицы в Сергиеве монастыре лета 7052 (1544) августа в 1 день».

Став в промежутке между 1506–1544 гг. монастырем исключительно женским, Хотьков монастырь и остался таковым уже на все последующее время. Власти Троицкого монастыря желали получить его в свое заведывание, однако мало заботились о его благоустройении. В описи Троицкого монастыря 1641 г. читается описание Хотькова монастыря вместе с описаниями всех других приписных к Троице монастырей. Из этого описания видим, что две церкви монастыря были снабжены принадлежностями до последней степени бедно и скудно: пелены под местными иконами были крашенинные, а в одной из церквей и индития на престоле также была крашенинная; ризы священнические были свои – тафтяные, полот-

няные и крашенные, стихарь подризный был только один, крашенный и ветхий; стихарь диаконский также только один, полотняный и тоже ветхий. Для заведывания монастырем от Троицкого монастыря при нем постоянно жил иеромонах этого последнего. Монахини получали от Троицкого монастыря хлебное и денежное (весьма не щедрое) жалованье. В 1764 г. монастырь был отписан от Троицкого монастыря и помещен в 3 классе самостоятельных монастырей со штатом в семнадцать монахинь.

Гробница родителей Преподобного Сергия в Хотьковском монастыре

В конце XVI в. монахинь в монастыре было 35 и 36. В 1641 г. их было 42. В 1764 г., когда монастырь, отписанный от Троицкого монастыря, сделан был самостоятельным, в нем

было: монахинь 41, белиц вдов 34, девиц 40, а всех – 115. В конце XVIII в. число всех обитательниц монастыря возросло до 280; а с первой четверти XIX в. оно стало доходить до 350–400. До 1840 г. монастырь был особножитным, так что каждая монахиня имела собственное помещение (в келье, ей самой построенной или купленной у наследников одной из прежних монахинь, или нанимавшейся у монастыря, в собственность которому оставлялись кельи иными монахинями при смерти, а равным образом – в квартире, нанимавшейся у обладательниц того или другого рода келий) и собственное содержание (так что каждая монахиня в своей собственной или нанятой келье жила своим собственным хозяйством). Приобретая себе содержание, главным образом, трудами рук своих, монахини должны были продавать свои рукоделия; а по этой причине в монастыре, как это и вообще в женских особножитных монастырях, должна была завестись монашеская торговля. Но к торговкам-монахиням присоединялись и торговцы-миряне, когда при монастыре собирались торги или ярмарки, и таким образом повелось, чтобы торги и ярмарки происходили не под монастырем, а в самом монастыре.

До 1644 г. церкви в монастыре были деревянные. В этом последнем году стольник государев Василий Федорович Янов, как должно думать, – отец Ивана Васильевича Янова, который был благотворителем Троицкого монастыря, дал 1000 рублей на построение каменной церкви, которая и сооружена была в продолжение 1644–1648 гг. В 1811 г. церковь, построенная на деньги Янова, была разобрана, а на ее месте поставлена новая церковь, оконченная в 1816 г. Эта церковь, остающаяся до настоящего времени и составляющая главную церковь или собор монастыря, имеет три престола: главный в честь Покрова Божией Матери, и придельные: во имя Преподобного Сергия и святого Алексея митрополита. В трапезе церкви на правой стороне находятся гробы родителей Преподобного Сергия – Кирилла и Марии. На верхней стороне гробницы (общей для обоих), осеняемой балдахином, почившие изображены во весь рост и изображения их украшены серебряными ризами. На передней стороне гробницы вычеканены надписи: «Лета 6845 (1337) преставился раб Божий инок Кирилл, отец Преподобного Сергия Радонежского чудотворца. – Лета 6845 преставился раба Божия инока Мария, мать Преподобного Сергия Радонежского чудотворца». При гробах Кирилла и Марии поются для богомольцев панихиды.

Другие церкви в монастыре, все каменные, в настоящее время следующие: 1) находящаяся близ Покровского собора теплая церковь во имя Николая Чудотворца, с приделами в честь апостолов Петра и Павла и в воспоминание обновления храма Воскресения Христова во Иерусалиме (словущего Воскресения, – празднование 13 сентября); первоначально построенная в 1768 г. и увеличенная позднейшими пристройками, (недавно сломана и вместо нее в 1902–1905 гг., построена новая по проекту архитектора Лыткова, освященная 1 октября 1905 г.); 2) находящаяся над южными воротами монастыря при богаделенном доме в честь святителя Митрофана, построенная в 1833 г., и 3) находящаяся на северных воротах монастыря, в честь Рождества Иоанна Крестителя, построенная в неизвестном нам году и служащая к отправлению треб для прихожан монастыря, которых у него восемь деревень.

Крестовская часовня или место у креста

Крестовская часовня, о которой обыкновенно говорится: «у креста, от креста, ко кресту», находится недалеко от Троицы по направлению к Москве, подле Московского шоссе. Часовня поставлена на том месте, с которого святой Стефан Пермский, проезжая в Москву, заочно приветствовал Преподобного Сергия, и в воспоминание того, что Преподобный Сергей, духовными очами видевший приветствие Стефаново, отвечал ему на него своим взаимным приветствием. Должно думать, что сначала поставлен был один крест, что могло быть сделано потому, что в древнее время существовал у нас обычай ставить кресты на чем-либо

замечательным ознаменованных местах, а потом над крестом для укрытия его от непогод и для побуждения проезжающих и проходящих по дороге к воздаянию ему большого чествования была поставлена часовня.

Нынешняя каменная часовня, сколько можно судить по ее архитектуре, – второй половины XVIII в. Ныне находящийся в часовне крест (деревянный, больших размеров, из толстых круглых, составных или склеенных, не крашенных деревбев, восьмиконечный, причем нижняя поперечина не косая, а горизонтальная, на котором повешен меньший крест из досок, с изображением на нем распятия) недавнего сооружения, ибо прежде находившийся в ней крест перенесен в Гефсиманский скит (в котором стоит теперь на кладбище, в устроенной для него часовне или под устроенным для него балдахинном).

14 сентября, в день Воздвижения Животворящего Креста, в прежнее время совершался крестный ход к часовне Креста из села Воздвиженского, которое находится в 2½ верстах от часовни, а в настоящее время наоборот совершается крестный ход из часовни в село Воздвиженское. (Священник села Воздвиженского с причтом приходит перед обедней в часовню и вместе с приехавшими от Троицы иеромонахом и монахами служит в ней молебен, после чего один и другие идут крестным ходом в Воздвиженское и поют обедню).

Против часовни, через дорогу от нее, – маленький пруд или прудок, заброшенный колодезь и деревянная часовенка вроде будки. Прудов и колодезь, из которых о первом ходит легенда, будто он выкопан самим Преподобным Сергием, конечно, выкопаны были с целью доставления воды живущему при часовне монаху и приходящим богомольцам (в настоящее время при самой часовне глубокий, выкопанный в 1780 г., колодезь). А для чего будкообразная и жалкая на вид часовенка с двумя или тремя, совсем слинялыми, иконами, остается для нас непонятным.

До проведения железной дороги из Москвы к Троице у Креста была целая линия блинных, которые торговали также бойко, как и блинные Троицкие (причем блинам придавалось то значение, что они были для богомольцев поминовными блинами перед панихидой или после панихиды в Хотькове по родителям Преподобного Сергия и каждого богомольца своих собственных). В настоящее время для немногих пешеходных богомольцев остаются две блинные.

Вифанский монастырь

Вифанский, официальным языком – Спасо-Вифанский, монастырь находится от лавры к юго-востоку, на берегу речки Кончуры (той самой, на которой стоит и лавра), при ее выходе из пруда, который по монастырю называется теперь Вифанским и которого прежнее название – Ершовский или Вяльковский (первое из двух названий, по всей вероятности, от келаря Троицкого монастыря Вениамина Ершова, бывшего в продолжение 1730–1734 гг., который его устроил, а второе – от деревни Вяльково, которая находилась при впадении в Кончуру речки Корбухи, приблизительно на теперешнем месте семинарии).

Монастырь устроил в продолжение 1783–1787 гг. митрополит Платон «для успокоения своей старости и для погребения усопшей о Господе братии Сергиевы лавры» (как говорит описание Вифании, приложенное к Краткому описанию лавры). «Быв всегдашний уединения любитель, – пишет сам Платон о построении им монастыря в своей автобиографии, – рассудил он устроить это милое ему место с тем, чтобы, еще несколько продолжив правление епархии и приближаясь к старости, отказаться от оной и уединиться в ту пустыню и там окончить последние свои дни». С 1783 г., в котором было начато строение монастыря, Платон большую часть времени проживал в лавре и в новосоздавшейся пустыньке. С 1792 г., когда испрошено было им высочайшее дозволение жить в лавре, сколько рассудит, а правление епархии поручить своему викарию, он сделался постоянным жителем лавры и сво-

его нового монастыря, причем по зимам жил в первой, а по летам во втором. В Вифанском монастыре Платон и скончался 11 ноября 1812 г. и в церкви его и погребен.

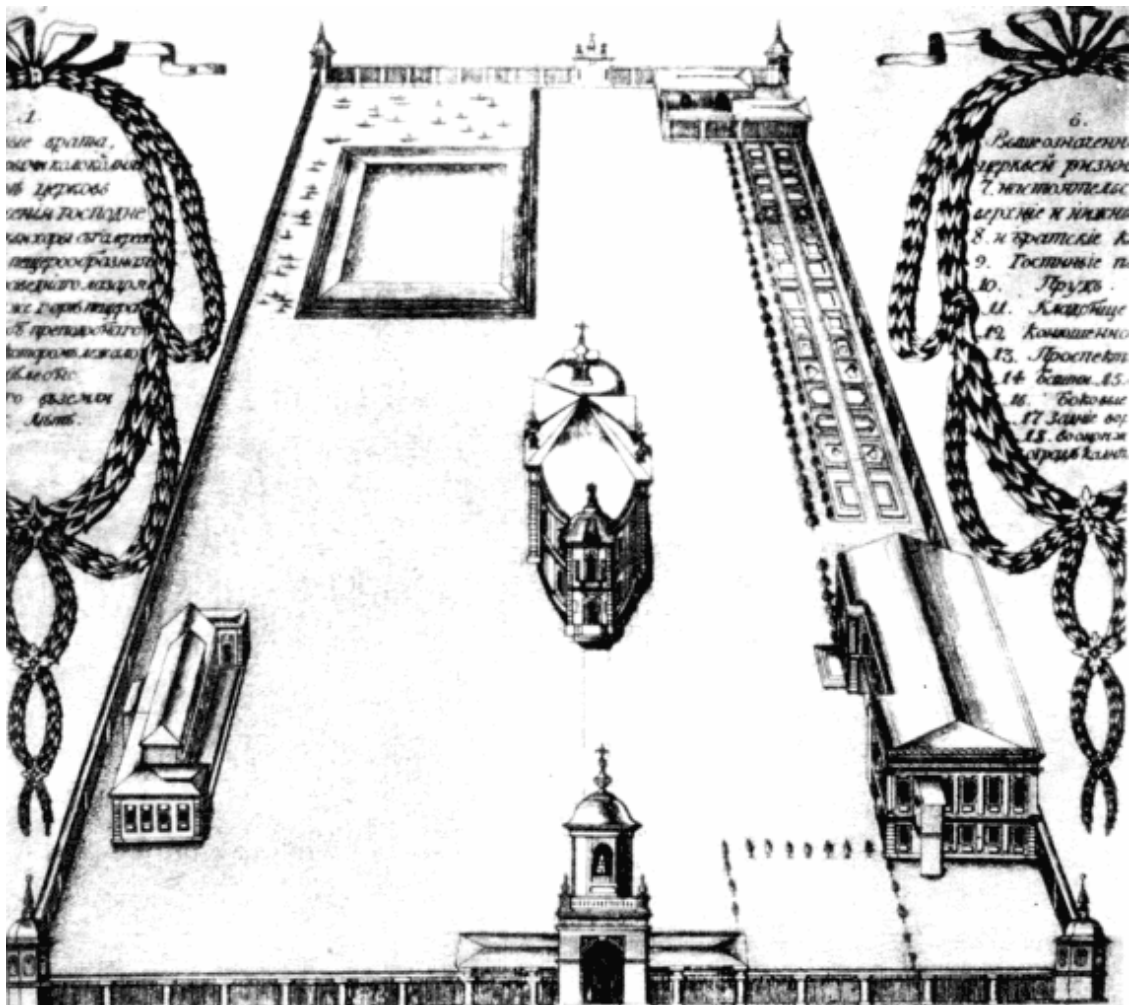

Вид Вифанского монастыря

Вифанский монастырь был построен как кладбищное отделение или как кладбище лавры. Но в 1797 г. посетил монастырь ученик Платонов император Павел Петрович и возвел его на степень самостоятельного второклассного монастыря, причем предписал, чтобы его настоятелями всегда были наместники лавры (и причем сохранил за ним и его назначение быть кладбищем лавры).

Замечательна в Вифанском монастыре по своей затейливости построенная митрополитом Платоном церковь. Главные из двух престолов ее в честь Преображения Господня, так сказать – натуральным образом воспроизводя событие Преображения, поставлен на горе. Это достигнуто таким образом, что в двухсветной церкви алтарное отделение сделано двухэтажным, с алтарями в нижнем и в верхнем этаже, – что стена нижнего алтарного отделения или нижнего алтаря, обращенная к церкви, отделана в виде горы (которая «убрана мохом, кустарником, цветками и даже зверками, гнездящимися в ее ущельях»), причем верхний алтарь оказывается стоящим на горе. Три сени, которые желал сотворить на Фаворе ап. Петр, изображены были алтарем, имеющим особую полукруглую форму, и крылосами, которые в виде небольших четырехстолпных беседок стояли по восточным концам хоров, идущих в уровень с алтарем вокруг всей церкви, и которых в настоящее время уже нет. В

нижнем этаже алтаря в виде вертепа устроен храм в честь Лазарева воскресения. В проходе из церкви в алтарь с северной стороны устроена как бы своя небольшая пещера, в которой погребен митрополит Платон и в которой над местом его погребения стоит гробница (надгробница). Над гробницей изображение Платона, лежащего во гробе; над изображением под стеклом его митра и дикирий с трикирием, а по сторонам – направо – его полное облачение, налево – белый клобук, мантия и посох. Гробница освещается неугасимой лампадой. У северо-восточной стены пристроя к церкви, который окружает ее с трех сторон, по левую сторону от горы верхнего алтаря или от нижнего храма, против гробницы митрополита Платона, стоит гроб Преподобного Сергия, который до 1786 г. стоял в Успенском соборе лавры, а в этом году перенесен Платоном из лавры в Вифанию. Гроб заключен в металлический футляр, а для его лобызания у футляра есть отворяющаяся дверца. Упомянутый нами пристрой к церкви, окружающий ее с трех сторон, сделан в 1830 г., причем, как дает знать митрополит Филарет, церковь, бывшая, вероятно, замечательной не одной своей горой, была перестроена так, что Платоновский подлинник ее был весьма испорчен (в одном письме к наместнику Афанасию Филарет пишет: «не могу я забыть, как жестоко испортили Вифанскую церковь»).

Вид Вифанского монастыря

Налево при выходе из Платоновой церкви или на юг от нее стоят Платоновы же архиерейские покои, в которых остается целой его домовая оригинальной формы церковь (значительно, впрочем, переделанная возобновителем покоев наместником Антонием, который вовсе не принадлежав к числу почитателей древности и редкости, и совсем было ее уничтожил и потом восстановил только уже по приказанию императора Александра I) и в которых

сохраняется некоторое количество принадлежавших ему раритетных и нераритетных вещей (что касается до самого устройства покоев, то до сих пор остается целым в одной комнате их зеркальный потолок, из небольших квадратных зеркал, вставленных в деревянную решетку или деревянный переплет).

Перед покоями стоит небольшая пирамида, окруженная решеткой. Она поставлена митрополитом Платоном в увековечение памяти о посещении монастыря императором Павлом в 1797 г. На ней надпись:

«1797 г. апреля 24.

Почто, Вифания, сей год и день прославляеши? – Яко державный Великий Государь Император Павел I и с Государынею Императрицею и со всею Августейшею фамилиею благоволили посетити мя и вкуситп zde трапезу.

Почто ты, пустыня, тако ликоствуеши? – Яко тогожде г., мая 1 дня, он Великий Государь во второкласный монастырь преобрази мя и еще при мне устроил быти училищу просвещения».

Находящаяся впереди покоев большая двухэтажная церковь построена в 1866 г. (в ней пять престолов; внизу: средний, в честь Тихвинской иконы Божией Матери, боковые – во имя Платона и Романа и архангела Михаила; вверху: главный в честь Сошествия Святого Духа и придельный во имя Николая Чудотворца).

В воротах монастырских под колокольной изображены были Платоном евангельские события, имевшие место в Палестинской Вифании и начертано было четверостишие:

«В Вифанию Христос пришел
И водворился тут:
О если б Он и здесь покой нашел!
Не тщетны б были кошт и труд».

Гефсиманский скит с пустыней Параклита

Гефсиманский скит, обыкновенно называемый просто Скитом, без прибавления Гефсиманский, находится в двух с половиной верстах от лавры к востоку, в местности, которая называется Корбухой, и за прудом, который от местности называется Корбушным.

По мысли наместника лавры архимандрита Антония и с одобрения митрополита Филарета скит был задуман, в качестве общежитного отделения лавры, в 1843 г., а устроится в том смысле, что расстраивается и перестраивается, можно сказать, и до настоящего времени (и благодаря усердию и щедрости московских монастырелюбцев и монастырелюбиц в настоящее время уже вовсе не представляет из себя той малой обители под сенью обители великой, о которой думал митрополит Филарет).

Просьбы братии Преподобному Сергию стать игуменом обители

Скит состоит из трех отделений: 1) собственного скита, 2) пещер и 3) Боголюбивой киновии.

В самом скиту, который составляет переднее или первое с приезда от лавры отделение тройного монастыря и в который женщины пускаются только один раз в году, находятся три церкви:

1. *Деревянная*, перенесенная из села Подсосенья, двухэтажная, с престолом в честь Успения Божией Матери (собственно – в воспоминание вознесения Божией Матери на небо) в верхнем этаже и с престолом в память Гефсиманского моления Спасителя в нижнем этаже. Иконостас в верхнем храме кипарисный, а стены его обложены дщцами из кедра, певга и кипариса. Есть в храме древние иконы и изображения и большое собрание частиц мощей. Иконостас в нижнем храме из дубового дерева с резьбой из черного дерева, а царские двери устроены в виде креста (верхний храм освящен митрополитом Филаретом 28 сентября 1844 г., а нижний храм освящен им же 8 июля 1846 г.).

2. *Трапезная церковь*, двухэтажная, с престолом во имя преподобных Сергия и Никона Радонежских в верхнем этаже (освященным 27 сентября 1853 г.) и с престолом Филарета Милостивого в нижнем этаже (освященным 27 сентября 1860 г.). В церкви находятся: 1) ковчег с частицей ризы Господней и с мощами святых, 2) крест с частью древа Животворящего Креста Господня, 3) схи́ма, в которой погребен был Преподобный Сергей, 4) схи́ма святителя Воронежского Митрофана и 5) схи́ма патриарха Никона. В церкви совершается непрерывное чтение псалтири о здравии живущих и за упокой умерших.

3. *Кладбищенская церковь* в честь Воскресения Христова, освященная 27 сентября 1853 г. (т. е. в один день с верхней трапезной церковью).

Близ кладбищенской церкви стоит в часовне или под балдахином большой деревянный крест, перенесенный в скит из Крестовской часовни.

Колокольня над входными воротами в скит построена в 1871 г.

Пещеры находятся на север от скита, за оврагом от него и за заливом пруда, ископаны они при самом основании скита или вскоре после его основания, как можно думать, с той целью, чтобы дать жителям Москвы возможность составлять себе некоторое понятие о знаменитых Киевских пещерах (и хотя они никем никогда не были обитаемы, а именно представляют собой только как бы модель настоящих, обитаемых подвижниками, пещер, они главным образом создали славу скиту, – так сказать, рекламировали его, и начали привлекать в него богомольцев). Двухэтажная церковь здесь устроена таким образом, что нижний этаж ее в земле, в пещерах, а верхний – над пещерами. Нынешняя пещерно-надпещерная церковь, только что построенная и представляющая по своей архитектуре Московскую церковь XVII в., есть очень хорошая церковь. Три престола верхней церкви посвящены: средний Черниговской иконе Божией Матери, боковые – Борису и Глебу и пророку Илии. Два престола нижней церкви посвящены: главный – архангелу Михаилу, придельный – царю Константину и матери его Елене. В нижней церкви находится чудотворная икона Черниговской-Ильинской Божией Матери. Икона пожертвована в скит одной женщиной в 1852 г.; первое чудо совершилось от нее 1 сентября 1869 г.

Колокольня при пещерах построена на иждивение купца Цурикова в 1874 г.

Боголюбивая киновия находится на запад от пещер, на берегу пруда. Она устроена для погребения лаврской братии. В ней двухэтажная церковь, построенная на иждивение купчихи Логиновой, с престолом во имя святых жен Матроны и Капитолины в нижнем этаже (освященным 27 сентября 1859 г.) и с престолом в честь Боголюбской Божией Матери в верхнем этаже (освященным 18 июля 1861 г.). В нижней церкви погребен схимонах Филипп (в манатейном монашестве называвшийся Филаретом, в мире также Филиппом, а обыкновенно – Филипушком и Филипушкой), устроивший киновию и весьма много содействовавший устройению всего скита.

Главный праздник в скиту 17 августа, в которое воспоминается вознесение Божией Матери на небо, так как этому воспоминанию посвящен верхний престол в деревянной церкви скита. Накануне праздника после обеда и в самый праздник пускаются в скит женщины (т. е. именно в переднее отделение его или скит в теснейшем смысле, а в два другие отделения – пещеры и Боголюбивую киновию доступ для женщин свободен всегда).

Пустыня Параклита, назначенная для любителей совершенного безмолвия из скитской братии и находящаяся в 5 верстах от скита к востоку, устроена в 1861 г. Церковь в пустыне, построенная на иждивение московского купца Королева, двухэтажная, с престолом в честь Сошествия Святого Духа в верхнем этаже и с престолом в память обретения главы Иоанна Предтечи в нижнем этаже.

Преподобный Сергей шьет рясу

В Вифанию ездят между прудами; в скит ездят через плотину, разделяющую два пруда. Местность по обе стороны среднего пруда, который на левой руке от дороги в Вифанию и на правой руке от дороги в скит и который в недавнее время отделен от верхнего, или скитского, пруда (когда строен был скит и когда нужно было сделать через пруд мост в него, причем мост сделан на плотине, проведенной через пруд и разделившей его на две части или отделившей от него нижнюю часть в особый пруд) называется Корбухой (от речки Корбушки, которая течет под водой прудов мимо скита и у Вифании впадает в Кончуру) и представляет собой местность историческую. Вот что читаем о ней в Кратком описании лавры: «На восток по Александровской дороге от лавры близ двух верст с половиною, есть загородный дом с садом и березовую немалою рощею; при них два больших пруда. Все сие место, которое называется Корбуха, с южной и западной сторон до верхнего пруда (разумеется та часть верхнего пруда, которая составляет теперь особый средний пруд), и с восточной обнесено каменною оградою, слишком на 650 саженьях по нынешней 1808-й год, вышиною в 3 аршина с половиною, тщанием преосвященного митрополита Платона. Место сие прежде было незнатно: ибо на нем были, на ближней к лавре стороне, деревянной двор с чердаком и скотской двор; но с 1742 г. со времени настоятельства архимандрита Кирилла, ближняя к лавре сторона начата приводима быть в порядок; на ней построен дом большой деревянной со службами, а по обе стороны того дома разведены регулярные сады и цветники и в при-

стойных местах сделаны беседки и все место обнесено палисадником; но бывший в лавре настоятелем архимандрит Гедеон в 1759 г. приказал сделать за прудом на дальней стороне Корбухи (понеже то место гораздо возвышеннее) деревянной дом на каменном фундаменте на 20 сажнях, которой и построен был в 1760 г., а со всею внутренней уборкой к окончанию приведен так, как он ныне есть, в 1762 г. уже при архимандрите Лаврентии. А преосвященный митрополит Платон оное место украсил долгими просеками в рощах, поставив на концах оных беседки и пирамиды. Сие место во время высочайших в лавре присутствий блаженные и вечной памяти достойные государыни императрицы Елизаветы Петровны и государыни императрицы Екатерины Алексеевны всегда посещаемо было их императорскими величествами». Митрополит Филарет в одном из своих слов, говоренных в скиту, обращаясь к воспоминанию о прошлом той местности, на которой поставлен скит, рассказывает: «Здесь был дом изящного зодчества, который устройством своим показывал, что он назначен был не для постоянного жительства, а только для летних увеселительных посещений; здесь был сад, в котором растительная природа слишком много страдала от искусства, ухищрявшегося дать ей образы ей несвойственные, урочище сие было украшено для царских посещений». В начале XIX в., как сообщает тот же митрополит Филарет, Корбушный дом, находившийся по ту сторону пруда, отдан был под дачу наставникам и ученикам лаврской семинарии, ибо говорит: «Здесь царский дом и сад делаются (потом) местом скромного отдохновения наставников и учеников духовного училища, которое лавра основала в своих стенах, на своем иждивении, в дни своего изобилия». Когда не стало дома на этой стороне пруда, не имеем сведений, а дом, который находился на той стороне пруда, употреблен на какие-то другие постройки в 1822 г., причем митрополит Филарет в своем письме к наместнику Афанасию от 22 августа 1822 г. дает знать, что тогда на Корбухе был один только кирпич от фундаментов зданий и от стены развалившейся (знаменитая архимандричья и, вероятно, вообще властная летняя, как это говорит митрополит Платон в своей автобиографии, Корбушская баня оставалась целой до зимы 1821 г., ибо от 17 ноября того года Филарет пишет Афанасию: «Корбушскую баню сломать надобно»). Некоторый остаток каменной стены, которой обнесена была Корбуха по ту сторону нынешнего среднего пруда, уцелел до настоящего времени; это – у Александровской или Вифанской дороги при выезде на нее из скита.

История лавры. Осада поляками

Осада поляками составляет знаменитейшее событие в истории лавры. Поэтому мы скажем о ней нарочито и подробно. Главный источник сведений об осаде составляет сказание о ней, принадлежащее Аврамию Палицыну (знаменитому келарю Троицкого монастыря с 1608 по 1620 гг.).

7 января 1598 г. скончался царь Федор Иванович, не оставив наследников, и с ним прекратился царский дом племени Рюрикова. 17 февраля того же года был избран в цари Борис Федорович Годунов. В начале 1604 г. объявился в Польше самозванец, а в октябре того же года он вступил в Россию. 13 апреля 1605 г. внезапно скончался Борис Федорович Годунов и его место занял сын его Федор Борисович. 1 июня 1605 г. Москва объявила себя за самозванца, Федор Борисович был сведен с престола и спустя 10 дней был вместе с матерью убит. 20 июня того же года самозванец вошел в Москву. 17 мая 1606 г. самозванец был убит, а 19 мая избран был в цари князь Василий Иванович Шуйский. В самом непродолжительном времени после избрания Шуйского в цари поднял против него знамя восстания во имя спасшегося будто бы от смерти самозванца князь Григорий Шаховской, примеру которого скоро последовал Иван Болотников. 1 августа 1607 г. явился в Стародубе новый самозванец. 1 июня 1608 г. второй самозванец пришел под Москву и расположился станом в принадлежавшем Троицкому монастырю селе Тушине, находящемся в 12 верстах на северо-запад от Москвы по Волоколамской дороге. Войсками второго самозванца, Тушинского царька, или Тушинского вора, и был осаждаем Троицкий монастырь, каковая осада начата была через четыре без семи дней месяца после прибытия самозванца под Москву.

Явление Преподобного Сергия осаждающим

Впрочем, решение овладеть лаврой принадлежало не столько самому самозванцу, сколько одному из его воевод – Петру Сапеге. Ян Петр Павел (у русских: Петр Павло-

вич) Сапега, каштелянович Киевский, староста Усвятский и Керепетский, происходивший из весьма знатного польского (собственно – литовского) рода Сапег, племянник или двоюродный брат тогдашнего знаменитого канцлера Литовского Льва Сапег, наделенный хорошими военными способностями, но с наклонностями в достаточной мере разбойничьими, будучи увлекаем жадой приключений и упражнений в грабительстве, для чего наше отечество представляло тогда такое прекрасное поприще, пришел к самозванцу в Тушино с 7 тысячами на вербованного им войска вскоре после того, как самозванец основался в нем станом (в конце августа 1608 г.). Пробыв при самозванце дней около 20 и тяготясь его бездеятельностью, а также побуждаемый и своей враждой с его гетманом (главным воеводой) князем Романом Рожинским, Сапега решился отделиться от него и самостоятельно начать завоевание замосковной, северной Руси. Первую крепость на север от Москвы представлял собой Троицкий монастырь, и Сапега решил начать свои завоевания с последнего. Конечно, он мог бы и обойти монастырь, не трогая его. Но поляка привлекала слава о великих богатствах монастыря, которые молва представляла, конечно, и несравненно большими, нежели каковы они были в действительности, между тем как взятие монастыря казалось делом сравнительно легким. С другой стороны, через взятие монастыря произведено было бы чрезвычайно важное нравственное впечатление на северных русских: если бы монастырь достался в руки самозванца, то северными русскими, которые смотрели на монастырь как на свою величайшую святыню, это могло быть понято – одними как знак того, что Бог отступается от них, что повергло бы их в отчаяние, при котором уже не может быть мужества в сопротивлении; другими – как свыше сделанное приглашение признать самозванца истинным Дмитрием и своим царем. Наконец, имелось в виду и то очень важное, чтобы занятием Троицкого монастыря загородить дорогу к столице из северной России. К Сапеге для овладения Троицким монастырем присоединился Александр Лисовский. Лисовский (Ян Александр, у русских – Александр Иванович), явившийся к самозванцу из Польши несколько ранее Сапег и еще до прихода его под Москву, как известно, представлял собой идеал отчаянного наездника: рыща в своих разбойничьих набегах с невероятной быстротой, он успел исходить с шайками своих головорезов всю северную Русь, так что трудно указать в ней место, где бы он не побывал.

Вид Ростовского Троицкого Варнежского монастыря

Сапега принял намерение идти под Троицкий монастырь, когда Лисовский производил свои опустошения во Владимирской губернии. Приглашенный Сапегой возвратиться в Тушино, он шел от Переяславля мимо Троицы и выжег село Клементьево, что было предо-

стережением для Троицких обитателей готовиться к бедам. Царь Василий Иванович Шуйский хорошо должен был понимать, что потеря Троицкого монастыря была бы для него великим несчастьем и поэтому он принимал свои меры, чтобы не допустить ее. Когда самозванец утвердился в Тушине, явилось полное основание опасаться, что он захочет овладеть Троицким монастырем, хотя бы ради только сокровищ монастыря. Ввиду такого опасения царь послал в монастырь свой, хотя и не особенно большой, гарнизон, под начальством двух осадных воевод – князя Григория Борисовича Долгорукого и Алексея Ивановича Голохвастова. Когда Сапега и Лисовский двинулись под монастырь для его взятия, царь посылал, было, перехватить им дорогу свое войско под начальством своего брата Ивана. Войско это наступило неприятелей и вступило с ними в бой между селом Воздвиженским и деревней Рахмановым, в 14–15 верстах от Троицы, но было на голову ими разбито.

Под монастырем Сапега и Лисовский явились 23 сентября 1608 г., на канун кануна памяти Преподобного Сергия. Когда войско неприятельское показалось и остановилось на Клементьевском поле, монастырский гарнизон в составе частей конной и пешей сделал против него вылазку, которая была очень удачна: неприятелей многих перебили и переранили, а сами возвратились в монастырь без потери.

Сапега и Лисовский начали смотреть, где бы им стать с войсками, и, разделившись, поставили два стана: Сапега поставил свой стан на юго-запад от монастыря, на Клементьевском поле; Лисовский поставил свой стан на юго-восток от монастыря, в Терентьевой роще, каковым именем называлась нынешняя Вознесенская слобода от шоссе до железной дороги и вообще до поля. Станы устроены были так, что известные площади земли были окружены валами, на которых были поставлены остроги или заборы из стоячих заостренных 5 бревен и что в них поделаны были «крепости многие», неизвестно – в чем именно состоявшие. Для жилья, конечно, поделаны были в острогах мазанки, бараки. Некоторый остаток от стана Сапегина сохранился до настоящего времени, – это остаток вала, который был под острогом. От стана Лисовского не сохранилось никакого следа; он находился над речкой и должен быть полагать около полотна железной дороги. Избрав места для станов, Сапега и Лисовский заняли все дороги к монастырю своими заставами или сторожами (кордонами) так, чтобы нельзя было ни войти в него, ни выйти из него (заставы представляли из себя маленькие острожки, и вал от острожка одной заставы уцелел до настоящего времени, это – верстах в полутора – двух на северо-запад от монастыря, подле дороги в деревню Бобяково).

Осажденные, в свою очередь, начали готовиться к осаде. Прежде всего предали огню находившиеся вокруг монастыря слободы и монастырские службы, чтобы ими не воспользовались для осадных целей неприятели. Затем, воеводы князь Долгорукий и Голохвастов, совместно с архимандритом Иоасафом и соборными старцами, привели всех (воеводы начав с самих себя) у раки Преподобного Сергия к крестному целованию, из дворян и из монахов выбрали голов или начальников, разделили между ними монастырские стены и башни и ворота, чтобы всякий из них знал свой участок и свое место и заботился обо всем, что нужно для обороны, чтобы производили они пальбу по осаждающим из стенной артиллерии, а со стены не сходили ни для какой другой службы, а для вылазок и «в прибавку» (в запас, в резерв) и к «приступным местам», т. е. в наиболее опасные места стены назначили особых людей. Вместе с назначением людей, которые бы производили по осаждающим артиллерийскую пальбу, устроили и самую артиллерию: расставили ее по всем башням и во всех трех боях башен – верхнем, среднем и подошвенном. Всенощное бдение под праздник Преподобного Сергия совершено было среди всеобщего плача и рыдания. Одному священноиноку, по имени Пимен, было в эту ночь видение: молился он в своей келье всемиростивому Спасу и Пречистой Богородице) и вдруг оконце его кельи осветил свет; посмотрел он на монастырь и видит – светло как пожар, так что подумал, не зажгли ли монастырь неприятели; выйдя на крыльцо кельи, он увидел над главой церкви Живоначальной Троицы огненный столп,

простиравшийся в высоту до тверди небесной. Ужаснувшись страшному видению, Пимен позвал других многих монахов и мирян, которые все и видели знамение. Спустя немного времени столп начал опускаться и свился в одно место, как огненное облако, и вошел окном, которое над (южными) дверями, в церковь Пресвятой Троицы.

Явление Преподобного Сергия Минину

Прежде чем начинать осаду монастыря, Сапега и Лисовский решили попытаться, не будет ли сдан им монастырь воеводами и монахами без осады. С этой целью на шестой день после прихода под монастырь, 29 сентября, они прислали в монастырь две грамоты – одну воеводам, другую – архимандриту Иоасафу. В грамоте к воеводам Сапега и Лисов-

ский писали: «Покоритесь великому государю вашему царю Дмитрею Ивановичу, сдайте нам град, (и) зело пожаловани будете от государя царя Дмитрее Ивановича; аще ли не сдадите, да весте, яко на то есмя пришли, (что) не взяв града прочь не от ити; аще сдадите град Троицкий монастырь, и мы вам пишем царским словом и со всеми избранными паны заистинствуем (удостоверяем), яко не токмо во граде Троицком наместники будете от государя нашего и вашего прирожденного, но и многие грады и села в вотчину вам подаст; аще ли не сдадите нам града, а даст Бог возьмем его, то ни един от вас во граде милости от нас не узрит, но умрет зле». Архимандриту Иоасафу Сапега и Лисовский писали: «И ты, святче Божий, старейшино мнихом, архимандрит Иоасаф, попомните жалование царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, какову милость и ласку стяжал к Троицкому Сергиеву монастырю и к вам мнихом великое жалование, а вы беззаконники все то презрели, забыли есте сына его государя царя Дмитрее Ивановича, а князю Василью Шуйскому доброхотствуете и учите во граде Троицком воинство и народ весь сопротив стояти государя царя Дмитрее Ивановича и его позорити и псовати (ругать) неподобно, и царицу Марину Юрьевну, такоже и нас. И мы тебе, святче архимарит Иасаф, засвидетельствуем и пишем царским словом: запрети попом и прочим мнихом, да не учат воинства не покаются царю Дмитрею, но молити за него Бога и за царицу Марину, и нам град отворите без всякие крови. Аще ли не покоритесь и града не сдадите, и мы зараз (тотчас, весьма скоро) взяв замок ваш и вас беззаконников всех порубаем (порубим, предадим смерти)».

Воеводы и архимандрит Иоасаф с соборного приговора со старцами и дворянами и всеми воинскими людьми отвечали Сапеге и Лисовскому: «Да весть ваше темное державство, гордии начальницы Сапега и Лисовский и прочая ваша дружина: вскую нас прельщаете Христово стадо православных христиан. Богоборцы, мерзость запустения, да весте, яко идесяти лет христианское отроча в Троицком Сергиеве монастыре посмеется вашему безумному совету. А о них же есте к нам писасте, мы сия приемше оплевахом: кая бо польза человеку возлюбити тму паче света и преложити истину на лжу и честь на бесчестие и свободу на горькую работу? Како же вечную оставити нам святую истинную свою православную христианскую веру греческого закона и покоритися новым еретическим законом отпадшим христианские веры, иже прокляти быша от четырех вселенских патриарх? Или кое приобретение и почесть, еже оставити нам своего православного государя царя и покоритися ложному врагу и вам – латыне иноверным и быти нам яко жидом или горши сих: они бо жидове не повнавше Господа своего распяше, нам же, знающим своего православного государя, под их же царскою христианскою властию от прародителей наших родихомся в винограде истинного пастыря Христа, како оставити нам повелеваете христианского царя и ложною ласкою и тщетною лестию и суетным богатством прельстити нас хотите? Но ни всего мира не хотим богатства противу своего крестного целования».

Ответ воевод и архимандрита, который, главным образом, есть ответ последнего с соборными старцами и всеми монахами, указывает нам на тот особенный взгляд архимандрита и монахов на дело, по которому немислимо было, чтобы они согласились предать монастырь Сапеге и Лисовскому. Архимандрит и монахи видели в Сапеге и Лисовском не только слуг самозванца, ложного царя, но и проклятых еретиков – латинян, и главнейшим образом вторых, чем первых, так что предать им монастырь значило бы не только допустить измену политическую, но и оставить святую истинную свою православную веру греческого закона, с тем, чтобы покориться новым еретическим законам отступников от христианской веры, – значило бы предать гроб великого чудотворца Сергия на поругание врагам православной веры. Это последнее немислимо было со стороны монахов; а поэтому немислимо было и то, чтобы они захотели предать монастырь Сапеге и Лисовскому.

Получив ответ воевод и архимандрита, Сапега и Лисовский приступили к осаде монастыря.

Явление Преподобного Сергея при осаде лавры

Число осаждающих было очень велико, число осажденных очень мало. Однако должно быть признано, что число первых, которое показывается у Палицына и которое иными принимается, весьма преувеличено. У Палицына показывается, что осаждающих было до 30 тысяч человек, кроме черни, т. е. черной, наемной из мужиков, прислуги, и кроме полоняников или пленников, под которыми не совсем ясно и не совсем понятно кого разуметь. Что относительно этой огромной цифры весьма возможны сомнения, видно из того, что мы имеем два другие показания о числе осаждающих и что по одному из этих других показаний их было $21\frac{1}{2}$ тысячи, а по другому – тысяч около 101. Обращаясь к делу так сказать исторически, мы увидим всю основательность сомнений в достоверности цифры, показанной у Палицына. Лисовский пришел к самозванцу из Польши, как это мы знаем положительно, с отрядом войска в 700 человек; Сапега привел к нему из Польши, что также известно нам положительно, отряд войска в 7000 человек. Вместо 7700 приведенных 30 000 осаждающих, это будет излишек в 22 300. Но подобный огромный излишек или огромное увеличение войска Сапеги и Лисовского уже в самой России, представляющее собой нечто совсем невероятное, и заставляет решительным образом сомневаться в достоверности цифры осаждающих, показанной у Палицына. Более или менее значительное увеличение уже в России или в самой России войска Лисовского для нас понятно. Войско это, приведенное им под Троицкий монастырь, состояло, главным образом, из русского сброда – из дворян и детей боярских разных городов, из казаков Запорожских, Донских, Волжских, и др. Что Лисовский скоро успел собрать около себя из сброда русских более или менее значительное отрепанное или оборванное войско; в этом нет ничего невероятного: он был во вкусе этого сорта людей предводитель, – такой, хотим сказать мы, лихой и огневый грабитель, что они должны были устремиться и повалить к нему толпами. Но войско Сапеги состояло, главным образом, из пляков и литовцев, так что ему вербовать себе солдат в самой России значило переманивать их от других находившихся в России польских предводителей, а чтобы он мог

иметь в этом случае сколько-нибудь значительный успех, это вовсе не представляется вероятным. Однако, если понятно для нас быстрое увеличение в самой России войска Лисовского, то никак не можем мы допустить, чтобы увеличение это, имевшее притом место в очень непродолжительное время пребывания Лисовского в России, было такое огромное, каким мы должны были бы представлять его, признавая достоверность числа осаждающих, показанного у Палицына. Но и на содержащееся у Палицына показание о числе осаждавших смотрят, собственно говоря, неправильно. Палицын не от себя показывает, что осаждавших было 30 000 человек, а передает показание пленных поляков, последним же совершенно естественно было преувеличивать число осаждавших для устрашения осажденных. Определяя действительное число осаждавших, мы, во-первых, имеем те 7700 человек войска, которые приведены были Сапегой и Лисовским из Польши и менее которых число осаждавших уже не могло быть. Во-вторых, к 700 человек войска, приведенного из Польши Лисовским, мы должны прибавить более или менее значительное количество русских, несомненно представших к Лисовскому в России. Наконец, мы со всей вероятностью должны допустить, что и к Сапеге пристало то или другое количество поляков от других польских вождей именно для осады Троицкого монастыря. Троицкий монастырь обладал большими сокровищами в своих церквах и в ризнице и большим богатством казны, а молва преувеличивала эти сокровища и это богатство до невероятной степени, и надежда найти в монастыре, в случае его взятия, невероятно богатую добычу и могла привлечь к Сапеге то или другое количество Поляков от других Польских вождей, равно как и к Лисовскому привлечь Русских специально или нарочито для осады Троицкого монастыря. Из сказанного нами следует, что число осаждающих должно быть полагаемо, не менее как тысяч в 10 человек. Думаем, что если между двумя помянутыми нами выше показаниями о числе осаждающих, которые имеем помимо Палицына, мы возьмем среднюю цифру 15 000 человек, то будем более или менее близки к истине или к действительности. Дневник Сапег, к сожалению, не указывает с точностью количества войска, которое было приведено им под монастырь, но во всяком случае как будто не позволяет принимать войска более, нежели сколько мы принимаем, а современный летописец Смутного времени Мартин Бер именно говорит, что самозванец дал Сапеге для осады Троицкого монастыря 15 000 воинов. Что касается количества осажденных, способных носить оружие и участвовавших в обороне монастыря, то оно приблизительно составляло 2400 человек или несколько менее. Палицын говорит, что «в осаде померло старцев и ратных людей побито и померло от осадные немощи детей боярских и слуг и служебников и стрельцов и казаков и пушкарей и затинщиков и даточных людей и служних 2125 человек, кроме женского пола и недорослей и маломощных и старых». Затем он говорит, что царем было прислано из Москвы 60 человек казаков, а им самим (Палицыным) из той же Москвы 20 человек монастырских слуг, и что в приступ к монастырю поляков 31 июля 1609 г. в последнем не было больше двухсот человек (способных носить оружие). Складывая эти цифры, получим 2405 человек. Но в числе старцев или монахов Палицын разумеет не одних только способных носить оружие, а всех вообще. От цинги, свирепствовавшей в монастыре, которую Палицын в сейчас приведенных словах разумеет под осадной немощью, умерло по его – Палицына – показанию 297 монахов (которых он включает в приведенный счет) и нельзя думать, чтобы все эти 297 человек были способные носить оружие. Итак, осаждающих было около 15 000 человек, а осажденных 2400 или 2300 с чем-нибудь человек. Количества были очень неравные. Но с осажденными был Преподобный Сергей, который охранял стены монастыря и который и сотворил то чудо, что многочисленные полчища врагов напрасно простояли под монастырем в продолжение 16 месяцев.

Во время осады население монастыря состояло не из одних только способных носить оружие. Жители окрестных селений не полагали, чтобы поляки стали такое продолжительное время осаждать монастырь, как это на самом деле случилось, а надеялись, что придут

они, немного постоят и уйдут: поэтому, вместо того, чтобы бежать от них куда-нибудь в глухие места, они поспешили укрыться от них в монастыре, в который не только привели свои семьи, но пригнали даже и скоты. Людьями и животными монастырь наполнился до того, что стал представлять из себя как бы ярмарку, на которой с трудом движутся: «От окольных стран мнози прибегоша, – говорит Палицын, – мневше, яко вскоре преминется великая сия беда, и толика теснота бысть во обители, яко не бе места праздна; мнози же человецы и скоты без покрова суще и расхишаху всяка дресеа и камение на создание кушам, понеже осени время наста и зиме приближающиеся, и друг друга реюще о вещи пометней (друг друга толкая, друг с другом ссорясь из-за всяких пустяков, из-за всякой дряни) и всяких потреб не имущим и всем изнемогающим, и жены чада раждаху пред всеми человеки и не бе никому со срамотою своею нигде же скрытися, и всяко богатство небрегомо и татьми некрадомо и всяк смерти прося со слезами».

К сожалению, Палицын не сообщает ближайших и точнейших сведений, как люди устроились с жилищами и с пропитанием себя. Питать и содержать гарнизон солдат, находившийся в монастыре, и всех, кто привлечен был нести осадную службу, составляло обязанность монастыря, а что касается остальных, которые только укрывались в монастыре от поляков, то власти монастыря писали царю осенью 1609 г.: «Как и сели в осаде, все люди едят Троецкой хлеб, а своего у всякого было мало запасено», т. е. власти хотят сказать, что укрывавшиеся в монастыре от поляков и не несшие в нем осадной службы сначала ели свой хлеб, кто сколько принес с собой, а когда съели свой хлеб, питаемы были монастырем. Что касается запаса хлеба в монастыре, то его было достаточно: в указанном письме к царю власти, правда, говорят, что «хлеба, ржи и муки и всяких запасов малее», однако не жалуются на наставшую скудость, а Палицын прямо говорит, что «хлебом преизобильна была тогда обитель чудотворца».

Получив ответ воевод и архимандрита, Сапега и Лисовский, как мы сказали, приступили к осаде монастыря. Но прежде они решили попытаться, не возьмут ли они эту монашескую крепость, о которой были очень невысокого мнения, без правильной осады и без дальних хлопот одним приступом или штурмом. На другой день по получении ответа воевод и архимандрита, 30 сентября, они предприняли этот приступ или штурм, поведя его всем своим войском и со всех четырех сторон монастыря, Но они мужественно отбиты были осажденными и уже после этого решились начать правильную осаду, к которой на всякий случай готовились заранее. В ночь с 30 сентября на 1 октября, или под Покров Богородицы, они поставили против монастыря свой «наряд», или свои артиллерийские батареи. Батарей поставлены были две линии: одна с южной стороны, с заворотом на восточную, другая с западной стороны. На южной стороне были поставлены четыре батареи: первая, начиная от запада, была поставлена на горе Волкуше, которая, как сказали мы выше, есть гора над Келарским прудом с южной стороны и на которой место батареи должно быть полагаемо около подъема в Клементьевскую улицу или над юго-западным концом Келарского пруда; вторая батарея была поставлена подле Московской дороги, – это на той же Волкуше, но у юго-восточного конца Келарского пруда, близ шоссе (где дом посадского училища или несколько выше); третья батарея была поставлена на Терентьевой роще, – это на Вознесенской площади, ибо Терентьевой рощей называлась тогда местность теперешней Вознесенской слободы, и именно, как нужно думать, более или менее близко к оврагу (может быть, на месте, где теперь стоит дом Мемнонова, бывший Бибикова); четвертая батарея была поставлена на крутой горе против монастырской мельницы, – это где теперь Малая Вознесенская улица упирается в шоссе, идущее к вокзалу железной дороги. На западной стороне батареи были поставлены на верху Красной горы, на которой теперь Ильинская слобода; всех было поставлено их здесь пять и они расположены были линией от Келарского пруда до Косого или Глиняного врага, в который упирается на севере теперешняя Ильинская улица: первая

от Келарского пруда батарея – против Водяной башни монастырской стены, вторая батарея – против погребов и Пивного двора и против келаревых келей; третья батарея – против келарской и против казенных палат; четвертая батарея – против Плотничной башни; пятая батарея, у самого Глиняного врага, – против Конюшенной башни (находящейся уже на северной стороне монастыря).

Впереди всех батарей для их защищения от осажденных они тотчас же поставили большие и многие туры, которые были заготовлены у них заранее. Туры, именем которых Палицын называет и самые батареи, большие цилиндрические, бездонные, корзины, которые ставятся впереди артиллерийских батарей рядами и насыпаются землей: в промежутки между корзинами стреляют в неприятеля, а за ними укрываются от его выстрелов.

Троице-Сергиева лавра

Линию батарей на западной стороне монастыря поляки укрепили и еще, а именно – выкопали впереди их глубокий ров от Келарского пруда до Глиняного врага, а впереди рва из вынутой из него земли сделали высокий вал. Всех орудий на девяти батареях было поставлено поляками 63 пушки и пищали.

Батареи были поставлены поляками на южной и на западной сторонах отчасти потому, что с этих двух сторон представлялось удобным бомбардировать монастырь, отчасти для того, чтобы ими (батареями) прикрыть от нападения осажденных свои станы. Что касается остальных двух сторон, – восточной и северной, – то на первой стороне они понакопали много ям и рвов, т. е. понаделали траншей, а вторую сторону, на которой по условиям ее местности нельзя было поставить батарей и наделать траншей, оставили, так сказать, в покое.

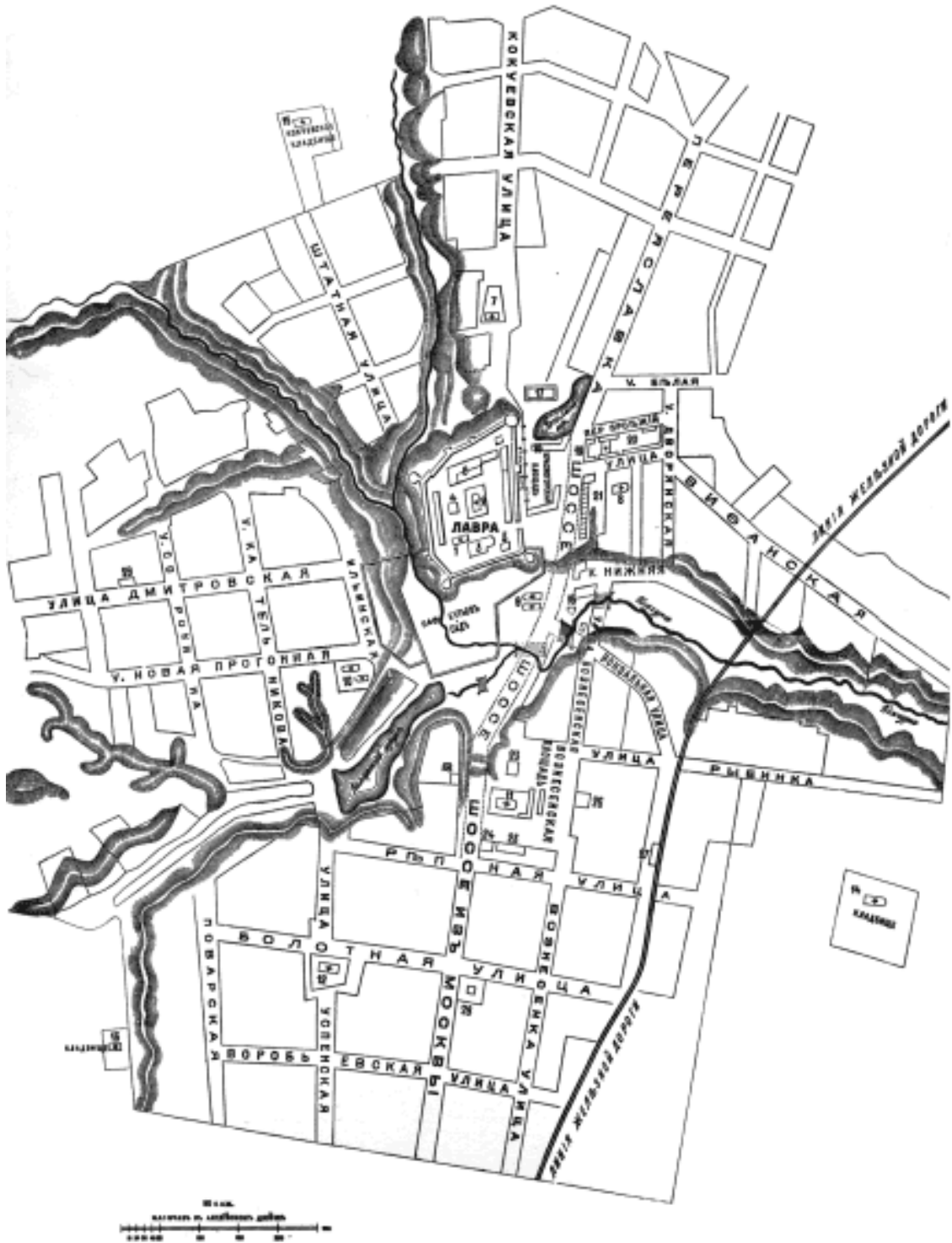
Относительно количества артиллерийских орудий, каким вооружены были монастырские башни или каким располагали осажденные, не имеем прямых сведений. Заключая от последующего времени и основываясь на частных свидетельствах Палицына об успешном действии артиллерии осажденных против осаждающих, причем он прямо говорит о многих пушках и пищалях, должно думать, что орудий в монастыре было достаточно.

3 октября 1608 г. поляки открыли пальбу с своих батарей по монастырским стенам или начали бомбардирование последних. Это бомбардирование продолжалось потом в течении шести недель до остановки военных действий на зимнее время. Палицын пишет об этом бомбардировании монастыря: «месяца октября в 3 день начаша (поляки) бити из-за всех туров и биюще (били) по граду шесть недель беспрестанно изо всего наряду и из верховых (вверх, навесно стреляющих пушек) разжженными (раскаленными) железными ядры; обитель же пресвятыя и живоначальные Троицы покровенна бысть десницею вышнего Бога и нигде же не зажгоша: ядра бо огненные падаху на праздные места и в пруды и в ямы мотыльные (которые были тогда открытыми?), а разжженные железные ядра из деревяных храмин беспакостно (без вреда) изымающе (изымали), а ихже увязнувших в стенах не узрят, го сами устываху Но воистину убо дело се промысл бысть самого превечного Бога Вседержителя, иже творит преславная чудеса имиже весть неизреченными своими судьбами. Сущии же на стенах града людие, не могуще стояти, сохраняхуся за стены, изо рвов бо и из ям (навыкопыванных поляками близ стены у них – поляков) прицелены была пищали меж зубцов (стены), и тако людие стояще неотступно, ждуще приступу и о сем едином крепляхуся (т. е. думали только о том одном как отразить приступ, если он последует); а иже в башнях у наряду, и тем велика беда бысть от муки, от стреляния бо стенам градным трясущимся и камению рассыпающуся и вси зле страждуще; но дивно о сем строение Божие бе: во время бо стреляния зряще вси нлиноы (кирпичи) рассыпающесе и стрельницы (башни) и стены сотрясаеми, по единому бо мишеню от утра даже до вечера стреляние бываше, паки же стены нерушими бываху, споведающе же часто о сем врази, яко зрим всегда в стрелянии огонь исходящ оив стен и дивимся о сем, что не от камени, но от глины искры сыплуются. И бысть тогда во граде теснота велия и скорбь и беды и напасти, и всем тогда в осаде сущим кровию сердца кипяху, но от полезного дела, еже наченше (начали), не преставаху смерти же ожидаху и всяко врагом сопротивляхуся».

На четвертый день после начатия бомбардировки, 6 октября, Сапега и Лисовский решились обратиться еще к другому средству для овладения монастырем, а именно – повесть под его стену подкоп, чтобы, взорвав часть последней, открыть в ней такую брешь, которою бы можно было войти в монастырь. Из подгорья от мельницы, которая находилась на нижнем конце пруда, лежавшего ниже Пятницкой церкви, поляки повели ров на гору к Красным воротам (причем воспользовались бывшими тут надолбами и прислоняя к ним доски сыпали к последним вынимаемую из рва землю) и доведя его на гору столько, что верхний конец его приходился против круглой наугольной или Пятницкой башни, 12 октября повели из него подкоп или траншею (подземный ход) под башню. От осажденных поляки скрывали свою работу надолбами (забор из стоячих бревен), которые были тут прежде или которые они нарочно поставили сами.

Но ведя бомбардирование монастыря и поведа под него подкоп, Сапега и Лисовский не оставили испытать и третье средство, бывшее самым надежным, – это приступ к монастырю или штурмы. Первый приступ после начатия бомбардировки имел место ночью с 13 на 14 октября. 13 октября Сапега устроил большой пир на все войско и весь день поляки с русскими изменниками бесновались, играли и стреляли, а к вечеру начали скакать на лошадях, с знаменами в руках, по всем полям Клементьевским и по монастырским вокруг всего монастыря. После этого Сапега вышел с своими полками из стана и стал у батарей за земляным валом, что на западной стороне монастыря, а полки Лисовского заняли места в Терентьевой роще и протянулись по восточной стороне монастыря до Сазанова врага, что теперь за Вифанской и за Переяславской улицами, и через Переяславскую и Угличскую дороги до Мишутина врага, который есть враг, отделяющий Кокуево от Штатной слободы. Между тем по монастырю была производима непрестанная пальба из всех батарей. В первом часу ночи (т. е. в первом часу после заката солнечного) поляки с музыкой пошли со всех сторон на при-

ступ к монастырю, имея с собой лестницы, щиты (большие, представлявшие из себя целые стены с проделанными в них окнами для стрельбы, которые сколочены были из досок или бревен и возились на колесах), и туры рубленые на колесах, – деревянные, более или менее высокие башни (у Грозного под Казанью были башни 6 сажень вышины), которые на колесах подвозились к стенам осаждаемых крепостей, чтобы действовать с них против осажденных (от этих башен, невероятных для тех людей, которые их не видали, невероятное – «туры на колесах»; у Палицына по ошибке или по незнанию им названия: тарасы). Но осажденные так искусно действовали против них своей артиллерией, что не дали им близко подойти к стене и заставили их ретироваться с такой поспешностью, что они побросали лестницы, щиты и туры, которые на другой день по утрам осажденные и подобрали, чтобы употребить их на дрова. После этого в продолжение семи дней сряду поляки напрасно возобновляли свою попытку взять монастырь приступом. В продолжение этих семи дней архимандрит Иоасаф со всем освященным собором совершал в Троицком храме прилежные моления Господу Богу и Пречистой Богородице и чудотворцам Сергию и Никону о заступлении от врагов и совершил по стене монастыря крестный ход.

План Сергиевского посада

Успешно отражая приступы врагов, осажденные позволили себе делать и вылазки на них. Первая такая вылазка имела место 19 октября или через 16 дней от начала бомбардирования монастыря. Стоявшие на монастырской стене стражи (караульные, часовые) увидели что поляки пришли на капустный огород (не видно, на который из двух, бывших под монастырем) брать капусту и что их немного; не спрашиваясь воевод, спустились за стену по веревке и, напав на поляков, одних убили, других ранили. Успех этих своевольных вылазчиков заставил воевод устроить формальную вылазку: устроили вылазку в три отряда (тремя отрядами), из которых один пошел на капустный огород по плотине верхнего Круглого пруда, что против Житничной или северо-восточной угольной башни, к Служней слободе,

другой пошел на неприятельские батареи, что на Красной горе, а третий пошел на Княжее поле за токарню и за Конюшенный двор, на находившиеся здесь неприятельские заставы. Когда поляки увидели наших, то сурово устремились на них. Результатом сшибок во всех трех местах было то, что с обеих сторон мнози пиша смертную чашу, причем наших особенно много было убито и ранено у туров или батарей на Красной горе. В эту первую вылазку убежал или перебежал к полякам троицкий монастырский слуга Осип Селевин.

19 октября в 1608 г. было в среду. В следующее воскресенье, 23 октября, явился Преподобный Сергей пономарю Иринарху, когда тот сел опочить после заутрени, и приказал ему возвестить воеводам и ратным людям, что будет зело тяжкий приступ к Пивному двору, который находился вне монастыря у западной его стены, но чтобы они не ослабевали, а с надеждой дерзали. Приступ действительно имел место с воскресенья на понедельник и не только к Пивному двору, а и в других местах. Но осаждающие везде отбиты были с большим для них уроном, причем не удалась им и их попытка сжечь Пивной двор. На этот раз осажденные между прочим действовали против осаждающих тем, что на подходивших близко к стене спускали с башен козы с огнем («с башен козы со огнем спускающе, Литовских людей многих побили, понеже приидоша близь града»).

26 октября, в день памяти великомученика Дмитрия Солунского, после того как архимандрит совершил крестный ход по стене монастыря и отпел соборный молебен, воеводы сделали вылазку на польские заставы, находившиеся на Княжем поле и в Мишутинском овраге, вообще, с северной стороны монастыря. Вылазка была успешна, причем взят был в плен один из заведовавших заставами ротмистров, по фамилии Брушевской. Воеводы, как нужно думать, уже и прежде догадывались о том, что поляки ведут под монастырь подкоп, ибо трудно допустить, чтобы в продолжение 20 дней они не заметили копания поляками рва и траншеи, как бы последние ни таились с своими работами. Брушевской тотчас же был подвергнут расспросу, и «в распросе и с пытки» сказал, что действительно, ведут поляки подкоп под монастырскую стену и под башни; но что касается до места, куда ведут подкоп, то или не мог или не хотел указать его и отозвался незнанием».

Русские воины со старинными знаменами

Получив достоверные сведения, что поляками ведется под монастырь подкоп, воеводы тотчас же озаботились принятием мер к тому, чтобы открыть, куда именно ведется подкоп, и чтобы пресечь ему путь в том его предполагаемом направлении, которое признавалось наиболее вероятным. С первой целью поручили троицкому слуге, по имени Влас Корсаков, который был весьма искусен в саперном деле, копать землю под башнями и в стенных печурах и делать частые слухи (ямы или колодези, в которых бы выслушивать подземные работы неприятеля). Со второй целью, а именно – чтобы пресечь подкопу предполагаемый путь к Красной башне Святых ворот, приказали выкопать поперек Красной площади, от Служней слободы к монастырю, глубочайший ров (который, как необходимо думать, выкопан был многими людьми зараз, в одну ночь, ибо долго копать ров поляки, конечно, не дали бы). 1 ноября была сделана осажденными вылазка, как нужно думать, с целью захватить «язы-

ков» или пленных, от которых бы узнать, куда ведется подкоп. Но вылазка окончилась весьма несчастливо: троицких всяких людей было побито и поранено 190 человек, а языка не было добыто ни одного. «Тогда же, – говорит Палицын, – бысть во граде (в монастыре) всем православным христианом скорбь велика и плач и ужас ради подкопов, понеже слух во ушеса всех разыдеса, что ведут Литовские люди подкопы, а о том достигнути не могут, под которую стену или под башню ведут, и тако вси смерть свою койждо пред своими очима видяще и вси притекающе к церкви святыя живоначальные Троицы и в цельбоносным мощем теплых заступников наших, великих чудотворцев Сергия и Никона, и вси на покаяние к Богу обратишася, исповедающеся Господеви и отцем своим духовным и причащахуся телу и крови Господни, в смерти готовящиеся». Воеводы приказали казакам и всем охочим людям (охотникам) выходить из монастыря тайно ночью для добывания языков по ямам и во рвах, которые поляки нарыли близ восточной монастырской стены (траншеем). Языков наимано было много, но никто из пойманных не мог сказать, куда именно ведется подкоп.

В эти скорбные и тяжкие для осажденных дни Преподобный Сергей явился архимандриту Иоасафу, чтобы утешить через него людей, истомившихся от страха и отчаяния. Архимандрит воздремал во время службы в церкви Святой Троицы и вот видит Преподобного Сергия стоящим перед чудотворным образом Святой Троицы (что по правую сторону царевых дверей), воздевшим руки горе и со слезами молящимся Святой Троице; после молитвы преподобный обратился к архимандриту и сказал ему: «Брате, восстани, се время пению и молитве час, бдите и молитесь, да не внидете в напасть; Господь всесильный многих ради своих щедрота помилова вас и протчее время подаст вам, да в покаянии поживете». Архимандрит поведал о явлении ему Преподобного Сергия всей братии. В самый день видения, 2 ноября, поляки сделали приступ, привезя и прикатив к стене монастырской многие щиты, туры и турусы; но осажденные ударили в них из многих пушек и пищалей и прогнали их, нанеся им большой урон, а побросанные ими «пряступные козны» отчасти предали огню, отчасти внесли в монастырь. 4 ноября осажденные сделали вылазку на Красную площадь и к Подольному монастырю: имел жаркое дело с поляками, которые повыскакали на них из своих ям и рвов (траншей), тут достали наконец языка, который был нужен. Захвачен был в плен раненый казак, по фамилии Дедиловский; в распросе и с пытки он сообщил все нужные сведения о подкопе, точно указав, куда именно он ведется и сказав, что он уже почти готов и что на Михайлов день, 8 ноября, поляки хотят подставлять под стены и под башни порох. В ту же ночь пришел в монастырь выходец из лагеря Лисовского Иван Рязанец. Он подтвердил, что подкоп почти уже готов и что он ведется, как указал Дедиловский, под круглую наугольную, или Пятницкую, башню. Вместе с тем он рассказал о видениях, которые были казакам, находившимся в войске Лисовского, и которые должны были послужить к ободрению осажденных. Он говорил, что многие атаманы и казаки видели ходящих по поясу монастырской стены (по поясу или пояску, который идет по стене с наружной стороны под зубцами?) двух старцев, светозарных образом, по подобию Сергия и Никона чудотворцев, из которых один кадил монастырь, а другой кропил святой водой, и которые, обратившись к казацким полкам, ярым гласом поносили их за то, что они стеклись разорить дом Пресвятой Троицы, и прибавляли, что не даст им жезла Господь на жребий свой, – что некоторые из безумных казаков и из поляков стреляли было в старцев, но что стрелы и пули отскакивали в самих стрелявших и многих из них ранили. Он говорил, что в ту же ночь Преподобный Сергей явился во сне многим казакам и многим полякам, грозя принести на них мольбу Вышнему Царю и показав им посредством образов, как страшно все они погибнут, и что это сонное явление заставило некоторых донских казаков уйти от Лисовского домой, с обещанием, не поднимать более руки на своих православных заодно с иноверцами.

Вид колокольни в лавре

Выслушав показание Дедиловского, подтвержденное Рязанцем, воеводы приказали поставить в монастыре параллельно с южной частью восточной стены от Пятницкой башни до Святых ворот острог или острожок, сзади которого турусы насыпали и наряд устроили, т. е. к которому сделали прируб, насыпанный землей, с тем чтобы на нем поставить артиллерийские орудия. Острог или острожок этот воеводы, очевидно, поставили затем, чтобы в случае взрыва поляками в данном месте монастырской стены не дать им ворваться в монастырь (поражать их с острога, когда бы они врывались в брешь). В то же время, посовето-

вавшись с архимандритом и старцами, воеводы решили для скорой вылазки очистить в стене монастырской потайные ворота в ров, который шел вдоль стены с восточной стороны, что и сделали каменосечцы, найдя старый вылаз подле Сушильной башни, в который по его разчищению вставлены были три железные двери.

Восьмой день ноября, праздник собора архангела Михаила, был для осажденных днем скорби и плача. Прошло уже 30 дней и 30 ночей, как поляки непрестанно бомбардировали монастырь со всех своих батарей, и в этот день ядра неприятельские причинили в нем несколько несчастий. У одного монаха, по имени Корнилий, когда он шел за обедню в Троицкий собор, оторвало ядром правую ногу по колено; так что едва он успел причаститься на обедне, как скочался; потом была убита одна старица, которой оторвало правую руку и с плечом. Во время пения вечерни, когда все стоявшие в церкви с воплем и рыданиями били себя в перси, прося у Бога милости, вдруг ядро неприятельское ударило в большой колокол на колокольне (которая находилась у западной стены Духовской церкви), отразилось от колокола в алтарное окно Троицкого собора, пролетело в алтарную арку и пробило приходившийся против арки, стоявший в третьем ряду иконостасе, образ архангела Михаила, пробив образ ударилось в столп церковный, от столпа отразилось в стену, от стены в подсвечник, который перед образом Святой Троицы и, сделав выбоину в подсвечнике, отразилось от него в левый крылос, у которого и развалилось. Едва стоявшие в церкви перестали следить с трепетом за полетами этого ядра, как другое ядро прошибло южные железные двери церкви (нынешней паперти с южной стороны еще не было), ударилось в местный образ Николая Чудотворца (стоявший у северной стены, напротив мощей Преподобного Сергия) и пробило его доску, за которой и скрылось, не быв потом найдено. Тогда на всех стоящих в церкви напал ужас, и она огласилась воплями и рыданиями, а на пол ее полились реки слез. Но тогда же последовали и утешения и ободрения. Архимандрит Иоасаф во время пения стихир на страшной вечерне сведен был в забытие, и вот видит он архистратига Михаила с лицом сияющим как свет и со скипетром в руке, который говорил к противным: «О враги лютори! се ваша, беззаконницы, дерзость и до моего образа дойде: всемогущий Бог воздаст вам вскоре отмщение», и который после сих слов стал невидимым. Архимандрит сообщил о видении всей братии, и облекшись с иеромонахами в священные ризы, отпел молебен всемогущему Богу и архистратигу Михаилу. Потом, когда архимандрит совершал у себя в келье келейное правило, увидел он вошедшего к нему Преподобного Сергия, который сказал ему: «Возстани и не скорби, но в радости молитвы приноси: предстоит бо и молится Богу о обители и о вас святая пречистая Богородица и приснодева Мария со ангельскими лики и со всеми святыми». В следующую ночь сподобились видения и многие монахи и миряне. Видели, как Преподобный Сергей ходил по монастырю и будил братию, говоря: «Идите, братие иноцы, немедленно во святую церковь и обрящете благодать», и потом видели, что вошел в церковь Серапион архиепископ Новгородский в святительской одежде и стал в алтаре пред образом Богородицы, – что Преподобный Сергей обратился к нему с словами: «Отче Серапионе! Почто умедлил еси принести моление ко всемогущему Богу и пречистой Богородице», – что архиепископ Серапион воздел руки и возопил: «О всепетая Мати, рождающая всех святых святейшее Слово, нынешнее приношение приемши, от всякие напасти избеже всех и грядущие изми муки вопиющая ти: аллилуиа». Вместе с этими ободрявшими дух осажденных видениями, порадованы были они в наш праздник и одной удачей в отношении к делу обороны. В числе орудий батареи, которая находилась на Терентьевой роце, была у поляков очень сильная («люта зело») пицаль, которую звали трещерой. Двумя удачными по ней выстрелами со стены привели ее в состояние негодности: одним выстрелом с башни Водяных ворот разбили у ней зеленник или пороховую затравку, а другим выстрелом с Красной башни от Святых ворот разбили ей устье или дуло.

Но если праздник архангела Михаила был для осажденных днем плача и сетования, то следующий день, 9 ноября, во исполнение возвещенного Преподобным Сергием архимандриту Иоасафу, что Божия Матерь молится о них, был для них днем величайшей радости и ликования, ибо в этот день Господь даровал им великое одоление на поляков. Решено было рано утром в этот день сделать вылазку, и именно – тремя отрядами. Первый отряд вышел в потайные ворота, ведущие в ров, с тем, чтобы сделать нападение на поляков, находившихся под Красной горой у подкопного рва; второй отряд вышел с Пивного двора и через луковый огород, или нынешний Пафнутьев сад, и по плотине Красного пруда, который находился ниже Келарского пруда, между ним и Пятницкой церковью, пошел на поляков, стоявших на горе Волкуше; третий отряд вышел Конюшенными воротами и направился (как должно думать) на польские заставы, стоявшие на северной стороне монастыря. Когда из монастыря тремя ударами в осадный колокол дали знать отрядам начинать нападение, – то третий отряд, «крикнувши многими гласы, нарекши ясак Сергиево имя», стремительно бросился на поляков, которые не выдержали и обратились в бегство. Второй отряд вступил в битву с поляками, находившимися на горе Волкуше. Первый отряд, напал на поляков, стоявших у подкопного рва, сбил их на Нижний монастырь и за мельницу и – что всего важнее, – нашел устье подкопа. Выискались мужественные и самоотверженные люди, которые решились взорвать подкоп и которые это и сделали, пожертвовав своей жизнью: «и благодатию Божиею, – пишет Палицын, – тогда обретоша устье подкопа, вскочше же тогда во глубину подкопа ради творимаго промысла (т. е. для дела, которое нужно было сделать) крестьяне Клементьевские Никон, зовомый Шилов, да Слота и егда зажгоша в подкопе зелие и скалы и смолу, заткнувши устье подкопа, и взорва(-ло) подкоп, Слота же и Никон ту в подкопе сгореша». Второй отряд, напавший на поляков, находившихся на горе Волкуше, был отбит последними и прогнан до Нижнего монастыря; тогда первый отряд, прогнав поляков, стоявших у подкопного рва, соединился со вторым и общими силами они прогнали сейчас указанных поляков в Терентьевскую рощу и на Волкушу.

Московские войны

В то время как второй и третий отряды бились с поляками на восточной и на южной сторонах монастыря, у некоторых монахов загорелись сердца желанием сделать нападение на польские батареи, стоявшие на западной стороне монастыря. Побежали они на Пивной двор к чашнику старцу Нифонту Змиеву и говорили ему: «отче Нифонте! врази наши одолевают нам, но святая Троица дарова нам бедным велику помощь над враги, – подкопы у них отняли и зарушили, и к тебе сего ради приидохом, даждь нам совет (посоветуй нам, одобри наше намерение), чтобы еще отнять у Литовских людей туры (батареи) на Красной горе и своему воинству помощь истраду сотворити». Старец Нифонт, посоветовавшись с другими старцами, взял с собой 200 человек ратных людей, в числе которых то или другое количество было из возвратившегося третьего отряда и 30 монахов, с которыми и пошел с Пивного двора на вылазку.

Перейдя речку, отряд поднялся на Красную гору к батареям. Когда в монастыре стало известно, что некоторые отправились на польские батареи на Красной горе, то нашлись желающие присоединиться к ним, которые насильно вырвались из монастыря Котошенными воротами, перемогши воеводу Алексея Голохвостова и воротных приставов, и нагнали отряд. Поляки открыли по шедшим на них жестокий огонь не только из пушек и пищалей, но

и из мелкого оружия, и сбили их под гору. Наши, несколько оправившись, пошли во второй раз на батареи, но и во второй раз были сбиты под гору. Тогда они отступили во враги Благовещенский и Косой или Глиняный и притаились в них, чтобы заставить поляков думать, что они совсем ушли. Помедлив несколько времени, когда поляки перестали ожидать нападения, они разделились на двое, и одна половина неожиданно напала на неприятелей с тыла, а другая стремительно напала спереди. Неожиданность и стремительность нападения имели своим следствием то, что наши овладели одной за другой тремя батареями. У четвертой и у пятой батарей поляки вступили с нападавшими в жестокий бой. Но к нашим скоро подошла большая помощь из монастыря, и они с подоспевшими прогнали поляков и от этих батарей и, таким образом, овладели всей линией батарей, находившиеся на Красной горе. О богатой военной добыче, которую поляки оставили нашим на Красной горе, Палицын говорит: «Да тут взяли восемь пищалей полукорных и полковых и всякого оружия Литовского, затинных и изрядных самопалов и рушитц, копий же и оскордов, палашей и сабель, пороху бочки и ядр и всяких запасов множество». Наших убито было 174 человека, а поляков – более полутора тысяч человек. 9 ноября было поистине днем радостнейшим для сидевших в Троицком монастыре; в знак победного ликования архимандрит приказал звонить в колокола до полночи, а сам со всей братией отпел благодарственный молебен Господу Богу и Божией Матери, преподобным Сергию и Никону и всем святым. Решено было тотчас же послать в Москву к царю с известием о великой победе, одержанной над поляками.

Около 8 ноября в местности Троицкого монастыря установилась зима, которая должна была остановить военные действия, заставив поляков заключиться в их станах. Но прежде чем заключиться в станах и желая отомстить и несколько вознаградить себя за понесенное поражение, они пытались нанести поражение осажденным с помощью хитрости; в свою очередь эти, не давшись в обман поляков, сделали против них сильную вылазку и учинили ожесточенный с ними бой. В один из следующих дней за 9 ноября поляки, скрыв сильные засады с восточной и северной сторон монастыря в подходящих для того местах, послали к стенам монастырским небольшие толпы своих, чтобы они выманили на себя осажденных и навели их на засады. Осажденные, увидев под монастырем небольшие толпы поляков, действительно дались было в обман и сделали вылазку. Но стражи, стоявшие на колокольне, увидели сидевших в засаде, начали бить в осадный колокол и воротили назад вышедших на вылазку. В ближайшее к 9 ноября воскресенье, 13 числа, был по утру сильный туман. Пользуясь им, монастырские воеводы решились устроить вылазку, которая превратилась потом в сильное побоище и окончилась великой победой осажденных над поляками. Воеводы послали вылазных людей на заставы из полков Сапегиных, стоявшие в Благовещенском враге и на нагории к Благовещенскому лесу, и на заставу из полков Лисовского, стоящую за садами у Нагорного пруда, что в конце теперешнего монастырского огорода, который за Конным двором, или же сзади его (а принимать за Нагорный пруд, как принимают, прежний Круглый, теперешний Белый пруд, что за Старой гостиницей, должно быть признано за ошибочное, ибо пруд этот был не за садами, а впереди садов, и стоять у него заставе было бы слишком близко от монастыря, а равно и название: Нагорный мало к нему идет). Высланные против застав Сапегиных скоро побили их гарнизоны, но Сапега выслал против них многие роты, а, в свою очередь, и к нашим присланы были из монастыря многие конные и пешие люди: завязался великий бой, который кончился тем, что наши прогнали поляков к Клементьевскому пруду. Лисовский, увидев нападение осажденных на его заставу, сам поспешил прийти на ее выручку с конными и пешими людьми и принудил наших отступить в городской ров (т. е. ров, который был подле восточной стены). Тогда воеводы послали из монастыря на помощь им конную вылазку, головами которой назначили старцев Ферапонта Стогова и Малафея (Малахию) Ржевитина и в которой было 20 других старцев; а также пришла на помощь к ним часть вылазных людей с Красной западной горы (за которой была нагорная

Сапегина застава). Все вместе бросились на Лисовского и прогнали его под гору, на луг за мельницей и на Терентьевскую рощу. Из Терентьевской рощи Лисовский спустился в раздолье за горой Волкушей, а Сапега пришел со всеми своими полками на Красную западную гору. Лисовский поспешил присоединиться к Сапеге и оба вместе они ударили на монастырских вылазных людей, остававшихся на Красной горе, которых и согнали к Пивному двору. Но тут между вылазными людьми нашелся герой или богатырь, который остановил натиск поляков. То был крестьянин, по прозвищу Суета, который был великан ростом и исполин силой, но который был неловок и неумел, так что постоянно служил предметом насмешек. Возгласив: «Сегодня умру или получу славу ото всех», Суета начал страшно сечи поляков своим бердышом направо и налево и поддержанный другими принудил их ретироваться. Лисовский поворотил к Косому или Глиняному оврагу на находившихся там «заводных» (запасных, резервных) Троицких людей, у которых начальником был монастырский слуга Пимин Тенетев. На пригорке у рва (который был выкопан поляками впереди их батарей и упирался в Глиняный враг) между поляками и нашими завязался жестокий бой, но наконец первые, опасаясь «подсады», т. е. засады, постепенно начали ретироваться, а наши, в свою очередь, начали отходить в Глиняный овраг. Лисовский хотел было взять живым Тенетева, когда этот уходил, но он оборотился, выстрелил в Лисовского из лука и ранил его в лицо, так что принуждены были отвести его в Сапегин лагерь. Между тем со стены монастырской ударили по полякам из множества орудия и побили их большое количество. Поляки обратились, было, в бегство, но потом у многих из них закипело сердце желанием отомстить за Лисовского, они воротились и с яростью напали на русских; произошла ожесточеннейшая резня, причем пущены были в ход ножи и просто руки. Наконец, наши убили главного предводителя поляков князя Юрия Горского, чем и обратили их в бегство и после чего сами вошли в монастырь с великой победой.

Вид лавры с юго-восточной стороны

Самый конец военных действий перед зимней остановкой не совсем был счастлив для осажденных. Они обыкновенно доставали себе дрова из рощи, находившейся в Машутинском враге, в который посылали дровосеков под прикрытием конных и пеших воинов. Поляки устроили на наших засаду, приведя в рощу многие роты, и внезапно напали на них, когда они явились в нее за дровами. Воины, сопровождавшие дровосеков, вступили с поляками в жестокий бой; как кажется, прибежала к ним помощь и из монастыря. Но в конце

концов одолели враги: 40 человек наших было убито, много было ранено и несколько захвачено было в плен.

Около половины ноября поляки прекратили бомбардирование монастыря, оставили рвы и ямы, выкопанные ими около стены монастырской (траншеи) и удалились в свои станы, чтобы переждать в них зиму. Впрочем, Лисовский не долго сидел в стане и, оставив монастырь, отправился, несмотря на зиму, для своих разбойничьих подвигов на север от Троицы.

Прекращение военных действий дало осажденным отдых от непрестанного день и ночь обстрела монастырских стен. Но не успел настать этот отдых, как их постигло другое страшное бедствие. От необыкновенной тесноты в монастыре и от соединенной с ней страшной грязи, от весьма плохой пищи, которой для многих сидевших в монастыре было сухоедение («сухомятка», как говорят те люди, которым приходится довольствоваться сухоядением), от недоброкачественной и загрязненной воды и от нравственной крайней угнетенности людей, 17 ноября, в Никонов день, появилась в монастыре цинга, которая начала свирепствовать в нем со страшной силой и свирепствовала не только всю зиму, но почти и всю весну до 10–15 мая следующего 1609 г. В наибольший разгар болезни умирало ежедневно по 20 и по 30, по 50 и даже (если не впадает Палицын в преувеличение) по сто человек. Иеромонахи монастырские совершенно выбились из сил, напутствуя умирающих и погребая умерших, так что наконец должны были держать их над больными под руки. За копанье могил брали сперва по рублю, потом по два и по три рубли, потом по четыре рубля и по пять рублей, и наконец не стали брать никаких денег, да и не стало людей, которые бы копали, так что начали погребать в общих ямах (которые выкапывались, как следует думать, по распоряжению монастырских властей). Население монастыря разделялось на два класса: на способных носить оружие и неспособных (старики, женщины и дети). Из двух тысяч человек первого класса уцелело от цинги не более двухсот человек; конечно, и второй класс был пощажен ею не более: а из этого можно видеть, какой был страшный мор! Болезнь была невыносимо мучительная, а между тем за большей частью больных не было совершенно никакого ухода, так что единственное, чем могли облегчать себя люди, это – вопли, которыми и наполнился весь монастырь. Цинга есть болезнь, по преимуществу грязная и вонючая, и она превратила весь монастырь в одну ужасную заразную больницу. Что такое представлял собой монастырь в отношении к грязи, это дает понять Палицын, когда говорит, что (при наставшей возможности) вывезли из него, чтобы бросить в ров и сжечь, более ста возов всяческих порт, – что давали от воза огромные деньги – по полтора рубля, которые равняются нашим теперешним 20 рублям, но что мало было охотников брать по причине вшей и червей и страшного смрада.

8 мая 1609 г., в праздник Иоанна Богослова, архимандрит Иоасаф и воеводы приговорили, чтобы на другой день, 9 мая, в праздник Николая Чудотворца, освятить в честь последнего святого придел в Успенском соборе, что и сделали. С этого времени цинга и начала ослабевать в монастыре.

К страшному бедствию физическому присоединилось зло нравственное, и притом не в одном виде, а в нескольких видах, это – интриги одних против других, вражда одних с другими и нравственная распущенность.

Между осадными воеводами монастырскими – князем Долгоруким и Голохвастовым вышло из-за чего-то очень большое нелюбие; старшая братия монастыря, и особенно казначей Иосиф Девочкин (он же – Кочергин), который из-за тихого архимандрита Иоасафа, вероятно, первенствовал между старшей братией, были на стороне Голохвастова. На сторону князя Долгорукова стал головщик левого клироса диакон Гурий Шишкин, который метил на место Девочкина и который надеялся получить место с помощью князя. На казначея взведено было Гурием обвинение перед государем, будто он замышлял измену и хотел предать монастырь полякам и, как кажется, сочинены были от его лица подложные письма к Сапеге.

По приказанию государя он был пытан Долгоруким и отставлен от места с конфискацией имения, а дело его произвело в монастыре великую смуту (он умер одной из последних жертв цинги, быв вместе с тем, вероятно, и жертвой пытки, вскоре после 11 июля 1609 г.).

Стрельцы, казаки и вообще все воины, очень может быть, нарочито подушаемые князем Долгоруким, изъявляли неудовольствие на содержание, которое доставлял им монастырь, и жаловались на монастырские власти царю, а монастырские власти, оправдываясь, писали царю, что они никак не могут удовлетворить жалобщиков и что последние предъявляют претензии совсем невозможные.

Вместе с сейчас указанными прискорбными смутой и враждой умножилось в монастыре и то прискорбное, что принято называть в теснейшем смысле грехом (ибо и вражда со смутой, конечно, тот же грех): не только миряне, но и монахи предались пьянству и разврату, из которых о последнем Палицын говорит: «В ров убо глубок блуда впадоша вси от простых чади даже и до священных».

Во время остановки военных действий между осаждающими и осажденными установились странные отношения какого-то обманного, так сказать, перемирия, о чем Палицын пишет: «Видяще же врази, яко не успевае совет их лукавый, но разрушается, тем же и мнози многожды с лестию приезжающе и многожды сказующе деемая и умышляемая ими, истиинно безо лжи бываше но их скаске, и немощнии от пьянства просяще опохмелитися. Троицкое же воинство сия возвещающе архимариту и воеводам, и повелением их приемше от чапшика с погреба меду, исхождаху к паном с питием, дабы кого чем уловити от них; они же пивше отхождаху, иногда же неции от них, вино принесше, меду прошаху на него (т. е. Троицкий хмельной мед был крепче виноградного вина), и такова дружба без беды не бываше, обоим обманывающимся людем: или убо кого возмут в языки или убийют».

Монахи

В середине января 1609 г. убежали к полякам из монастыря два сына боярские, которые указали средство, как овладеть монастырем без кровопролития. «Раскопайте, паны, – говорили дезертиры, – Сапеге с прочими польскими начальниками, берег верхнего пруда (что против Житничной башни, т. е. который теперь за старой гостиницей) и переймите воду от труб (по которым она идет в монастырь): тогда осажденные изнемогут от жажды и поневоле предадутся вам». Поляки тотчас же решили спустить воду пруда в речку Кончуру через разрытие его плотины и через прорытие от него канавы в Служный враг (находящийся между торговыми рядами и Рождественской церковью, теперь полусасыпанный). Но осажденные

узнали про умысел поляков, который эти уже начали, хотя и неудачно, приводить в исполнение, выкопали в монастыре несколько прудов, в которые и спустили воду из нашего пруда. Сапега подсылал было в монастырь своего человека (трубача Мартьяша), с тем, чтобы он попытался устроить сдачу монастыря; подосланный вел было дело весьма искусно и успел приобрести в монастыре доверие всех, но в конце концов был обнаружен.

Прекращение военных действий на зиму не было совершенно полное или совершенно безусловное. Поляки прекратили бомбардирование монастыря и оставили приступы к нему или штурмы его, равно как и постоянное карауление осажденных в тех траншеях, которые были накопаны ими кругом монастыря; но они делали нападения на наших, позволявших себе выходить из монастыря, а наши, в свою очередь, делали вылазки и нападения на тех из них, которые бродили вне станов или таборов. В этой, так сказать, малой зимней войне особенно отличились, как ведомые бойцы, Анания Селевин, брат убежавшего к полякам Осипа Селевина, заключивший свои подвиги славной смертью, клементьевский крестьянин Никифор Шилов, может быть – брат упомянутого выше героя Никона Шилова и московский стрелец, по фамилии Нехорошко.

Прошла ужасная зима, убавившая население монастыря и число его защитников на девять десятых, и приблизилась не менее ужасная весна, когда должны были возобновиться военные действия поляков при крайне ничтожном оставшемся количестве защитников монастыря. К весне 1609 г. этих защитников оставалось в монастыре менее двухсот человек. Если весной 1609 г. монастырь не был взят поляками, так это уже истинно и единственно потому, что он был ограждаем молитвами к Богу Преподобного Сергия! Видя необыкновенно быстрое умаление числа защитников монастыря, поражаемых болезнью, воеводы и архимандрит с соборными старцами еще в начале 1609 г. обращались к царю через жившего в Москве Аврамия Палицына (келаря монастыря) с настоятельной просьбой о присылке вспоможения. Но царь прислал в монастырь 15 февраля 1609 г. только 60 человек казаков, к которым Палицын с своей стороны присоединил 20 человек монастырских слуг (не присланных им ранее по непонятной причине) и из которых четверо были перехвачены поляками. Таким образом, с 250 воинами встретили осажденные в монастыре весну 1609 г.

Не знаем, по какой причине, но весной 1609 г. поляки возобновили военные действия не очень рано. Может быть, Сапега дожидался Лисовского, который, уходил из-под монастыря в декабре 1608 г. и возвращавшись под него в феврале 1609 г., опять ушел из-под него в следующем марте и снова возвратился под него только в июле. Как бы то ни было, но это возобновление военных действий последовало лишь 27 мая. Сапега очень хорошо знал, до какой степени уменьшилось в монастыре число его защитников, и он надеялся, что покончит все дело одним приступом. К приступу этому, как сообщается нам в одном известии, Сапега приготовил невероятные орудия, а именно – вместо больших пушек три дубовые пятисаженные петарды, обитые железными обручами, для заряда которых нужно было по три осмины пороху и в которые клали по три ядра – стальное, железное и огненное. Как в первый большой приступ 13 октября 1608 г., Сапега задал войску пир, сопровождавшийся многими играми; потом поляки начали подъезжать под монастырские стены, осматривать их и готовить места, где поставить пушки и пищали; а затем начали скакать на лошадях по Клементьевскому полю, развеивая знаменами и грозя мечами на монастырь. Поняв из поведения неприятелей, что они собираются сделать приступ, осажденные начали готовить вар с калом, смолу, камни и прочее, что нужно для отражения нападающих, также очистили подосвешенный или нижний бой в башнях. Когда настал вечер, поляки, желая подойти к стенам монастырским тайно, поползли по земле, соблюдая тишину, причем везли за собой «приступные козны», или штурмовые снаряды, – щиты рубленые и лестницы и турусы и всякие стенобитные хитрости. Так как у осажденных число способных носить оружие было слишком ничтожно, то к защите стен они привлекли и всех неспособных, со включением и жен-

щин; притаившись на стенах, они ждали приступа. Вдруг с Красной горы раздался артиллерийский залп, и поляки, вскричав и заиграв на трубах, начали приступать к стенам со всеми снарядами, которые привезли и принесли с собой. Но когда они старались придвинуть к стенам щиты на колесах и турусы и приставить к ним лестницы, осажденные, не давая им этого делать, били их в подошвенный бой из многих пушек и пищалей, кололи их в окна, бросали в них камни и бревна, лили на них вар с калом, зажигали и бросали в них серу и смолу и засыпали им известью глаза. Отражение нападения продолжалось всю ночь, а архимандрит Иоасаф со всем освященным собором совершал в церкви молебное пение Господу Богу и Пречистой Богородице и чудотворцам Сергию и Никону о избавлении обители и о помощи на врагов. Когда настал день, поляки, видя, что ничего не успели сделать и только изгубили множество своих, начали с стыдом отступать.

Тогда осажденные учинили вылазку на тех из неприятелей, которые оставались у стенобитных орудий или которые бродили во рвах, не будучи в состоянии выйти из последних. Многих из этих оставшихся осажденные добились, а 30 человек взяли в плен (эти взятые заставлены были потом молотить в жерновах хлеб на братию монастыря и на все Троицкое воинство). Урон поляков во время этого приступа был очень большой; кроме того они оставили у стен свои турусы, щиты и лестницы, которые были все забраны нашими и внесены в монастырь. Были ли употреблены Сапегой в дело знаменитые петарды, сведений не имеем.

Провозрагити мѣлаки на преднреченнѣ
бесебѣдѣ . ѿже о подвнзе прпѣнаго се
ргіа . како безлѣностн брагтїамъ
ѿко коуплены и рабѣ слоужаше . и до
вѣна вѣсѣ ѿкоже рече сѣсѣчаше . и по
лющн житю въ жерновѣ мелаше .
и хлѣбѣ печаше и варнво вараше . и
прочее брашно ѿже брагтї
амъ на погребѣ
оустраа
ше . че .

Труды в монастыре. Миниатюра из Жития Преподобного Сергия Радонежского. Конец XVI в.

После приступа 27 мая осажденные, видя свою крайнюю малочисленность, отчаялись в самих себе и возложили все свое упование на Преподобного Сергия. Упование и не посрамило их. Если бы после нашего большого приступа поляки начали делать, хотя и небольшие, но частые приступы, они скоро довели бы осажденных до совершенного изнеможения, так что без прямого сверхъестественного вмешательства сдача монастыря была бы неизбежной. Но таких частых приступов поляки вовсе не делали, и это тем более удивительно и непонятно, что они очень хорошо знали о крайней малочисленности монастырского гарнизона.

После нашего приступа поляки сделали еще и всего два приступа, с месячным промежутком второго от него и с таким же промежутком третьего от второго. Но истомленная частыми тревогами ничтожная горсть осажденных в два раза собирала все свои силы и при невидимой помощи Преподобного Сергия в оба раза успешно и отразила врагов.

Второй приступ имел место 28 июня 1609 г. О нем почему-то, для нас непонятно, не говорит Палицын, и мы знаем о нем из других источников. Поляки приступали к монастырю со всех сторон, успели было они добраться до Пивного двора и зажечь его: но отовсюду были с большим уроном отбиты, причем наши, сделав вылазку, поймали и несколько языков.

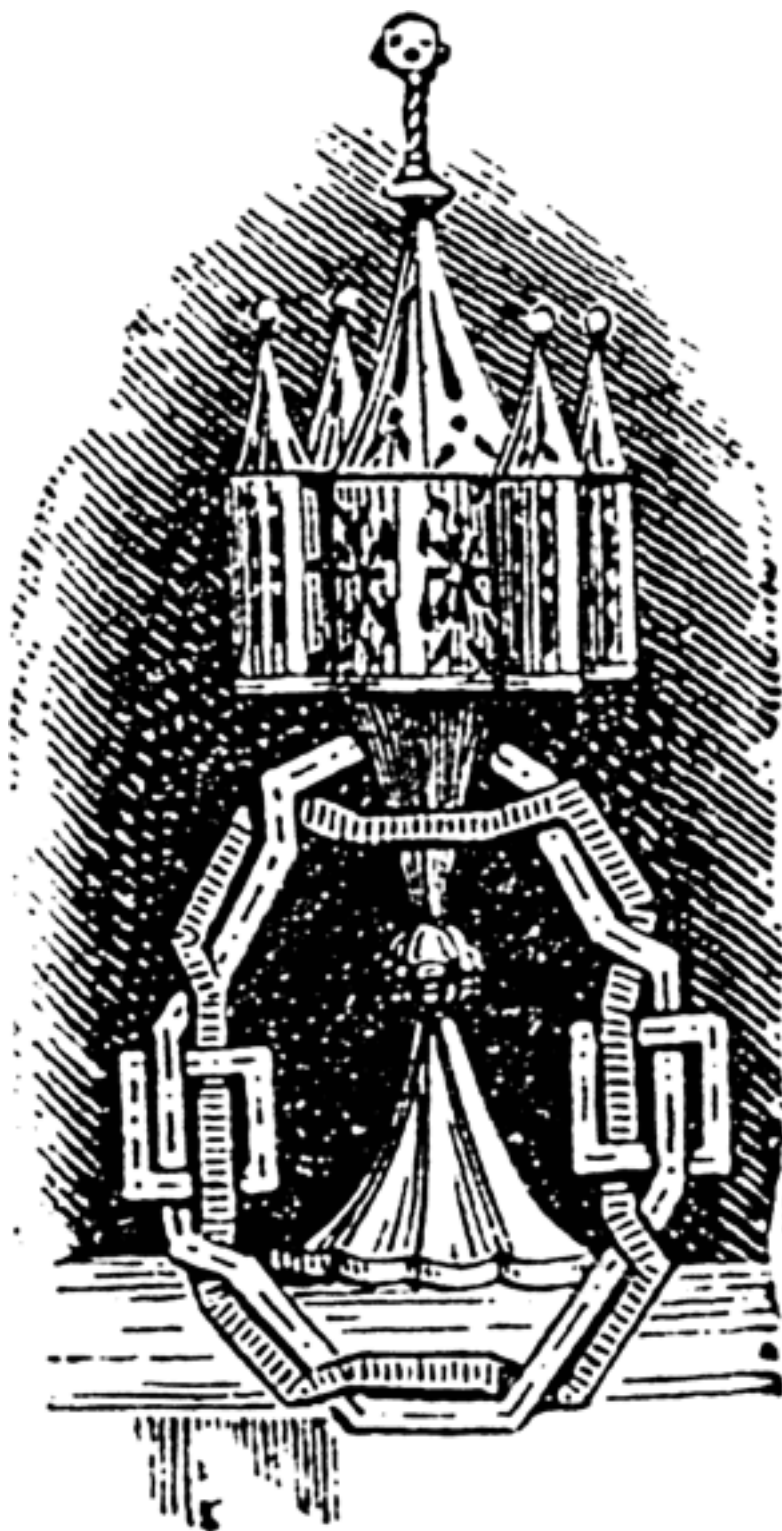
Третий, и последний, приступ был 31 июля 1609 г. В это время князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский приближался с шведским вспомогательным войском от Новгорода в Москве. Поляки и русские изменники находили, что весьма желательно было бы предупредить приход Шуйского взятием монастыря, почему и решили сделать приступ. Из поляков пришел к Сапеге и Лисовскому, тогда возвратившемуся под монастырь, пан Зборовский со своим отрядом, посланный из Тушина против Шуйского и ретировавшийся от него. Он смеялся над Сапегой и Лисовским, что столь долгое время стоят они под лукошком, как он называл монастырь, и объяснял это просто их нерадением и их желанием взять монастырь не руками настоящего войска, а руками черни, которая нагнана («сбита») была к войску. Из русских пришли к Сапеге боярин Михайло Салтыков и дьяк Иван Грамотин. Сначала хотели взять монастырь хитростью. Салтыков и Грамотин через своих парламентаров уверяли осажденных, что Москва уже покорилась самозванцу и что царь Василий с боярами уже в его руках, – что если они не покорятся самозванцу, то он сам придет на них со всей своей ратью. Троицкие отвечали: «Хорошо и складно лжете, но никто вам не поверит; творите, на неже пришли, а мы готовы с вами на брань». Тогда решено было поляками и русскими сделать приступ. Подробностей приступа нам неизвестно, кроме того, что врагам были устрашавшие их видения; но он кончился тем, что нападающие были отбиты, что они понесли большой урон и что у наших была убита на стене только одна женщина.

После этого не было уже ни одного приступа к монастырю со стороны поляков, а было только несколько вылазок на них со стороны наших.

Но, не предпринимая более приступов к монастырю, поляки однако держали его в строгом заключении, так что каждый выход из него сопряжен был для осажденных с риском потерять голову. Страшно дорого обходились последним дрова, рубить которые они ходили, как мы упоминали выше, в Мишутинский овраг: поляки стерегли их тут, и ни один выход за дровами не обходился без кровопролития и без убитых с нашей стороны. Осажденные называли эти так дорого обходившиеся им дрова проклятыми дровами и с горькой усмешкой спрашивали один другого, кто какой ценой их купил: кровью друга, отца или своей. Ожесточение против этих дров, которые были необходимы, и у которых люди падали один за другим, доходило до того, что некоторые из осажденных, кляня свое несчастное положение, начали говорить, что долго пробыть им так невозможно, что если царь совсем забыл про них и не хочет подать им помощи, что если все города передалось ворами, то и им ничего наконец не остается, как сделать то же. Более крепкодушные не доходили до такого отчаяния, но сильно жаловались на то, что у врагов заставы слишком часты и бдительны, так что им нельзя дать вести царю о своем несчастном положении. Тогда Преподобный Сергей явился пономарю Иринаруху и сказал: «Говори братии монастыря и всем ратным людям, зачем скорбят о том, что невозможно послать вести к Москве: сегодня в третьем часу ночи я послал от себя в Москву в дом Пречистой Богородицы и к Московским чудотворцам совершить молебное торжество трех моих учеников Михея, Варфоломея и Наума. Поляки и русские изменники видели их и почему слуга, слышавший у врагов, что они видели их, не сказал вам об этом?» Воеводы и осажденные начали дознаваться, кто слышал это у поляков; и слуга монастырский, по имени Федор Чудинов, сказал, что он стоял стражем на стене монастырской,

что враги, подойдя близко к стене с угрозами говорили: «Напрасно надеетесь вы на то, что послали трех монахов в Москве, не минули они нашей стражи и хоть два и успели убежать, но третьего мы поймали». Воеводы послали к полякам на переговорный пункт узнать про старцев; и поляки говорили: «послали вы к Москве трех монахов, под двумя лошади кари, а под третьим стреката (стрекатая – пегая), и наехали они на нашу стражу, и двух мы казнили, а третьего к царьку послали»; а другие из поляков говорили, что это неправда, что никого не поймали. Тогда воеводы, чтобы дознаться истины, сделали вылазку, с целью добыть языка. На вылазке действительно добыли языка и захваченный поляк в расспросе у пытки сказал, что ихние солгали нашим, будто поймали, – что никого не поймали, а только догоняя замучили лошадей, – что под старцами лошади очень худы, но как крылатые. В монастырской больнице лежал один монах, который, услышав рассказ о старцах, посланных Преподобным Сергием, начал думать про себя: «Какие то лошади (на которых поехали старцы) и будет ли то истина». Тогда явился ему Преподобный Сергей и, подав ему здравие, сказал: «Я послал старцев на тех трех слепых меринах, которых конюший Афанасий Ощерин ради скудости корма выгнал из монастыря в надолбы». Вместе с этим Преподобный Сергей приказал монаху сказать всем от его лица: «Не столько гнусен мне смрад блуда согрешающих мирян, сколько монахов, не соблюдающих своего обещания; всех врагов пришедших под стены обители моей истреблю, а в обители нечисто и двоемысленно (лукаво, лицемерно) живущих погублю и со осквернившимися управлюся». Начали искать мерин, выгнанных Афанасием Ощериним из монастыря, и когда после долгого искания нигде не нашли их, уверились в истинности явления Преподобного Сергия монаху.

Тотчас после приступа к монастырю 31 июля Сапега с Лисовским и Зборовским пошел от монастыря навстречу князю Михаилу Шуйскому; но был разбит им у Колязина монастыря и снова возвратился под Троицу. Осажденные узнали о победе Шуйского над Сапегой от одного перебежавшего к ним пана; в тот же день они сделали вылазку на речку Кончуру на казацкие бани: многих казаков и поляков побили, а бани сожгли, и при этом еще захватили в плен шесть человек.

Серебряная ладанница в виде пятиглавой церкви из лавриной ризницы

Когда поляки, разбитые Шуйским, бежали от Колязина монастыря под Троицу, то по дороге нахватывали множество скота, который и пригнали в свой Троицкий стан. Дразня аппетит голодных Троицких сидельцев, они пасли скот по запрудной стороне (за прудами, на южной стороне монастыря), по Красной горе (что на западной стороне) и на Клементьевском поле. Приманкой скота поляки рассчитывали вызвать осажденных на вылазку, в надежде побить их. Осажденные действительно сделали вылазку, но только она кончилась тем, что они совершенно здорово, т. е. без всякой потери в людях, добыли часть скота. В самый

день Успения Божией Матери, 15 августа, осажденные выслали несколько конных людей на стадо, которое паслось на Красной горе: высланные, проехав тайно Благовещенским врагом, неожиданно напали на сторожей стада и побили их, а стадо погнали к монастырю; вышедшие с Пивного двора пешие люди загнали стадо, а потом вогнали и в монастырь воротами, которые были в него с Пивного двора под Пивной башней.

Князь Михаил Васильевич Шуйский, разбивший поляков под Колязиным монастырем, подвигаясь к Москве, подошел к самому Троицкому монастырю, он явился и остановился в Александровой слободе (что нынешний город Александров, находящийся от Троицы в 40 верстах). Архимандрит Иоасаф с братией и все осажденные послали к князю просить о помощи. И князь прислал им помощь: 19 октября 1609 г. прибыл от него в монастырь отряд отборных воинов в 600 человек и с ним 300 человек служащих под начальством воеводы Давида Жеребцова. С этим присланным от князя отрядом Троицкие сидельцы могли считать себя уже в полной безопасности: если одни они в состоянии были отражать приступы поляков, то теперь, когда пришло к ним свежих людей втрое против того, сколько их было (считаем только пришедших воинов, без служащих), могла быть уже полная уверенность в этом. Но поляки, как мы сказали, уже и не делали более приступов к монастырю. Что касается самого Жеребцова, то Палицын, как будто нерасположенный к нему за то, что он по прибытии в монастырь взял в свои руки все заведывание съестными припасами и при этом поступил очень круто, отняв ключи у прежних заведующих, представляет его в комическом виде. Он говорит, что Жеребцов разбил сидельцев за простоту, с которой они делали вылазки на поляков, и хотел показать им, как нужно делать их по всем правилам военного искусства; но что несколько опытов его вылазок окончились самым печальным образом, так что его должны были выручать те же сидельцы с своей простотой и так что «Немецкая мудрость» (которую, подразумевается, Жеребцов позаимствовал у шведов, союзников Шуйского) оказалась совершенно посрамленной перед этой русской простотой, подкрепляемой упованием на Бога и на Преподобного Сергия.

Икона «Троица» Андрея Рублева, находящейся с правой стороны царских врат в Троицком соборе лавры

4 января 1610 г. князь Шуйский прислал в Троицкий монастырь для нападения на поляков воеводу Григория Валуева с 500 солдат. Валуев вместе с Жеребцовым и с старыми монастырскими сидельцами в тот же день вышел против поляков из монастыря и имел с ними жаркий бой: победа осталась нерешенной, но хотя с обеих сторон было много убитых, однако со стороны поляков более, чем с нашей, и наши если не совсем выжгли, то полувыжгли стан, или лагерь Сапегин. На 9 день после битвы с Валуевым, 12 января 1610 г. поляки,

как нужно думать, получив ложную весть о движении к монастырю князя Михаила Шуйского со всем войском, чего у Троицы ждали, внезапно снялись из-под монастыря и с беспорядочной быстротой побежали по направлению к Дмитрову.

Так кончилась 16-месячная знаменитая осада Троицкого монастыря поляками. В настоящее время она вспоминается в лавре тем, что 12 января, в день отступления от нее поляков, бывает крестный ход кругом нее по сохранившей ее от поляков городской или монастырской стене.

Царские богомольные походы к Троице

Преподобный Сергей воссиял в Московской Руси как величайший ее святой: естественно, что он начал быть и чтим в этой Руси исключительным образом. Таким исключительным образом стало чтить его все население нашей Руси; таким исключительным образом стали чтить его и ее государи. Государи признали в Преподобном Сергии нарочитого патрона или покровителя Русской земли и своего собственного и нарочитого ходатая за землю и за себя перед Богом, – признали в нем, как говорит один старый сказатель, Богом данного помощника всему государству и всюду и везде царем и великим князем помощника во бранех, получившего от Бога благодать всю Российскую землю заступати от находящихся врагов христианских, от безбожных татар и немец и литвы и прочих язык, не чтущих по истине Бога Господа нашего Иисуса Христа и хотящих разорити православное христианство. Как все усердно начали ходить на богомолье в монастырь преподобного Сергия, чтобы молиться у его гроба и лобызать его мощи: так усердно и более усердно, чем кто-нибудь, начали делать это и государи. В почитании величайшего святого земли государи считали себя обязанными показывать пример всем другим, и они действительно показывали этот пример. Предпринимая в монастырь преподобного частые экстренные путешествия, чтобы просить его о чем-либо или благодарить его за что-либо, государи считали своим долгом предпринимать в монастырь и путешествия обычные или из года в год постоянные и правильные, – ко дню его празднеств, каковы: день Святой Троицы – храмовой праздник монастыря и день кончины Преподобного Сергия – 25 сентября (весенний и осенний Троицкие походы).

Первые после смерти Преподобного Сергия государи отличались простотой и не заботились еще о том, чтобы обставлять свои путешествия в его монастырь какими-либо особенными удобствами. Но царь Иван Васильевич Грозный позаботился об этих удобствах: в 1556 г. он приказал построить в Троицком монастыре для своих приездов дворец и в то же время приказал построить дворцы и по своим царским селам, лежавшим на дороге к Троице, чтобы делать в них остановки и ночевки во время пути в монастырь и из монастыря. В самозванщину, когда вся местность между Москвой и лаврой была опустошена поляками, пострадали более или менее и сельские дорожные дворцы, а дворец, находившийся в самой лавре, во время осады последней поляками приведен был в состояние необитаемости, если только не совсем был уничтожен. Царь Михаил Феодорович приказал построить новый дворец в монастыре (в 1620 г.) и новые дворцы по селам (в 1622–1623 г.), а царь Алексей Михайлович прибавил потом к возобновленным дворцам Грозного еще один дворец, которого прежде не было.

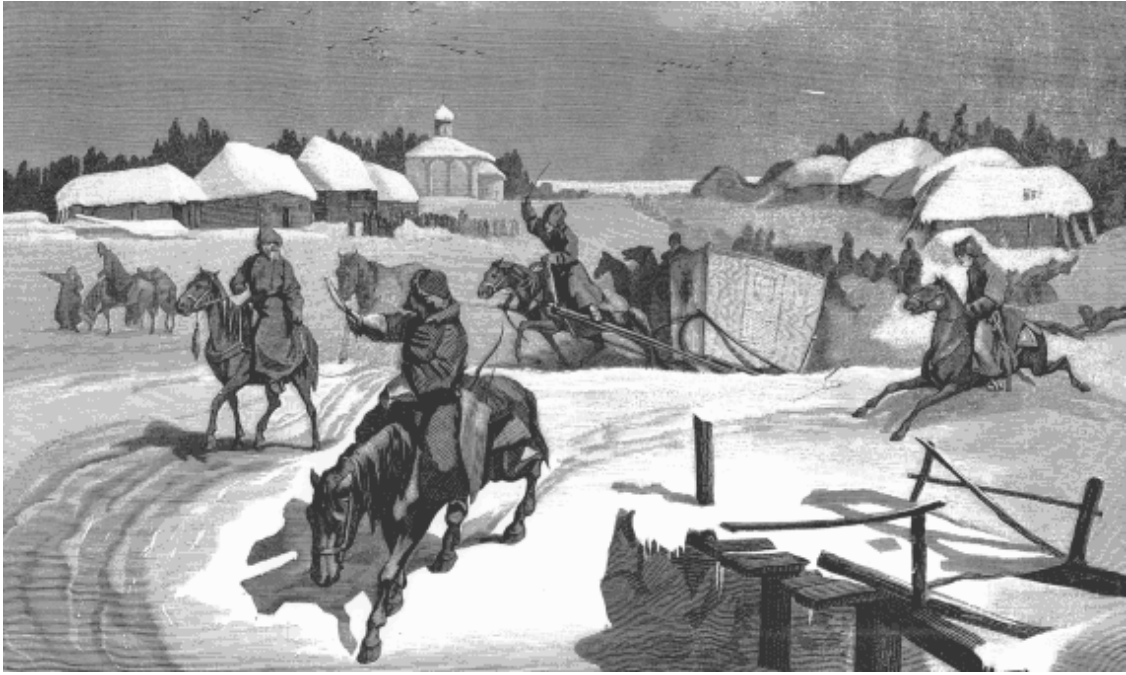

Поездка царя на богомолье

Бывшие царские села, в которых находились дорожные или путные дворцы государей между Москвой и Троицей, суть следующие:

1. *Алексеевское* — в трех верстах от Москвы, до построения церкви в конце первой четверти XVII в. сельцо Копытово, состоявшее сначала в поместье за князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким, а потом отданное ему в вотчину, от церкви Алексея человека Божия, построенной в нем князем до 1625 г., в котором он скончался, получившее название села Алексеевского, после смерти супруги князя около 1650 г. поступившее в дворцовое ведомство. В этом селе построен был дворец царем Алексеем Михайловичем в дополнение к дворцам, построенным Михаилом Федоровичем. Дворец деревянный, как и все другие дорожные дворцы между Москвой и Троицей, весьма не роскошный, но довольно большой, имевший около 30 сажен длины, описанный в 1802 г. Карамзиным, который осматривал его во время своей поездки к Троице, сломан незадолго до 1812 г.

2. *Тайнинское*, или Тайницкое, в старое время называвшееся обыкновенно Танинским (название, вероятно, от слова «тоня», которым могла быть обозначена в смысле рыбного ловища и рыбного хранилища бывшая в селе для указанных целей запруда реки Яузы), находившееся в 13 верстах от Москвы на реке Яузе (в 4 верстах к западу от Мытищ), принадлежавшее в XIV в. князю Владимиру Андреевичу Храброму и потом со всем уделом Радонежским доставшееся великим князьям. Дворец, построенный в нем царем Михаилом Федоровичем, был уже в развалинах при императрице Елизавете Петровне. Елизаветой Петровной, в вотчинном владении которой состояло село в бытность ее великой княжной и в котором иногда проживала она, будучи великой княжной, построен был новый дворец; но и этот дворец, когда осматривал его Карамзин в том же 1802 г., представлял из себя развалины, которые собирались продавать на своз (изображение очень хорошей каменной церкви села Тайнинского, построенной Михаилом Федоровичем или Алексеем Михайловичем, см. в «Русской Старине» Снегирева и Мартынова).

Царский поезд

3. *Братовщина*, в XVII в. и ранее называвшееся Братошиным (Братошино), находящееся в 32 верстах от Москвы. На месте дворца Михаила Федоровича также был построен Елизаветой Петровной новый дворец, – деревянный на каменном фундаменте (имевший до 20 комнат, из которых некоторые были богато убраны). В 1775 г. императрица Екатерина, которой понравилось местоположение Елизаветинского дворца, приказала было построить рядом с ним обширнейший каменный дворец. Но дворец только был начат и не был окончен, а Елизаветинский деревянный дворец за ветхостью был сломан в 1813 г.

Между Тайнинским и Братовщиной находится село Пушкино, но оно было не царское, а патриаршее. Патриархи имели в нем свой двор с хоромами, в которых и останавливались во время своих походов к Троице.

4. *Воздвиженское*, находящееся в 52 верстах от Москвы и 12 верстах от лавры, на реке Паже, известное казнью в нем 17 сентября 1682 г. князей Хованских (на площади у большой Московской дороги), о чем жители села несколько помнят до настоящего времени. Когда в продолжение XVIII в., а может быть – уже и XIX в. окончил свое существование здешний дворец Михаила Федоровича, не имеем сведений.

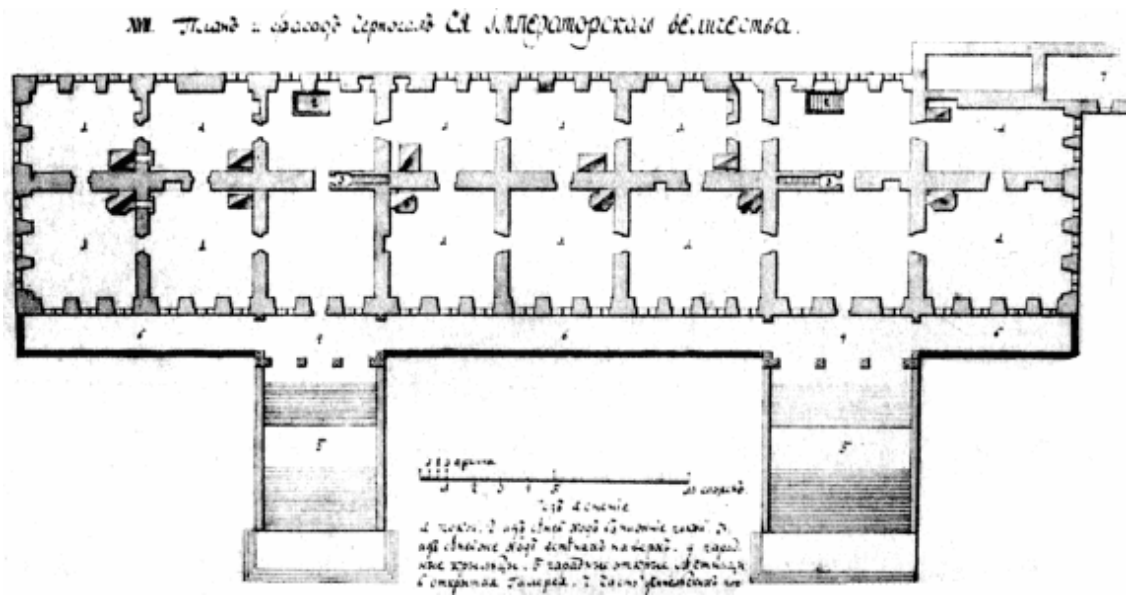
Иногда государи вместо Тайнинского останавливались в селе Мытищах (одна половина которого в XVII в. принадлежала государям, а другая – Троицкому монастырю) и на полдороге между Братовщиной и Воздвиженским делали остановку в деревне Талицах. В таких случаях для них разбивали в Мытищах и Талицах шатры или палатки.

В правление царя Алексея Михайловича, относительно времени которого (1645–1676) мы имеем сведения, царские богомольные походы к Троице совершались следующим образом.

Намереваясь предпринять поход, государь посылал в монастырь своего чиновника с грамотой, в которой уведомлял монастырские власти, что «его – великого государя пришествие к празднику к ним будет». Затем, отдаваемо было приказание «для государева походу мосты делать и мостить и где худы починивать, гати гатить и вехи ставить». Это предварительное исправление дороги необходимо было по тогдашнему состоянию наших дорог, которые все были то же, что теперешние наши проселочные дороги, а по сим последним дорогам, как известно, невозможен без предварительного исправления не только высочайший, но даже архиерейский или губернаторский проезд. Перед выездом государя из Москвы

посылали окольныйчийего или – что чаще – в окольныйчийего место дворяне «для дворов» (иначе: «для станов», «для займки станов»), т. е. для осмотра дорог и приготовления сельских дворцов к приему государя. Также посылаемы были в дорожные дворцы стряпчие с сытниками «ставки (медовые) ставить и всякие обиходы готовить». Намереваясь покинуть, хотя и на весьма непродолжительное время, столицу государь назначал известных бояр, которым приказывал ведать в ней в свое отсутствие дела государственные, равно как и оберегать его царское семейство, если последнее не могло сопутствовать ему в походе. В самый день выезда, перед тем как сесть на коня или в карету, государь шел в Успенский собор, слушал напутственное молебствие, прикладывался к образам и к мощам святителей и получал благословение от патриарха. Иногда после Успенского собора государь ходил в Архангельский собор, чтобы поклониться гробам родителей. Царские поезда были огромные, представлявшие из себя, можно сказать, целые армии, и так как самой Москвой, от Кремля до заставы, шествие их совершалось особенным, «нарядным», образом, то выезды государей из Москвы в поход составляли своего рода великолепнейшие парады, смотреть на которые сбегалась вся Москва. С нарочитым великолепием устраивались эти выезды, если находились в Москве иностранные послы, которых водили смотреть на них.

Один иностранец оставил нам описание шествия, и именно – нарочито великолепного для иностранных послов, царского поезда Москвой, это – Адольф Лизек, состоявший секретарем при Австрийских послах, бывших в Москве в 1675 г., и видевший шествие Москвой царского поезда, отправлявшегося к Троице на праздник преставления Преподобного Сергея – 25 сентября. «29 (по Русскому счету 19) сентября, – пишет Лизек, – в 8 часу утра воевода Янов (думный дворянин Василий Федорович Янов) с 1500 ветеранов пехоты прежде всех отправился готовить путь для государя в следующем порядке: впереди везли пушку, по бокам ее шли два канонера, один с копьем, на конце которого был двуглавый орел с фитилем в когтях, другой опоясан мечем и вооружен длинною секирою; за ними два конюха вели превосходного пегаса аргамака воеводы в тигровых пятнах; впереди отряда ехал на таком же коне воевода в богатой одежде, унизанной жемчугом; у коня удила были серебряные, поводья сученые из золотых шнурков, чапрак из красного штофа, выложенный финифтью и золотом кованым; по бокам шла фаланга секироносцев в красных суконных одеждах; далее между двумя копейщиками следовал знаменосец; за ними трубачи и барабанщики, гремевшие на своих инструментах; наконец, двадцать рот стрельцов, при мечех, с самопалами в левой руке и с кривыми топорами (бердышами) на правом плече; перед каждою ротою ехала фура; поход двинулся в поле, где в ожидании царя уже было выстроено 14 тысяч войска, и все затихло».

План царских чертогов

Это был, так сказать, квартирмейстерский отряд, посланный наперед выезда государя «для станов», о чем мы сказали выше. Выезд самого царя Алексея Михайловича имел место в час по полудни. «Народу было, – продолжает Лизек, – такое стечение, что не только на площади и в окошках, но даже на крышах домов и церквей не было праздного места. На одной крыше сидел на ковре Персидский посол со всей свитой. Прежде всего выехал отряд всадников, посередине которого постельничий Иван Демидович (исправлявший обязанности постельничего стольник и ближний человек Иван Демидович Голохвастов) сам вел двух любимых царских коней, покрытых тонким красным сукном; за ними потянулся обоз повозок, числом больше тридцати, одна за другой (в которых находился царский гардероб и все дорожные принадлежности или все, что было необходимо в дороге); далее отряд царской стражи, впереди которого шли двести пятьдесят скороходов, без музыки и без барабанного боя, неся в руках поднятые вверх бичи, ярко блестящие золотом. Начальник отряда, чашник и голова, Георгий Петрович Лутохин отличался сколько блеском наряда, столько же и своей важностью. Под ним был лихой конь в дорогом уборе, беспрестанно грызший серебряные удила. По такому началу мы ожидали увидеть что-нибудь необыкновенное, и не обманулись. Следующий поезд привел нас в изумление. Впереди ехал конюший Тарас Радобшин (Растопчин), за ним вели 62 превосходных (царских верховых) коня, на которых вся сбруя и попоны горели золотом и серебром; 12 лошадей из-под царской кареты (т. е. назначенных под царскую карету, на смену тем лошадям, которые были под каретой), покрытых красным штофом, вели каждую по два конюха под уздцы одну за другой. Наконец, ехала второстепенная карета его величества, ослеплявшая блеском золота и хрусталя.

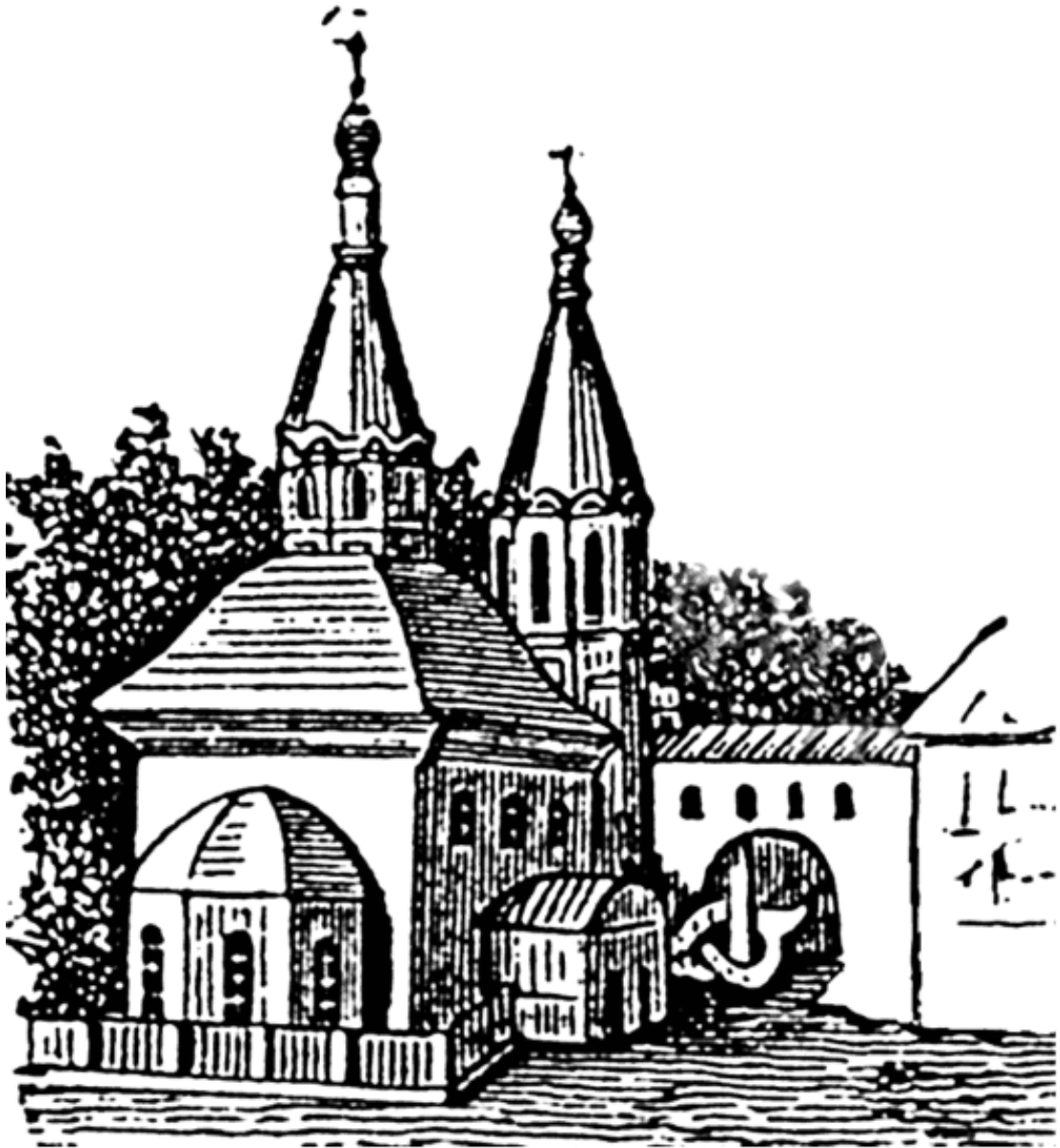
«Новым поездом управлял (ясельничий) Петр Яковлевич Вышеславский; позади его несли скамейку, обтянутую красным сукном, которую дают под ноги царю, когда он садится на лошадь; потом ехали восемь главных всадников, которые при этом служат его величеству, в одежде, гораздо пышнейшей прежних и с серебряными и позолоченными кольцами на передней части сапогов; посреди их несли персидские ковры для лошадей, удивительно вытканые серебром и золотом, каждый по два человека. Потом ехали стрелки со стрелами в руках и два оруженосца с мечами его царского величества и наследника престола; далее два молодые боярина; за ними по обоим бокам улицы по 200 стрельцов очищали дорогу с посеребренными и золочеными хлыстами одинакового размера; наконец, в карете ехал царь с наследником и главным воеводой Долгоруким (Юрием Алексеевичем, ближним боярином и дворецким и наместником Суздальским); по бокам длинные ряды копейщиков и секиро-

носцев и у самой кареты множество бояр, стольников и чашников в золоте, серебре и жемчуге. Поезд заключался тремя каретами и толпою слуг.

С подобной же пышностью из других ворот дворца показался поезд царицы. Впереди ехал Иван Грибоедов (стрелецкий голова) с двумястами скороходов, за ними вели двенадцать рослых, белых как снег, лошадей из-под царицыной кареты, обвязанных шелковыми сетками. Потом следовала маленькая, вся испещренная золотом, карета младшего князя (Петра, будущего Петра Великого, родившегося 30 мая 1672 г.) в четыре лошадки пигмейской (крошечной) породы; по бокам шли четыре карлика и такой же сзади на крохотном коньке. В другой карете везли царских детей; за ними следовала карета царицы, чрезвычайно большая, запряженная двенадцатью лошадьми; по бокам шли пешком отец царицы (Кирило Полуектович Нарышкин), Артамон (Сергеевич Матвеев) и множество сановников; в карете, также в 12 лошадей, ехали сестры и родственницы царской фамилии, и 42 лошади везли придворных дам; позади всех отряд конницы».

По выезде из Москвы государь имел остановку, которая, равно как и ее место, называлась «слазкой», каковое название значит то, что государь, ехавший верхом, как государи проезжали Москвой большей частью, слезал на месте с коня. До 1652 г. «слазка» бывала у Марьиной рощи, а с этого года «у Креста», поставленного на месте сретения мощей митрополита Филиппа и случившейся при сем внезапной кончины митрополита Ростовского Варлаама. Для государя и его свиты раскидывались шатры; государь входил в свой шатер, отдыхал в нем после церемониального шествия Москвой и переменял нарядное городское платье на более скромное дорожное. О палатках, которые у слазки раскидывались для царя и его свиты, Лизек говорит: «Снаружи они были обтянуты тонким алым сукном с разными на нем фигурами, а внутри обиты шелковыми, серебряными и золотыми тканями и отделялись одна от другой матерчатыми занавесами; форма их имела вид четырехугольной крепостцы со рвами, окопами и башенками по углам». Со «слазки» государь посылал стольников и ближних людей к царице с детьми, если они ему не сопутствовали, к патриарху и к некоторым боярам «со здоровьем», т. е. спросить о здоровье, что в отношении к царице и патриарху было делом принятого этикета, а в отношении к боярам, не всегда одним и тем же, но то одним, то другим, составляло почет и отличие («государево жалованье»).

Если государь выезжал из Москвы поздно, то первая остановка была в селе Алексеевском, в противном случае – в селе Тайнинском или, как бывало иногда, в Мытищах; дальнейшие остановки были: в Братовщине и Воздвиженском, иногда – в Пушкине и Талицах. Как бы, впрочем, ни располагались остановки до Воздвиженского, но в этом селе всегда была последняя остановка перед Троицей. Во время путешествия в монастырь государи и государыни принимали подношения от крестьян и крестьянок лежавших по дороге селений, которым приказывали выдавать наградные деньги в том или другом количестве, подавали священникам попутных сел на молебны и «проезжую милостыню», оделяли той же проезжей милостыней встречавшихся на дороге и нарочно выходивших на дорогу нищих. Для складывания подношений, состоявших в хлебах, калачах, пирогах, блинках, сыре, квасе, бражке, меде, медовых сотах, репе и других овощах, ягодах, пряниках, находилась в числе упоминаемых Лизеком 30 повозок, повозка или телега «поборная». Замечательно, что государыни для своих царских детей покупали во время дороги калачиков, орехов, ягод, моркови и репы.

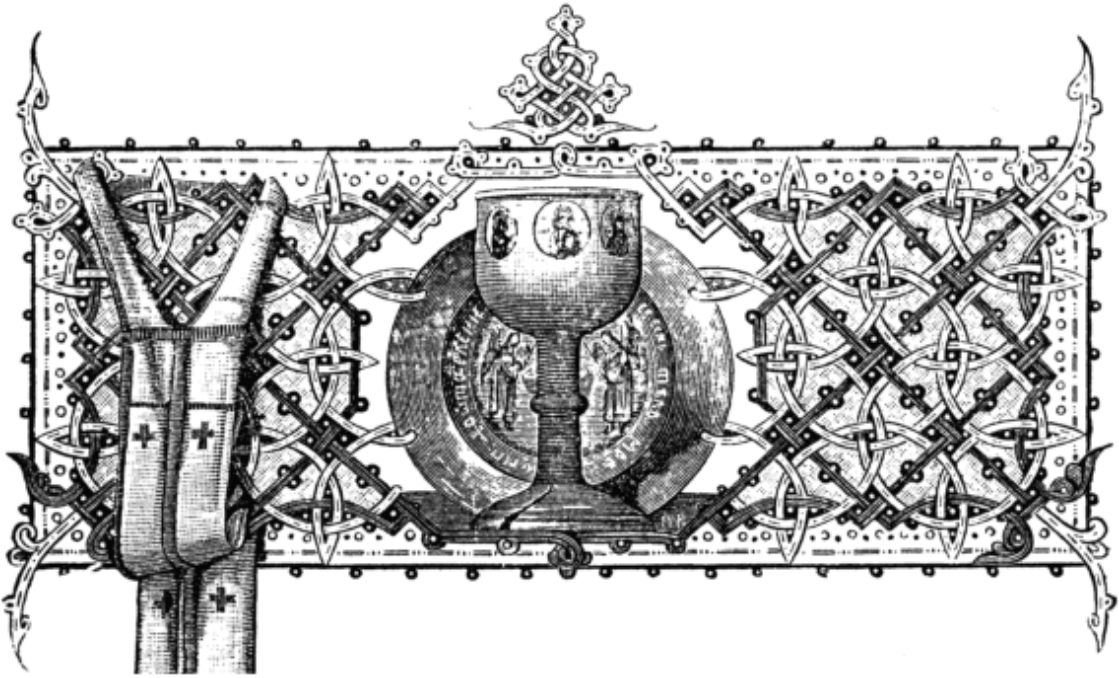
Вид церкви в Боголюбской кинови близ лавры

Скоро или медленно совершали государи путешествие к Троице, иногда идя прямо, а иногда и с большими крюками, но к кануну праздника (того или другого) приезжали в Воздвиженское. Накануне праздника перед обедней являлись в Воздвиженское Троицкие власти с образами и хлебами, «бить челом государю (пожаловать) к празднику к Сергию чудотворцу», и были обыкновенно принимаемы им в Передней палате в то время, как он шел в церковь за обедню. Некоторое пространство перед монастырем государи шли пешком: большей частью слезали они с лошади или выходили из кареты, чтобы совершать свое пешее шествие, у Кесовых прудов, находившихся подле дороги в 4 верстах от Троицы (пруды, из которых один остается и до настоящего времени, назывались так по несуществующему теперь селу Кесеву или Киясову в овраге под которым они были выкопаны или запружены), но иногда в овраге Убитике, находящемся в 3½ верстах от монастыря, иногда перед селом или в селе Клементьевом. У Клементьевской церкви, а иногда и под самым монастырем, на Красной площади, раскидывался для государя шатер, в который он входил, чтобы переменить дорожное платье на городское.

О том, как встречаемы были государи в монастыре и как они молились в нем, читается следующая запись в монастырском уставе XVII в. под 25 сентября: «Малую вечерню (нака-

нуне праздника) поют, как приедет архимарит от государя из Воздвиженского, – к малой вечерне благовест; и потом поют на воротех (в церкви преподобного Сергия) вечерню большую, а звонят во все колокола три часы, архимарит ходит со всей братией к вечерне, а поют без литеи поскорю. И после вечерни архимарит и священники и диаконы в ризах пойдут встречать государя и вся братия; а как государь будет близко Убитика (овраг на дороге, верстах в полуторах от посада и верстах в 3½ от монастыря), и в то время и ранее станут благовестить в большой колокол. И встречают государя во святых вратех архимарит со крестом, а большой диакон с кадилом с Никонским, – архимарит благословляет государя крестом большим, и поклоняются вси государю и пойдут впредь (вперед его) к церкви, диаконы по два по два и по них священники по два по два, и по них архимарит со крестом. И как государь внидет во врата церковная, и диакон с кадилом говорит ектенью, и государь ходит ко образам и к чудотворцу; и совершив ектенью отпустить со крестом, – архимарит государя благословляет крестом. И потом государь станет на месте, архимарита, сняв ризы, поднесет государю посох (для стояния с ним во время службы, чтобы опираться на него в случае усталости, были тогда у нас в монастырях употребительны эти посохи, причем мирянам они раздаваемы и рассылаемы были на благословение), да зовет государя ко всенощному. И государыню царицу встречают також. И потом государь поидеть во храм чудотворца Никона, и в большую церковь Пречистую (т. е. Успенский собор): також и там ектенья говорят, – ходит архимарит да диакон; а из Пречистые храма государь поидет в свои кельи, архимарит и келарь и казначей и соборные старцы провожают и тамо на крыльце келейном подносят государю питье, а государь царь жалует архимарита и бояр и келаря и соборных старцев питием.

А всенощное начинают в ризах, диакон со свещею, а поп с кадилом, и поют по уставу; ко всенощному благовестят, как государь прикажет. И как государь поидет из келей ко всенощному, и в тот час звонят во вся; и как станут пети всенощное, и власти биют челом государю, поклоняются по два ж, и потом головщики по два с крилоса; потом архимарит дает посохи бояром и честным дворяном и дьяком. А на всенощном на величании свечи дают монастырские, – попом витые, а крилошаном гладкие; и поидет поранее, как запоют: Хвалите имя Господне, и понесет государю архимарит свечу и потом бояром и честным дворяном; и поставят праздник (образ Преподобного Сергия) посреди церкви, а понамарь большой со свещею (т. е. перед образом), а у раки у чудотворцовы станут два диакона со свещами, архимарит в монатье со всем собором, и всем кадило и кадит чудотворцову раку и потом праздник и государя и всю церковь и целуют праздник и мощи. И потом поидет государь к чудотворцу (к мощам Преподобного Сергия) и к празднику, и бояре и честные дворяне, и прощается (кланяется) государь ко архимариту, и архимарит, стоя на месте, государя благословляет рукою издали, да челом низко. И потом статья чтенью и прочее по ряду заутреню. И по отпетии поставляют паки праздник посреди церкви на целовании, и клирошане поют: Слава, Приидите иночествующих, и архимарит ходить к целованию со всем собором, и потом час первый и отпустить. И архимарит и келарь провожают государя до кельи и зовут государя к обедне.

Изображение деревянных сосудов, из которых причащался Преподобный Сергей и епитрахиль, принадлежащая Преподобному Сергию

А к обедне благовест, как государь укажет; а воду святят после всеношного тотчас; а на молебне свечи государские, и потом обедня; а на обедне апостол и евангелие Пречистой да чудотворцу, а на воротех також, а по прочим церквам ряд да святому; а кушает государь иногда в трапезе, а иногда в келлии у себя, как изволить».

Праздничный стол на братию был от государя или, иначе сказать, государь от себя «кормил» братию праздничным столом. Если он ходил кушать в трапезу, то сам и подчивал братию (оденял ее между прочим коврижками и если не всегда, то иногда – именинными пирогами, каковое название, можно думать, означало вообще пироги, жалуемые в почесть); если же кушал у себя в комнатах, то подчивать братию назначал одного из своих бояр. Кроме стола государь еще жаловал братию денежной ручной или поручной милостыней и полотенцами. В свою очередь монастырские власти посылали со столами и с кормами ко всем боярам и чиновникам, составлявшим государеву свиту. Государь уходил из монастыря или в самый праздник или же на другой день. Конечно, он провожаем был из монастыря, так же как и встречаем, с особой церемонией. К сожалению, обряд проводов остается нам прямо неизвестным; должно думать, что пет был соборный напутственный молебен, что до Святых ворот монастыря государя провожала вся братия и что потом властями монастырскими он был провожаем более или менее далеко за монастырь. Когда на возвратном пути в Москву государь достигал последнего стана, назначавшегося или в Тайнинском или Алексеевском, к нему выезжали на стан со святой водой Московские духовные власти (Крутицкий митрополит с архимандритами). Достигнув «слазки» у Креста, государь опять одевался в нарядное платье и опять шествовал Москвой, как и при выезде из нее. Достигнув Кремля, он прежде всего шел в Успенский собор, в котором, как и при отправлении, целовал иконы и мощи, а потом благословляем был и поздравляем с благополучным возвращением от патриарха.

В XVIII столетии императрицы Анна Иоанновна (1730–1740), Елизавета Петровна (1741–1761) и Екатерина Великая (1762–1796), бывая в Москве, предпринимали путешествия к Троице. Приведем довольно любопытный рассказ о посещении Троицы в 1775 г. Екатериной Великой, составленный самим принимавшим в лавре государыню митрополитом Платоном.

«Ее императорское высочество, всемилостивейшая наша государыня, и их императорские высочества, подавая ежедневно бесчисленные знаки своего благочестия, между прочими великими и многотрудными государственного правления делами, предприяли в обитель Троицкия Сергиевы лавры путешествие пеши и к величайшему оных лавры и всех жителей окрестных мест удовольствию возымели мы щастие узреть весь Российский императорский дом, со многими обоего пола особами и чужестранными министрами, сего мая 29 числа, в шесть часов пополудни. Во время же высочайшего здесь ее императорского величества и их императорских высочеств пребывания все происходило следующим порядком:

Как скоро его преосвященство, святейшего правительствующего Синода член, их императорских высочеств в законе учитель, архиепископ Московский и Калужский и Свято-троицкия Сергиевы лавры священно-архимандрит Платон получил известие, что ее императорское величество скоро имеет приблизиться к предместию лавры, – то по начатии в церкви о здравии ее императорского величества и их императорских высочеств молебна, со всем духовенством учинил ход с хоругви, со кресты и со святыми иконы, до церкви Успения Пресвятыя Богородицы, что в селе Клементьеве; где оный преосвященный, встретив высочайших гостей, поздравил ее императорское величество и их императорские высочества пристойною речию. Потом ее императорское величество и их императорские высочества, предшествуемы духовенством, при колокольном звоне и пушечной пальбе, продолжали путь свой до самой лавры; а при вступлении в оную, здешней семинарии воспитанники поставленные в ряд по два человека, воспели радость свою и величайшее благополучие пристойною для того сочиненною кантою (песнию) и продолжали пение свое до того, как уже ее императорское величество и их императорские высочества вступили в церковь святыя Живоначальныя Троицы, где, приложившись ко святым иконам и опочивающему там Преподобному Сергию, изволили пойти в архиерейский здешний дом, в котором ее императорское величество стать соблаговолила. Семинаристы при сем шествии пели другую подобную канту. Их императорские высочества, проводив ее императорское величество, изволили пойти в Царские чертоги, назначенные для их пребывания. Преосвященный Платон с первенствующею тоя лавры братиею в комнатах приносил ее императорскому величеству и их императорским высочествам всеподданнейшее поздравление с благополучным прибытием, и оги всей обители поднесли хлеб и соль, причем оное духовенство жаловано к руке. Ввечеру вся лавра была иллюминирована и горел щит в разных огнях с вензелями ее императорского величества и их императорских высочеств.

Вид церкви над пещерами Гефсиманского скита

На другой день, т. е. 30 числа ее императорское величество и их императорские высочества в 7 часу по полудни изволили вступить в церковь Живоначальные Троицы, для слушания всенощного бдения, которое и окончилось в 9 часу. В самый же день праздника Святой Троицы т. е. 31 дня, ее императорское величество и их императорские высочества со всеми обою пола знатными особами и чужестранными министрами изволили в 11 часу пополуночи пойти в показанную церковь, для слушания литургии, которую отправлял его преосвященство архиепископ Платон, с четырьмя архимандритами ставропигиального Заиконоспасского монастыря академии ректором Амвросием, Высокопетровского Феофилактом, Богоявленского Аввакумом и Сретенского Никоном, и с прочим знатнейшим духовенством, по совершении которого, говорил он же и проповедь. Ее императорское величество и их императорские высочества, по выходе из церкви, всемилостивейше соблаговолили посетить преосвященного в его комнатах, где оный преосвященный с первенствующею братиею имел честь ее императорскому величеству и их императорским высочеством поднести от обители во благословение святые иконы. Обеденное кушанье было в комнатах ее величества, к которому в тот день, так как и во все прочие дни, имел честь приглашен быть

его преосвященство. При питии за высочайшее здравие ее императорского величества и их императорских высочеств, с близь лежащего болверка происходила пальба из пушек, и колокольный звон. В тот же день ввечеру ее императорское величество с их императорскими высочествами изволили быть в лаврском загородном доме, называемом Корбуха, где при выходе ее императорского величества и их императорских высочеств из карет, пела и играла вокальная и инструментальная музыка. В том же месте ректор здешнего училища иеромонах Аполлос с учителями всеподданнейше просили ее императорское величество и их высочества о посещении семинарии, что ее величество и их высочества на следующий же день исполнить всемилостивейше обещались, и соизволили всех жаловать в руке. На третий день, т. е. 1 июня, в понедельник, по выслушании литургии в той же церкви, которую на греческом языке отправлял Богоявленского монастыря архимандрит Аввакум, и по окончании обеденного кушанья, ее императорское величество и их императорские высочества, осмотрев вещи, хранящиеся в здешней ризной палате, всемилостивейше соблаговолили в 5 часу пополудни удостоить высочайшего посещения и наше училище. При вступлении высочайших гостей в аудиторию, воспитанники здешней семинарии пели нарочно к тому сочиненную кантату и представлены были, как в духовном месте о богословских истинах диспуты, которые защищал помянутой семинарии ректор, сказав наперед речь, о должности в воспитании детей, и приносимы были как от воспитанников, так и от воспитывающих всенижайшие поздравления, на разных, как-то на российском, латинском, французском, немецком, греческом и еврейских языках, сочиненные в прозе и стихах, что все ее императорское величество и их императорские высочества с явными знаками отменного удовольствия выслушат, и с вящим к училищу благоволением принять благоволили. По оказании той великой учащимся милости, изволили осматривать церкви и все здешнее строение.

В тот же самый день в 9 часу пополудни ее императорское величество и их императорские высочества изволили слушать всенощное бдение, отправленное в память Преподобного отца Сергия, основателя обители, и телом здесь опочивающего, в честь которого последующий день для торжества назначен. По выходе из церкви, ее императорское величество всемилостивейше смотреть изволила разные в знак горящего в сердцах усердия и пламенеющей любви представленные огни, как то фейерверк и щит с вензелями ее императорского величества и их императорских высочеств.

Старая колокольня при пещерах Гефсиманского скита близ лавры. Не сохранилась

В последующий день, определенный для торжествования памяти преподобного Сергия, т. е. 2 июня во вторник, ее императорское величество и их императорские высочества изволили слушать в той же церкви литургию, которую отправлял преосвященный Платон, с показанными архимандритами и здешним духовенством, по окончании которой говорил проповедь семинарии ректор иеромонах Аполлос; и потом за здравие ее императорского величества и их императорских высочеств преосвященным Платоном и всем духовенством пет был молебен празднуемому, и при восклицании многолетия палили из 51 пушки. В 6 часу пополудни, по окончании вечернего пения, вторично изволили прибыть в показанную церковь, для смотрения обряда, отправляемого при пострижении в монахи, при котором слушало четыре человека, и в том числе два обращенные раскольника, одеты были в монашеское платье. Потом вторично изволили ездить на известную Корбуху, откуда в 11 часу возвратились. В 12 же часу в третий раз зажжен был щит.

3 числа июня, в среду в 10 часов, ее императорское величество и их императорские высочества изволили выступить из дворца в церковь Живоначальные Троицы, откуда, при колокольном звоне и пушечной пальбе, в провожании преосвященного и духовенства выйти из монастыря и сесть в карету соблагволили.

По свойственному ее императорского величества к подданным своим милосердию и к нуждам их снисхождению, изволили ее величество всемилостивейше пожаловать на монастырь, семинарию, богадельных и отставных солдат шесть тысяч рублей; а настоятелю той лавры, преосвященному архиепископу Московскому, в знак высочайшего своего благоволения, изволила пожаловать золотые часы, богато бриллиантами убранные.

По отбытии высочайших гостей, пет за дрожайшее здравие ее императорского величества и их императорских высочеств соборный благодарный молебен».

Список замечательных лиц духовного чина, погребенных в Троице-Сергиевой лавре

XIV столетия:

1. *Преп. Сергей*, Чудотворец, † 1391 г.
2. *Пр. Илия*, келарь, ученик его, † 1384 г.
3. *Пр. Михей*, ученик его же, † 1386 г.
4. *Пр. Исаакий*, молчальник, ученик его же, † 1388 г.
5. *Митрофан игумен*, постригший Преподобного Сергея в монашество.

XV столетия:

6. *Михаил*, епископ Смоленский, † 1402 г.
7. *Пр. Никон*, игумен, ученик Пр. Сергея, † 1429 г.
8. *Феодосий Бывальцев*, митрополит Московский и всея России, † 1475 г.
9. *Сергей*, архиепископ Новгородский, † 1495 г.
10. *Матфей*, из учеников преподобного Никона, архимандрит Московскаго Новоспасакаго монастыря.

XVI столетия:

11. *Серапион*, архиепископ Новгородский, хиротонисан 15 января 1506 г. из игуменов Троице-Сергиевских; в мае 1509 г. «поиман, отлучен»; в 1512 г. отпущен к Троице, † 16 марта 1516 г.
12. *Филофей*, 1507 г. Епископ Пермский и Вологодский.
13. *Памва Мошнин*, игумен Троицкий, † 6 мая 1520 г.
14. *Иоасаф Скрипцын*, митрополит Московский и всея России, хиротонисан 6 февраля 1539 г. из игуменов Троицкого Сергиева монастыря; в январе 1542 г. удален в Кириллов Белозерский; после 1547 г. жил у Троицы, † 27 июля 1555 г.
15. *Щеп. Максим Грек*, † 1556 г.
16. *Алексий*, епископ Вологодский, † 1565 г.
17. *Никандр*, архиепископ Ростовский, из игуменов Троицких; † 25 сентября 1567 г.
18. *Иоасаф*, епископ Вологодский, † 1571 г.
19. *Киприан*, архимандрит Троицкий, † 1594 г.

XVII столетия:

20. *Варсонофий Якимов*, соборный старец, † 9 октября 1601 г.
21. *Евстафий Головкин*, келарь, † 8 сентября 1603 г.
22. *Варлаам*, епископ Вологодский, † 1610 г.
23. *Дорофей*, книгохранитель, † 1614 г.
24. *Иринарх*, пономарь, † 1621 г.
25. *Иосиф*, архимандрит Чудовский, † 1627 г.
26. *Дионисий*, архимандрит Троицкий, † 1633 г. – Святый.
27. *Моисей*, архиепископ Рязанский, † 1651 г.
28. *Нектарий*, архимандрит Троицкий, † 1652 г.
29. *Александр Булатников*, келарь, † 1655 г.
30. *Адриан*, архимандрит Троицкий, † 1656 г.
31. *Симон Азарьин*, келарь, † 1665 г.
32. *Арсений Суханов*, келарь, † 1668 г.
33. *Феодосий*, архимандрит Троицкий, † 1674 г.

XVIII столетия:

34. *Евфимий*, архимандрит Троицкий, † 1700 г.
35. *Иоасаф*, архимандрит Троицкий, † 1710 г.

36. *Арсений Воронов*, архимандрит Троицкий, † 1740 г.
37. *Кирилл Флоринский*, архимандрит Троицкий, † 1744 г.
38. *Товия Александрович*, соборный иеромонах, духовник лавры, из игуменов Хотмышского монастыря Белоградской епархии, † 25 марта 1748 г.
39. *Фома Гирчич*, соборный иеромонах, префект Троицкой семинарии, † 1757 г.
40. *Владимир Каллиграф*, архимандрит, † 9 августа 1760 г.
41. *Лаверентий Хоцятовский*, архимандрит Троицкий, † 20 января 1766 г.
42. *Парфений Постников*, соборный иеромонах, ректор Троицкой семинарии, † 7 августа 1766 г.

XIX столетия:

43. *Августин*, архиепископ Московский и архимандрит лавры, † 1819 г.
44. *Афанасий*, архимандрит Вифанского монастыря, Наместник лавры, † 1831 г.
45. *Феофил*, бывший архимандрит Знаменский, † 1843 г.
46. *Паисий*, архимандрит, строитель больничный, † 1850 г.
47. *Сергий*, архимандрит Высоцкий, † 1861 г.
48. *Петр Спиридонович Делицын*, протоиерей, профессор Московской Духовной академии, † 30 ноября 1863 г.
49. *Филарет Дроздов*, Митрополит Московский и архимандрит лавры, † 19 ноября 1867 г.
50. *Александр Васильевич Горский*, протоиерей, ректор Московской Духовной академии, доктор богословия, † 11 октября 1875 г.
51. *Антоний*, архимандрит Вифании, Наместник лавры, † 1877 г. 12 мая.
52. *Иннокентий Вениаминов*, митрополит Московский и архимандрит лавры, † 31 марта 1879 года.
53. *Макарий Булгаков*, митрополит Московский и архимандрит лавры, † 9 июня 1882 г.
54. *Сергий Константинович Смирнов*, протоиерей, ректор Московской Духовной академии, † 1888 г. февраля 16.

Свято-Троице-Сергиева лавра в наше время

Прославленная обитель Живоначальной Троицы основана Преподобным Сергием Радонежским в 1337 г. На протяжении столетий Троице-Сергиева лавра является одной из самых почитаемых общерусских святынь, крупнейшим центром духовного просвещения и культуры. В ее стенах подвизался сонм подвижников Русской Православной Церкви и в их числе преподобные Никон Радонежский, Максим Грек, духовные писатели – преподобный Епифаний Премудрый и Пахомий Логофет. Священноархимандритами лавры были святители Московские Филарет (Дроздов; † 1867) и Иннокентий (Вениаминов; † 1879), а также священномученик митрополит Владимир (Богоявленский; † 1918). В лавре веками собиралась уникальная библиотека рукописных и старопечатных книг. Постриженниками лавры основаны и духовно обустроены сотни русских монастырей. За свою долгую историю Троицкий монастырь неоднократно подвергался нападениям неприятелей. В 1608–1610 гг. обитель выдержала осаду тридцатитысячного войска польско-литовских интервентов (осажденных в самом монастыре насчитывалось около трех тысяч). Беспримерная по мужеству оборона Троицкого монастыря ознаменовалась чудесными явлениями Преподобного Сергия Радонежского и других угодников Божиих, укреплявших дух героических защитников православной твердыни.

Беседа Преподобного Сергия со святителем Афанасием

В 1744 г. монастырь получил почетное наименование лавры. Славный период в истории лавры связан с именем митрополита Московского Платона (Левшина; †1812). В XVIII–XIX вв. в окрестностях лавры возникли Вифанский монастырь, Боголюбский, Черниговско-Гефсиманский скиты и скит Параклита. Эти небольшие обители, духовно и административно связанные с лаврой, явили миру замечательных старцев-подвижников. В 1920 году Троице-Сергиева лавра была закрыта. В ее зданиях с 1920 г. разместился историко-художественный музей, другие учреждения. Часть строений заняли под жилье. Возрождение обители началось в первый послевоенный год. В Великую Субботу 1946 г. ожившие лаврские колокола возвестили о первом после закрытия лавры богослужении в Успенском соборе. Возобновленный монастырь и ныне занимает выдающееся место в жизни Русской Церкви. В его стенах в 1971, 1988, 1990 гг. проходили Поместные Соборы. Тысячи паломников стекаются в Троице-Сергиеву лавру со всех концов России, из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Древнейшая постройка на территории лавры – Троицкий собор (1422–1425), в котором почивают святые мощи игумена земли Русской Преподобного Сергия Радонежского. В иконостасе храма – иконы письма преподобного Андрея Рублева. Древностью отличается и

церковь в честь сошествия Святого Духа на апостолов, построенная псковскими мастерами в 1476 г. Величественный Успенский собор возведен в 1559–1585 гг. по повелению царя Иоанна Грозного. Возле собора – усыпальница царя Бориса Годунова и членов его семьи. Шатровая церковь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких при Больничных палатах сооружена в 1635–1637 гг. Великолепием убранства в стиле «московского барокко» отличается церковь Преподобного Сергия с трапезной (1687–1692). К числу памятников церковного зодчества XVIII в. относятся Михеевская (1734) и Смоленская (1746–1753) церкви, а также пятиярусная колокольня (1741–1770).

За алтарем Успенского собора с северной стороны погребен Иван Сергеевич Аксаков (†1886). На кладбище Черниговского скита погребены К. Н. Леонтьев (†1891), В. В. Розанов (†1919) и другие известные деятели русской культуры.

С 1814 года на территории Троице-Сергиевой лавры располагается Московская Духовная академия – старейшее высшее учебное заведение России, основанное в 1685 г. в Москве. Переведенная после пожара 1812 г. в лавру, академия разместилась в бывших Царских чертогах (XVII в.). Закрытая в 1919 г. академия возродилась в 1946 г. Московские Духовные академия и семинария готовят священнослужителей церкви, преподавателей духовных учебных заведений, церковных работников. При семинарии действует Регентская и Иконописная школы. Заочно при академии и семинарии получают образование клирики Русской Православной Церкви из разных епархий.

Сайт Троице-Сергиевой лавры: <http://www.stsl.ru>

Адрес лавры, как добраться, режим работы

Режим работы лавры:

Лавра открыта для посетителей с 5.00 до 21.00.

В великие праздники и дни памяти Преподобного Сергия (5/18 июля, 25 сентября/8 октября) – круглосуточно.

Храмы лавры открыты во время богослужений и заказных экскурсий.

Экскурсии по лавре:

Экскурсии по Троице-Сергиевой лавре организуются ежедневно с 9.00 до 17.00.

Экскурсии по музею-ризнице проводятся ежедневно, кроме понедельника и вторника, в 12.15, 12.30, 15.30 и 15.45 (обязателен предварительный заказ по тел. (496) 540-57-21).

Адрес лавры:

Россия, 141300, Московская обл., г. Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева лавра.

Телефоны:

Монастырская проходная: (496) 540-53-34 (круглосуточно справки по общим вопросам).

Канцелярия: (496) 540-59-42, тел./факс (496) 547-70-35 (8.00 до 17.00 часов по Московскому времени).

Заказ экскурсий: (496) 540-57-21, (495) 721-26-77, эл. почта.

Московские Духовные академия и семинария, канцелярия: (496) 540-53-45, факс (496) 540-31-60.

Московские Духовные академия и семинария, приемная ректора:

(496) 540-53-46, московский факс (495) 742-44-04.

Проезд от Ярославского вокзала г. Москвы на пригородном электропоезде до г. Сергиева Посада, или автобусным маршрутом пригородного сообщения от Щелковского автовокзала (ст. метро «Щелковская») или от ст. метро «ВДНХ». Телефон справочной ж/д вокзала в Сергиевом Посаде – (496) 540-58-78, автостанции – (496) 540-62-90.

Контакты и реквизиты

Наместник лавры – епископ Сергиева Посада Феогност (Гузиков).

Благочинный – архимандрит Павел (Кривоногов).

Казначей – игумен Порфирий (Шутов).

Банковские реквизиты (для пожертвований):

Сбербанк РФ

Получатель: Свято-Троицкая Сергиева Лавра

ИНН 5042016770, КПП 504201001

ОКПО 33072291 ОКОНХ 98700

р/с 40703810440380101340

в Сергиево-Посадском ОСБ 2578 Сбербанка РФ г. Москва

к/с 3010181040000000225 БИК 044525225

Назначение платежа: Добровольное пожертвование на уставную деятельность. Без НДС.

Пожертвование на требы (с именами поминаемых).

Вкладка

М. Нестеров. Видение отроку Варфоломею

М. Нестеров. Юность Преподобного Сергия

М. Нестеров. Преподобный Сергей Радонежский

Сергий Радонежский с житием

Покров на раку Сергия Радонежского

Сергий Радонежский. Первая треть XVIII в.

Благодарный Великий Князь Димитрий Иоаннович шлет дары монастырю и игумену святому Сергию. Летописный свод XVI в.

Сергий Радонежский с житием. Ок. 1680 г.

Битва на Куликовом поле. Фрагмент иконы «Сергий Радонежский с житием». Ок. 1680 г.

Явление Богородицы Сергию Радонежскому. Середина XVII в.

Святой Сергей Радонежский. Вторая половина XIX в.

Явление Сергия Радонежского Василию Грязнову. Конец XIX – начало XX в.

Св. Сергей Радонежский из деисусного чина XVII в.

Вид Троице-Сергиевой лавры. Литография 1910 г.

Св. Сергей Радонежский из деисусного чина XVIII в.

Напрестольное Евангелие. Конец XIV в.

Митра первого патриарха Иова

Звезда, тарелочка золотая и костяная ложка митрополита Петра

Георгий Зиновьев. Митрополит Алексий у Московского Кремля. Ок. 1690-х гг.

Святитель Алексей, митрополит Московский. Литография 1867 г.

Митрополит Алексий. 1580 г.

Преподобный Кирилл Белозерский. Пелена 1548 г.

Дионисий. Кирилл Белозерский. Начало XVI в.

Преподобный Стефан Махрицкий. Литография 1892 г.

Святой Стефан Пермский с житием. Конец XVI в.

Святой Стефан Пермский. XIX в.

Святитель Стефан Пермский с деисусом и святыми на полях. 1717 г.

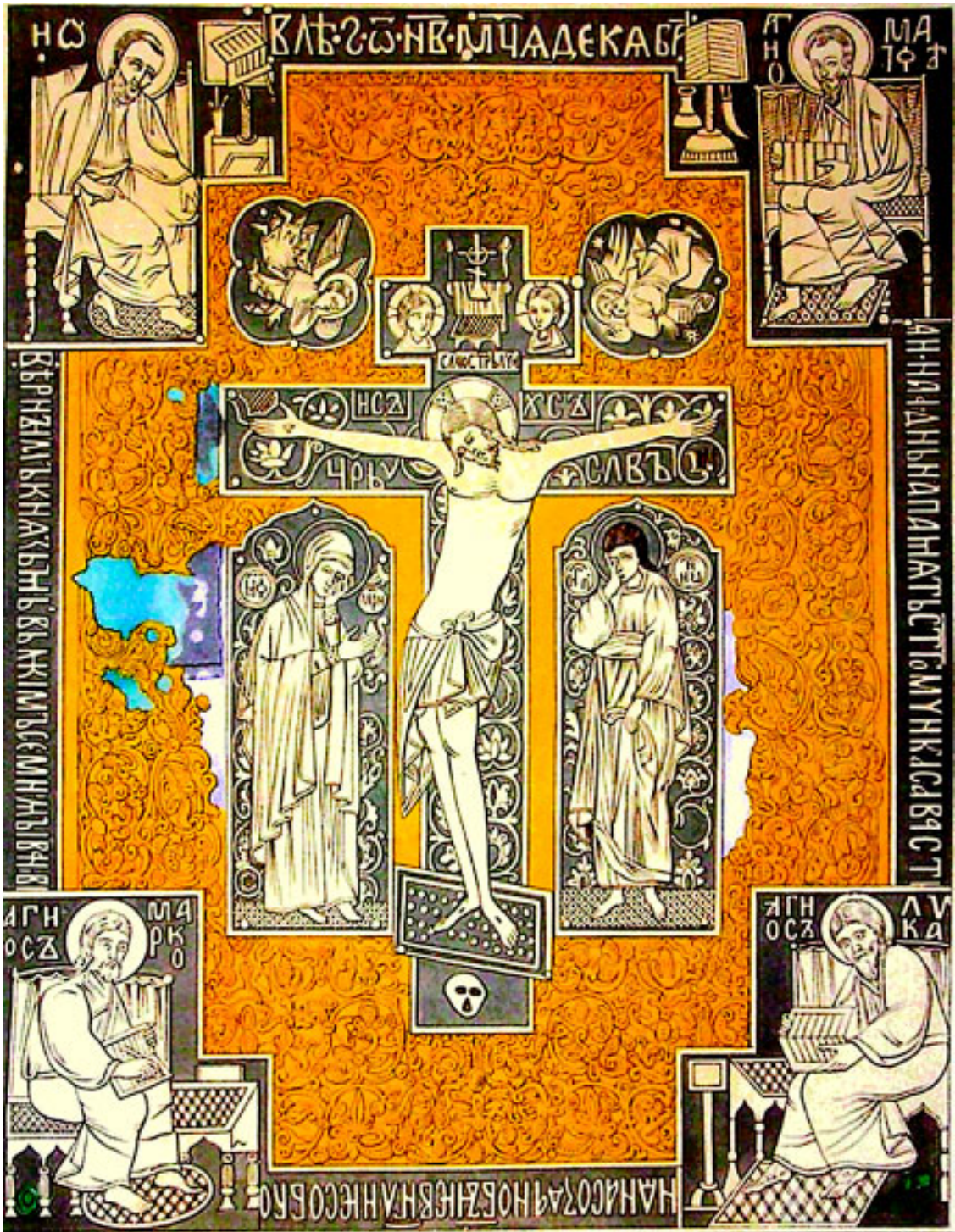
Алавастр

Серебряная дарохранительница

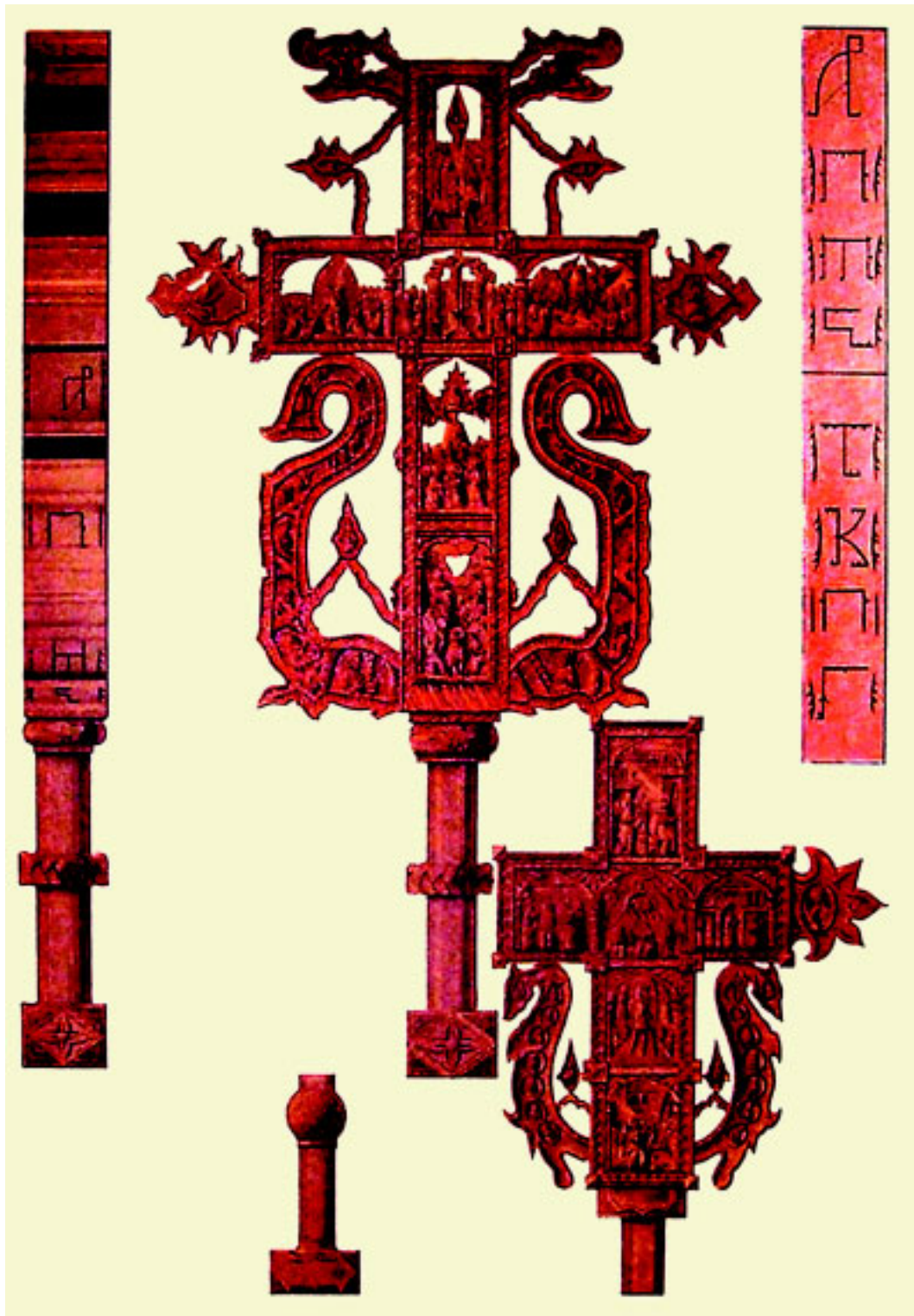
Патриаршая митра

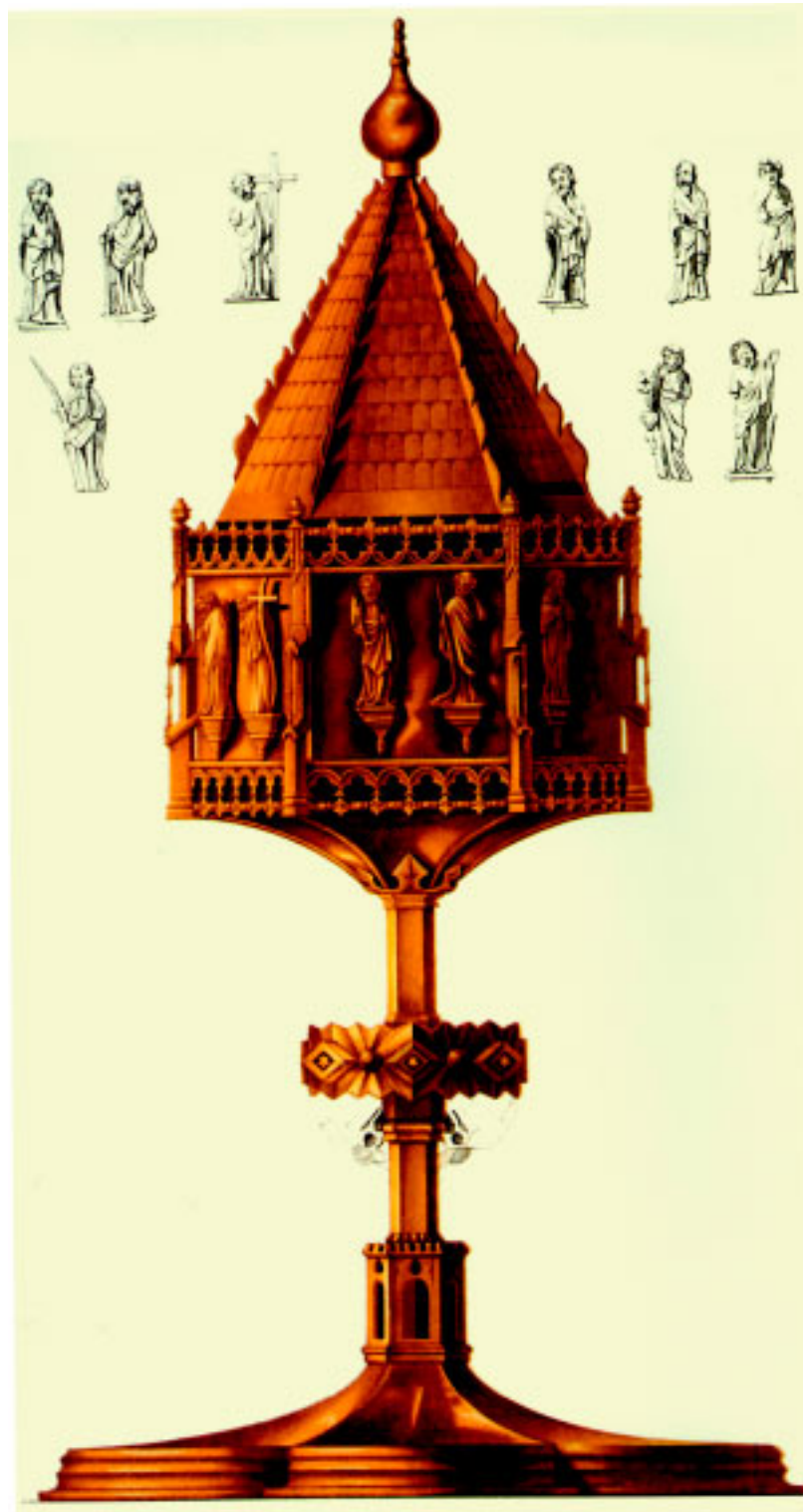
Оклад рукописного Евангелия великого князя Симеона Гордого

Оклад рукописного Евангелия. XII в.

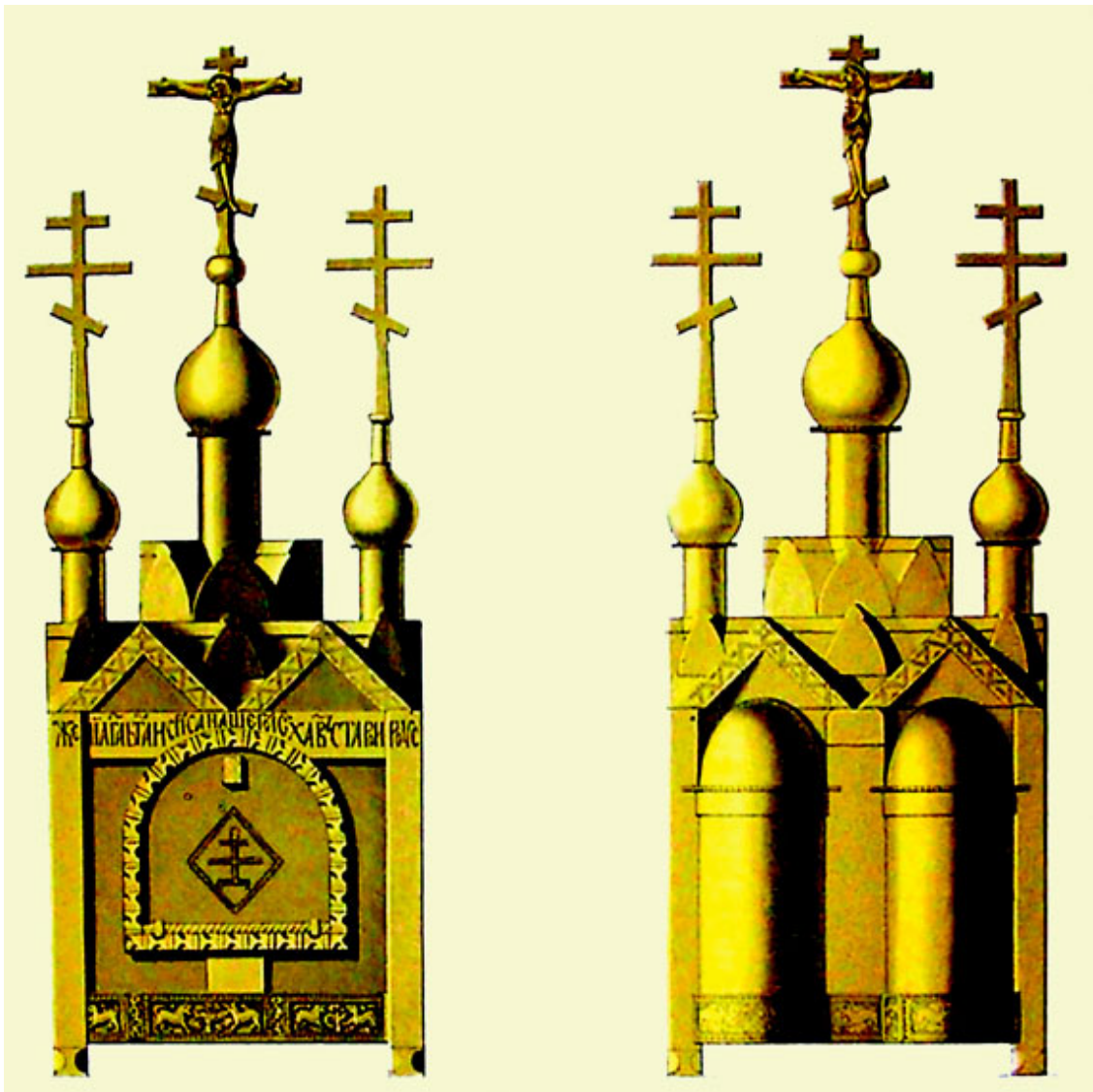
Старинные деревянные кресты

Серебряная ладанница

Старинное медное паникадило

Старинная ладанница

Панагия артосная

Андрей Рублев. Троица

Преподобный Андрей Рублев. Икона XX в.

